1790.

рег. кн

рег. кн 80 125

Ирб

ИЗТША фр. 96
Сфомнорь 98

7790
6385.

О ЗОЛОТОЙ И СЕРЕБРЯНОЙ

МОНЕТѢ.

Финансовъ, книги 1.

Соч. П. Сухонина.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА В. Е. ГЕНКЕЛЯ.

Санктпетербургъ.

Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской церкви, д. Фредерикса № 15.

1866.

39
Н. К. Ф.

рег. ин. 3860

К

80125

Отсутствіе чего либо, всегда заставляетъ человѣка думать о томъ чего ему недостаетъ. Это нравственный законъ человѣческой мысли, которая, можно сказать, питается противорѣчіями. Изысканія, поддерживаемыя желаніемъ, имѣютъ двойную силу: они выражаютъ дѣятельность, исходящую изъ естественныхъ стремленій разума, и опредѣляютъ цѣль, которую желаніе представляетъ. Можетъ быть, именно въ слѣдствіе такого закона, является передъ читателями настоящее изслѣдованіе — *«о золотой и серебряной монетѣ»*, какъ начало труда, ближайщимъ продолженіемъ котораго будетъ изслѣдованіе — *«объ ассигнаціяхъ и денежныхъ бумагахъ»*. — Авторъ долженъ былъ столько думать о тяжеломъ положеніи собственныхъ дѣлъ, что естественно пришелъ къ изученію общихъ законовъ, которымъ всѣ частные случаи подчиняются. Потому, — пола-

гая, что настоящее изслѣдованіе раціональнаго значенія монетъ, — какъ тутъ во время нашему современному обществу, которое начинаетъ чувствовать недостатокъ монеты въ такой мѣрѣ, что готово относить её къ нумизматическимъ рѣдкостямъ, — будемъ счастливы, если оно обратитъ на себя чье нибудь вниманіе и поможетъ изучить то, чего у насъ нѣтъ.

Петръ Сухонинъ.

I.

Общее значеніе монеты.

Смѣшная до глупости и глупая до смѣха вещь, сказать о чемъ бы то ни было, что цѣлый міръ незнаетъ что дѣлаетъ, и что только онъ одинъ, *великій мыслитель* міра, можетъ разрѣшить сомнѣнія, которыхъ не разрѣшила исторія тысячилѣтій... Какъ не признавать нелѣпостію подобное самолюбіе? Какъ ненаходить совершенно справедливымъ, если оно будетъ наказано всеобщими свистками и насмѣшкою?.. Несмотря однакожъ на такое сознаніе, когда вы начинаете разсматривать монетныя системы цѣлаго міра, когда начинаете сравнивать ихъ между собою въ историческомъ развитіи всѣхъ временъ и народовъ, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить логическую идею, на которой должно опираться ихъ практическое значеніе, то васъ въ такой мѣрѣ поразитъ эта нескончаемость родовъ, видовъ, дѣленій, подраздѣленій, переводовъ, вычетовъ, лажей, — и всё это по расчету золота, серебра, мѣди, разныхъ бумагъ, и въ такой мѣрѣ бросится въ глаза прямая несообразность и явное противорѣчіе денежнаго обращенія въ практической

жизни разумной идеѣ о единствѣ и правильности, — что вы невольно спросите себя: да неужели всё это должно быть? Неужели нѣтъ способовъ достигнуть того же денежнаго обращенія средствами болѣе общими, болѣе раціональными? Неужели нельзя проще и естественнѣе опредѣлить то, что само по себѣ требуетъ простоты и естественности?

Въ самомъ дѣлѣ, что такое монетныя системы, и что онѣ должны въ себѣ заключать? Не есть ли онѣ только искусственный способъ выраженія, — и еще нужны ли онѣ, въ ряду явленій дальнѣйшаго развитія жизни человѣческихъ обществъ? А если нужны, то могутъ ли онѣ, въ своемъ современномъ видѣ, — въ томъ видѣ, въ какомъ оставила намъ ихъ исторія, — соотвѣтствовать цивилизованнымъ требованіямъ и сознательному ихъ опредѣленію?.. Вотъ вопросы, которые возбуждаются невольно, при разсмотрѣніи существующихъ монетныхъ системъ. Чтобы отвѣчать на нихъ, особенно въ виду тѣхъ противорѣчій, которыя мы перечислили, намъ предстоитъ единственный способъ — обратиться къ логическимъ опредѣленіямъ; т. е. обратиться къ здравому смыслу, къ разумному пониманію, которое, — разумѣется если оно дѣйствительно *разумное пониманіе*, — всегда дастъ хотя теоретическій, но правильный выводъ, дастъ указаніе, а отъ каждаго уже будетъ зависѣть этотъ выводъ и это указаніе примѣнять къ практикѣ, на сколько это можетъ быть доступно его вліянію, или покрайней мѣрѣ

объяснять ими тѣ явленія, которыя въ практической жизни происходятъ.

Для такого то разумнаго вывода, который бы, опредѣляя логическое значеніе монеты, указалъ и характеръ ея уклоненій въ практической жизни, — мы прежде всего спросимъ себя: *что такое монета?*

Въ отвлеченномъ, теоретическомъ пониманіи монеты, какъ представляется намъ она при абсолютномъ обсужденіи ея значенія, мы должны опредѣлить, что монета есть *данная и строго опредѣленная величина, представляющая извѣстную стоимость, для выраженія въ ней цѣны всевозможныхъ предметовъ.*

Но такое опредѣленіе, какъ мы сказали, чисто теоретическое, отвлеченное. Оно видимо не обнимаетъ собою сущности понятія о монетѣ въ ея современномъ значеніи, и едва косвенно указываетъ на то, что современное общество привыкло, исключительно, подъ словомъ *монета* понимать. Мы этимъ хотимъ сказать, что если это теоретическое опредѣленіе и характеризуетъ отвлеченное понятіе о монетѣ въ ея абстрактномъ представленіи, то вовсе не опредѣляетъ ея практическаго обращенія, которое въ современномъ устройствѣ человѣческихъ обществъ, создаетъ изъ монеты какъ бы двигателя дѣятельности, какъ бы особый рычагъ взаимныхъ сношеній и стремленія къ пріобрѣтенію; — не даетъ понятія о той силѣ, которую монеты въ обращеніи своемъ получили, и которая обозначилась человѣчествомъ харак-

тернымъ словомъ *деньги* *). Всякій понимаетъ, что подъ словомъ строго опредѣленной величины стоимости, можно подразумѣвать безразлично значеніе каждаго предмета, неизмѣняющагося въ своемъ внутреннемъ существѣ, и потому могущаго опредѣлительно выражать собою другіе предметы; но никакъ не денежную силу, составляющую выраженіе коммерческаго движенія... Кромѣ того, приведенное нами опредѣленіе заключаетъ видимую неясность, такъ какъ понятіе о выраженіи цѣны имѣетъ отвлеченный смыслъ; оно не содержитъ также должной полноты и опредѣлительности, для яснаго и точнаго представленія той идеи, которую мы хотѣли означить. Потому, чтобы представить наше опредѣленіе осязательнѣе, мы должны предложить новый вопросъ: *что такое цѣна предмета?*

Вопросъ этотъ, въ общемъ смыслѣ, разрѣшается слѣдующимъ, соотвѣтственнымъ разумному его пониманію, опредѣленіемъ: цѣна предмета есть *выраженіе отношенія его стоимости къ стоимостямъ всѣхъ другихъ предметовъ.*

Вотъ логическое начало, исходъ, опорная точка значенія монеты, которое должно опираться на значеніе цѣны. Это опредѣленіе должно представлять основаніе нашего анализа, такъ какъ монета, по самому своему существу, опредѣляясь значеніемъ

*) Вѣроятно, по русски, — отъ татарскаго слова *деньга* или *теньга,* подъ которымъ татары разумѣли также общее понятіе о монетѣ.

выразителя выраженія, составляетъ какъ бы *указаніе* тому значенію, которое каждая стоимость имѣетъ въ ряду другихъ стоимостей.

Но здѣсь слѣдовало бы перейти опять къ опредѣленію, предложить новый вопросъ: что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ *стоимость?*

Этотъ вопросъ далъ бы намъ прекрасный случай говорить о разныхъ видахъ стоимости и ихъ существенномъ отличіи, и во первыхъ указать на стоимость естественную, по сущности предмета или соединенію его свойствъ, — стоимость, которую можно назвать *матеріальною* или *капитальною* стоимостію; во вторыхъ пояснить значеніе стоимости труда, работы, — стоимости *движенія*, если можно такъ выразиться; — прекрасный случай говорить о *капитализаціи* труда и стоимости *относительной*, которая самое значеніе матеріальной стоимости себѣ подчиняетъ; наконецъ заключить разсужденіемъ о стоимости *мысли* и *изобрѣтенія*... И всѣ эти различные виды стоимостей подвести подъ общій законъ, выразить одной формулой.... Однимъ словомъ, здѣсь намъ предстоялъ бы прекрасный случай перейти къ тѣмъ блестящимъ страницамъ новѣйшихъ политико-экономовъ о капиталѣ и трудѣ, — двухъ великихъ двигателяхъ жизни, — которыми они, т. е. *политико-экономы*, а не капиталъ и трудъ, стяжали себѣ столь громкія рукоплесканія.... Но увы, такого рода отступленіе завело бы насъ слишкомъ далеко отъ предположенной цѣли, — опредѣлить ло-

гическое. значеніе монеты, какъ въ отвлеченномъ понятіи о ней, такъ и въ практическомъ обращеніи, и указать способъ достигнуть выраженію въ ней стоимостей, той математической правильности и простоты, которую сущность понятія объ этомъ выраженіи себѣ требуетъ.

Наконецъ такое отступленіе противорѣчило бы той послѣдовательности изложенія, которую мы себѣ предположили, развивая передъ читателями логическую нить разсужденій о предметахъ болѣе или менѣе отвлеченныхъ. Мы бы желали, чтобы предметы простые, ясные, выступали впередъ, и сами собой выясняли предметы болѣе сложные и не столь доступные, къ числу которыхъ должно быть отнесено и отвлеченное сознаніе стоимости. Для насъ правило это представляется тѣмъ обязательнѣе, что систематическое изученіе финансовыхъ предметовъ, въ расположеніи своемъ, составляетъ, можно сказать, математическую цѣпь, въ которой одно звѣно исходитъ изъ другаго; а отъ правильнаго построенія этой цѣпи въ практической жизни зависитъ непосредственно устройство матеріальнаго благосостоянія, всеобщее довольство и его развитіе.... Потому, не вдаваясь въ діалектическія тонкости, мы принимаемъ *a priori*, что значеніе стоимости, во всѣхъ ея видахъ, для читателей вполнѣ понятно, и что всякій изъ нихъ отчетливо сознаетъ ту разность, которую имѣетъ каждый предметъ въ своей стоимости, не только по самой сущности своей, но и относительно сущности

другихъ предметовъ. Впрочемъ, мы не отказываемся, въ дальнѣйшемъ изложеніи нашемъ, возвратиться къ этому предмету, тѣмъ болѣе, что впереди нашего труда много еще случаевъ, которые требуютъ правильнаго пониманія значенія стоимости, слѣдовательно и правильнаго его объясненія. Въ настоящее же время, мы переходимъ непосредственно къ разсмотрѣнію понятія о цѣнѣ, въ смыслѣ приведеннаго выше опредѣленія, что цѣна предмета есть выраженіе *отношенія* его стоимости къ стоимостямъ всѣхъ другихъ.

Мы говорили, что это опредѣленіе и есть начало, логическій исходъ анализа значенія монеты; потому и въ нашемъ разсужденіи о монетѣ и системахъ выраженія въ ней стоимостей, оно должно составлять исходный пунктъ, на которомъ развитіе понятій о значеніи монеты, какъ указателѣ цѣны, должно основываться.

Отношеніе стоимостей, сказали мы, стало быть *сравненіе*, потому что, отношеніе не можетъ быть получено другимъ путемъ кромѣ сравненія. И точно, если мы отвлеченное сознаніе цѣны предмета перенесемъ на практическую почву, т. е. отнесемъ къ сущности ея практическаго пониманія, то выразимъ эту цѣну не иначе какъ сравненіемъ. Мы скажемъ, что вотъ такой то предметъ стоитъ вдвое дороже противъ того, или втрое дешевле противу этого, а тѣмъ самымъ означимъ, что данный предметъ мы сравнивали съ другими предметами и пріискали ему

между ними мѣсто, соотвѣтственное значенію его стоимости.

Отсюда, согласно нашему опредѣленію, слѣдуетъ заключить, что для указанія цѣны какого нибудь предмета, должно сравнить его стоимость съ стоимостями всѣхъ другихъ предметовъ. Отношеніе, которое выразитъ сравненіе его стоимости съ стоимостію другаго предмета, опредѣлитъ стоимость даннаго предмета въ этомъ другомъ предметѣ; рядъ указаній, означающихъ сравненіе даннаго предмета со всѣми прочими предметами, будетъ составлять дѣйствительное выраженіе его цѣны.

Положимъ напр. что быкъ стоитъ десять барановъ, — стало быть десять барановъ есть стоимость быка, выраженная въ баранахъ; положимъ, что баранъ стоитъ двѣ бѣличьихъ шкурки, — ясно, двѣ шкурки есть стоимость барана, выраженная въ бѣличьихъ шкуркахъ. Рядъ указаній, опредѣляющихъ стоимость быка всѣми предметами, — слѣдовательно опредѣляющихъ его относительное значеніе ко всѣмъ другимъ, есть *цѣна* быка, въ томъ самомъ ея теоретическомъ, абстрактномъ пониманіи, въ какомъ мы ее опредѣлили, какъ выраженіе отношенія стоимости предмета ко всѣмъ другимъ стоимостямъ.

Но, принимая наше замѣчаніе, что для опредѣленія отношенія нужно сравненіе, намъ возразятъ, что сравнивать можно только предметы однородные, разнородные же предметы только по ихъ общимъ свойствамъ. Въ приведенномъ примѣрѣ ни баранъ, ни

быкъ, ни бѣличья шкурка не заключаютъ въ себѣ такихъ общихъ свойствъ, которые бы обусловливали возможность сравненія; да едва ли и возможно, въ разнообразіи предметовъ мірозданія, отыскать такое общее свойство, которое бы могло составить основаніе для всеобщаго сравненія.

Замѣчаніе это было бы совершенно вѣрно фактически, если бы, въ предполагаемомъ нами сравненіи, сколько нибудь принималась во вниманіе характерность предметовъ и отличительность тѣхъ или другихъ свойствъ ихъ. Напротивъ! Здѣсь всѣ предметы, съ полнымъ отрицаніемъ ихъ характерности, принимаются только въ отвлеченномъ понятіи о ихъ стоимости; такъ что стоимость становится однимъ, общимъ для всѣхъ предметовъ свойствомъ, и мы, не смотря на все разнообразіе и разнородность предметовъ, — въ отвлеченномъ представленіи стоимостей каждаго, можемъ признать ихъ за совершенно однородныя величины, допускающія полную возможность сравненія одного съ другимъ и выраженія одного въ другомъ. Для насъ потому совершенно понятно напр. выраженіе, когда мы говоримъ, что быкъ стоитъ десять барановъ, — разумѣя въ этомъ выраженіи, что стоимость быка равняется десяти стоимостямъ барана, или что стоимость барана составляетъ одну десятую часть стоимости быка.

Такимъ образомъ, если бы возможно было, какъ мы сказали, опредѣлить значеніе стоимости каждаго предмета прямымъ выраженіемъ его въ другихъ, по

непосредственному сравненію его стоимости съ стоимостію каждаго другаго, то есть, если бы возможно было для каждаго предмета составить рядъ указаній, которыя бы означали, сколько его стоимость заключаетъ въ себѣ всѣхъ другихъ стоимостей, отдѣльно каждой, безчисленнаго множества предметовъ, то мы бы опредѣлили цѣну каждаго предмета внѣ выраженія этой цѣны въ какой бы то ни было монетѣ. Мы бы говорили, что быкъ стоитъ — или 10 барановъ, или 100 курицъ, или 20 шкурокъ бѣличьяго мѣха, или 4 аршина матеріи, которой каждый аршинъ, въ свою очередь, стоитъ 5 шкурокъ бѣличьяго мѣха, или $2^1/_2$ барана, или 25 курицъ, составляющихъ, въ своей стоимости, каждая, одну сотую часть стоимости быка и т. д., — опредѣляя этими указаніями дѣйствительное значеніе стоимости каждаго предмета въ ряду другихъ предметовъ, по непосредственному, взаимному отношенію ихъ стоимостей, или по *относительности* ихъ значенія — одного въ разсужденіи другихъ. Ряды цифръ, указывающихъ значеніе всѣхъ предметовъ мірозданія, по ихъ стоимости одного въ другомъ, опредѣлили-бы намъ общую цѣну всѣхъ, — въ одной, безконечной въ обѣ стороны, таблицѣ, которая бы въ себѣ эти ряды заключала. Эта таблица, представляя указаніе непосредственнаго отношенія предметовъ между собою, понятно, выразила бы и значеніе той относительности цѣны, которая составляетъ сущность ея логическаго опредѣленія. Всѣ явленія этой относительности опре-

дѣлились бы непосредственными указаніями, такъ что, если бы возможно было въ дѣйствительности составленіе такого рода таблицы, то мы получили бы полное обозначеніе цѣны всѣхъ предметовъ, — по ея теоретическому пониманію, — внѣ всякихъ знаковъ, всякаго значенія монетныхъ системъ, которыми въ настоящее время цѣна опредѣляется; т. е. внѣ денегъ, которыя такъ необходимы современному человѣчеству. Мы бы имѣли таблицу, которая указывала бы намъ значеніе каждаго предмета, сравнительно съ другими предметами; слѣдовательно мы всегда могли бы опредѣлить дѣйствительное положеніе его стоимости въ ряду другихъ стоимостей, по относительности взаимнаго значенія каждой. Но какъ составленіе такой таблицы, по самому безчисленному множеству предметовъ, подлежащихъ сравненію, невозможно, то должно было прибѣгнуть къ изысканію другаго способа, которымъ бы можно было выразить тѣ же данныя, которыя воображаемая нами таблица должна была въ себѣ заключать.

На первомъ планѣ этихъ данныхъ, въ существенномъ пониманіи значенія цѣны, представляется ея *относительность*. Разъясненіе этой относительности, со всѣми признаками ея выраженія, какъ ни скучно оно по самому существу, — представляется полною необходимостію, для отчетливаго сознанія того, что сущность понятія о цѣнѣ въ себѣ заключаетъ. Тотъ, кто не можетъ усвоить значенія относительности, не можетъ напр. понять, почему, при

разныхъ обстоятельствахъ и въ разное время, можетъ быть, что 300 рублей и 30 рублей составляютъ одну и ту же цѣну, хотя величины рубля и въ томъ и другомъ случаѣ были одинаковы, слѣдовательно первая цифра представляетъ сумму въ десять разъ большую второй, — тому напрасно говорить о курсѣ, банковыхъ операціяхъ или арбитражѣ. Для него всѣ финансовыя заключенія недоступны, какъ не могутъ быть доступны математическія истины для того, который не можетъ понять напр., что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками.

Впрочемъ, мы должны признаться откровенно, что не смотря на сознаваемую нами важность представить точное изслѣдованіе выраженія относительности цѣны, мы готовы были опустить его изложеніе; такъ пугаетъ насъ сухость отвлеченнаго и неудобо-объясняемаго анализа абстрактныхъ понятій, не имѣющихъ видимаго приложенія къ практической дѣятельности. Мы чувствуемъ, что читатель, желающій легко усвоивать предметы болѣе или менѣе для него близкіе, будетъ непріятно пораженъ тою сухостію, которую самая абстрактность идеи объ относительности цѣны производитъ. Намъ больно думать, что на первыхъ же страницахъ онъ броситъ нашъ трудъ, требующій усиленнаго вниманія, для разсмотрѣнія предметовъ, которые могутъ ему представиться совершенно безполезными, такъ какъ они, не только не примѣнимы къ практическимъ явленіямъ жизни,

но, — по самой мелочности и темнотѣ, едва ли могутъ удовлетворять его отвлеченную любознательность.

Но вѣдь мы хотѣли свой трудъ посвятить *дѣлу;* хотѣли представить изслѣдованіе раціональныхъ началъ, на которыхъ понятіе о цѣнѣ и ея выраженіе должны основываться, — началъ, не получившихъ еще доселѣ твердыхъ, научныхъ основаній, можетъ быть именно потому, что никто не хотѣлъ углубиться въ ту сухость изысканій, которой требуетъ правильное разсмотрѣніе относительности цѣны. Какимъ же образомъ можемъ мы достигнуть результатовъ изслѣдованія, если не станемъ изслѣдовать? Какимъ образомъ можемъ дойти до твердыхъ, раціональныхъ указаній науки, если не станемъ углубляться въ то, на чемъ ея видимыя явленія опираются? Мы хотѣли поставить свой трудъ на точку, которая не допускаетъ произвольныхъ воззрѣній и эмпирическаго толкованія, — хотѣли положить предѣлъ нескончаемымъ умозрѣніямъ. Какимъ же образомъ мы можемъ достигнуть этого предѣла, когда останемся на верху того же поверхностнаго умозрѣнія, какимъ отличается большая часть современныхъ финансовыхъ беллетристовъ, и которое представляетъ, пожалуй, все, — кромѣ твердой почвы научныхъ истинъ?

Эти соображенія заставили насъ отказаться отъ своего первоначальнаго намѣренія пожертвовать подробностями изложенія — для легкости; заставило насъ рѣшиться на сухость отвлеченнаго изысканія. Мы подумали: нельзя же обходить то, что, само по

себѣ, составляетъ основаніе, корень финансовыхъ соображеній, и потому должно составлять начало ихъ логическаго анализа. Главный недостатокъ всѣхъ умозрительныхъ указаній заключается именно въ томъ, что они основываются на произволѣ частнаго взгляда, внѣ всякаго точнаго, научнаго изысканія. Неужели же мы захотимъ предолжать еще эту безконечную игру фантазіи, и свой трудъ причислимъ къ той же категоріи умозрѣній, которыя безпрерывно являются съ спеціальною, кажется, цѣлію, — тѣшить самолюбивое воображеніе самихъ умозрителей.

Нѣтъ! Время уже положить конецъ этимъ игрушкамъ праздныхъ толкованій, и смотрѣть на науку какъ на науку. Время уничтожить возможность, даже въ частномъ объясненіи, приводить подобнаго рода разсужденія, что напр. у насъ все вздорожало отъ того, что единицу счета перевели на серебро, — или, что возвышенный курсъ лотерейныхъ 5% билетовъ, когда другія 5% бумаги ниже пари, показываетъ упадокъ нравственности въ обществѣ, — или наконецъ объясненія въ родѣ того, что курсъ падаетъ отъ *задолженности* страны, въ которой однакожъ *долгъ* не признается задолженностію. Пора кончить подобную игру въ фразерство, выдаваемую за этюды мысли; а для того, нѣтъ сомнѣнія, должно приступить къ серьезному изученію предмета, со всею сухостію, какую бы такое изученіе не представило.

Разумѣется, что современныя фантазіи и умозрительные этюды и писать и читать легче, чѣмъ добро-

совѣстно изучать дѣло и производить изысканія; но вѣдь за то эти фантазіи и этюды бываютъ иногда столь любопытны, что невольно хочется спросить: да думали ли господа ихъ сочиняющіе хоть сколько нибудь о томъ, что принялись объяснять? Иногда они представляютъ такого рода смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ предметовъ, самыхъ противоположныхъ понятій, что думается: да ужъ не мистификація ли это? Не нарочно ли авторъ хочетъ подтрунить надъ своими читателями, представляя имъ одну несообразность не вѣроятнѣе другой? Но когда увидишь съ какимъ постоянствомъ преслѣдуются потомъ эти несообразныя и ни на чемъ неоснованныя положенія, то по неволѣ повѣришь что нѣтъ, это не мистификація, авторъ или редакторъ самъ вѣритъ тому, что силится доказать, какъ ни кажется оно не вѣроятнымъ.

Чтобы не говорить бездоказательно, укажемъ на одно изъ подобныхъ предположеній, — въ которомъ незнаніе самыхъ первыхъ основаній финансовой науки, при полной саманодѣянности и увѣренности, рельефно бросаются въ глаза. Оно было составлено г. Погодинымъ, и заключалось въ томъ, что, для устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и исправленія ея финансовъ, слѣдуетъ напечатать и выпустить неопредѣленное количество ассигнацій, — чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Не довольствуясь молчаніемъ государственныхъ и финансовыхъ людей на представленныя имъ записки, почтенный профессоръ обратился еще къ англійскому экономисту, — сколько помнит-

ся, Кобдену, — прося его заключенія, и весьма наивно потомъ удивляется, въ печатномъ словѣ передъ обществомъ, что тотъ ему отвѣтилъ, что онъ его не понимаетъ. Да развѣ можно понимать такого рода предположенія, какими задался себѣ г. Погодинъ? Если въ Россіи иногда понимаются совершенныя нелѣпости, выходящія изъ самонадѣянной пустоты, то неужели г. Погодинъ думалъ, что и англійскій публицистъ долженъ знать историческія причины, которыя у насъ подобную самонадѣянность производятъ, и объяснять себѣ ее отсутствіемъ тѣхъ первоначальныхъ познаній, которыя требуются даже младенческимъ пониманіемъ дѣла? Если простаго, безграмотнаго мужика спросятъ, сколько платилъ онъ или отецъ его помѣщику оброка, хоть въ 1835 и 1850 годахъ, и на отвѣтъ, что въ первомъ году отецъ его платилъ сто рублей, а въ другомъ тридцать рублей, замѣтятъ: стало быть помѣщики оброкъ сбавили, то онъ непремѣнно отвѣтитъ, — почесавъ, можетъ быть, по привычкѣ затылокъ, — какое, кормилецъ, сбавили; тогда то на бумажки платили, а тутъ на серебро перевели, такъ сто то рублей бумажками выходитъ было меньше чѣмъ тридцать на серебро; вѣдь бумажками то каждый серебряный рубль въ три съ полтиной ходилъ!.. Какимъ же образомъ русскій профессоръ исторіи, который чуть ли не былъ и въ томъ и другомъ году уже профессоромъ, не можетъ понять того, что разъясняетъ ему отвѣтъ безграмотнаго мужика объ *относительномъ значеніи*

цѣны? Эта относительность значенія заставила бы его понять, что денегъ дѣлать нельзя, что богатство пріобрѣтается, а не печатается, и что говорить о томъ.... Мы, разумѣется, не станемъ отвергать познаній г. Погодина въ разсужденіи источниковъ, указывающихъ происхожденіе Половцевъ и Кривичей или другихъ племенъ, населявшихъ наше отечество; не станемъ спорить о значеніи *юсовъ* или *иковъ* въ тѣхъ или другихъ документахъ, но послѣ его предположенія и объясненія, положительно возстаемъ противъ возможности сколько нибудь ознакомиться изъ его чтеній съ событіями новѣйшей исторіи. Развѣ можно объяснять историческія событія, не имѣя идеи о финансахъ, которыя составляютъ ядро, сущность причинъ, эти событія производившихъ? Любопытно было бы послушать, какимъ образомъ г. Погодинъ объяснялъ своимъ слушателямъ, почему Франція или Германія, во время своихъ финансовыхъ затрудненій, не напечатали по больше ассигнацій, что совѣтуетъ онъ Россіи? Вѣдь тогда имъ было бы чѣмъ платить жалованье своимъ войскамъ и покупать всякія принадлежности... Да необвинить ли ужъ за одно всѣ правительства въ томъ, что существуютъ еще на свѣтѣ бѣдняки, пролетаріи, — что есть нужда и страданіе? Чего бы стоило напечатать, на нѣсколькихъ скоропечатныхъ станкахъ, нѣсколько милліоновъ сторублевыхъ листовъ и раздать ихъ бѣднякамъ, — бѣдности бы какъ не бывало. А до изобрѣтенія книгопечатанія? Ну, тогда,

80125

стоило бы посадить по больше писцовъ, которые бы писали деньги, какъ, по предположенію г. Погодина теперь ихъ слѣдуетъ печатать. Отличное дѣло, — всѣ бы разомъ богаты были!... Все это очень *смѣшно*, не правда ли? Но какъ подумаешь, что люди съ такими познаніями, и при томъ такимъ запасомъ самонадѣянности, что даже дозволяютъ себѣ обращаться къ публицистамъ Европы, въ видѣ протеста на молчаніе своихъ экономистовъ, — что эти люди, въ теченіи 25-ти слишкомъ лѣтъ, были руководителями юношества; что 25 лѣтъ молодое поколѣніе Россіи слушалось ораторскихъ изрѣченій тѣхъ, которые потомъ такъ осязательно опредѣляютъ степень своихъ познаній и разумнаго пониманія, силясь доказать квадратуру круга, или гордясь открытіемъ вѣчнаго движенія; — или, что весьма близко характеризуетъ предположеніе г. Погодина, — представляя записку подобную тому, что *дважды два — пять*, и вспомнишь, что, благодаря этой 25 или 30 лѣтней прывычкѣ, находятся еще и теперь слушатели такого рода экономическихъ соображеній, пожалуй и вѣрующіе имъ, — какъ подумаешь обо всемъ этомъ, такъ становится уже не смѣшно, — а *больно!*

Въ виду всѣхъ этихъ разсужденій, мы рѣшились положительно не отступать передъ сухостію и скукой изложенія, объ относительности значенія цѣны, а провести его со всею точностію и опредѣленностію, которыхъ требуетъ полное и всестороннее обсужденіе предмета. Ниже, — въ теоріи цѣны, наши разсуж-

денія получатъ бо̀льшую силу подтвержденіемъ логическихъ выводовъ математическими изысканіями. Во всякомъ случаѣ, пусть ужъ лучше читатель, который не привыкъ углубляться въ развитіе отвлеченныхъ основаній точной науки, и хочетъ, даже въ научныхъ изысканіяхъ, видѣть легкое чтеніе, броситъ читать наше разсужденіе; мы станемъ разсматривать предметъ съ тою внимательностію и подробностію, которыя, въ дальнѣйшемъ развитіи изложенія, могутъ представиться необходимыми, хотя мы знаемъ, что такимъ подробнымъ разсмотрѣніемъ мы не только вредимъ легкости изложенія, но и препятствуемъ его матеріальному успѣху. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ читателя всегда зависитъ перекинуть нѣсколько страницъ и перейти не только къ общей теоріи, но хоть прямо къ объясненію практическихъ явленій; но тогда, пусть не пеняетъ онъ на насъ, если сущность изложенія покажется ему не достаточно раціональной.

И такъ мы пришли къ безконечной таблицѣ, которая могла бы выразить въ себѣ цѣны всѣхъ предметовъ, согласно логическому понятію о цѣнѣ, какъ выраженію взаимнаго отношенія стоимостей. Такая таблица, — какъ мы уже говорили, — должна заключать въ себѣ сущность относительности цѣны, и всѣ явленія, которыя таковая относительность, въ ея выраженіи, производитъ, уже потому, что самыя отношенія предметовъ означены въ ней непосредственно. Положимъ, что у насъ есть такая, безконечная въ обѣ стороны таблица, подобная нижеслѣдующей (табли-

ца А), въ которой каждая стоимость выражается другими стоимостями, слѣдовательно оцѣнивается прямымъ указаніемъ ея содержанія въ другихъ стоимостяхъ.

Таблица А.

Наименованіе предметовъ.	Баранъ.	Лошадь.	Быкъ.	Курица.	Бѣличій мѣхъ.	Лисій мѣхъ	Домъ.	Десятина земли.	Аршинъ матеріи.	Аршинъ сукна.	и т. д. до безконечности.
Баранъ. .	1	$\frac{1}{25}$	$\frac{1}{10}$	10	2	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{10.000}$	$\frac{1}{50}$	$\frac{2}{5}$	1	
Лошадь. .	25	1	$2\frac{1}{2}$	250	50	$12\frac{1}{2}$	$\frac{1}{400}$	$\frac{1}{2}$	10	25	
Быкъ. . .	10	$\frac{2}{5}$	1	100	20	5	$\frac{1}{1000}$	$\frac{1}{5}$	4	10	
Курица. .	$\frac{1}{10}$	$\frac{1}{250}$	$\frac{1}{100}$	1	$\frac{1}{5}$	$\frac{1}{20}$	$\frac{1}{100.000}$	$\frac{1}{500}$	$\frac{1}{25}$	$\frac{1}{10}$	
Бѣл. мѣхъ.	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{50}$	$\frac{1}{20}$	5	1	$\frac{1}{4}$	$\frac{1}{20.000}$	$\frac{1}{100}$	$\frac{1}{5}$	$\frac{1}{2}$	
Лис. мѣхъ.	2	$\frac{2}{25}$	$\frac{1}{5}$	20	4	1	$\frac{1}{5000}$	$\frac{1}{25}$	$\frac{4}{5}$	2	
Домъ. . .	10.000	400	1000	100.000	20.000	5000	1	200	4000	10.000	
Дес. земли.	50	2	5	500	100	25	$\frac{1}{200}$	1	$12\frac{1}{2}$	50	
Арш. мат.	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{10}$	$\frac{1}{4}$	25	5	$1\frac{1}{4}$	$\frac{1}{4000}$	$\frac{2}{25}$	1	$2\frac{1}{2}$	
Арш. сукн.	1	$\frac{1}{25}$	$\frac{1}{10}$	10	2	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{10.000}$	$\frac{1}{50}$	$\frac{2}{5}$	1	
Число предметовъ до безконечности											

Разсматривая эту таблицу, мы видимъ, что значеніе каждаго предмета опредѣляется въ ней двумя рядами: *горизонтальнымъ*, въ которомъ заключается указаніе того, сколько стоимость даннаго предмета содержитъ въ себѣ другихъ стоимостей, и *вертикальнымъ*, въ которомъ заключаются указанія, сколь-

ко другія стоимости содержатъ въ себѣ стоимости даннаго предмета.

Ясно, что всѣ эти указанія выраженій одного предмета въ другомъ, другаго въ третьемъ, тогда какъ этотъ третій долженъ выражаться опятъ въ первомъ, и т. д., находятся между собою въ непосредственной связи и полной зависимости. Измѣненіе одной цифры, заключающей указаніе отношенія какой либо стоимости къ другой, объусловливаетъ измѣненіе и всѣхъ другихъ, эту стоимость опредѣляющихъ. При постоянствѣ взаимнаго отношенія предметовъ, понятно, и цифры, опредѣляющія это отношеніе, должны быть неизмѣнными; если же послѣдуетъ измѣненіе которой нибудь изъ показанныхъ въ таблицѣ величинъ, то это измѣненіе, ясно, должно вести къ соотвѣтственному измѣненію всѣхъ указаній, опредѣляющихъ отношеніе именно этой, измѣнившейся въ своемъ значеніи стоимости, къ другимъ стоимостямъ, оставшимся неизмѣнными; т. е. указаній, заключающихся въ обоихъ рядахъ — горизонтальномъ и вертикальномъ, опредѣляющихъ измѣнившую свое значеніе стоимость. Это измѣненіе указаній въ обоихъ рядахъ должно происходить такимъ образомъ: если цѣна предмета возвышается, то указанія горизонтальной строки должны означиться высшими цифрами, а указанія вертикальной низшими, такъ какъ за предметъ, цѣна котораго возвысилась, даютъ болѣе стоимостей, чѣмъ давали прежде; а за другія стоимости даютъ его менѣе, и на оборотъ: если цѣна

предмета упала, то указанія горизонтальнаго ряда или горизонтальной строки должны означиться низшими цифрами, а указанія вертикальной высшими; такъ какъ за него не даютъ уже столько предметовъ, сколько давали прежде, а за другіе предметы требуютъ даннаго предмета болѣе, чѣмъ требовали до паденія цѣны.

Изъ этого объясненія слѣдуетъ заключить, что общее измѣненіе указаній въ обѣихъ строкахъ таблицы, опредѣляющихъ значеніе какого либо предмета относительно другихъ предметовъ, означаетъ, что его стоимость, въ ряду другихъ стоимостей, получила другое значеніе, т. е. что измѣнилась цѣна даннаго предмета. Напротивъ, измѣненіе одного какого либо указанія, въ ряду указаній опредѣляющихъ данный предметъ, — ни въ какомъ случаѣ не можетъ означать измѣненіе его цѣны, если другія указанія, означающія отношеніе этого предмета къ другимъ, остались безъ измѣненія; оно означаетъ что измѣнилась цѣна другаго предмета, указаніе отношенія котораго къ стоимости даннаго получило другое выраженіе; потому что съ измѣненіемъ цѣны объусловливается непремѣнное измѣненіе всѣхъ указаній въ обѣихъ рядахъ, эту цѣну означающихъ. Напримѣръ, если въ нашей таблицѣ, какъ мы привели, — быкъ стоилъ 10 барановъ, или 100 курицъ, или 20 бѣличьихъ шкурокъ, и сталъ дороже 10 барановъ; то онъ долженъ стать дороже и 100 куръ и 20 бѣличьихъ шкурокъ, и десяти всякихъ другихъ стоимо-

стей, которыя представляютъ собою стоимость барана и остаются между собою въ неизмѣнномъ отношеніи. Если же быкъ, ставши дороже 10 барановъ, сталъ въ тоже время стоить только 15 бѣличьихъ шкурокъ, оставаясь къ другимъ предметамъ въ прежнемъ отношеніи, то значитъ, что измѣнилась цѣна не быка, а барана и бѣличьей шкурки вмѣстѣ, изъ которыхъ первые упали, а вторыя поднялись въ цѣнѣ; потому что цѣна предмета, какъ выраженіе отношенія его стоимости къ стоимости *всѣхъ* предметовъ, не можетъ зависѣть исключительно отъ одного какого либо частнаго указанія, а должна обнимать собою непремѣнно всѣ. И точно, въ приведенномъ нами примѣрѣ, если измѣнилось отношеніе стоимости быка къ стоимости бѣличьей шкурки, такъ что обозначается цифрами уже не какъ 1 : 20, но какъ 1 : 15, тогда какъ стоимость быка къ другимъ предметамъ остается въ прежнемъ отношеніи, то таковое измѣненіе опредѣляетъ, что бѣличья шкурка представляетъ изъ себя уже болѣе чѣмъ $^1/_2$ барана, $^1/_{50}$ лошади и проч., и что эти цифры подлежатъ уже соотвѣтственному измѣненію. Разумѣется тоже самое слѣдуетъ сказать и о стоимости барана и всякаго другаго предмета. Въ приведенномъ нами примѣрѣ, измѣненіе указанія, означало бы, что бараны упали въ цѣнѣ противу своего прежняго значенія, такъ что не представляя стоимости $^1/_{10}$ быка, не могли бы представлять и $^1/_{25}$ лошади и 2-хъ бѣличьихъ мѣховъ и проч. Если же измѣнилось къ другимъ стоимостямъ и отношеніе стои-

мости быка, то значило бы, что всѣ три предмета измѣнили свою цѣну, и не пропорціонально одинъ другому, но такъ, что измѣнилось и взаимное ихъ отношеніе между собою. Опредѣленіе этого измѣненія зависѣло бы отъ сравненія ихъ съ другими предметами, относительное значеніе которыхъ не измѣнилось, слѣдовательно постоянство отношенія которыхъ представляло бы норму, для указанія происходящихъ перемѣнъ въ значеніи тѣхъ стоимостей, въ которыхъ таковыя перемѣны происходятъ. Такимъ образомъ относительность значенія цѣны въ таблицѣ выражается общею зависимостію указаній отношенія каждаго предмета ко всѣмъ другимъ.

Изъ этой зависимости, мы можемъ заключить, что таблица, сама собою, опредѣляетъ ту относительность значенія, которую стоимость каждаго предмета имѣетъ въ разсужденіи другихъ предметовъ, и которая, самымъ опредѣленіемъ цѣны, объусловливается. Указанія двухъ рядовъ цифръ, опредѣляющихъ значеніе каждаго предмета: горизонтальнаго и вертикальнаго, — положительно опредѣляютъ отношенія стоимости каждаго предмета къ стоимостямъ другихъ, такъ что если бы намъ было нужно опредѣлить какое нибудь отношеніе между двумя стоимостями, тогда какъ отношенія ихъ къ другимъ стоимостямъ извѣстно, то нужно бы было только сравнить соотвѣтственные ряды указаній значенія каждаго предмета, т. е. горизонтальнаго съ горизонтальнымъ и вертикальнаго съ вертикальнымъ. Но какъ, при самомъ поверхност-

номъ взглядѣ, мы видимъ, что оба эти ряда составляютъ собственно дополненіе одинъ другаго, такъ что значеніемъ цифръ одного всегда опредѣляются указанія въ другомъ, и эта взаимная дополнительность рядовъ доказывается какъ сущностію заключающихся въ нихъ указаній, такъ и математическимъ выводомъ, по коему соотвѣтственныя указанія о какомъ бы то ни было предметѣ въ обоихъ рядахъ, въ произведеніи своемъ, всегда даютъ единицу *), то мы можемъ заключить, что оба эти ряда могутъ быть приняты за одинъ, и что затѣмъ, значеніе каждаго предмета, въ приведенной нами таблицѣ, опредѣляется указаніями одного, положимъ горизонтальнаго (хотя можно и вертикальнаго) ряда, который слѣдовательно и заключаетъ въ себѣ указанія его цѣны; а отсюда ясно, что взаимное отношеніе предметовъ въ таблицѣ опредѣляется сравненіемъ двухъ горизонтальныхъ рядовъ, которые опредѣляютъ значеніе этихъ предметовъ.

Слѣдовательно наша таблица всегда опредѣляетъ взаимное отношеніе стоимостей двухъ предметовъ, если отношеніе этихъ стоимостей къ прочимъ стоимостямъ извѣстно; указываетъ всѣ колебанія въ цѣнѣ каждаго предмета, по измѣненію указанія ихъ относительнаго значенія, и наконецъ заключаетъ всѣ

*) Наприм. стоимость лошади означена въ таблицѣ въ 25 барановъ, а баранъ въ $^1/_{25}$ лошади, произведеніе ихъ $=1$; стоимость барана означена въ $2^1/_2$ арш. матеріи, а аршинъ матеріи въ $^2/_5$ барана, — произведеніе $= 1$ и т. д.

явленія относительности цѣны непосредственнымъ указаніемъ ихъ взаимнаго отношенія. Потому мы можемъ признать, что таблица наша вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ теоретическаго пониманія цѣны, заключая и выражая въ самой себѣ всё значеніе ея относительности. Если бы, — мы опять повторимъ, — въ дѣйствительности было возможно имѣть такого рода таблицу во всякую минуту, то не было бы нужды въ монетѣ, въ смыслѣ ея теоретическаго значенія выразить цѣну предметовъ. Но, какъ мы сказали, — такая таблица, уже по самому безчисленному множеству и разнообразію предметовъ міроздания и жизни и безпрерывности колебанія цѣнъ, невозможна, то и должно было изыскать другой способъ теоретическаго опредѣленія цѣны предметовъ; т. е. указанія, которое опредѣляло бы отношеніе стоимости каждаго предмета ко всѣмъ другимъ, или лучше сказать выражало бы его стоимость во всѣхъ другихъ стоимостяхъ. Способъ этотъ открывается самъ собою, основываясь на той математической аксіомѣ, что отношеніе между предметами совершенно точно опредѣляется, не только сравненіемъ ихъ между собою, но и обоюднымъ сравненіемъ съ однимъ и тѣмъ же *третьимъ* предметомъ, избраннымъ для сравненія какъ предметъ *посредствующій*.

Положимъ напр., намъ не извѣстно отношеніе между стоимостями лошади и быка, и мы не можемъ сравнить ихъ непосредственно, а можемъ только опредѣлить, посредствомъ обоюднаго сравненія ихъ стои-

мостей съ стоимостію бѣличьей шкурки. Положимъ, что результатомъ такого сравненія было бы указаніе, что быкъ стоитъ двадцать бѣличьихъ шкурокъ, а лошадь пятьдесятъ. Ясно, что взаимное отношеніе стоимостей быка и лошади совершенно точно опредѣляется этими цифрами, и мы можемъ сказать утвердительно, что лошадь стоитъ *два съ половиною быка*. Выраженіе для насъ совершенно понятное, хотя всякому извѣстно, что въ природѣ не можетъ быть половины живаго быка, а *не живой* быкъ имѣетъ уже другую стоимость. Впрочемъ замѣчаніе это касается собственно опредѣлительности выраженія, а не понятія о стоимости, и мы уже видѣли чѣмъ оно оправдывается.

Слѣдовательно, если мы возьмемъ какой либо посредствующій предметъ, и къ его стоимости станемъ относить всѣ стоимости на свѣтѣ, то совершенно точно опредѣлимъ ихъ взаимное отношеніе между собою; такъ что, въ замѣнъ безчисленнаго множества безконечныхъ рядовъ таблицы, однимъ безконечнымъ рядомъ цифръ, показывающихъ отношеніе всѣхъ предметовъ къ этому посредствующему предмету, опредѣлимъ взаимное отношеніе съ тою же точностію и опредѣлительностію, съ какою опредѣляли мы ихъ непосредственнымъ сравненіемъ.

Дѣйствительно, положимъ, что въ нашей таблицѣ *A*, мы хотимъ опредѣлить отношеніе между стоимостями бѣличьяго и лисьяго мѣховъ, тогда какъ извѣстны отношенія ихъ къ прочимъ стоимостямъ.

Для этого, сказали мы, должно сравнить горизонтальные ряды таблицы, опредѣляющіе отношенія стоимостей этихъ предметовъ ко всѣмъ другимъ. Сравнимъ эти ряды въ нижеслѣдующей таблицѣ *B*, выбранной изъ таблицы *A*, по указанію въ ней значенія стоимостей лисьяго и бѣличьяго мѣховъ.

Таблица B.

Наименованіе предметовъ.	Баранъ.	Лошадь.	Быкъ.	Курица.	Домъ.	Десятина земли.	Аршинъ матеріи.	Аршинъ сукна.	До безконечности.
Лис. мѣхъ.	2	$\frac{2}{25}$	$\frac{1}{5}$	20	$\frac{1}{5000}$	$\frac{1}{25}$	$\frac{4}{5}$	2	
Бѣл. мѣхъ.	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{50}$	$\frac{1}{20}$	5	$\frac{1}{20.000}$	$\frac{1}{100}$	$\frac{1}{5}$	$\frac{1}{2}$	

Соотвѣтственныя цифры этихъ рядовъ, показывающія отношеніе каждой изъ стоимостей лисьяго и бѣличьяго мѣховъ къ другимъ стоимостямъ, должны опредѣлить намъ ихъ взаимное отношеніе. Но разсматривая цифры эти, по каждому предмету отдѣльно, и сравнивая ихъ между собою, мы видимъ, что всѣ они даютъ въ результатѣ одно и тоже число, означаютъ одно и тоже отношеніе; такъ что, довольно сравнить выраженіе принятыхъ нами двухъ стоимостей въ одномъ какомъ либо предметѣ, чтобы можно было отношеніе между ними опредѣлить съ точностію, какъ бы мы сравнивали выраженіе всѣхъ

стоимостей, означающихъ стоимости данныхъ предметовъ. Напр., въ приведенной нами таблицѣ *B*, возьмемъ ли мы, для опредѣленія отношенія между стоимостями бѣличьяго и лисьяго мѣховъ, выраженіе ихъ въ стоимости лошади, быка, барана, дома, земли, матеріи и т. д., всё равно, каждое изъ этихъ указаній опредѣлитъ, что лисій мѣхъ стоитъ четырехъ бѣличьихъ, и на оборотъ, что бѣличій стоитъ четверть лисьяго, и выраженіе это совершено точно обозначается отношеніемъ стоимости бѣличьяго мѣха къ стоимости лисьяго, какъ 1 : 4. Оно понятно! Отношеніе между стоимостями предметовъ не могло измѣниться отъ того, что, для выраженія этого отношенія, мы сравнивали ихъ стоимости съ различными стоимостями; слѣдовательно и указаніе этого отношенія должно представлять одинъ и тотъ же результатъ, выражающій дѣйствительное значеніе стоимости предмета относительно значенія стоимости другаго предмета. А изъ этого, естественно уже слѣдуетъ, что для опредѣленія отношенія стоимостей двухъ предметовъ между собою, нѣтъ нужды сравнивать всѣ отношенія ихъ стоимостей къ стоимостямъ другихъ предметовъ горизонтальнаго ряда, а достаточно сравнить ихъ отношеніе къ стоимости какого нибудь одного, *посредствующаго* предмета, — какъ мы его назвали, — который такимъ образомъ становится нормальною стоимостію; — нормальной величиной, въ которой другія стоимости, по сравненію съ нею, относительно выражаются; или — становится *едини-*

цею сравненія, для выраженія значенія всѣхъ сравниваемыхъ съ нею стоимостей.

Въ приведенномъ нами сравненіи стоимости лошади, быка и бѣличьей шкурки, для выраженія ихъ взаимнаго отношенія между собою, бѣличья шкурка и представляетъ именно этотъ посредствующій предметъ, который составляетъ какъ бы средство выраженія ихъ взаимнаго отношенія, какъ бы нормальную величину, для выраженія другихъ величинъ, или единицу сравненія. Практика жизни, по совершенной невозможности обращаться къ безчисленному количеству безконечныхъ рядовъ, для означенія отношенія стоимостей предметовъ, давно уже вынудила людей обратиться къ такому посредствующему предмету, къ такой *единицѣ*, которая бы, въ своей стоимости, опредѣлила взаимное отношеніе стоимостей другихъ предметовъ; т. е. вынудила прійти къ тому же выводу, который даетъ логическій анализъ и математика, — и наша воображаемая таблица *(A)*, указывающая взаимное отношеніе всѣхъ стоимостей непосредственно, за принятіемъ одной изъ нихъ за единицу, должна будетъ уже принять простѣйшій видъ.

Положимъ напр., что за такую единицу будетъ принятъ *лисій мѣхъ*. Ясно, всѣ стоимости должны будутъ выразиться въ лисьемъ мѣхѣ. Напр. въ таблицѣ *A* показаны стоимости дома, быка, лошади и проч.; и выражены стоимости эти въ разныхъ предметахъ: а именно, тамъ напр. указано, что домъ

стоитъ 10.000 барановъ; а какъ баранъ означенъ $^1/_2$ стоимости лисьяго мѣха, — или просто $^1/_2$, такъ какъ лисій мѣхъ представляетъ единицу, — то ясно, что стоимость дома выразится числомъ 5.000, означающимъ отношеніе его стоимости къ стоимости лисьяго мѣха. Кромѣ того, стоимость дома означается, въ таблицѣ *A*, въ 400 лошадей, но какъ стоимость лошади опредѣляется $12^1/_2$ лисьихъ шкурокъ, то опредѣленіе стоимости дома принимаетъ видъ опять тѣхъ же 5000 условныхъ единицъ. Тоже самое можно сказать о стоимостяхъ быка, барана, лошади и всякаго предмета, стоимость котораго мы бы желали опредѣлить. Всѣ стоимости въ таблицѣ примутъ выраженіе числовыхъ величинъ, означающихъ ихъ отношеніе къ единицѣ, и наша таблица *A*, какъ мы говорили, изъ безконечнаго количества рядовъ, означающихъ стоимость каждаго предмета въ другихъ стоимостяхъ, обратится въ одинъ безконечный рядъ, показывающій отношеніе предметовъ къ предмету посредствующему, и выражающій это отношеніе въ отвлеченныхъ числахъ, вполнѣ удобныхъ для выраженія всѣхъ численныхъ величинъ.

И такъ мы пришли къ основанію системы, *къ единицѣ*, въ которой должны выразиться всѣ стоимости, для опредѣленія взаимнаго отношенія ихъ между собою. Понятно, что это взаимное отношеніе предметовъ, слѣдовательно ихъ цѣна, должна выразиться тѣмъ самымъ рядомъ цифръ, который показываетъ отношеніе стоимости каждаго предмета къ

этой единицѣ, т. е. стоимости предмета посредствующаго; потому что, взаимное отношеніе стоимостей предметовъ, выраженное, каждое отдѣльно, въ стоимости предмета посредствующаго, — при сравненіи ихъ между собою, — заключаетъ въ себѣ то общее отношеніе, которымъ каждый предметъ обозначается въ предметѣ посредствующемъ. Потому, если напр. быкъ стоилъ 20 бѣличьихъ шкурокъ, лошадь 50, баранъ 10, то отношеніе между стоимостями каждаго изъ нихъ обозначится отношеніями этихъ цифръ между собою; такъ что мы совершенно опредѣлительно можемъ сказать, что стоимость быка, лошади и барана относятся между собою какъ 20: 50: 10.

Правда, предъ этимъ мы выразили отношеніе это осязательнѣе, формулируя взаимное отношеніе между быкомъ и лошадью непосредственно, и опредѣляя, что лошадь стоитъ $2^1/_2$ быка; теперь пожалуй мы могли бы прибавить или 5 барановъ. Но, понятно, что такое формулированіе, представляя отношеніе предметовъ совершенно очевиднымъ, произошло только вслѣдствіе случайной сократимости цифръ, принятыхъ нами для означенія стоимости каждаго предмета въ стоимости предмета посредствующаго: 50, 20 и 10. Но цифры эти могли представлять собою числа совершенно несоизмѣримыя, слѣдовательно неподлежащія никакому сокращенію, напр. если бы онѣ выражались хоть числами 47, 20 и 9; тогда взаимное отношеніе ихъ не было бы возможности не только формулировать очевидно, но и нельзя бы было

выразить никакимъ другимъ сократимымъ отношеніемъ, кромѣ указанныхъ нами цифръ, которыми стоимость каждаго предмета выразилась въ нормальной стоимости посредствующаго предмета, принятаго за единицу сравненія.

Но рядомъ ли цифръ, выражающихъ отношеніе предметовъ къ предмету посредствующему, или въ цифрахъ сократимыхъ до очевидности взаимнаго ихъ отношенія, во всякомъ случаѣ отношеніе всѣхъ стоимостей между собою, по сравненію ихъ съ однимъ и тѣмъ же предметомъ посредствующимъ, совершенно точно и положительно опредѣляется. Слѣдовательно, черезъ принятіе посредствующаго предмета, совершенно положительно и точно опредѣляется цѣна всѣхъ предметовъ.

Мы опять напоминаемъ читателю, что здѣсь всѣ предметы, съ полнымъ отрицаніемъ ихъ характерности, представляются какъ бы отвлеченное понятіе, разсматриваемое только въ одномъ, общемъ для всѣхъ предметовъ свойствѣ — ихъ стоимости. При этомъ разсмотрѣніи, всѣ предметы, не смотря на все разнообразіе ихъ, представляютъ, какъ мы сказали, однородныя величины, возможныя для умозрительнаго сравненія, и удобно дѣлимыя и дробимыя на тотъ предметъ, стоимость котораго принята за нормальную, и который, потому, составляетъ нормальную величину для сравненія предметовъ, или какъ мы его назвали, — *единицу сравненія*.

А если цѣна предметовъ совершенно точно и положительно опредѣляется сравненіемъ ихъ стоимостей

съ условно принятою единицею, и наша таблица *(A)* изъ безконечнаго числа рядовъ, означающихъ отношеніе стоимостей, можетъ замѣниться однимъ безконечнымъ рядомъ (вертикальнымъ по значенію своему въ таблицѣ *A*), то этотъ рядъ долженъ заключать въ себѣ и всѣ указанія той относительности цѣны и тѣхъ измѣненій въ указаніяхъ стоимостей предметовъ, которыя таблица *A* въ себѣ заключала.

Разсмотримъ этомъ видъ измѣненія таблицы *A*, въ случаѣ если бы былъ принять за единицу сравненія какой либо ихъ означенныхъ въ ней предметовъ, положимъ хоть лисій мѣхъ. Таблица эта приняла бы слѣдующій, сокращенный видъ.

Таблица C.

НАИМЕНОВАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.	Нормальная единица лисій мѣхъ.
Баранъ	$\frac{1}{2}$
Лошадь	$12\frac{1}{2}$
Быкъ	5
Курица	$\frac{1}{20}$
Бѣличій мѣхъ	$\frac{1}{4}$
Домъ	5000
Десятина земли	25
Аршинъ матеріи	$1\frac{1}{4}$
Аршинъ сукна	$\frac{1}{2}$
Число предметовъ до безконечности.	

Эта таблица, какъ мы видѣли, есть не болѣе какъ сокращеніе таблицы *A*, или лучше сказать ея видоизмѣненіе; такъ какъ всѣ указанія стоимости каждаго предмета въ другихъ стоимостяхъ, заключенныя въ горизонтальномъ рядѣ таблицы *A*, только замѣнились соотвѣтственнымъ означеніемъ этой стоимости въ посредствующемъ предметѣ, принятомъ за единицу сравненія. Слѣдовательно ясно, эта новая таблица (*C*) должна заключать въ себѣ всѣ тѣ указанія и означать всѣ тѣ явленія, которыя таблица *A* въ себѣ означала. Чтобы убѣдить въ этомъ, станемъ разсматривать эту новую, сокращенную таблицу (*C*) въ томъ видѣ, въ какомъ она представляетъ здѣсь выраженіе стоимостей въ лисьемъ мѣхѣ, и по отношенію ея указаній къ указаніямъ прежней таблицы *A*.

Въ прежней таблицѣ (*A*) стоимости обозначались рядомъ отношеній къ другимъ стоимостямъ (горизонтальный рядъ); въ настоящей таблицѣ весь этотъ рядъ выразился однимъ числомъ, показывающимъ отношеніе каждаго предмета къ предмету посредствующему. Мы доказали математически, что таковая замѣна совершенно правильна, и что, принятіемъ какого либо предмета за единицу, становится совершенно естественною; такъ какъ число, выражающее значеніе стоимостей въ единицѣ, вполнѣ опредѣляетъ собою всѣ указанія этого ряда. Отсюда ясно, что все, что въ прежней таблицѣ означалось и выражалось рядомъ указаній, выразилось замѣняющимъ

этотъ рядъ числомъ, и что все, что относилось въ прежней таблицѣ къ этому ряду — относится въ новой къ этому числу. Измѣненіе цѣны въ таблицѣ *A* означалось измѣненіемъ указаній горизонтальнаго ряда, а въ новой таблицѣ *C* должно означиться измѣненіемъ соотвѣтственнаго числа. Опять понятно! Если измѣнилась цѣна предмета, т. е. отношеніе его къ другимъ, слѣдовательно и къ тому, который принимается за нормальный, то должна измѣниться и цифра, которая означаетъ это отношеніе даннаго предмета ко всѣмъ другимъ предметамъ, въ томъ числѣ и нормальному, такъ какъ это отношеніе, по сравненію стоимостей, между собою всегда должно давать одно и тоже число, какъ мы видѣли въ таблицѣ *B*. Взаимное отношеніе стоимостей, выражавшееся взаимнымъ отношеніемъ рядовъ, должно тоже, — какъ мы говорили, — означиться отношеніемъ цифръ, опредѣляющихъ отношеніе стоимостей къ стоимости предмета посредствующаго, такъ какъ эти цифры замѣняютъ означенные ряды. Наконецъ всѣ вертикальные ряды таблицы А исчезаютъ и сливаются въ таблицѣ С въ одномъ вертикальномъ рядѣ посредствующаго предмета, потому въ немъ и получаютъ свое выраженіе.

Изъ всего этого мы можемъ заключить, что таблица *C* есть въ полномъ смыслѣ видоизмѣненная, или лучше сказать сокращенная таблица А, потому должна заключать въ себѣ какъ выраженіе относительности цѣны, такъ и полную ея опредѣлительность; можно сказать, что она заключаетъ въ себѣ

тотъ же характеръ выраженія по всѣмъ колебаніямъ, которымъ обозначались они въ таблицѣ *A*.

Но вотъ вопросъ: положимъ происходитъ колебаніе въ цѣнѣ самаго нормальнаго предмета, чѣмъ можетъ означиться оно въ таблицѣ (С)? Въ прежней таблицѣ (А) этотъ самый посредствующій предметъ (лисій мѣхъ) находился въ числѣ другихъ предметовъ и опредѣлялся также какъ и всѣ другіе — двумя рядами указаній. При возвышеніи цѣны, горизонтальный рядъ означался высшими цифрами, а вертикальный низшими и на оборотъ. Въ настоящей таблицѣ (С), выражающей всѣ стоимости въ стоимости посредствующаго предмета, — горизонтальной строки вовсе нѣтъ, или лучше сказать она представляетъ и не можетъ представлять другаго числа кромѣ 1, потому что всякая величина, дѣлимая сама на себя, даетъ частнымъ непремѣнно 1; лисій мѣхъ, выраженный въ лисьемъ мѣхѣ, = 1, какъ и означалось это въ прежней таблицѣ А. Слѣдовательно отношеніе всѣхъ стоимостей къ посредствующему предмету должно означиться вертикальнымъ рядомъ, по указаніямъ котораго, какъ мы уже сказали, всегда могутъ быть опредѣлены цифры горизонтальнаго. Но этотъ рядъ выраженій различныхъ предметовъ въ стоимости предмета посредствующаго и есть та самая строка, которая выражала намъ отношеніе другихъ стоимостей этого предмета въ таблицѣ А; — слѣдовательно, ясно, она должна подчиняться тѣмъ же самымъ законамъ, которымъ она въ этой та-

блицѣ подчинялась. При измѣненіи цѣны предмета всѣ цифры этой строки измѣнялись такимъ образомъ, что при возвышеніи означались меньшими числами, а при паденіи высшими. Ясно, что и въ настоящей таблицѣ, при возвышеніи цѣны посредствующаго предмета, всѣ указанія, означающія отношеніе къ нему другихъ стоимостей, должны означиться низшими числами, такъ какъ за другія стоимости даютъ посредствующаго предмета менѣе, и на оборотъ, при паденіи цѣны посредствующаго предмета, указанія отношенія къ нему другихъ стоимостей должны означиться высшими числами, такъ какъ за другіе предметы, послучаю паденія цѣны посредствующаго предмета, требуютъ его болѣе. Потому и въ практической жизни, когда все поднимается въ цѣнѣ, говорятъ: — деньги дешевы; а когда цѣны на все падаютъ, — деньги дороги стали! Понятно, практическая жизнь извлекаетъ сущность своихъ выраженій изъ теоретическихъ выводовъ, если эти выводы основаны на разумныхъ началахъ истины и логическаго смысла. Впрочемъ объ этомъ мы еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ совершенная тождественность приведенной сокращенной таблицы, или лучше сказать безконечной строки (С) съ общею предположенною таблицею (А), основанная на сущности понятія о цѣнѣ, приводитъ насъ къ положительному заключенію, что сравненіемъ всѣхъ предметовъ съ однимъ посредствующимъ, принятымъ за нормаль-

ный, съ полною точностію и положительностію, опредѣляется взаимное отношеніе ихъ между собою въ условно принятой, нормальной единицѣ, которая представляется намъ единицею сравненія. А какъ взаимное отношеніе стоимостей предметовъ между собою составляетъ наше теоретическое опредѣленіе цѣны, то, означеніемъ каждой стоимости въ условной единицѣ, опредѣляется цѣна этой стоимости; потому и самый предметъ, составляющій норму сравненія, для выраженія цѣны, опредѣляющей относительное значеніе всѣхъ предметовъ по ихъ стоимостямъ, долженъ быть признанъ *единицею цѣны* въ ея общемъ, отвлеченномъ значеніи. Понятно, за тѣмъ, что величины, выраженныя опредѣленнымъ порядкомъ въ этой единицѣ, могутъ уже представить собою логическую систему выраженія цѣны предметовъ, по отношенію ихъ стоимостей къ стоимости нормальной, представляющей единицу, и выражающей относительность ихъ значенія.

Это то основаніе системы, *единица цѣны*, заключающая, въ отвлеченномъ представленіи своемъ, какъ бы сущность всѣхъ предметовъ, и потому, какъ бы имѣющая способность сама въ нихъ заключаться и тѣмъ опредѣлять ихъ относительное значеніе или ихъ цѣну, составляетъ сущность того опредѣленія, которымъ формулировали мы теоретическое понятіе о монетѣ. Она представляетъ именно какъ бы указателя, *выразителя* того выраженія, которое опредѣляетъ значеніе предметовъ; слѣдовательно эта

единица цѣны, — условно принятая норма сравненія, — въ матеріальномъ значеніи своемъ и есть то, что, собственно, въ отвлеченномъ мыслѣ, подъ словомъ монета мы разумѣемъ.

Такимъ образомъ относительность значенія предметовъ, выражаемая *цѣной*, представляется намъ осязательно, двумя таблицами: прямой (А) и сокращенной (С). Послѣдняя таблица указала намъ способъ выраженія стоимостей въ какомъ либо одномъ предметѣ, который, будучи принятъ за нормальный, представляетъ намъ норму сравненія, или *единицу цѣны*. Изъ сущности объясненія значенія этой единицы, а также изъ примѣра, приводимаго таблицею В, въ сравненіи выраженій двухъ стоимостей (бѣличьяго и лисьяго мѣховъ) въ другихъ стоимостяхъ, видно, что избраніе этой единицы, т. е. избраніе предмета, который былъ бы принятъ за нормальный, можетъ быть совершенно произвольно. Всякая опредѣленная стоимость, въ абсолютномъ значеніи своемъ, всегда можетъ быть выражена и всегда можетъ выражать стоимость другаго предмета: — цѣлыми или дробными числами, это всё равно; стало быть, каждая стоимость можетъ представлять, своей величиной, норму сравненія или единицу цѣны. И точно, выраженія, что напр. такая то земля стоитъ двухъ такихъ то домовъ, или за тысячу аршинъ такой то матеріи можно отдать такой то домъ, для насъ совершенно понятны; хотя, разумѣется, сравненіе земли и дома, дома и матеріи, по ихъ сущности, не имѣло бы логиче-

скаго основанія, и точно также невозможно какъ существованіе половины живаго быка. Здѣсь стоимость дома представляется единицею цѣны, т. е. какъ бы монетою, въ отвлеченномъ ея пониманіи — указателя для выраженія взаимнаго отношенія стоимостей земли, данной ткани и другихъ предметовъ, и она, равно какъ и всякая другая стоимость, съ совершенно одинаковою точностію и положительностію, теоретически, опредѣляетъ ихъ взаимное отношеніе. Въ примѣрахъ нашихъ, мы дѣлали сравненіе съ стоимостію быка, барана, лошади, шкурки бѣличьяго, лисьяго мѣха — и каждая изъ этихъ стоимостей представляла намъ норму сравненія, стало быть была, въ нашемъ разсужденіи, единицею, означающею въ себѣ значеніе другихъ стоимостей, т. е. единицею цѣны. Мы могли бы принимать вмѣсто этихъ предметовъ всѣ другіе, и они точно также объяснили бы нашу мысль, составляя, въ отвлеченномъ представленіи своемъ, единицу цѣны.

Изъ этого замѣчанія естественно истекаетъ другое, основанное также на математическомъ законѣ, которое мы просимъ особо замѣтить читателей, какъ необходимое при дальнѣйшемъ развитіи нашего труда, особенно когда мы будемъ говорить объ ассигнаціяхъ. Замѣчаніе это заключается въ томъ, что измѣненіе величины единицы сравненія нисколько не можетъ измѣнить взаимнаго отношенія стоимостей предметовъ, а измѣняетъ только цифры, которыми эти отношенія выражаются. Впрочемъ это

свойство выраженія предметовъ въ единицѣ цѣны, мы замѣтили, разсматривая таблицу С, и объясняя о томъ, чѣмъ должно означиться въ той таблицѣ измѣненіе цѣны самого посредствующаго предмета. Мы говорили, что если измѣнится цѣна посредствующаго предмета, или будетъ, въ замѣнъ посредствующаго, принятъ другой предметъ, имѣющій другую цѣну, то измѣнятся указанія, т. е. измѣнятся цифры, которыя опредѣляютъ взаимное отношеніе предметовъ, нисколько не нарушая самой пропорціи, въ которой эти отношенія находятся. Напр. если бы у насъ былъ принятъ какой либо предметъ за единицу сравненія, положимъ хоть бѣличья шкурка, и въ ней выражены стоимости быка, барана, лошади, которыя бы означились цифрами 20, 50 и 10, а потомъ пришлось эту единицу сравненія замѣнить другою единицею, — хоть бы стоимостію лисьей шкурки, которая, положимъ, въ четверо дороже бѣличьей, — то, ясно, что приведенныя цифры, означающія стоимости въ прежней единицѣ, по сравненіи съ новою, должны измѣниться. Онѣ обратятся въ 5, $12^1/_2$ и $2^1/_2$. — Но это измѣненіе нисколько не коснется взаимнаго отношенія предметовъ, которое, будучи выражено другими цифрами, сохранитъ ту же пропорціональность; т. е. эти другія цифры должны имѣть между собою тоже отношеніе, какое имѣли и прежде, такъ чтобы можно было, какъ и при прежнемъ сравненіи, сказать, что лошадь стоитъ $2^1/_2$ быка или 5 барановъ, а быкъ 2 барана. Точно тоже слѣдуетъ замѣтить,

еслибы и самая бѣличья шкурка, по какимъ либо обстоятельствамъ, измѣнилась въ цѣнѣ; отношеніе между предметами не перемѣнилось бы. Оно опять понятно, — вопервыхъ, потому что, какъ мы говорили, стоимости лошади, быка, барана, и другихъ предметовъ, въ своемъ дѣйствительномъ значеніи, не могутъ измѣниться отъ того, что мы умозрительно сравниваемъ ихъ съ стоимостію той или другой единицы, слѣдовательно не можетъ измѣниться и ихъ дѣйствительная цѣна, а измѣняется только означеніе этой цѣны числомъ; и во вторыхъ, что тождественность пропорціи, выраженной различными числами, основывается на математическомъ законѣ, по которому геометрическая пропорція не измѣняется отъ того, что всѣ члены ея будутъ умножены или раздѣлены на одно и тоже число...

И такъ избраніе предмета, который долженъ быть принятъ за нормальный, для опредѣленія имъ единицы цѣны, теоретически совершенно произвольно. Всякій предметъ можетъ быть принятъ за единицу сравненія, и, въ отвлеченномъ смыслѣ, можетъ, нормою своей стоимости, представить единицу цѣны, которая опредѣлитъ взаимное отношеніе или цѣну всѣхъ предметовъ. Но когда выраженіе сравненія принимаетъ практическій характеръ, то единица цѣны, даже въ отвлеченномъ значеніи своемъ, т. е. собственно какъ посредствующій предметъ, опредѣляющій взаимное отношеніе стоимостей, при самомъ выраженіи въ численныхъ величинахъ, указываетъ на нѣкото-

рыя условія, которыя избираемый предметъ долженъ въ себѣ заключать. Эти условія опредѣляются практикою сравненія, потому что основываются не на понятіи о стоимости, а исключительно на частныхъ примѣрахъ удобства или не удобства сравненія двухъ предметовъ и выраженія отношенія между ними въ численной величинѣ. Число, по самому своему свойству, представляетъ, самымъ выраженіемъ своимъ, удобство или неудобство сравненія. Всякій понимаетъ, что легче сравнить напр. аршинъ шелковой матеріи съ аршиномъ сукна, и сказать, что аршинъ матеріи, по своей стоимости, равняется двумъ аршинамъ сукна, чѣмъ тотъ же аршинъ сравнить напр. съ домомъ, и выразить, что его стоимость составляетъ одну десять тысячь двѣсти двадцать пятую съ половиною часть стоимости такого то дома. Кромѣ того, самая сущность предмета, принимаемаго за нормальный, не можетъ не имѣть значенія въ выраженіи, такъ какъ на этой сущности опирается его опредѣлительность. Нельзя напр. признать равно-опредѣлительными стоимости фунта мѣди и фунта дыма, хотя ясно, что отвлеченно и то и другое можетъ представлять извѣстную единицу стоимости. Эти указанія вынуждаютъ признать, что выборъ посредствующаго предмета, долженствующаго быть единицею числа опредѣляющаго цѣну, — *монетою*, даже въ отвлеченномъ пониманіи значенія монеты, долженъ подчиняться нѣкоторымъ условіямъ, согласоваться съ нѣкоторыми особенностями, которыя опредѣляются

какъ сущностію избираемаго предмета, такъ и выраженіемъ въ немъ другихъ; а именно, должно наблюдать, чтобы выраженіе стоимостей могло означаться въ немъ, преимущественно, числами простыми, положительными и цѣлыми: — да простятъ меня читатели за безпрерывное употребленіе техническихъ выраженій, но вѣдь безъ нихъ нельзя обойтись при объясненіи численныхъ величинъ, а цѣна есть во всякомъ случаѣ число. Если же, по необходимости, и нужно допустить дроби, то должно желать, чтобы дроби эти имѣли столь простой видъ, чтобы, можно сказать, осязательно представлялись общему пониманію.

Всё, что мы говорили здѣсь, относится до отвлеченнаго, теоретическаго пониманіи монеты, въ томъ самомъ значеніи, которое придали мы ей своимъ логическимъ опредѣленіемъ — выраженія цѣны. И въ этомъ, отвлеченномъ пониманіи, выборъ предмета, долженствующаго быть принятымъ за единицу цѣны, представляетъ необходимость особыхъ условій его существа. Но таковая необходимость становится осязательною при взглядѣ на значеніе монетъ въ дѣйствительной жизни.

Практическій характеръ происхожденія монетныхъ знаковъ и самая необходимость въ нихъ, выяснившаяся еще въ первоначальныхъ, можно сказать, сношеніяхъ первобытнаго человѣчества, придали монетѣ, въ дѣйствительномъ ея обращеніи, особое значеніе. Монета, въ практической жизни, получила отдѣльный смыслъ — *стоимости*, не только выра-

жающей значеніе другихъ стоимостей, но и *замѣняющей* ихъ собою, по относительному достоинству каждой. Необходимость замѣнять одну стоимость другою представилась существенною потребностію въ частномъ бытѣ людей; замѣна требовала сравненія предметовъ по относительному достоинству каждаго; а относительное достоинство каждаго предмета, въ своей соразмѣрности, теоретически оцѣнивается единицею цѣны, которая составляетъ отвлеченное значеніе монеты. Ясно, что за тѣмъ, всякая стоимость могла подразумѣваться какъ бы представляющею изъ себя опредѣленное количество монеты, которая, въ отвлеченномъ понятіи о ней, могла бы составлять ея равноцѣнную замѣну. Потому, необходимость обмѣна одной стоимости на другую должна была вести къ замѣнѣ той и другой стоимости предметомъ посредствующимъ, въ которомъ та и другая стоимости выражались, т. е. вести къ выраженію ихъ въ монетѣ, которая бы могла опредѣлять ихъ относительно. Развитіе жизни, объусловливая взаимность сношеній, постоянно усиливало необходимость безпрерывнаго обмѣна стоимостей; а обмѣнъ, усиливаясь съ каждымъ днемъ, требовалъ безпрерывной замѣны этихъ стоимостей монетою; такъ что, можно сказать, самою жизнію, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе утверждалось практическое значеніе монеты въ этомъ новомъ ея характерѣ: — быть нетолько выраженіемъ, но и замѣною стоимостей.

Избирая монету посредникомъ обмѣна, — какъ со-

ставляетъ она посредника сравненія въ отвлеченномъ ея пониманіи, — люди образовали себѣ удобство передвиженія стоимостей, удобство перехода предметовъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, а тѣмъ самымъ утвердили и сущность монетнаго обращенія въ деньгахъ. Это обращеніе, ясно, должно было объусловить новыя свойства, новыя особенности, которыя посредствующій предметъ долженъ заключать, чтобы монета могла принять практическій характеръ ея дѣйствительнаго обращенія. Эти новыя свойства и новый характеръ, послѣдовательно, должны были измѣнить и самое понятіе о сущности монеты, противъ того абстрактнаго опредѣленія, о которомъ мы говорили какъ о теоретическомъ началѣ ея пониманія. Въ практической жизни монета стала уже не отвлеченная единица сравненія, для выраженія въ ней цѣны или взаимнаго отношенія стоимостей, но матеріально обращающійся или *ходячій* знакъ, имѣющій не только опредѣленную стоимость, принимаемую за единицу цѣны, но и замѣняющій всѣ стоимости, по ихъ относительному, выраженному въ этой единицѣ, достоинству.

Этихъ словъ достаточно, чтобы усвоить двойственное значеніе монеты въ практической жизни. Одно заключается собственно въ значеніи единицы отвлеченнаго числа, выражающаго опредѣлительно отношеніе стоимостей; другое — въ матеріальномъ знакѣ, который эти стоимости представляетъ и замѣняетъ. А для того, чтобы посредствующій предметъ могъ

выполнить такое свое двойственное назначеніе, т. е., въ одно и тоже время, могъ представлять и отвлеченную идею сравненія и ходячій знакъ замѣны, ясно, онъ долженъ соотвѣтствовать тѣмъ и другимъ требованіямъ; заключать въ себѣ тѣ и другія условныя особенности, которыми бы онъ могъ соотвѣтствовать своей двойственной цѣли. Первое, онъ долженъ выражать и опредѣлять стоимости своимъ отвлеченнымъ значеніемъ; и второе — долженъ доставить движеніе ихъ обращенію, посредствомъ возможности, сравнительно, замѣнить собою каждую стоимость. Анализъ монеты, понятно, долженъ обнимать собою эту двойственность ея цѣлей въ практической жизни и опредѣлять условія, при которыхъ она достигается. О первой сторонѣ этой двойственности, — сторонѣ собственно теоретической, мы говорили, разсматривая относительность цѣны и ея выраженіе; о второмъ, т. е. практическомъ значеніи монеты — быть посредникомъ обмѣна, — мы тоже должны сказать, что таковое ея назначеніе въ практической жизни, объусловливая движеніе предметовъ, и тѣмъ, удовлетворяя насущныя потребности и распространяя всеобщее довольство, — требуетъ, въ свою очередь, опредѣленныхъ свойствъ, долженствующихъ составлять неотъемлемую принадлежность предмета, избираемаго для выраженія сравненія и оцѣнки, т. е. избираемаго для того, чтобы собою монету представлять. Разсматривая значеніе монеты въ ея теоретическомъ пониманіи, мы замѣтили, что удобнѣе напр.

аршинъ матеріи сравнивать съ аршиномъ сукна и выражать это отношеніе положительнымъ числомъ, чѣмъ этотъ же аршинъ матеріи сравнивать съ домомъ и выражать это сравненіе составной дробью. На этомъ основаніи, мы говорили, слѣдуетъ принимать за посредствующій предметъ такого рода стоимость, которая могла бы быть удобною для выраженія въ ней другихъ стоимостей. Въ большей степени слѣдуетъ это же замѣчаніе отнести и ко второму значенію монеты какъ матеріальнаго знака. Нѣтъ сомнѣнія, всякому понятно, что напр. домъ, за единицу обмѣна нельзя принимать вовсе, такъ какъ онъ вовсе не можетъ представлять изъ себя обращающагося знака, тогда какъ весьма удобно производить обмѣнъ чего бы то нибыло на аршинъ матеріи или сукна, которые легко могутъ быть передаваемы отъ одного лица къ другому, слѣдовательно могутъ имѣть свободное обращеніе.

И такъ, мы заключаемъ, что хотя выборъ посредствующаго предмета для представленія имъ единицы сравненія, долженствующей быть единицею цѣны или монетою въ ея практическомъ значеніи, теоретически можетъ быть сдѣланъ совершенно произвольно; такъ какъ всякая стоимость всегда можетъ представлять и выражать собою другую; но практика жизни требуетъ въ этомъ выборѣ особыхъ условій, представляющихъ отдѣльные виды требованій, которымъ избираемая единица должна соотвѣтствовать; а именно: удобство сравненія его стоимости съ стоимостя-

ми другихъ предметовъ, удобство выраженія дѣлаемаго сравненія въ численной величинѣ, и наконецъ, удобство замѣны имъ другихъ стоимостей или способность перехода отъ одного лица къ другому. Всѣ эти требованія объусловливаютъ совокупность свойствъ, которыя предметъ, избираемый посредствующимъ, долженъ въ себѣ заключать.

Но какъ всѣ эти требованія истекаютъ не изъ теоретическаго пониманія сущности значенія монеты, какъ мы говорили, а изъ практическихъ указаній сравненія, выраженія и обращенія, требующихъ простоты, ясности и удобства, — то, мы можемъ сказать, что условія, опредѣляющія избраніе посредствующаго предмета, обозначились практикою сравненія, выраженія и обращенія; слѣдовательно обозначились самою жизнію и ея развитіемъ. Потому, прежде чѣмъ станемъ мы разсматривать ихъ путемъ анализа, бросимъ хотя бѣглый взглядъ на то, какимъ образомъ, понятіе о единицѣ цѣны и о практическомъ выраженіи этой единицы въ знакѣ монеты, могло получить значеніе въ идеяхъ человѣческихъ обществъ; и какимъ образомъ понятіе это должно было получить значеніе современныхъ монетныхъ системъ, въ опредѣленныхъ знакахъ монеты изъ золота и серебра. При этомъ изслѣдованіи, ясно, намъ должно послѣдовательно выясниться и то отклоненіе, какое имѣютъ современныя системы отъ правильнаго и логическаго ихъ пониманія; равно какъ и историческія причины, которыя таковое отклоненіе производятъ.

Такимъ образомъ въ нашъ анализъ двойственнаго значенія монеты вводится еще третій элементъ, — ихъ историческое происхожденіе. Обратимся предварительно къ тому, можно сказать, инстинктивному началу, которое должно было вызвать понятіе о сравнительной единицѣ цѣны въ первобытныхъ обществахъ, и постараемся уловить тотъ порядокъ, какимъ образомъ это понятіе должно было получить всеобщее развитіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что необходимость мѣны предметовъ одинъ на другой должна была проявиться въ самыхъ первыхъ, можно сказать, еще зародышахъ взаимныхъ сношеній между людьми. Необходимость эта была сознаваема даже въ первобытной семьѣ, въ первоначальномъ развѣтвленіи этой семьи на отрасли; въ первомъ, еще смутномъ, понятіи о собственности.

Естественныя нужды, большая или меньшая физическая сила, ловкость и наконецъ случайныя обстоятельства предоставляли то или другое одному, чего не давали другому; или, на оборотъ, заставляли нуждаться въ томъ или другомъ одного, когда оно было въ излишествѣ у другаго; и такимъ образомъ, вынуждали одного обращаться съ просьбою къ другому и взамѣнъ предлагать то, что у него было и что другому могло быть нужно. А такая мѣна, естественно, вызывала и заставляла сознавать необходимость сравненія предметовъ и опредѣленія стоимости одного предмета въ другомъ. Ясно, что первоначально такое опредѣленіе непосредственно зави-

сѣло отъ произвола каждаго, и отъ личнаго взгляда, обмѣнивающихся между собою лицъ, на обмѣниваемые предметы, а также и отъ степени необходимости въ нихъ или желанія каждаго ихъ имѣть. Они отдавали и получали предметы на обмѣнъ, потому что одному нуженъ былъ или онъ желалъ имѣть тотъ предметъ, который былъ лишній у другаго; тогда какъ другому былъ нуженъ тотъ, который былъ лишній у него. Такимъ образомъ дикари отдавали Испанцамъ золото и дорогіе каменья за лоскутки блестящихъ разноцвѣтныхъ тряпокъ и за игрушки, неимѣвшія, сравнительно, никакой цѣны; точно также Алеуты мѣнялись съ нашими промышленниками, отдавая имъ мѣха чернобурыхъ лисицъ и бобровъ за нѣсколько бутылокъ водки. Здѣсь, разумѣется, не только о единицѣ сравненія, но и о какомъ бы то ни было сравненіи, не могло быть и рѣчи: такая мѣна была просто прихотливый произволъ дикаря. Но скоро должно было проявиться сознаніе стоимости предметовъ, хотя бы по сознанію количества; употребленнаго на пріобрѣтеніе этихъ предметовъ, труда, и это сознаніе стоимости должно было получать больше и больше значенія, по мѣрѣ развивающихся понятій. Положимъ кому нибудь нужна была шкура медвѣдя; у него былъ большой запасъ бѣличьихъ мѣховъ, и онъ хотѣлъ ихъ перемѣнить. Не могъ же тотъ, у кого была шкура медвѣдя, отдать ее за бѣличій мѣхъ, потому что ему не трудно было самому добыть нѣсколько бѣлокъ, а медвѣдь не доставался такъ лег-

ко, и охота за нимъ, въ большей или меньшей степени, была сопряжена съ опасностію жизни. И вотъ онъ требовалъ себѣ двадцать, тридцать и болѣе бѣличьихъ шкурокъ, смотря по тому какъ ему казалась трудна охота за медвѣдемъ и въ какой мѣрѣ ему нужны были бѣлки. Такимъ порядкомъ создавалась, мало по малу, мѣновая торговля, которая видимо представляетъ сравненіе стоимостей предметовъ одного съ другимъ, или означеніе цѣны одного въ другомъ. Эта мѣновая торговля, не уничтоженная цивилизаціей и до сихъ поръ, въ сущности имѣетъ свою подразумѣваемую единицу сравненія, количество употребленнаго на пріобрѣтеніе предметовъ труда, — но, въ практическомъ проявленіи своемъ, представляетъ просто обмѣнъ предметовъ одинъ на другой, и въ началѣ, нѣтъ сомнѣнія, составляла единственный видъ сравненія между собою стоимостей.

По мѣрѣ того какъ развивалась жизнь, по мѣрѣ того какъ трудъ принималъ болѣе и болѣе опредѣленное направленіе обезпечить потребности въ будущемъ, ясно должны были накопляться запасы результатовъ труда, первый зародышъ накопленія богатствъ. Эти первые запасы, ясно, должны были состоять изъ такихъ предметовъ, въ необходимости которыхъ въ будущемъ, люди были уже увѣрены, которые требовались безпрерывно, по общей надобности ихъ въ домашнемъ быту. И вотъ появлялось первое сознаніе богатства въ опредѣленныхъ предметахъ общей потребности; стало быть и общее требованіе та-

кихъ предметовъ, которые начинали представлять собою выраженіе богатства. Отсюда, ясно, должно уже было произойти сравненіе предметовъ, по ихъ стоимости, съ стоимостію предметовъ общей потребности, которые исподоволь, по немногу, становились, такимъ образомъ, предметами посредствующими въ опредѣленіи стоимостей, т. е. *единицами цѣны*, такъ какъ въ нихъ выражались всѣ цѣны другихъ предметовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что такого рода единицы цѣны въ каждомъ народѣ, кружкѣ, обществѣ, въ каждой данной мѣстности образовывались свои, сообразныя съ мѣстными обстоятельствами и условіями домашняго быта того народа, общества или мѣстности; и разумѣется устанавливались не опредѣленіемъ закона или общественнаго приговора считать такъ или такъ, а просто обычаемъ, общей нуждой и общими понятіями, и входили въ употребленіе исподоволь, по мѣрѣ развивающихся требованій. Но, тѣмъ не менѣе требованія жизни вызывали безпрерывную необходимость людей прибѣгать къ сравненію предметовъ съ предметами общей стоимости. Богатства, накопляемыя трудомъ и бережливостію, все болѣе и болѣе начинали требовать себѣ выраженія; — понятно, что выраженіе это не могло быть означаемо ни въ чемъ другомъ какъ въ предметахъ общей потребности, которые, самою сущностію своею, указывали и образъ жизни, и степень развитія того народа, гдѣ составляли единицу сравненія. Такимъ образомъ,

въ каждой мѣстности создавалась своя мѣра стоимостей, своя *единица цѣны*, исходящая изъ самой жизни. Первобытный житель лѣсовъ, звѣроловъ по преимуществу, — способъ существованія котораго заключался въ охотѣ, разумѣется оцѣнивалъ богатство свое шкурами убитыхъ звѣрей, на которыхъ онъ могъ вымѣнивать себѣ потребности жизни. Степной дикарь, которому кочевья его родины давали возможность имѣть громадныя стада домашнихъ животныхъ, выражалъ свое богатство въ головахъ скота; земледѣлецъ цѣнилъ его мѣрами хлѣба или другихъ предметовъ его домашняго хозяйства, напримѣръ опредѣленнымъ количествомъ кирпичнаго чая, льна, сахарнаго тростника или тюковъ бумажнаго хлопка. Самоѣдъ, до сихъ поръ, счичаетъ богатство свое стадами оленей, а киргизы и номады средней Азіи — головами лошадей и овецъ; даже и теперь, въ нѣкоторыхъ укромныхъ уголкахъ Швейцаріи, можно услышать выраженіе, что за то то или то дано столько то кружковъ сыру. Почти до Бориса Годунова у насъ ходили лисьи и куньи шкуры, а инородцы сибирскихъ губерній — тунгузы, остяки и проч., до сихъ поръ, платятъ свой ясакъ шкурами лисицъ и соболей.

Между тѣмъ въ первобытномъ обществѣ жизнь развивалась, взаимныя сношенія усиливались; возникало сближеніе между собою не только прилегающихъ мѣстностей, но и отдаленныхъ народовъ, начинавшихъ входить между собою въ болѣе или менѣе близкое соглашеніе. Ясно, что при такомъ дви-

женіи жизни, долженъ былъ усиливаться и взаимный обмѣнъ стоимостей: обмѣнъ взаимныхъ произведеній труда, мысли, изобрѣтенія. А при такомъ обмѣнѣ, ясно, необходимо было глубже вникать въ существо стоимостей предметовъ, точнѣе опредѣлять ихъ взаимное отношеніе, — слѣдовательно сравнивать между собою самыя *единицы сравненія*, имѣющія опредѣленное значеніе только у своего народа, въ своей мѣстности, но не имѣвшія такой опредѣленности въ мѣстностяхъ другихъ народовъ. А это сравненіе между собою мѣстныхъ единицъ цѣны, ясно, должно было приводить къ изысканію *новой, болѣе общей единицы сравненія*, на томъ самомъ основаніи, по которому установилась первая единица. При выборѣ этой новой единицы, разумѣется, выяснялись и тѣ особенности, которыя новая единица должна была въ себѣ заключать. И вотъ, исподволь, мало-по-малу, сообразно съ развитіемъ требованій жизни, общество приходило къ понятію о монетѣ какъ выраженію стоимостей, а съ тѣмъ вмѣстѣ приходило къ сознанію условной необходимости опредѣленныхъ свойствъ, которыя монета, для правильнаго обращенія своего, должна была въ себѣ заключать. Сперва въ мѣстныхъ единицахъ, выражающихъ осязательно богатство только въ понятіи опредѣленнаго кружка, потомъ въ общихъ знакахъ международныхъ сношеній, опредѣлялось правильное выраженіе стоимостей и отношеніе ихъ между собою, и выработывался тотъ взглядъ на правильность

сравненія, посредствомъ нормальной и всѣмъ доступной величины, которая въ существѣ своемъ, для самой общности своего значенія, должна была заключать указанныя практическою жизнію, *условныя* особенности.

Мы пришли опять къ тѣмъ же особымъ условнымъ свойствамъ, которыя долженъ заключать въ себѣ предметъ, представляющій собою монету, т. е. *единицу цѣны*, для сравненія всѣхъ стоимостей, о которыхъ мы говорили, представляя нашимъ читателямъ логическій анализъ значенія монеты, какъ въ общемъ о ней понятіи, такъ и въ практическомъ приложеніи ея значенія къ потребностямъ общественныхъ сношеній. Сама жизнь привела насъ къ сознанію тѣхъ же условныхъ особенностей, условныхъ свойствъ, которыя монета, въ существѣ своемъ, должна заключать, чтобы удовлетворять общественную надобность. Мы тогда сказали, что эти условныя особенности представляютъ не болѣе какъ частные практическіе выводы удобства сравненія и выраженія этого сравненія числомъ, а также удобство для взаимнаго обмѣна стоимостей, и вовсе не касаются собственно сущности и значенія самихъ стоимостей. Но какъ это практическое удобство представляетъ столь важное значеніе, что опредѣляетъ дѣйствительность возможности выбора того или другаго предмета для единицы сравненія, и, самою практикою жизни, указываетъ на всеобщую единицу цѣны, т. е. монету для выраженія или оцѣнки всѣхъ стоимостей и ихъ за-

мѣны, — то мы и считаемъ себя обязанными указать, болѣе или менѣе обстоятельно, на тѣ условныя особенности, которыя монета должна представлять въ самой своей сущности, и которыя потому могутъ быть опредѣлительно названы ея свойствами. Это указаніе мы дѣлаемъ тѣмъ охотнѣе, что разъясненіе обстоятельнаго значенія условно принятой нормальной величины и ея свойствъ должно ближе ознакомить насъ и съ сущностію монеты въ ея настоящемъ, практическомъ значеніи.

II.

О свойствахъ монеты.

Первое условіе выбора посредствующаго предмета для сравненія съ нимъ стоимостей, слѣдовательно первое свойство монеты, которая есть, какъ мы сказали, ходячій знакъ, представляющій норму для таковаго сравненія, — должно заключаться въ слѣдующемъ неизмѣнномъ правилѣ, безъ котораго сравненіе не можетъ имѣть надлежащей опредѣлительности, слѣдовательно не можетъ служить и выраженіемъ цѣны.

Предметъ, избираемый посредствующимъ, долженъ, во всѣхъ экземплярахъ своего вида, представлять совершенно одинаковую стоимость и быть совершенно одного достоинства; другими словами долженъ представлять свойство *тождественности* всѣхъ единицъ одного и того же вида.

Самый поверхностный взглядъ на значеніе сравненія и возможность выразить это сравненіе числомъ, указываетъ на необходимость приведеннаго нами условія при выборѣ посредствующаго предмета. Дѣйствительно, если бы мы выбрали для сравненія такую единицу, различные экземпляры которой одного вида имѣли бы различную стоимость, то сравненіемъ съ такою единицей и выраженіемъ этого сравненія, мы ни въ какомъ случаѣ недостигли бы цѣли выразить взаимное отношеніе разныхъ стоимостей; ибо, для такого выраженія нужно было бы еще опредѣлить самую единицу, по отношенію ея къ другимъ экземплярамъ ея вида.

Положимъ, напр. что мы бы опредѣлили, что лошадь стоитъ десять барановъ, но не означили бы что стоимость всѣхъ барановъ одинакова, — напротивъ признавали бы, что мериносы имѣютъ одну стоимость, крымскіе бараны другую, русскіе третью, — опредѣлили ли бы мы стоимость лошади въ баранахъ? Ясно нѣтъ! потому что въ стоимости барановъ есть разность, до опредѣленія которой, сдѣланное нами выраженіе въ нихъ стоимости лошади, не можетъ вовсе имѣть значенія.

Въ первоначальныхъ обществахъ, когда бытъ народовъ представлялъ не болѣе какъ бытъ нынѣшнихъ номадъ Средней Азіи, естественно могло образоваться сравненіе стоимостей со стоимостію домашнихъ животныхъ. Въ то время домашнія стада, пасомыя на первобытной степи и внѣ смѣшенія породъ,

представляли въ каждой породѣ виды экземпляровъ почти одинаковой стоимости. У киргиза въ его косякѣ лошадей, и до сихъ поръ каждая лошадь въ такой мѣрѣ схожа одна съ другою, что хозяинъ отличаетъ ихъ только по внѣшнимъ признакамъ и совершенно одинаково цѣнитъ по достоинству. Но когда трудъ людей, не только возвысилъ ихъ общественное положеніе, но даже видоизмѣнилъ сущность самыхъ животныхъ, нарушивъ тѣмъ равенство ихъ стоимости, ясно сравненіе съ ними другихъ стоимостей какъ съ монетою, не могло уже имѣть мѣста.

Странно бы было опредѣлять цѣну чего бы то ни было по сравненію, напримѣръ, со стоимостію лошадей нашего быта, когда разность въ цѣнѣ, между какой нибудь чухонской лошадкой и знаменитой *дочерью воздуха*, столь огромна, что въ этой разницѣ не только заключается нѣсколько единицъ перваго вида, но едвали возможно и всѣми единицами перваго вида выразить ту баснословную цѣну, которую предложили за не менѣе знаменитаго соперника дочери воздуха на скачкахъ Дерби.

Точно тоже слѣдуетъ сказать и о всякой другой единицѣ, съ которой бы стали сравнивать различныя стоимости. Разумѣется пока люди не цѣнили, напримѣръ, сорта лисицы, — когда для нихъ каждая лисья шкурка казалась одинакова, то можно было опредѣлять положительно каждую стоимость количествомъ даваемыхъ за нее лисьихъ шкурокъ; но когда ближайшее изученіе свойства предметовъ научило лю-

дей внимательнѣе всматриваться въ ихъ стоимость, и лисья шкурка получила значеніе по своему достоинству и красотѣ, то нельзя уже было опредѣлять цѣну предмета лисьими шкурками, достоинство которыхъ было далеко не одинаковое, а нужно было — или опредѣлить предварительно достоинство той лисьей шкурки, съ которою мы сравниваемъ, или — что впрочемъ въ сущности одно и тоже, принять другой предметъ за единицу сравненія. Оно понятно! Если одинаковости или *тождественности* въ своей стоимости лисьи шкурки не представляютъ, то и сравненіе съ ними не можетъ имѣть значенія, до положительнаго опредѣленія цѣны той, съ которою мы сравниваемъ, въ какомъ либо другомъ предметѣ, имѣющемъ въ своей стоимости бо́льшую опредѣлительность. А то даютъ, напримѣръ, за что нибудь только три лисьи шкурки, но эти три дороже другихъ пяти, которыя въ свою очередь дороже семи... Какія же это три, изъ дорогихъ или дешевыхъ, мы незнаемъ, слѣдовательно незнаемъ и цѣны предмета, которую хотѣли опредѣлить количествомъ даваемыхъ за нее лисьихъ мѣховъ. Для примѣра скажемъ, что за лошадь давали три лисьи шкурки, а за барана пять, — слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что лошадь дешевле барана, когда стоимость шкурки не одинаковая? Ясно нѣтъ! потому что пять шкурокъ можетъ быть далеко дешевле тѣхъ трехъ, которыя даютъ за лошадь!

Послѣ этихъ разсужденій намъ представляется уже

совершенно осязательно, необходимость условія, при выборѣ предмета для единицы сравненія, т. е. такого предмета стоимость котораго должна быть *нормою* цѣны, что для опредѣлительности въ означеніи сравненія стоимостей различныхъ предметовъ со стоимостію предмета посредствующаго, необходимо, чтобы избираемый для того посредствующій предметъ былъ во всѣхъ экземплярахъ одного и того же вида совершенно *тождественнъ* по своей стоимости.

Такимъ образомъ *тождественность* разныхъ экземпляровъ одного вида составляетъ первое условіе выбора посредствующаго предмета, *первое свойство монеты*.

Второе условіе въ выборѣ посредствующаго предмета, заключается въ возможномъ постоянствѣ сущности самого предмета, возможной *прочности* его дѣйствительнаго достоинства, слѣдовательно неизмѣняемости стоимости. Условіе совершенно понятное! Можно ли выражать цѣны предметовъ, слѣдовательно отношеніе стоимостей между собою, въ такой величинѣ, которая сама безпрерывно измѣняется въ своей стоимости? Ясно нѣтъ! Такое сравненіе было бы моментальное, имѣло бы значеніе только въ минуту сравненія, а не могло бы представлять постояннаго выраженія, коимъ опредѣляется отношеніе къ посредствующему предмету всѣхъ другихъ стоимостей. Непрочность стоимости, принимаемой за нормальную единицу, подвергало бы безпрерывнымъ колебаніямъ, если не взаимное отношеніе предметовъ,

которое, какъ мы замѣтили, остается неизмѣннымъ при всякой единицѣ сравненія, то самыя числа, которыми эти отношенія выражаются, а непостоянство выраженія, лишило бы всякаго значенія самое сравненіе. И точно, если выраженіе сравненія стоимостей предметовъ къ принятой единицѣ, по своему колебанію, не имѣетъ значенія, то какую опредѣлительность можетъ имѣть и выраженіе отношенія стоимостей въ этой единицѣ? Ясно никакого! Оно не можетъ представить положительнаго и точнаго выраженія отдѣльно каждой стоимости въ принятой единицѣ, слѣдовательно не можетъ представить и взаимнаго отношенія этихъ стоимостей между собою; особливо по выраженію сравненія, дѣлаемаго въ разное время.

Такимъ образомъ неизмѣняемость, постоянство, *прочность* въ своемъ достоинствѣ предмета, избираемаго нами для единицы сравненія, есть точно такое же необходимое условіе предмета посредствующаго, какъ необходимо условіе *тождественности* экземпляровъ одного вида; потому мы эту прочность достоинства становимъ *вторымъ свойствомъ* монеты, которую посредствующій предметъ долженъ представлять.

Можно сказать, что сохраненіе этихъ двухъ условій въ предметѣ, стоимость котораго принимается за нормальную величину, составляетъ непремѣнный законъ; что безъ выполненія этихъ условій: *одинаковости* или *тождественности* экземпляровъ и

постоянства или *прочности* достоинства въ сущности избираемаго предмета, нормальность его стоимости, для выраженія въ ней отношенія предметовъ между собою, даже немыслима; и что потому посредствующій предметъ можетъ быть монетою, даже и въ ея отвлеченномъ, не только въ практическомъ значеніи, только въ такомъ случаѣ, когда въ числѣ его свойствъ сохранятся оба приведенныя условія, *тождественность* одинакихъ экземпляровъ и *постоянство* стоимости.

Но да не подумаетъ читатель, что, разсуждая о постоянствѣ стоимости въ предметѣ, принимаемомъ нами за нормальный, мы сколько нибудь подразумѣваемъ постоянство цѣны. Нѣтъ, мы не можемъ подразумѣвать такой нелѣпости. Пусть читатель вспомнитъ, что мы опредѣлили цѣну понятіемъ о выраженіи *отношенія* его стоимости къ другимъ стоимостямъ, и онъ сознаетъ, что о постоянствѣ и нормальности цѣны въ посредствующемъ предметѣ не можетъ быть и рѣчи. Измѣняются отношенія между стоимостями, измѣняется и выраженіе, слѣдовательно измѣняется и цѣна. А понятно, что отношеніе между стоимостями предметовъ зависитъ отъ условій жизни, количества требованія на тотъ или другой предметъ, а не отъ самаго предмета, который, при полной неизмѣняемости въ своей сущности, можетъ быть сегодня дороже, завтра дешевле по отношенію къ другимъ предметамъ, и что предметъ, принимаемый нами за нормальный, можетъ точно также колебаться

въ отношеніи стоимости своей къ прочимъ стоимостямъ, по условіямъ жизни, какъ и всякій другой предметъ, потому что сегодня онъ нуженъ людямъ, завтра менѣе нуженъ, а потомъ еще менѣе или болѣе нуженъ... Здѣсь мы говоримъ о прочности внутренняго достоинства предмета, принимаемаго за нормальный; говоримъ о прочности его стоимости въ отношеніи къ самой себѣ. Понятно, напримѣръ, что цѣна лисьяго мѣха не можетъ быть постоянною въ разсужденіи другихъ предметовъ. Сегодня могутъ давать за лисій мѣхъ два барана, а завтра одинъ; также въ одномъ мѣстѣ даютъ одинъ, а въ другомъ два: зависитъ отъ того въ какой мѣрѣ требуются лисьи мѣха въ данной мѣстности, и въ какой степени нужны тамъ бараны. Но внутреннее достоинство предмета, долженствующаго служить монетою, должно быть въ возможной степени постояннымъ, чтобы немогло быть, чтобы, при томъ же положеніи цѣны на бараньи и на лисьи мѣха и одинаковости требованія на нихъ, сегодня давали за лисью шкурку два барана, а завтра не стали давать и одного, хотя бы потому, что наша единица сравненія испортилась отъ моли.

Этихъ словъ достаточно, чтобы объяснить, что предметъ, принимаемый нами за нормальную единицу сравненія, долженъ имѣть опредѣленную неизмѣняемость своего достоинства въ себѣ самомъ, и для того, разумѣется, въ возможно меньшей степени, подвергаться внѣшнимъ вліяніямъ, которыя могли бы заставить пострадать его стоимость въ отношеніи са-

мой себя. Впрочемъ, въ слѣдъ за симъ, читатели увидятъ обстоятельное изложеніе понятія о цѣнѣ предмета и ея теорію, и надѣемся, несмѣшаютъ понятіе о его стоимости по матеріальному достоинству съ понятіемъ о выраженіи отношенія этой стоимости къ другимъ; но все же нужно было оговориться, чтобъ не ввести кого либо въ ошибочное заключеніе.

Третіе условіе сообразности избираемаго предмета сравненія съ цѣлію служить выраженіемъ цѣны всѣхъ стоимостей, истекаетъ изъ сущности самаго сравненія. Мы уже говорили о томъ, что сравненіе двухъ предметовъ по своимъ стоимостямъ, въ практическомъ выраженіи своемъ числомъ, представляетъ большее и меньшее удобство, смотря по сущности сравниваемыхъ предметовъ, и что число, по самому своему свойству, можетъ — или осязательно представлять намъ свое значеніе, или представлять его въ столь отвлеченномъ и совершенно иногда противорѣчащемъ сущности предмета видѣ, что требуетъ особаго объясненія тому понятію, которое оно выражаетъ. *Половина живаго быка*, было для насъ именно такимъ, несоотвѣтственнымъ сущности предмета, выраженіемъ, и мы принуждены были дать объясненіе дѣлаемому сравненію тѣмъ отвлеченнымъ понятіемъ, о стоимости каждаго предмета, которое мы приняли въ основаніе сравненія. Теперь, разсматривая сущность системы выраженія всевозможныхъ сравненій, не только въ численныхъ величинахъ, но и въ ходячихъ знакахъ, способныхъ олицетворить собою по-

нятіе о стоимости, мы должны указать, какъ на одно изъ существеннѣйшихъ условій цѣлесообразности посредствующаго предмета, ту особенность, которая предоставляла бы ему неотъемлемое свойство дробимости или дѣлимости, логически соотвѣтствующей его сущности. Такая дробимость или дѣлимость предмета сравненія по самому существу, представляетъ возможность выраженія въ немъ всѣхъ другихъ стоимостей, какъ въ собирательномъ числѣ многихъ единицъ, такъ и въ различнаго вида частяхъ единицы, не противорѣча логическимъ основаніямъ понятія о сущности предмета и правильности дѣленія. Но, чтобы выраженіе различнаго рода стоимостей въ избираемой единицѣ могло представить логически вѣрный сущности единицы рядъ чиселъ, выражающихъ въ этой единицѣ всѣ стоимости, недовольно того, чтобы принимаемый за единицу предметъ, по существу своему, былъ доступенъ дѣлимости, необходимо еще, чтобы дробимость и дѣлимость этой единицы заключали въ себѣ свойство *соразмѣрной пропорціональности* стоимости всѣхъ дѣленій, какъ въ собирательныхъ числахъ, такъ и дробныхъ величинахъ. Только такого рода единица, обладающая свойствомъ *пропорціональной дробимости* во всѣхъ дѣленіяхъ, можетъ представить намъ основаніе для выраженія въ ней каждой стоимости отдѣльно, и правильнаго указанія взаимнаго отношенія ихъ между собою.

Изъ этихъ немногихъ словъ читатель уже понимаетъ, что требованіе третьяго условія при выборѣ

нормальной единицы сравненія, заключаетъ въ себѣ цѣлую систему выраженія стоимостей. Здѣсь уже требуется не только данное свойство въ самомъ предметѣ, для опредѣлительности выраженія, но и способность представить рядъ этихъ выраженій въ стройной системѣ цифръ, показывающихъ отношеніе къ посредствующему предмету всевозможныхъ величинъ, такъ чтобы каждая изъ величинъ имѣла въ этой системѣ свое собственное значеніе.

Слѣдовательно третіе условіе въ выборѣ нормальной единицы обнимаетъ собою сущность теоретическаго значенія монеты, какъ выраженія отношенія между собою стоимостей, въ ряду предметовъ, означенныя стоимости представляющихъ, и опредѣляетъ то значеніе, которымъ нормальная единица, въ таковомъ выраженіи стоимостей, удовлетворяетъ практическому требованію. Въ числѣ свойствъ посредствующаго предмета оно становитъ дробимость и соотвѣтственную пропорціональность какъ необходимыя принадлежности нормальной единицы, безъ которыхъ посредствующій предметъ не могъ бы служить основаніемъ системы; не могъ бы быть нормой, опредѣляющей значеніе *всѣхъ* стоимостей; слѣдовательно не могъ бы служить къ дѣйствительному и правильному выраженію отношенія между ними.

Чтобы уяснить это замѣчаніе, не повторяя того, что мы уже говорили, мы объяснимъ сперва, почему соразмѣрная пропорціональность въ дѣлимости существа предмета, принимаемаго за нормальный, должна

составлять его неотъемлемое свойство для выраженія цѣны, а потомъ уже перейдемъ къ самой системѣ выраженія стоимостей въ нормальномъ знакѣ, посредствомъ котораго, посредствующій предметъ можетъ удовлетворить вполнѣ требованію выразить отношеніе всѣхъ стоимостей между собою.

Всякій понимаетъ, что если предметъ, по своей сущности, необладаетъ способностію къ дробимости, то стоимость другихъ предметовъ можетъ выражаться въ его стоимости только въ такомъ случаѣ, когда онѣ или соотвѣтствуютъ полной его стоимости на цѣло, или заключаютъ полное количество такихъ стоимостей. Величины же менѣе его стоимости или такія, которыя соотвѣтствуютъ не полнымъ стоимостямъ посредствующаго предмета, слѣдовательно несовмѣщающіяся съ нимъ на цѣло, при выраженіи своемъ въ немъ, представятъ сложныя, неудобно представляющіяся общему понятію и совершенно противорѣчащія сущности предмета дроби, которыя на практикѣ рѣшительно не выразимы, по существу предмета, принимаемаго нами за посредствующій. Но если предметъ, принятый за единицу сравненія, по своей сущности можетъ быть дробимъ произвольно, но не во всѣхъ дѣленіяхъ своихъ представляетъ соразмѣрную пропорціональность стоимости, то выраженіе въ немъ стоимостей можетъ быть существеннымъ, для выраженія взаимнаго ихъ отношенія, только въ тѣхъ дѣленіяхъ, которыя по своей стоимости соразмѣрно пропорціональны. Не пропорціо-

нальныя же по своей стоимости дѣленія будутъ представлять какъ бы другой предметъ, неимѣющій къ системѣ принятаго предмета никакого соприкосновенія; слѣдовательно не могутъ выражать отношенія предметовъ между собою, по выраженію ихъ въ принятомъ для выраженія предметѣ. Пояснимъ это замѣчаніе примѣромъ.

Положимъ, что за посредствующій предметъ — единицу сравненія всѣхъ стоимостей, *единицу цѣны*, принято опредѣленное пространство, — хоть *десятина* земли.

Положимъ, что единица эта удовлетворяетъ двумъ первымъ условіямъ нормальности: т. е. что всѣ десятины земли совершенно одинаковы въ своемъ достоинствѣ и неизмѣняемы по существу; наконецъ, что равный трудъ, приложенный къ равному пространству земли, даетъ совершенно равную пользу; слѣдовательно всѣ десятины имѣютъ равную стоимость.

При таковомъ положеніи, десятина земли, въ отвлеченномъ значеніи, будетъ точно такая же единица цѣны, за какую, напримѣръ, мы теперь принимаемъ, также въ отвлеченномъ значеніи, рубль, и мы совершенно точно будемъ означать цѣны предметовъ если будемъ опредѣлять, что домъ, напримѣръ, стоитъ 200 десятинъ, лошадь $^1/_2$ десятины, корова $^1/_5$ и т. д. Но вѣдь земля имѣетъ свою стоимость, потому что каждый, владѣющій ею, можетъ обратить ее въ ниву, лугъ, или занять строеніемъ, и такимъ образомъ,

при помощи своего труда, извлекать изъ нея какой либо доходъ, или предоставить извлекать такой доходъ другому, а самому получать за то условное вознагражденіе. Болѣе земли, при условномъ равенствѣ ея стоимости, болѣе и дохода, пропорціонально количеству. Но, положимъ, что, при сравненіи малыхъ величинъ, мы должны будемъ дробить землю, что вовсе не противорѣчитъ ея сущности, и говорить, что то-то или то стоитъ $^1/_2$ десятины, $^1/_{100}$ часть, $^1/_{2400}$ десятины или одну квадратную сажень, и далѣе — столько то квадратныхъ вершковъ. Ясно, что на этихъ нѣсколькихъ вершкахъ или даже саженяхъ земли нѣтъ возможности устроить что либо, могущее принести существенную пользу; слѣдовательно нѣтъ возможности признавать стоимость ихъ соразмѣрно пропорціональною стоимости десятины, или по крайней мѣрѣ такой ея части, которая бы, по своему пространству, могла быть существенно полезною.

Изъ этого видно, что еслибы мы оцѣнивали предметы въ стоимости земли, то, означая эту стоимость въ малыхъ пространствахъ, мы нетолько не оцѣнили бы ихъ вѣрно, но оцѣнили бы ихъ ни во что, такъ какъ земля, при раздробленіи своемъ, можетъ имѣть послѣдовательную пропорціональность стоимости только до извѣстнаго предѣла; менѣе же этого предѣла она не можетъ вовсе имѣть цѣны, по невозможности какого либо полезнаго изъ нея употребленія; тогда какъ предметы и меньшей стоимости противу опредѣленнаго участка земли, могущаго

быть полезнымъ, имѣютъ все же соотвѣтственную своему достоинству стоимость, какъ бы стоимость эта мала ни была.

Чтобы представить осязательнѣе замѣчанія свои о необходимости пропорціональной соразмѣрности въ стоимости дѣленій предмета, мы приведемъ другой примѣръ:

Положимъ, что вы владѣете мѣстомъ въ 20 саженъ, по длинѣ Невскаго проспекта, опредѣленной ширины, въ пятнадцать саженъ, что ли? Будемъ принимать эту ширину за нормальную, чтобы болѣе о ней не упоминать. Обладая такимъ количествомъ земли на Невскомъ, владѣлецъ ея можетъ признавать себя обладателемъ извѣстнаго богатства, потому что сажень земли тамъ имѣетъ почти опредѣленную стоимость. Владѣлецъ можетъ построить на этой землѣ домъ и получать съ него опредѣленный доходъ, или предоставить построить домъ другому съ платежемъ ренты за землю. Тотъ, кто имѣетъ 40 саженъ, разумѣется вдвое богаче, а кто имѣетъ 10 вдвое бѣднѣе того кто имѣетъ 20. Но, тотъ, кто имѣетъ не десять, а только пять саженъ, тотъ не вдвое бѣднѣе имѣющаго 10, а несравненно болѣе чѣмъ вдвое; потому что по закону *) на пяти са-

*) Если мы неошибаемся, то менѣе 9 саженъ длиннику не позволяется строить домовъ въ первыхъ частяхъ города. Впрочемъ, если бы мы и ошиблись, особенно въ цифрахъ, то смыслъ примѣра, взятый для поясненія мысли, сохраняетъ свое полное значеніе.

женяхъ дома строить нельзя, и онъ не можетъ свою землю употребить такъ, чтобы она давала ему соотвѣтственный доходъ. Слѣдовательно 5 саженъ не имѣютъ соразмѣрной пропорціональности въ цѣнѣ противу 10 саженъ, такъ какъ 5 саженъ отдѣльно стоятъ дешевле, чѣмъ тѣже пять саженъ совокупно съ другими 5-ю, когда на нихъ можно произвести постройку; и если бы мы какой нибудь предметъ цѣнили въ десять саженъ, то совершенно невѣрно бы предположили, что половина этого предмета стоитъ пять.

Теперь, мы надѣемся, всякому понятно значеніе третьяго условія при выборѣ посредствующаго предмета: — *дробимость въ соразмѣрной пропорціоности стоимости во всѣхъ дѣленіяхъ*, и всякій понимаетъ, что, безъ соблюденія такого условія, не можетъ быть правильнаго выраженія стоимостей различныхъ предметомъ въ предметѣ, принимаемомъ за нормальную единицу сравненія, т. е. ту самую единицу, стоимость которой составляетъ основаніе системы выраженія всѣхъ цѣнъ или выраженія взаимнаго отношенія всѣхъ стоимостей.

Объяснивъ такимъ образомъ сущность свойства соразмѣрной пропорціональности стоимости во всѣхъ дѣленіяхъ посредствующаго предмета, и поставляя эту пропорціональность въ числѣ характерныхъ условій его принятія за норму сравненія, мы находимъ соотвѣтственнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, въ какой мѣрѣ свойство это можетъ

представить основаніе для системы выраженія стоимостей въ предметѣ, который такое свойство въ себѣ заключаетъ.

Положимъ напр. что лисій мѣхъ, принятый нами за посредствующій предметъ для всеобщаго выраженія въ немъ стоимостей, представлялъ бы въ себѣ совершенную соотвѣтственность всѣхъ своихъ экземпляровъ и достаточную прочность своего достоинства. Ясно, отвлеченное сравненіе съ нимъ стоимостей въ цѣлыхъ числахъ представляло бы надлежащую опредѣлительность; но эта опредѣлительность не могла бы относиться къ тѣмъ численнымъ величинамъ, которыя выражаютъ дѣленія не соотвѣтственныя пропорціональности единицы. По тождественности экземпляровъ одного вида, стоимость, выраженная двумя мѣхами, стоила бы ровно вдвое противу стоимости, выражаемой однимъ; но стоимость, напримѣръ, въ $2^1/_2$ раза противъ другой стоимости несоотвѣтствовала бы $2^1/_2$ мѣхамъ, если половина лисьяго мѣха не имѣетъ той пропорціональности, въ разсужденіи единицы, какую принятая дробь должна въ себѣ заключать. А если стоимость нормальнаго предмета несоотвѣтствуетъ выраженію стоимости въ немъ другихъ, то и нельзя въ немъ ихъ выражать; потому что такое выраженіе, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ опредѣлить взаимнаго ихъ отношенія между собою или ихъ цѣны. Потому, мы можемъ сказать, что если первыя два условія составляютъ основаніе сравненія, то третіе условіе — соразмѣрной пропорціо-

нальности во всѣхъ дѣленіяхъ — составляетъ неотъемлемую принадлежность систематическаго выраженія стоимостей въ посредствующемъ предметѣ, которое должно представлять надлежащую опредѣлительность и точность. Дѣйствительно, если бы, положимъ, лисій мѣхъ, обладалъ свойствомъ пропорціональной дѣлимости, то приведенная нами строка выраженія въ немъ стоимостей (таблица С) представила бы полное и правильное указаніе значенія каждой стоимости. Тогда, строка эта, какъ въ сложныхъ такъ и дробныхъ величинахъ, положительно опредѣлила бы каждый предметъ въ предметѣ нормальномъ, и *лисій мѣхъ*, принятый нами въ этой строкѣ за посредствующій, былъ бы единицею цѣны или монетою, въ ея отвлеченномъ пониманіи, въ которой всѣ стоимости могли бы выражаться. Мы, означая взаимное ихъ отношеніе, могли бы сказать утвердительно, что приведенная нами строка представляетъ полную систему выраженія цѣнъ, со всею надлежащею, для таковой системы опредѣлительностію и точностію; тогда какъ, безъ таковаго свойства пропорціональной дробимости лисьяго мѣха, выраженіе въ немъ всѣхъ цѣнъ въ систематической таблицѣ было бы немыслимо.

Впрочемъ, при существованіи такого свойства, намъ не было бы нужды не только прибѣгать къ какой либо таблицѣ, въ родѣ таблицы А, но даже къ сокращенной строкѣ С, для выраженія цѣнъ на что бы то ни было. Довольно было бы указать на отношеніе какихъ бы то ни было предметовъ къ нормаль-

ной единицѣ, чтобы выразить и отношеніе ихъ между собою. Числовая величина, выражающая отношеніе сравниваемаго предмета къ предмету нормальному, умственно опредѣлила бы значеніе этого предмета въ ряду другихъ, слѣдовательно опредѣлила бы и отношеніе ко всѣмъ другимъ.

Напр. мы знаемъ, что баранъ стоитъ $^1/_2$ лисьяго мѣха, мы хотимъ знать отношеніе его стоимости къ стоимости быка. Для того не нужно намъ означать какую бы то ни было строку отношеній стоимостей къ посредствующему предмету, а нужно только узнать отношеніе къ посредствующему предмету стоимости быка. Если мы это отношеніе опредѣлимъ, то опредѣлимъ и отношеніе стоимости быка къ стоимости даннаго предмета, именно стоимости барана. Въ нашей таблицѣ показано, что быкъ стоитъ 5 лисьихъ шкуръ; слѣдовательно стоимость барана и быка относятся какъ $^1/_2 : 5$, или мы можемъ сказать, что быкъ стоитъ десять барановъ. Но все это совершенно вѣрно и опредѣлительно выражается въ численной величинѣ, единица которой лисій мѣхъ, въ такомъ только случаѣ, если, какъ мы сказали, всѣ дѣленія мѣха, какъ въ сложныхъ такъ и дробныхъ величинахъ, соразмѣрно пропорціональны въ своей стоимости; т. е. если 10, 20, 100 мѣховъ представляютъ стоимости ровно въ десять, двадцать, сто разъ большія противъ одного, а $^1/_{20}$; $^1/_{40}$; $^1/_{100}$ и $^1/_{1000}$ представляютъ стоимости ровно въ двадцать, сорокъ, сто и тысячу разъ меньшія одного. Если же такой пропорціональности въ

стоимости дѣленій нѣтъ, то и система выраженій въ такомъ предметѣ, по своей сущности, уже не можетъ имѣть значенія; тоже самое какъ не можетъ быть опредѣлительнымъ выраженіе стоимости въ предметѣ, который не имѣетъ свойства тождественности экземпляровъ одного вида.

Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ и разсужденій мы приходимъ къ тому заключенію, что соблюденіе приведенныхъ нами трехъ условій при выборѣ посредствующаго или нормальнаго предмета, составляющихъ неотъемлемыя свойства монеты, образуетъ полную систему сравненія стоимостей и выраженія ихъ отношенія; т. е. полную систему выраженія цѣны, и что потому, если бы монета оставалась въ практической жизни только при отвлеченномъ ея значеніи, исходящемъ изъ теоретическаго пониманія ея сущности, то приведенныхъ нами трехъ условій выбора нормальнаго предмета было бы достаточно, для выраженія всѣхъ цѣнъ въ мірѣ въ правильной системѣ, имѣющей, въ основаніи своемъ, нормальный предметъ, принимаемый за единицу цѣны.

Но какъ — мы уже говорили, — въ практической жизни монета неограничилась только своимъ теоретическимъ значеніемъ *сравнивать* и *выражать;* положительная необходимость обращенія и обмѣна стоимостей вынудила придать ей новое значеніе — *замѣны;* — то и при выборѣ посредствующаго предмета на практикѣ потребовалась принять во вниманіе это новое условіе, т. е. избрать такой предметъ

который могъ бы служить не только выраженіемъ цѣны, но и замѣною стоимостей, которыхъ выражаетъ. Потому, что бы предоставить монетѣ свойство таковой замѣны, т. е. предоставить возможность быть *ходячимъ* знакомъ, не только выражающимъ и матеріально представляющимъ стоимости, но и замѣняющимъ ихъ собою, потребовалось разсмотрѣніе свойствъ, которыя могли бы предоставить, выражающему стоимости въ этомъ предметѣ, *знаку монеты* практическое обращеніе. Условныя свойства эти заключаются въ слѣдующемъ.

Удобство передачи такого предмета, т. е. если можно такъ выразиться *подвижность* предмета, избираемаго для выраженія цѣны.

Понятно, что такая подвижность составляетъ неотъемлемое свойство возможности передавать предметъ отъ одного къ другому или замѣнять соотвѣтственныя стоимости посредствующимъ предметомъ, по ихъ относительному достоинству. Нѣтъ подвижности, не можетъ быть и передачи, и посредствующій предметъ сохранитъ только свое отвлеченное значеніе, неимѣя возможности выполнить того практическаго характера, который отъ монеты требуется. Положимъ напр., мы взяли бы за единицу сравненія десятину земли; пусть наша единица соотвѣтствовала бы всѣмъ условіямъ выраженія, но, неимѣя вовсе той подвижности, посредствомъ которой можно бы было замѣнять ею другія стоимости, она положительно не могла бы представить изъ себя того

ходячаго знака, который въ практической жизни подъ словомъ монета разумѣютъ; который даетъ возможность обмѣнивать на него всякую стоимость, т. е. *покупать* и *продавать*, по тому удобству подвижности, которая, въ самомъ существѣ посредствующаго предмета, какъ монеты, должна заключаться, въ видѣ одного изъ существенныхъ условій ея практическаго значенія. Слѣдовательно *подвижность* должна составлять непремѣнную принадлежность посредствующаго предмета, чтобы онъ въ дѣйствительности могъ быть *ходячимъ* знакомъ, замѣняющимъ другія стоимости; а потому и самое избраніе его должно ограничиваться только такого рода предметами, которые легко могутъ быть передаваемы, слѣдовательно могутъ представлять изъ себя ходячій знакъ, который бы, представляя собою опредѣленную единицу, могъ бы, въ собирательныхъ и дробныхъ знакахъ этой единицы, быть посредникомъ для замѣны одной стоимости другою.

Наконецъ, послѣднее условіе при выборѣ посредствующаго предмета для сравненія, исходящее изъ той же необходимости движенія или обращенія между людьми, заключается въ необходимости всеобщаго сознанія его пользы, всеобщаго сознанія его стоимости, или, другими словами, послѣднее условіе выбора посредствующаго предмета заключается въ томъ, чтобы избираемый нами предметъ сравненія вообще былъ нуженъ всѣмъ.

Мы уже говорили о томъ, что выраженіе первыхъ

запасовъ труда должно было означаться въ предметахъ общей потребности. Оно понятно, запасы могли дѣлаться только тому въ чемъ предвидѣлась надобность. Не менѣе того считаемъ не лишнимъ повторить, что сущность внутренняго достоинства монеты заключается въ ея общей необходимости. Странно бы было оцѣнивать предметы въ томъ, что никому не нужно, слѣдовательно ни для кого не можетъ имѣть цѣны. Это было бы тоже самое, что для математической величины принять за единицу мѣры 0; т. е. положительно невозможно, ибо въ практическомъ значеніи монеты, какъ знака обмѣнивающаго стоимости, такого, не нужнаго никому знака, никто не возьметъ въ замѣнъ отдаваемой стоимости. Даже и въ томъ случаѣ, еслибы, выбранный нами знакъ имѣлъ дѣйствительную стоимость, онъ могъ бы представлять собою единицу цѣны только тамъ, гдѣ стоимость его извѣстна, достоинство его цѣнится, гдѣ на него всегда есть требованіе; тамъ же, гдѣ достоинства его не знаютъ, требованія на него нѣтъ, ясно стоимость его не можетъ имѣть значенія монеты, долженствующей представлять знакъ для обращенія между всѣми. Положимъ напр., что мы бы захотѣли выразить цѣну всѣхъ предметовъ, гдѣ нибудь въ углу Вятской или Архангельской губерній въ бриллiантахъ. Бриллiанты имѣютъ опредѣленную стоимость тамъ, гдѣ на нихъ есть требованіе; достоинство ихъ неизмѣнно, и, положимъ, что мы бы имѣли достаточное количество ихъ совершенно одинаковыхъ, напр., въ

каратъ и одинаковой воды и стоимости; а также, положимъ, у насъ было бы достаточно брилліантовъ меньшаго вѣса, могущихъ выразить части карата; такъ что мы, брилліантами, могли бы представить цѣлую систему выраженія стоимостей. Но ясно, что со всѣмъ нашимъ брилліантовымъ богатствомъ, мы не купили бы у тамошней мордвы или самоѣдовъ кринки молока и куска чернаго хлѣба, потому что никто не сталъ бы мѣнять свои дѣйствительныя и извѣстныя стоимости на нѣчто неизвѣстное, не опредѣленное, что, въ ихъ понятіи, вовсе не имѣетъ цѣны; а сбытъ въ другія мѣста имъ неизвѣстенъ. Разумѣется, можетъ быть нашлись бы и между чувашами и мордвой кто нибудь, кому бы понравился блескъ предлагаемыхъ камней, и которые купили бы ихъ какъ предметъ нравящійся глазу; вѣдь дикари покупали же разноцвѣтныя стекла и бусы; но это было бы только удовлетвореніе личнаго желанія, инстинктивное стремленіе къ роскоши и блеску, а не правильная оцѣнка стоимости, которой бы, до ближайшаго знакомства съ свойствами брилліанта и существующими на него требованіями въ другихъ мѣстахъ, они бы не понимали. Такимъ образомъ, между чувашами и мордвой не было бы никакой возможности сообщить брилліантамъ значеніе монеты, до тѣхъ поръ, пока — или казначейство, или какой нибудь, извѣстный имъ капиталистъ, необъявили имъ, что они принимаютъ брилліанты по опредѣленной цѣнѣ; но и тогда они стали бы ихъ принимать, собственно только по довѣренно-

сти къ объявленію, а не потому, чтобы сознавали ихъ стоимость.

Указавъ на условія, которыя долженъ имѣть предметъ принимаемый за нормальный, какъ единица сравненія стоимостей, для опредѣленія цѣны всевозможныхъ предметовъ, мы скажемъ, что эти условія и составляютъ свойства монеты. Понятно! Предметъ избирается для того, чтобы быть единицею сравненія и ходячимъ знакомъ въ обращеніи. Монета и есть именно этотъ ходячій знакъ, эта обращающаяся единица сравненія стоимостей; слѣдовательно условія, которыя мы признаемъ необходимыми при избраніи предмета, есть свойства того, для чего мы данный предметъ избирали, — или свойства монеты. Перечислимъ здѣсь эти свойства, чтобы ближе ознакомится съ тою сущностію, которую монета должна въ себѣ заключать: a) тождественность стоимости въ равныхъ дѣленіяхъ; b) неизмѣняемость внутренняго достоинства; c) соразмѣрная пропорціональность и дробимость предмета въ своемъ существѣ; d) подвижность въ самомъ знакѣ, и наконецъ, e) общая потребность сущности предмета и общеее сознаніе его стоимости.

Соображая необходимость этихъ свойствъ, составляющихъ условія при выборѣ посредствующаго предмета, для выраженія въ немъ цѣнъ всѣхъ стоимостей, и разсматривая различнаго рода предметы, изъ которыхъ, въ отвлеченномъ понятіи, каждый могъ представлять собою единицу сравненія, мы приходимъ

невольно къ тому убѣжденію, что изъ всѣхъ стоимостей можетъ удовлетворять означеннымъ условіямъ только одинъ видъ предметовъ, который, самъ по себѣ, не имѣя никакого передъ другими предметами преимущества, въ отвлеченномъ понятіи о его стоимости, представляетъ въ дѣйствительности столь осязательное соединеніе требуемыхъ свойствъ, что долженъ получить предъ всѣми предпочтеніе. Этотъ видъ предметовъ заключается въ металлахъ.

И дѣйствительно, мы уже видѣли, что нѣтъ возможности въ настоящее время принимать за единицу стоимостей домашнихъ животныхъ, по разнообразію ихъ цѣны въ одинакихъ экземплярахъ и ихъ недѣлимости; точно также невозможно опредѣлять цѣну въ землѣ и домахъ, — по ихъ неподвижности; нельзя опредѣлять цѣну въ шкуркахъ звѣрей и тканяхъ, — по неудовлетворительности равенства стоимостей въ тождественныхъ величинахъ и непрочности; нельзя въ произведеніяхъ искусства — по исключительности образцевъ, отсутствіи общаго требованія и общаго сознанія стоимости; а также по невозможности ихъ дробленія... Невозможно опредѣлять цѣну въ мѣрахъ хлѣба и предметахъ домашняго хозяйства — тоже по неудовлетворительности равенства стоимости въ равныхъ величинахъ, не удобству передвиженія или не всегдашней въ нихъ всеобщей необходимости... Сколько бы мы не перебирали такимъ образомъ предметовъ, въ каждомъ найдемъ, что онъ неудовлетворяетъ тому или другому условію, чтобы представлять собою нор-

мальную величину — быть единицею цѣны, монетою для обращенія. Каждый въ чемъ либо не соотвѣтствуетъ свойствамъ, которыя отъ монеты требуются. Единственно только металлы заключаютъ въ себѣ всѣ эти свойства, удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, всѣмъ условіямъ; потому, ясно, что, въ этомъ случаѣ, всѣ предметы должны были уступить металламъ полное преимущество.

Только опредѣленнаго вѣса и достоинства куски металла имѣютъ то необходимое для монеты совершенно точное равенство въ равныхъ величинахъ; полную, можно сказать, тождественность, по своему существу, во всѣхъ экземплярахъ одного и того же вида, о которой мы говорили, какъ о первомъ условіи монеты въ практическомъ ея значеніи; прочность металловъ превосходитъ прочность большей части предметовъ; стоимостъ ихъ всегда соразмѣрно пропорціональна во всѣхъ дѣленіяхъ, вполнѣ удобныхъ по свойству дѣлимости металловъ. Всеобщее сознаніе стоимости металловъ, наконецъ ихъ подвижность и удобство обращенія, — совокупно заставляютъ признать металлы единственными предметами, способными выразить въ своей стоимости всѣ стоимости на свѣтѣ, и представлять собой ту нормальную величину сравненія, которая удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, всѣмъ условіямъ, чтобы быть монетою въ обращеніи.

Къ этому заключенію мы приведены теоретическимъ разсмотрѣніемъ свойствъ предметовъ и спо-

собовъ выраженія въ нихъ стоимостей, — слѣдовательно путемъ логическаго анализа и наведенія. Къ этому же заключенію привела народы и практика исторической жизни.

Исподоволь, мало по малу, развивались сношенія между людьми первобытными и вызывали необходимость мѣны естественныхъ произведеній природы и труда; слѣдовательно, какъ мы говорили, вызывали и сравненіе между собою стоимостей, по ихъ относительному достоинству. Исподоволь создавались единицы сравненія въ каждой отдѣльной мѣстности, въ каждомъ кружкѣ, который, сближаясь плотнѣе и плотнѣе съ общими требованіями и направленіемъ жизни, придавалъ общее значеніе нѣкоторымъ предметамъ, представляющимъ общую потребность. Эти мѣстныя единицы, сравниваясь одна съ другою, въ свою очередь приводили къ выбору другихъ единицъ, болѣе общихъ, какъ по удобству выраженія въ нихъ нужныхъ предметовъ, такъ и по ихъ значенію, обнимающему бо̀льшій раіонъ потребителей.

Такимъ образомъ, мало по малу, понятія приводились къ ясному сознанію стоимости и ея дѣйствительному значенію, какъ по ея матеріальному существу, такъ и по относительности ея значенія къ другимъ стоимостямъ. Сравненіе и обмѣнъ объусловливались взаимнымъ условіемъ, по сознанію отношенія обмѣниваемыхъ предметовъ къ какой либо единицѣ, которой стоимость было доступна пониманію обмѣнивающихся; и выраженіе цѣны, ясно, получало значеніе,

по той увѣренности, которая развивалась въ обществахъ, относительно положительности и постоянства цѣны предметовъ, составляющихъ общую потребность въ извѣстномъ раіонѣ потребителей. Въ эту минуту стали показываться металлы. Сперва въ грубомъ, неочищенномъ видѣ, они могли имѣть только ограниченное значеніе, и то болѣе какъ рѣдкость, нравящаяся глазу; но вскорѣ люди должны были сознать достоинства металловъ, уже въ ихъ настоящемъ значеніи, съ послѣдовательнымъ изученіемъ ихъ свойствъ.

Пусть всякій представитъ себѣ то вліяніе, которое появленіе металловъ должно было произвести въ каменномъ періодѣ первобытнаго человѣчества; когда даже ножи, для ежедневнаго потребленія, могли быть приготовлены только изъ кремня; когда вмѣсто топора долженъ былъ служить заостренный, неимовѣрными усиліями, камень; защита отъ хищныхъ звѣрей и воздѣлываніе земли могли производиться только деревянными и каменными орудіями. Разумѣется появленіе металловъ должно было совершить переворотъ въ жизни, въ понятіяхъ, въ требованіяхъ.... Преданіе о Вулканѣ — опоэтизированное художественнымъ геніемъ Грековъ, но выразившееся подъ разными формами во всѣхъ древнихъ миѳологіяхъ, доказываетъ уже какъ велико было значеніе этого открытія, которое, можно сказать, поставило человѣчество въ главу земной природы, получаемымъ отъ нея же орудіемъ. И точно, въ металлахъ должны были

почувствовать нужду всѣ, и потому должны были сознать всеобщность ихъ стоимости. А при такомъ сознаніи, металлы должны были сами по себѣ составлять выраженіе накопляемыхъ богатствъ. Ясно, что тотъ долженъ былъ признаваться богатымъ, у кого было много накоплено металловъ, за которые охотно отдавали всѣ другія стоимости. Понятно, что это значеніе металлы получили сами по себѣ, сперва какъ предметъ всѣмъ нужный, — или пожалуй какъ товаръ, имѣющій обезпеченный сбытъ, а потомъ уже какъ выраженіе стоимостей, какъ монета въ заранѣе приготовленныхъ и измѣренныхъ кускахъ, долженствующихъ представлять разныя стоимости; слѣдовательно уже совершенно въ видѣ монеты, какъ мы и въ настоящее время, въ практической жизни, ее понимаемъ. Сперва даже и въ металлѣ выраженіе стоимостей должно было быть непосредственнымъ. Нужна была кому нибудь мѣдная лопата, а у него была лишняя корова; онъ отдавалъ свою корову за мѣдь для лопаты, или на корову покупалъ себѣ лопату, по взаимной относительности стоимостей, какъ означали мы стоимости въ таблицѣ А, — гдѣ стоимость каждаго металла должна была имѣть свое мѣсто.

Впрочемъ, вѣдь это же положеніе сохранилось и до сихъ поръ, въ современной, уже развитой цивилизаціи человѣчества. Если по какому либо случаю затрудняется обращеніе металла, а есть предметъ, имѣющій всеобщее требованіе, то онъ становится немедленно выразителемъ цѣны, по всеобщности своего значенія.

Весьма недавно, на голландской биржѣ, луковицы тюльпановъ имѣли значеніе монеты; а въ послѣднюю сѣверо-американскую войну, крайнее положеніе конфедератовъ вынудило въ мелочной торговлѣ южныхъ штатовъ обращеніе новой единицы — *мотка нитокъ;* у насъ, въ замѣнъ исчезнувшей мелочи, обращались почтовыя марки...

Подобное обращеніе различныхъ стоимостей, въ видѣ сравнительной единицы, при обмѣнѣ предметовъ, должно было, непремѣнно, имѣть совершенно независимое движеніе при появленіи металловъ, и первомъ полученіи ими ихъ абсолютнаго значенія. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ сознаніе этого значенія, мало по малу, распространялось между всѣми, то ясно должно было и выраженіе цѣны въ другихъ стоимостяхъ приводиться къ выраженію ея въ стоимости металла, и такимъ образомъ вводить понятіе о выраженіи цѣны въ сущности металла въ общее сознаніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что таковымъ металломъ, выразившимъ собою всѣ стоимости, была первоначально мѣдь. Предположеніе это основывается, во первыхъ на томъ, что мѣдь всего легче могла быть открыта въ своемъ естественномъ видѣ первоначальными людьми и всего легче можетъ быть обработываема; во вторыхъ на томъ, что историческія изысканія положительно доказали, что практическое употребленіе мѣди въ жизни началось прежде всѣхъ другихъ металловъ, и что она, исключительно, употреблялась на выдѣлку всѣхъ орудій, необ-

ходимыхъ въ тогдашнемъ быту людей, отмѣченныхъ историками именемъ *бронзоваго* періода; слѣдовательно, прежде всѣхъ другихъ должна была получить значеніе всеобщей стоимости; и наконецъ, въ третьихъ, на томъ всеобщемъ обращеніи, которое мѣдныя монеты имѣли и имѣютъ во всѣхъ цивилизаціяхъ, во всѣхъ обществахъ, даже въ наше время. Но мѣдь, легко подвергаясь окисленію отъ внѣшнихъ причинъ, стало быть, не представляя достаточной прочности своего существа, и разсѣянная во множествѣ по поверхности земнаго шара, слѣдовательно, непредставляя собою высокой стоимости, должна была уступить свое значеніе нормальнаго предмета для выраженія цѣны, благороднымъ металламъ при ихъ первомъ появленіи. Сохраняя въ себѣ всѣ достоинства мѣди какъ металла, и всѣ качества, необходимыя для удовлетворенія потребностей жизни, благородные металлы — золото и серебро, — должны были поразить первоначальныхъ людей своимъ блескомъ, тягучестію, неизмѣняемостію своего достоинства, и притомъ, — по трудности добыванія ихъ, представили собою столь значительную стоимость, что должны были стать во главѣ выраженія богатства, стало быть и нормальной величиной сравненія стоимостей.

Въ послѣдствіи было открыто еще нѣсколько металловъ, но они уже немогли стать на одну высоту съ этими двумя благородными металлами, можно сказать, всеобщаго употребленія; во первыхъ потому,

что открываемые металлы были большею частію низшаго достоинства, и добываясь въ большомъ количествѣ, не могли представить изъ себя для нихъ соперничествующихъ стоимостей; а во вторыхъ потому что, даже металлы высшей стоимости, каковы платина и алюминій, не могли получить всеобщаго значенія, по исключительности потребленія, трудности обработки и недавности своего открытія, которое недало освоиться съ ихъ стоимостію массамъ народонаселенія. Потому, только два металла, золото и серебро, заключая въ себѣ признаваемую цѣлымъ міромъ стоимость, остаются единственными предметами, удовлетворяющими всѣмъ условіямъ монеты, какъ выраженію стоимостей въ ходячемъ знакѣ, соотвѣтствующемъ всѣмъ требуемымъ отъ такого знака условіямъ, и заключающемъ всѣ нужныя свойства.

Слѣдовательно въ золотѣ и серебрѣ, и только въ золотѣ и серебрѣ, могли и могутъ выражаться цѣны всевозможныхъ предметовъ, начиная отъ самыхъ грубыхъ проявленій матеріальной стоимости, до геніальныхъ произведеній мысли; а потому, мы заключаемъ: только изъ нихъ, этихъ двухъ металловъ, которыхъ, по ихъ высокому достоинству и ихъ прочности, называютъ благородными, можетъ быть избрана единица сравненія, долженствующая, въ отвлеченномъ значеніи, представлять *единицу цѣны*, т. е. основаніе системы, для выраженія всѣхъ стоимостей и ихъ взаимнаго отношенія. А отсюда

уже, ясно, что только опредѣленная и строго соразмѣренная величина благородныхъ металловъ, дробимая и дѣлимая въ соразмѣрной стоимости, можетъ быть принята, въ практической жизни, за *единицу монеты*, и какъ выраженіе всѣхъ стоимостей на свѣтѣ, и какъ знакъ, таковыя стоимости представляющій и замѣняющій....

III.

Теорія цѣны.

Основываясь на сдѣланномъ нами выводѣ, что только два металла — золото и серебро, — единственные предметы, которые, по своимъ свойствамъ, могутъ представлять изъ себя норму сравненія стоимостей и выраженіе этого сравненія въ матеріальныхъ знакахъ, мы приходимъ къ тѣмъ основаніямъ, на которыхъ опирается значеніе монетныхъ системъ въ практической жизни. Теперь намъ представляется уже не отвлеченное разсужденіе о сущности и значеніи монеты какъ условно принятой единицы для выраженія сравненія, но анализъ практическаго монетнаго знака, въ которомъ дѣйствительно выражается цѣнность всѣхъ стоимостей.

Но чтобы такой анализъ имѣлъ практическое значеніе, должно, чтобы въ немъ, какъ самое понятіе о сравненіи стоимостей, такъ и выраженіе его матеріальными знаками, получило опредѣленный смыслъ; т. е. необходимо, чтобы теоретическіе выводы и

указанія, истекая изъ логическихъ законовъ разума, опирались на практическую почву дѣйствительнаго выраженія стоимостей въ опредѣленныхъ монетахъ изъ золота и серебра.

Мы хотимъ этимъ сказать, что, съ одной стороны, практическое удобство выражать всякую стоимость соотвѣтственнымъ знакомъ монеты, весьма естественно, возбуждаетъ вопросы: какимъ образомъ, посредствомъ отвлеченнаго сравненія стоимостей съ стоимостію золота и серебра, получается численная величина цѣны, выражаемая матеріальными знаками; отчего такая цѣна зависитъ, и какія условія заключаются въ ея выраженіи? — Слѣдовательно, практическое положеніе требуетъ себѣ теоретическаго разсмотрѣнія, которое можетъ удовлетворить только отвлеченный анализъ. Съ другой стороны — логическіе выводы понятія о сущности монеты и ея значеніи вызываютъ требованіе практическихъ указаній тѣхъ явленій, которыми приведенные выводы поддерживаются въ дѣйствительной жизни; опредѣленія причинъ отчего происходятъ въ самихъ явленіяхъ отступленія отъ логической правильности, и объясненія, — чѣмъ приведеніе этихъ отступленій въ правильное положеніе должно руководствоваться? Стало быть теорія, для своего развитія, требуетъ практическихъ основаній, которыя можетъ указать и опредѣлить только прошлая жизнь, — т. е. исторія.

Ясно, что отвѣты на предложенные вопросы должны удовлетворять обѣимъ сторонамъ мышленія;

т. е. должно, чтобы они, руководствуясь логическою нитью понятій, исходящихъ изъ разумнаго понимания сущности цѣны, въ тоже время, совпадали съ явленіями практической жизни, которымъ служили бы объясненіемъ.

А такое совпаденіе началъ анализа съ практическими явленіями жизни, или, лучше сказать, логическое изысканіе началъ, на которыхъ практическія явленія основываются въ абсолютныхъ законахъ разума, и есть то, что мы называемъ *теоріей цѣны*, въ отличіе отъ практическихъ особенностей, которымъ цѣна подчиняется въ дѣйствительности.

Всякій понимаетъ, что такая теорія происходитъ существенно изъ разсмотрѣнія практическихъ данныхъ по ихъ сущности. Но, представляя указаніе основныхъ началъ, она становится уже закономъ, которому практическія данныя должны подчиняться.

Такимъ образомъ, практическій анализъ подчиняется синтезу мышленія, и теорія цѣны представляетъ намъ, первоначально, чисто отвлеченный разборъ умозрительныхъ истинъ, имѣющихъ абстрактное значеніе; слѣдовательно представляетъ анализъ мысли, — внѣ всѣхъ практическихъ условій, которымъ примѣненіе этой мысли въ жизни должно руководствоваться. — Потомъ уже, на основаніи общихъ законовъ, принимаются въ соображеніе и тѣ практическія условія, которыя необходимо было къ нимъ примѣнить. Въ этомъ смыслѣ, теорія цѣны должна представить такое же отвлеченное

разсужденіе о значеніи цѣны, въ какомъ, напр., статика разсматриваетъ равновѣсіе силъ, въ ихъ абстрактномъ значеніи, безъ всякаго отношенія этого равновѣсія къ динаммическимъ поправкамъ, которыя, потомъ, практическая механика должна принять въ соображеніе, при обсужденіи дѣйствія силъ въ ихъ практическомъ явленіи.

Но какъ, — мы уже сказали, что теоретическія выводы могутъ только тогда быть признаваемы основательными, когда они въ себѣ практическія явленія заключаютъ, то, развивая умозрительную теорію, мы должны безпрерывно обращаться къ практическимъ указаніямъ, которыя сущность ея поддерживаютъ и разъясняютъ.

Наше понятіе о цѣнѣ, выраженное въ видѣ отвлеченной идеи, и даже опредѣляемое матеріальнымъ знакомъ въ отвлеченномъ представленіи, — будто не существуетъ матеріальныхъ причинъ, которымъ цѣна должна подчиняться, — разумѣется не можетъ представить практическаго вывода. Но оно представляетъ логическое указаніе, которое заключаетъ для этого практическаго вывода разумное начало. Пусть общій видъ теоретическаго взгляда не принимаетъ во вниманіе ни мѣста, ни времени, ни пространства, ни естественныхъ препятствій и требованій, — и теорія цѣны пусть представляетъ, за тѣмъ, только ея *міровое*, абсолютное значеніе въ общихъ чертахъ отвлеченной идеи; но эта отвлеченная идея, этотъ общій взглядъ, укажутъ намъ законъ, кото-

рому должны подчиняться практическія явленія, съ принятіемъ опредѣленныхъ частныхъ условій, съ которыми означенныя явленія совпадаютъ.

По такому общему закону, которому должны подчиняться частности, легко уже будетъ опредѣлить, — какое вліяніе должна имѣть и на самое значеніе цѣны практическая жизнь, по тѣмъ даннымъ, какія въ этой жизни представятся. Подобное указаніе будетъ тоже, что астрономическое вычисленіе возмущеній, производимыхъ спутниками въ движеніи планетъ, которыхъ орбиты совершенно извѣстны.

Логическое опредѣленіе правильнаго пониманія укажетъ и на тѣ отступленія, которыя выраженіе стоимостей въ практической жизни принимаетъ, и, само собою, объяснитъ тѣ противорѣчія, которыя дѣйствительность, — какъ въ своемъ историческомъ развитіи, такъ и въ насущныхъ требованіяхъ опредѣленнаго положенія, — противупоставляетъ раціональнымъ требованіямъ разумныхъ началъ. Такимъ образомъ теорія дастъ выводъ, дастъ основаніе, а уже на этомъ основаніи могутъ опираться практическія данныя, долженствующія съ нимъ совпадать.

Для того, чтобы достигнуть основанія такого логическаго вывода, исходящаго изъ самой сущности понятія о цѣнѣ, мы припомнимъ въ короткихъ словахъ то, что мы сказали о цѣнѣ и ея выраженіи, разсматривая общее значеніе относительнаго сравненія стоимостей между собою.

Цѣна предмета, сказали мы, есть выраженіе отношенія его стоимости къ стоимости всѣхъ другихъ предметовъ. Отношеніе чего бы то ни было къ чему бы то ни было опредѣляется не иначе какъ сравненіемъ. Сравнивать разнородные предметы можно только по ихъ общимъ свойствамъ. Отвлеченное сознаніе стоимости каждаго предмета есть общее свойство всѣхъ предметовъ. Потому — сравненіе всѣхъ предметовъ между собою, по отвлеченному сознанію стоимости каждаго, — представляетъ логическій способъ опредѣленія цѣны, по дѣйствительному значенію каждаго предмета въ ряду другихъ предметовъ.

Но какъ опредѣлять стоимости сравненіемъ, каждой отдѣльно, со всѣми другими, уже по самому безчисленному множеству сравненій, невозможно, то практическая жизнь вынуждена была обратиться къ предмету посредствующему, основываясь на томъ законѣ, что чрезъ сравненіе двухъ какихъ либо предметовъ съ однимъ и тѣмъ же третьимъ, всегда получается отношеніе между первыми двумя. Стоимость посредствующаго предмета принята за нормальную, слѣдовательно, отношеніемъ къ ней всѣхъ другихъ стоимостей, опредѣляется взаимное отношеніе ихъ между собою, т. е. опредѣляется цѣна всѣхъ предметовъ.

За посредствующій предметъ въ дѣйствительной жизни, по свойству предметовъ, признано возможнымъ принять только золото и серебро. Понятно, что отношеніемъ отвлеченнаго сознанія стоимости какого либо предмета къ отвлеченному сознанію стои-

мости нормальнаго металла — опредѣлится цѣна этого предмета, или его дѣйствительное значеніе по своей стоимости.

На этомъ основаніи, мы можемъ заключить, что въ практической жизни цѣна предмета опредѣляется взаимнымъ отношеніемъ отвлеченнаго сознанія стоимостей этого предмета и нормальнаго металла, золота или серебра; или просто, что въ практической жизни, подъ опредѣленіемъ цѣны разумѣютъ: отношеніе стоимости предмета къ стоимости золота или серебра.

Но такое практическое опредѣленіе цѣны нисколько не противорѣчитъ логическому ея пониманію, такъ какъ мы уже доказали, что отношеніемъ стоимостей предметовъ къ стоимости посредствующаго или нормальнаго предмета, совершенно точно опредѣляется и взаимное ихъ отношеніе.

Въ этомъ смыслѣ, практическое значеніе цѣны предмета, выраженное въ стоимости металла, представляется намъ тѣмъ именно указателемъ значенія стоимостей въ ряду другихъ, которое опредѣляетъ ихъ относительное положеніе или ихъ цѣну, и о которомъ мы говорили, какъ о сущности теоретическаго значенія монеты. Слѣдовательно выраженіе стоимостей въ металлѣ, обозначая въ практической жизни цѣну предметовъ, совершенно точно и правильно истекаетъ изъ ея логическаго пониманія, такъ какъ правильно и точно опредѣляетъ отношеніе, которое данный предметъ, по своей стоимости, къ стоимостямъ другихъ предметовъ имѣетъ.

Теперь намъ слѣдуетъ говорить о сравненіи *отвлеченнаго сознанія стоимостей* предметовъ и нормальнаго металла. Но ясно, что для того, чтобы такое сравненіе имѣло практическій смыслъ, даже и въ отвлеченномъ изложеніи теоріи, должно чтобы оно опиралось на значеніе стоимостей въ практической жизни.

Значеніе стоимостей, въ свою очередь, должно исходить изъ сущности логическаго понятія о стоимости вообще. И вотъ намъ представляется опять тотъ же вопросъ, отъ отвѣта на который мы уже однажды уклонились: вопросъ логическаго опредѣленія понятія о стоимости.

Чтобы не вдаваться въ безконечныя отступленія, мы и теперь станемъ разсматривать вопросъ этотъ съ исключительно практической точки зрѣнія, на сколько онъ относится къ теоретическому пониманію цѣны, признавая, что теоретическое понятіе о стоимости, во всѣхъ ея видахъ, усвоено читателями.

Въ практической жизни значеніе стоимости обусловливается двумя данными: во первыхъ сущностію самого предмета, — стоимостію его по существу, или, какъ мы её назвали, стоимостію *матеріальною;* во вторыхъ, отношеніемъ этого предмета къ практическимъ требованіямъ жизни, слѣдовательно стоимостію *относительною*.

Стоимость *матеріальная*, какъ показываетъ значеніе самого слова, зависитъ исключительно отъ сущности самого предмета въ опредѣленномъ и пол-

номъ соединеніи его свойствъ. Она представляетъ именно самый предметъ въ его матеріальномъ значеніи, въ его существѣ и свойствахъ, дающихъ ему опредѣленное значеніе, слѣдовательно и стоимость.

Стоимость *относительная* исходитъ изъ частныхъ условій практической жизни, условій потребленія и обмѣна произведеній и удобства ихъ передвиженія, опредѣляемыхъ *спросомъ* на данный предметъ или его требованіемъ, по необходимости потребленія, и количествомъ *предложенія*, которое могло бы показанное требованіе удовлетворить.

Слѣдовательно опредѣленіе отношенія между стоимостями какихъ либо двухъ предметовъ зависитъ отъ взаимнаго сравненія, по каждому предмету, трехъ данныхъ: *сущности* предметовъ, *спроса* на нихъ или требованія, и *предложенія*, или возможности это требованіе удовлетворить. Въ разсужденіи сравненія стоимостей предметовъ съ стоимостію нормальнаго металла для выраженія ихъ цѣны, ясно должны приниматься тѣже основанія: т. е. сущность, спросъ и предложеніе; такъ какъ основанія сравненія не измѣняются отъ того, что одинъ изъ сравниваемыхъ предметовъ принятъ за нормальный при другихъ сравненіяхъ.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ основаній сравненія отдѣльно, потому что каждое изъ нихъ имѣетъ свое отдѣльное значеніе, которыя потомъ сливаются въ выраженіи ихъ однимъ числомъ.

Сущность предметовъ, какъ мы говорили, должна представлять самый предметъ въ его матеріальномъ

значеніи; она болѣе или менѣе должна объусловливать ему мѣсто въ ряду другихъ предметовъ, по содержанію тѣхъ данныхъ, которыя положительно въ себѣ заключаетъ, и которыя опредѣляются, какъ мы сказали, полнымъ соединеніемъ свойствъ предмета, придающихъ ему положительное значеніе. Но чтобы опредѣлить значеніе такой сущности, слѣдовательно и значеніе матеріальной стоимости, которую сущность предмета представляетъ, ясно должно прибѣгнуть къ сравненію, потому что отвлеченное представленіе чего бы то нибыло, въ абсолютномъ значеніи, не можетъ дать логическому анализу никакого вывода. А сравненіе объусловливаетъ уже относительность значенія. Слѣдовательно матеріальная стоимость, не смотря на противорѣчіе, которое представляетъ самимъ своимъ названіемъ стоимости относительной, въ самомъ основаніи понятіи своего, непремѣнно эту относительность заключаетъ. И точно, значеніе матеріальной стоимости мы можемъ сознать не иначе, какъ тоже посредствомъ сравненія, т. е. по отношенію этой стоимости къ другимъ, и опредѣленіемъ того мѣста, которое оно, по своей сущности, занимаетъ между ними. Не довольно сказать напр. что золото дорого, а мѣдь дешева; такое опредѣленіе ничего не докажетъ и ничего не выразитъ; нужно сравнить то и другое между собою, или по сравненію съ третьимъ предметомъ, чтобы заключить, какое значеніе матеріальная стоимость золота имѣетъ относительно матеріальной же стоимости мѣди.

Разумѣется сравненіе это, для опредѣленія матеріальной стоимости, можетъ быть *видимое, явное,* — когда мы сравниваемъ данный предметъ съ другимъ предметомъ, имѣющимъ къ нему близкое значеніе, и видимо опредѣляемъ значеніе одного другимъ; въ родѣ того, напр. когда говоримъ, что трудъ полученія или производства предмета, до извѣстной степени, означаетъ его стоимость, или когда количество стоимости даннаго предмета опредѣляемъ количествомъ употребленнаго на него труда; — или *тайное, скрытое,* когда матеріальная стоимость предмета опредѣляется другими видами значенія, которые заключаютъ въ себѣ сравненіе въ скрытомъ положеніи, въ родѣ того какъ мы напр. опредѣляемъ стоимость даннаго предмета по собирательной стоимости его происхожденія, или по относительному значенію его свойствъ. Всякій понимаетъ, что то и другое опредѣленіе стоимости предмета представляютъ тоже сравненіе, такъ какъ каждое въ себѣ сравненіе заключаетъ; но, по своей формѣ, скрытое сравненіе представляетъ другой видъ, который сообщаетъ самому опредѣленію матеріальной стоимости болѣе прочную основу, чѣмъ какую можетъ предоставить ему видимая относительность сравненія.

На основаніи этого послѣдняго замѣчанія, именно о прочности значенія матеріальной стоимости по опредѣленію ея стоимостію происхожденія или изученію свойствъ самого предмета, стоимость котораго опредѣляется, создалась цѣлая наука, извѣстная въ прак-

тической жизни подъ именемъ *товаровѣдѣнія*. Эта наука, указывая вскользь на относительность значенія матеріальной стоимости, и слегка касаясь спроса и предложенія, какъ основаній стоимости относительной, — разсматриваетъ предметы исключительно по ихъ существу, опредѣляемому ихъ происхожденіемъ и ихъ свойствами. Она разбираетъ, напримѣръ, что аршинъ такой-то матеріи требуетъ столько-то шелку, столько-то бумаги, и можетъ быть сработанъ во столько-то времени и такими-то средствами, а цѣна этому шелку такая-то, бумаги такая-то; работа стоитъ столько-то, средства столько, — слѣдовательно аршинъ этой матеріи долженъ стоить то-то. Производство тогоили другаго требуетъ затраты такого-то капитала, который приносилъ бы такіе-то проценты; потомъ требуетъ столькихъ-то рабочихъ рукъ, столько-то матеріала, такой-то цѣнности, — слѣдовательно объусловливаетъ себѣ такую-то цѣну. Самая работа опредѣляется въ своей стоимости обязанностію работника платить повинности, прокормить себя съ семействомъ и послѣдовательно улучшать устройство своего благосостоянія.

Если бы возможно было принять за основаніе какое бы то нибыло изъ означенныхъ указаній, т. е. какую нибудъ величину принять за норму, стоимость которой представила бы видъ неизмѣняемости, то нельзя было бы не признать справедливость и точность выводовъ этой науки, въ разсужденіи опредѣленія цѣны предметовъ, основанной на точномъ и ра-

ціональномъ изученіи ихъ существа. Ясно, что цѣна предмета не можетъ не объусловливаться цѣною тѣхъ составныхъ частей, которыя, можно сказать, создали его сущность, или тѣхъ данныхъ, которыя его производятъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ всякій сознаетъ, что, несмотря на раціональность выводовъ науки, опредѣляющихъ значеніе стоимости по существу данныхъ эту стоимость составляющихъ, практическая цѣна стоимости не можетъ на нихъ основываться: вопервыхъ потому, что дѣйствительное опредѣленіе ея требуетъ неизмѣняемости нормы сравненія; а такой неизмѣняимости, по сущности понятія о цѣнѣ, неможетъ существовать, ибо значеніе даже и матеріальной стоимости объусловливаетъ, какъ мы уже видѣли, ея относительность; и во вторыхъ потому, что практическая жизнь естественно вызываетъ относительность оцѣнки предметовъ по значенію ихъ въ самой жизни, а не по теоретическому изученію стоимостей; то есть требуетъ условій, заключенныхъ нами въ опредѣленіи относительной стоимости, и составляющихъ *спросъ и предложеніе* въ практической жизни. Понятно, что матерія стоитъ столько то, при такой то цѣнѣ шелка; а шелкъ стоитъ столько-то, при такой то цѣнѣ хлѣба; хлѣбъ столько то, при такой то цѣнѣ работы, — но измѣнится одно звѣно изъ этой цѣпи и уже цѣна матеріи должна быть другая, по вліянію, которое измѣненіе цѣны въ одномъ предметѣ, должно имѣть на цѣну всѣхъ другихъ, имѣющихъ къ нему отношеніе. Точно также, понятно, что,

хотя раціонально исчисленная цѣна стоимости предмета по его сущности и указываетъ дѣйствительно на ту цѣну, которую предметъ этотъ, по значенію своихъ свойствъ, долженъ былъ бы имѣть, но дѣйствительное опредѣленіе его практической цѣны заключается въ той потребности, которую имѣютъ въ этомъ предметѣ жизнь, люди, — требующіе данный предметъ для удовлетворенія своихъ нуждъ и желаній, и, своимъ требованіемъ, объусловливающіе его значеніе, и наконецъ въ возможности такое требованіе удовлетворить. Если предложеніе этого предмета превышаетъ его спросъ, то, при всей раціональности исчисленія цѣны предмета по происхожденію его сущности, онъ не имѣетъ возможности эту раціональную цѣну удержать. Положимъ, напр. что приготовленная въ значительномъ количествѣ матерія не понравилась и её никто покупать не хочетъ. Пусть дѣйствительная стоимость ея сущности указываетъ на высокую ея цѣну, — отсутствіе требованія вынудитъ продавать эту матерію, можетъ быть, дешевле чѣмъ стоитъ шелкъ, изъ котораго она сдѣлана. И на оборотъ! Пусть шелкъ упалъ въ цѣнѣ, работа тоже стала дешевле, но матерія нравится и требуется повсемѣстно, такъ что ея не успѣваютъ заготовлять. Понятно, что она будетъ не только падать, но возвышаться въ цѣнѣ, не смотря на то, что стоимость предметовъ, составляющихъ ея сущность, понизилась; и это возвышеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока, или, по возвышающейся доро-

говизнѣ не уменьшится ея требованіе, или пока выгоды производства не вызовутъ соперничества, которое умѣритъ предложеніе до равновѣсія съ требованіемъ, и тѣмъ, уменьшитъ ея цѣну.

Такимъ образомъ опредѣленіе стоимости по существу предмета представляетъ не дѣйствительную цѣну этого предмета, а только цифру, означающую условно значеніе его существа, по относительному значенію предметовъ его составляющихъ, для примѣненія къ дѣйствительной цѣнѣ; такъ что сущность предметовъ или матеріальная стоимость ихъ, можно сказать, представляетъ только указаніе, какъ бы поправку для опредѣленія дѣйствительной цѣны, и сама выражается въ спросѣ и предложеніи, что впрочемъ и самымъ значеніемъ ея внутренней относительности объусловливается.

Положимъ, что какая нибудъ вещь, для своего производства, требовала усиленнаго труда, много старанія, искусства, знанія, даже матеріальныхъ средствъ, — но она никому не нужна въ жизни. Ясно, что отсутствіе требованія укажетъ, если не на ея безполезность, то на непрактичность ея заготовленія, и она должна потерять часть своей матеріальной стоимости именно по отсутствію требованія. На оборотъ, пусть стоимость вещи и не будетъ имѣть высокаго значенія, но количество требованія должно поднять на нее цѣну, именно въ слѣдствіе той нужды, которую возбуждаетъ спросъ, неудовлетворяемый достаточнымъ предложеніемъ.

Но если матеріальная стоимость предметовъ и не

составляетъ, какъ мы сказали, существа цѣны въ практической жизни, то тѣмъ не менѣе она ее объусловливаетъ. Понятно: никто не станетъ употреблять трудъ, средства, усилія, матеріалы — на производство того, что никому не нужно и ни для кого не желательно; и на оборотъ: никто небросить и не отдастъ даромъ предмета, на который было употреблено много труда и много средствъ. Точно также, можно быть убѣжденнымъ, что если употребляется на какой либо предметъ трудъ, матеріалы, средства, то въ томъ только предположеніи, что этотъ предметъ кому нибудъ нуженъ, что на него могутъ быть требованія; также, что никто не станетъ требовать и платить за то, что онъ можетъ получить безъ всякаго труда и издержекъ. Слѣдовательно, собственно по сознанію сущности матеріальной стоимости предмета, непремѣнно, съ одной стороны возбуждается на него требованіе, съ другой, тоже сознаніе заставляетъ его цѣнить, въ видахъ могущей быть въ немъ надобности въ будущемъ. Та и другая сторона отношенія матеріальной стоимости къ спросу и предложенію, ясно, должны становить её въ основаніе того и другаго; хотя основаніе условное, по сознанію достоинства предмета, а не по относительному значенію его въ практической жизни и тѣмъ требованіямъ, которымъ, исключительно, предложеніе и спросъ, въ проявленіи своемъ, должны подчиняться.

Изъ всего сказаннаго нами мы можемъ заключить, что матеріальная стоимость предмета или стоимость

его по существу, удерживая свое значеніе въ смыслѣ относительномъ, представляетъ какъ бы неизмѣнную величину, уравновѣшивающую колебаніе между спросомъ и предложеніемъ на столько, на сколько сущность предмета можетъ это колебаніе уравновѣсить, и потому, можно сказать, составляетъ ту связь, то объединеніе, которое теоретическое умозрѣніе цѣны имѣетъ съ ея противоположными практическими указаніями. Люди не охотно отдаютъ предметъ дешевле чѣмъ стоитъ его сущность; они также не охотно платятъ за него дороже, чѣмъ сколько матеріальная стоимость этой сущности означаетъ. А отъ того предметъ долженъ, до извѣстной степени, удерживать цѣну своей матеріальной стоимости, которая входитъ въ выраженіе отношенія между спросомъ и предложеніемъ на него, и одно уравновѣшиваетъ съ другимъ. Отсюда ясно, что матеріальную стоимость предмета мы можемъ признавать, именно, какъ мы говорили, за поправку, *за уравнителя*, который уравнивая спросъ и предложеніе, удерживаетъ отношеніе стоимости предмета къ другимъ стоимостямъ, т. е. его цѣну, до извѣстной степени въ опредѣленной нормѣ.

Но замѣчаніе это чисто теоретическое, внутреннее. Оно объусловливаетъ значеніе матеріальной стоимости предмета въ опредѣленіи его цѣны, а не представляетъ самую цѣну. Цѣну въ практической жизни опредѣляютъ исключительно спросъ и предложеніе: два вида, означающіе проявленіе стоимости *относительной*, въ ея практическомъ характерѣ. Оба эти

вида относительной стоимости основаны, какъ мы говорили, на частныхъ требованіяхъ жизни и условіяхъ обмѣна, такъ какъ собственно этими элементами сравненіе предметовъ въ практической жизни должно опредѣляться. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію этихъ даннныхъ, составляющихъ совокупно основаніе практическаго сравненія стоимостей или опредѣленія цѣны всѣхъ предметовъ въ дѣйствительности.

Спросъ въ практической жизни, — внѣ всякаго отношенія къ матеріальной стоимости предмета, обусловливается массою его потребленія; т. е. необходимостію даннаго предмета въ ежедневномъ бытѣ людей, или въ желаніи людей имѣть этотъ предметъ по нуждѣ или прихоти. Понятно, что эта необходимость или это желаніе исходитъ непосредственно изъ жизни, домашняго быта людей, обычаевъ, взаимныхъ сношеній, внутренняго благосостоянія и богатства, — и ихъ образованія. Первобытный дикарь не сознаетъ потребности даже хлѣба, довольствуясь мясомъ убитыхъ звѣрей и нѣкоторыми овощами или сушеной рыбой; человѣкъ цивилизованный, развитый матеріально и нравственно, требуетъ не только матеріальныхъ произведеній цѣлаго міра, но и духовной пищи для мысли въ логическомъ изученіи природы и истины, и въ художественномъ воспроизведеніи тѣхъ явленій, которыя поражаютъ его впечатлѣнія. Онъ требуетъ созданій искусства, составляющихъ необходимую потребность его внутренняго существа, вызывающихъ его чувства, трогающихъ

его душу; ему нужны даже музыкальные звуки, которые лелѣютъ его слухъ, волнуютъ, доставляютъ наслажденіе..... Ему нужно все, чѣмъ прекрасенъ и богатъ Божій міръ, и что можетъ, въ какомъ бы то ни было видѣ, доставить ему пользу или удовольствіе, или что можетъ хотя временно вести его къ возвышенію самаго себя. Потому предметы, которые, въ одномъ обществѣ, съ даннымъ образованіемъ и образомъ жизни, не имѣютъ вовсе требованія, составляютъ насущную необходимость другаго, въ жизнь котораго входятъ и представляютъ его неотъемлемость.

Такимъ образомъ, первое условіе спроса, слѣдовательно первое условіе практическаго сознанія стоимости даннаго предмета, дающее этой стоимости дѣйствительное значеніе, заключается въ *степени потребности* людей въ данномъ предметѣ, ихъ нуждѣ въ немъ, или степени стремленія имъ пользоваться. Въ этомъ условіи заключаются всѣ проявленія желанія, всѣ условія требовательности, всѣ практическія указанія расхода даннаго предмета между людьми. Всѣ они обозначаются однимъ словомъ *спросъ*, степень котораго на нихъ основывается и ихъ въ себѣ заключаетъ. Положимъ, что въ какомъ либо мѣстѣ неупотреблялась, стало быть не требовалась во-все шерсть; ясно, шерсть тамъ не имѣла цѣны какъ предметъ не нужный; но тамъ возникла фабрика суконъ и шерсть потребовалась; — слѣдовательно цѣна шерсти образовалась *спросомъ*; сук-

на вошли въ моду и потребленіе ихъ усилилось; слѣдовательно усилилась потребность шерсти или *спросъ* на нее; поднялась и *цѣна*. Потребленіе суконъ вызвало особое искусство портныхъ, которые особенно хорошо стали приготовлять платье изъ сукна, такъ что и другія страны стали выписывать платье изъ этой страны, отчего усилилась потребность въ производствѣ суконъ; слѣдовательно *спросъ* на шерсть поднялся еще, поднялась съ тѣмъ вмѣстѣ разумѣется и цѣна на шерсть. Во всемъ, что касается требованія, долженъ отразиться спросъ, и всѣ требованія спросъ въ себѣ долженъ заключить; потому что, какъ мы сказали, спросъ въ себѣ долженъ заключать первое основаніе практическаго сознанія стоимости предмета, исходящее изъ стремленія людей этимъ предметомъ пользоваться.

Другое основаніе, для выраженія относительной стоимости предмета, заключается, какъ мы говорили, *въ предложеніи*, или въ возможности существующее на какой либо предметъ требованіе удовлетворить. Ясно, что возможность удовлетворить требованіе, слѣдовательно и предложеніе предмета, зависитъ отъ того количества, въ какомъ данный предметъ между людьми существуетъ, и отъ возможности его воспроизвести человѣческою дѣятельностію или силами природы. Если даннаго предмета много, — его станутъ предлагать, если нѣтъ — и предлагать будетъ нечего. Понятно, по сущности практической жизни, что спросъ возбуждаетъ и предложеніе, по-

тому что возбуждаетъ человѣческую дѣятельность. Человѣкъ, удовлетворяя требованію другихъ, получаетъ средства дѣлать требованія и съ своей стороны, и возможность получить этимъ требованіямъ соотвѣтственное удовлетвореніе. Потому человѣкъ развитый, способный, цивилизованный, — которому нужно, какъ мы сказали, все, — старается удовлетворить не только свои требованія, но и требованія обществъ низшей цивилизаціи; — онъ изыскиваетъ способы даже предупредить спросъ, чтобы въ свою очередь имѣть возможность удовлетворять своимъ обширнымъ потребностямъ. Напротивъ человѣкъ первобытный, общественная жизнь котораго находится еще на низшей степени цивилизаціи, не въ состояніи бываетъ удовлетворять обыкновенно даже тѣ немногосложныя потребности, которыя составляютъ насущную надобность его развивающейся жизни; потому что ограниченіе его собственныхъ требованій не вызываетъ въ немъ надлежащихъ усилій для ихъ удовлетворенія предложеніемъ. Возможность предлагать, какъ мы сказали даетъ цивилизованному человѣку возможность и требовать, слѣдовательно создаетъ то движеніе, которое объусловливается развитіемъ жизни.

Такимъ образомъ, второе условіе сознанія стоимости предмета объусловливается возможностію предложенія, которое въ свою очередь заключаетъ въ себѣ всѣ практическія явленія, которыя таковое предложеніе производятъ или которыя ему препят-

ствуютъ. Недѣятельность, въ слѣдствіе естественныхъ, нравственныхъ или историческихъ и политическихъ причинъ, — затрудненія въ доставкѣ и передвиженіи предметовъ, затрудненія въ обмѣнѣ, также истекающіе изъ естественныхъ или политическихъ условій, страхъ потери, противорѣчія въ условныхъ отношеніяхъ и оцѣнкѣ, — равно какъ и удобства движенія, развитіе дѣятельности и взаимныхъ сношеній, правильность обмѣна, — все выражается и опредѣляется смысломъ одного слова *предложеніе*, потому что въ немъ непремѣнно выражается и заключается. Понятно, что во время сѣверо-американскихъ междуусобій отсутствіе хлопка уменьшало предложеніе хлопчато бумажныхъ издѣлій; понятно, что болѣзнь винограда на Мадерѣ уменьшило или уничтожило предложеніе настоящей мадеры; прекращеніе ввоза предметовъ колоніальныхъ, во время континентальной системы, уничтожало до нѣкоторой степени предложеніе этихъ товаровъ. Всѣ практическія явленія, относящіяся къ удовлетворенію спроса прямо или косвенно, непремѣнно выражаются *предложеніемъ*, которое потому должно быть признано, какъ мы говорили, вторымъ элементомъ практическаго сознанія относительной стоимости предмета, — сознанія, исходящаго изъ возможности — требованіе на этотъ предметъ удовлетворить.

Такимъ образомъ, спросъ и предложеніе составляютъ два элемента, двѣ стороны основанія для

опредѣленія дѣйствительнаго значенія стоимости какого либо предмета въ жизни. Условное равновѣсіе въ взаимномъ отношеніи между тѣмъ и другимъ, т. е. между спросомъ и предложеніемъ, — требованіемъ и возможностію это требованіе удовлетворить, — равновѣсіе, уравниваемое, какъ мы говорили, значеніемъ матеріальной стоимости предмета, опредѣляетъ его относительную или практическую стоимость, представляющую дѣйствительное значеніе предмета въ жизни.

Указавъ данныя, опредѣляющія значеніе стоимости предмета, мы обращаемся вновь къ разсмотрѣнію значенія его цѣны.

Сравненіе данныхъ, — сказали мы, — опредѣляющихъ значеніе стоимости каждаго предмета, показываетъ отношеніе стоимостей этихъ предметовъ. Данныя эти мы указали; онѣ заключаются: въ сущности предмета, спросѣ на него и предложеніи. Но сущность предмета, какъ мы видѣли, сама выражается спросомъ и предложеніемъ. Потому мы должны заключить, что отношенія между стоимостями вообще выражаются взаимнымъ сравненіемъ отношеній между спросомъ на нихъ и предложеніемъ.

Если бы возможно было сдѣлать такое сравненіе между всѣми предметами по ихъ спросу и предложенію, то оно указало бы на ихъ дѣйствительную цѣну; въ родѣ того какъ мы составили предполагаемую таблицу (А) цѣнъ всѣхъ предметовъ, по относительному значенію каждаго одного въ другомъ. Но какъ

такого сравненія сдѣлать нельзя, и существованіе означенной таблицы, на практикѣ, какъ мы замѣтили, положительно невозможно, то практическая жизнь, для опредѣленія взаимнаго отношенія предметовъ, избрала посредствующимъ предметомъ стоимость металла, и за тѣмъ, признаетъ уже практическою цѣною предмета выраженіе отношенія его стоимости къ стоимости нормальнаго металла. Отсюда ясно, что, для опредѣленія практической цѣны предмета, нужно сравнить данныя по спросу его предложенію, — которыя, какъ мы уже говорили, непремѣнно заключаютъ въ себѣ значеніе и матеріальной его стоимости, — съ данными по спросу и предложенію, (которыя въ свою очередь также заключаютъ значеніе матеріальной стоимости) нормальнаго металла, т. е. *золота* или *серебра*, такъ какъ стоимости только этихъ двухъ металловъ могутъ быть приняты за норму, для опредѣленія стоимостей вообщее.

Численная величина, которая выразитъ отношеніе между спросомъ на какой либо предметъ и его предложеніемъ, по отношенію къ спросу и предложенію нормальнаго металла, опредѣлитъ цѣну этого предмета въ нормальномъ металлѣ.

Или, другими словами: — отношеніе, которое опредѣлитъ сравненіе между двумя отношеніями показанныхъ данныхъ: спроса и предложенія даннаго предмета и нормальнаго металла, опредѣлитъ практическую цѣну даннаго предмета.

И эта практическая цѣна, по всеобщности значе-

нія, которое нормальные металлы имѣютъ, представляетъ совершенно точное и логическое означеніе цѣны предмета въ ея теоретическомъ опредѣленіи; такъ какъ собою указываетъ отношеніе стоимости каждаго предмета ко всѣмъ прочимъ предметамъ; подобно тому, какъ мы выражали это отношеніе условнымъ принятіемъ посредствующаго предмета въ таблицѣ (С).

Дѣйствительно, какъ въ таблицѣ С, численная величина, означающая отношеніе какой либо стоимости къ стоимости *лисьяго мѣха*, могла означать цѣну этой стоимости, — такъ точно, численная величина, выражающая отношеніе спроса и предложенія даннаго предмета къ спросу и предложенію *нормальнаго металла*, можетъ опредѣлить отношеніе стоимости даннаго предмета къ стоимости нормальнаго металла. А какъ отношеніе стоимости всякаго предмета къ стоимости металла можетъ быть также выражено въ численной величинѣ, по взаимному отношенію ихъ спроса и предложенія, то выраженіемъ отношенія стоимости предмета къ стоимости нормальнаго металла, опредѣляется отношеніе стоимости этого предмета ко всѣмъ другимъ; т. е. совершенно точно опредѣляется его цѣна, согласно ея теоретическому пониманію, по которому цѣна должна означить значеніе стоимости каждаго предмета въ ряду стоимостей всѣхъ другихъ предметовъ мірозданія. Отсюда мы можемъ также заключить о совершенной правильности и логичности того опредѣленія, ко-

торымъ мы означили понятіе о практической цѣнѣ, что цѣна предметовъ, въ практическомъ смыслѣ, есть непосредственно выраженіе отношенія ихъ стоимости къ стоимости нормальнаго металла. Тѣмъ не менѣе, мы все же должны повторить, что хотя это опредѣленіе и заключаетъ въ себѣ теоретическое указаніе цѣны, слѣдовательно совпадаетъ съ пониманіемъ истиннаго ея значенія, почему, соотвѣтствуя явленіямъ практической жизни, заключаетъ въ себѣ сущность и логическаго ея пониманія, — но всё же, оно исходитъ только изъ того сознанія, что отношеніе стоимостей предметовъ къ стоимости нормальнаго металла, опредѣляетъ дѣйствительную цѣну, т. е. взаимное отношеніе ихъ между собою; а никакъ не представляетъ какого либо отдѣльнаго характера, который бы далъ возможность полагать, что сравненіе съ металломъ имѣетъ особый видъ, который, самъ по себѣ, можетъ выражать стоимости предметовъ.

Напротивъ, мы даже можемъ сказать, что практическое понятіе о цѣнѣ, исключительно по отношенію стоимостей къ стоимости металла, заключаетъ въ себѣ видимую неполноту; ту самую неполноту, которую представляла таблица С, въ которой выраженіе цѣны опредѣляется черезъ сравненіе съ посредствующимъ предметомъ: именно оно не даетъ прямаго указанія значенія стоимости самаго нормальнаго металла. Мы видѣли, что нормальный металлъ, въ своемъ значеніи, опредѣляется здѣсь только со-

вокупностію всѣхъ указаній выраженія стоимости, какъ опредѣлялся посредствующій предметъ въ таблицѣ (С). Но это замѣчаніе, разъясняя абсолютную относительность значенія цѣны, доказываетъ только логическую правильность и всеобъемлемость принятаго нами практическаго опредѣленія. Дѣйствительно, если съ одной стороны цифры, означающія цѣну предметовъ въ металлѣ, показываютъ ихъ взаимное отношеніе, и если общее, пропорціональное измѣненіе ихъ не нарушаетъ правильность ихъ указанія, — которое, при измѣненіи цѣны одного какого нибудь предмета, означается измѣненіемъ цифры, относящейся только къ этому предмету, — то съ другой, — цифры эти, въ общей строкѣ своей, опредѣляютъ значеніе стоимости самого нормальнаго металла, къ которому всѣ стоимости отнесены какъ къ посредствующему предмету, и номинальная величина этихъ цифръ, математически точно, означаетъ то мѣсто, которое нормальный металлъ имѣетъ въ ряду другихъ стоимостей; совершенно подобно тому, какъ всякій предметъ опредѣляется въ своемъ значеніи цѣлой строкой цифръ въ общей таблицѣ А, и какъ обозначается также значеніе посредствующаго предмета въ таблицѣ С.

Положимъ напр., что намъ говорятъ, что домъ стоитъ 10 т. рубл., лошадь 100 р., быкъ 50 р. Намъ этими цифрами совершенно точно опредѣлили взаимное отношеніе стоимостей дома, лошади и быка, которые относятся между собою какъ 10.000 : 100 : 50;

но не опредѣлили нисколько значеніе самого рубля въ общей массѣ стоимостей; ибо, означенные нами предметы могли бы выражаться этими же цифрами, въ то время, когда рубль представляетъ величину стоимости вѣсомъ фунтъ серебра и вѣсомъ въ золотникъ. Ни своей величиной, ни своимъ отношеніемъ къ другимъ предметамъ, этотъ рубль не могъ измѣнить взаимнаго отношенія между предметами, которое опредѣляется въ его условной величинѣ, слѣдовательно нисколько не выражаетъ его относительнаго значенія. Но именно величина цифръ, размѣръ ихъ 10 т.; 100; 50 — по совокупности выраженія всѣхъ другихъ стоимостей въ общей строкѣ, даетъ уже намъ относительное понятіе о величинѣ самой нормальной единицы, — того рубля, которымъ мы показанныя стоимости опредѣлили, такъ какъ именно эти цифры отношеніе стоимости рубля къ другимъ стоимостямъ выражаютъ. Положимъ, намъ скажутъ теперь, что домъ стоитъ только 5 т. единицъ, лошадь 50, а быкъ 25 единицъ, и вся строка стоимостей, выражающихся въ численной величинѣ нормальной единицы, представляетъ цифры вдвое меньшія, чѣмъ представляла первая строка, — мы заключаемъ, что вторая единица вдвое больше или *дороже* рубля, или той единицы, которую мы приняли первый разъ, такъ какъ отношеніе ея къ другимъ стоимостямъ представляетъ цифры вдвое меньшія противу того, какія выражали къ нимъ отношеніе рубля.

И это практическое свойство цифръ, выражаю-

щихъ сравненіе стоимостей въ нормальномъ металлѣ, опредѣлять одновременно, какъ отношеніе стоимостей предметовъ между собою, такъ и отношеніе ихъ къ стоимости нормальнаго металла, съ одной стороны даетъ полную опредѣлительность и точность практическому пониманію цѣны, по отношенію стоимостей предметовъ къ стоимости нормальнаго металла; а съ другой — выражаетъ собою полную ея относительность, — составляющую начало понятія о цѣнѣ и логическое основаніе всѣмъ явленіямъ, которыя изъ этого понятія исходятъ; на что опредѣлительно мы указывали, объясняя общую, предполагаемую таблицу (А) объ относительномъ выраженіи стоимостей одна въ другой.

Такимъ образомъ вопросъ нашъ приведенъ къ выраженію стоимости предметовъ въ стоимости нормальнаго металла, посредствомъ сравненія отношеній между спросомъ и предложеніемъ на каждый предметъ и спросомъ и предложеніемъ на нормальный металлъ. Положимъ напр. мы хотимъ знать цѣну какого нибудь предмета въ серебрѣ. Слѣдуетъ сравнить отношеніе между спросомъ и предложеніемъ на этотъ предметъ съ отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ на серебро. Взаимное отношеніе этихъ отношеній, выраженное разумѣется числомъ, намъ представитъ цѣну этого предмета въ серебрѣ, совершенно подобно тому, какъ мы означали цѣну предметовъ въ лисьемъ мѣхѣ, когда, при отвлеченномъ разсуж-

деніи о сравненіи стоимостей, принимали лисій мѣхъ за нормальную единицу сравненія (таблица С).

Таблица эта, по выраженію отношенія всѣхъ стоимостей къ стоимости серебра, слѣдовательно по означенію практической цѣны ихъ, принимаетъ слѣдующій, совершенно подобный выраженію въ лисьемъ мѣхѣ, видъ:

Таблица D.

НАИМЕНОВАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.	Нормальная единица *фунтъ* серебра.
Баранъ	$\frac{1}{10}$
Лошадь	$2\frac{1}{2}$
Быкъ	1
Курица	$\frac{1}{100}$
Бѣличій мѣхъ	$\frac{1}{20}$
Лисій мѣхъ	$\frac{1}{5}$
Домъ	1000
Десятина земли	5
Аршинъ сукна	$\frac{1}{10}$
Число предметовъ до безконечности.	

Такъ какъ спросъ и предложеніе какого либо предмета находятся въ извѣстномъ отношеніи, только подъ опредѣленными обстоятельствами и въ извѣстное время, и, подчиняясь всѣмъ практическимъ условіямъ жизни, могутъ быть опредѣленными только на дан-

ную минуту, то и цѣна предмета, независимо отъ его матеріальной стоимости, имѣющей какъ мы сказали постоянное значеніе, — можетъ представить изъ себя опредѣленную величину, только въ данную минуту.

Изъ послѣднихъ словъ мы должны заключить, что цифра, указывающая въ таблицѣ значеніе стоимости предмета, должна измѣняться, соотвѣтственно измѣненію въ отношеніяхъ между спросомъ и предложеніемъ на этотъ предметъ, противъ спроса и предложенія на другіе предметы и нормальный металлъ. Ясно, что если спросъ или требованіе на какой либо предметъ усиливается, то цѣна на него, или выраженіе отношенія его стоимости къ стоимостямъ всѣхъ другихъ предметовъ, означенное въ стоимости нормальнаго металла, возвышается, и должна возвышаться до тѣхъ поръ, пока, этимъ самымъ возвышеніемъ цѣны, часть требованій не сократится; и на оборотъ: если увеличивается предложеніе, такъ что начинаетъ превышать спросъ, то предметъ падаетъ въ цѣнѣ, до тѣхъ поръ, пока это паденіе цѣны, или дешевизна предмета, не возбудитъ потребленія, и такимъ образомъ, пока количество спроса не сравняется съ количествомъ предложенія.

Мы говорили, что сущность спроса и предложенія обьусловливается жизнію: домашній бытъ, образованіе, развитіе понятій и требованій, стремленіе къ наслажденію и удобству, создаютъ потребности, составляющія спросъ; возможность удовлетворить тре-

бованіе производствомъ, способность передвиженія, сила дѣятельности и практическія средства обмѣна, составляютъ основаніе предложенія. Движеніе жизни, объусловливающее измѣняемость всѣхъ изложенныхъ основаній въ томъ и другомъ, т. е. въ спросѣ и предложеніи, положительно всѣхъ предметовъ, производитъ непремѣнное колебаніе въ ихъ взаимномъ отношеніи, слѣдовательно и колебаніе въ ихъ цѣнѣ. Въ этомъ колебаніи, матеріальная стоимость, какъ мы говорили, представляетъ эквивалентъ, удерживающій, до опредѣленной степени, измѣняемость и спроса и предложенія; слѣдовательно, сообщающій тому и другому извѣстную остойчивость, объусловливаемую тѣмъ постоянствомъ значенія, которое матеріальная стоимость въ себѣ заключаетъ. Она, — матеріальная стоимость, — представляетъ именно, какъ мы сказали, *уравнителя*; представляетъ границу между возвышеніемъ и паденіемъ цѣны, потому что уравновѣшиваетъ собою всѣ требованія и собою ихъ вызываетъ. Но, входя, непосредственно, въ сущность спроса и предложенія по каждому предмету, матеріальная стоимость, разумѣется, должно имъ подчиниться; слѣдовательно, въ своемъ значеніи, она подчиняется всѣмъ практическимъ явленіямъ движенія жизни, и, можно сказать, входитъ въ самую сущность требованія и производства, способнаго это требованіе удовлетворить. При этомъ, въ самомъ подчиненіи своемъ, она опредѣляетъ тотъ предѣлъ, котораго относительность значенія предметовъ не можетъ

переходить, по возбуждаемому противодѣйствію матеріальной стоимости, какъ эквивалента въ колебаніи, которому сообщается такимъ образомъ до нѣкоторой степени опредѣленное постоянство.

За тѣмъ нужно уже сказать, что равновѣсіе, установленное матеріальною стоимостію, между спросомъ и предложеніемъ на какой либо предметъ и спросомъ и предложеніемъ на нормальный металлъ, выраженное въ практической жизни, въ численной величинѣ, представляетъ практическую цѣну на этотъ предметъ, заключающую въ себѣ и ея теоретическое опредѣленіе.

Весьма легко и просто всѣ эти положенія выразить въ математическихъ знакахъ. Положимъ что спросъ на какой либо предметъ, имѣющій матеріальную стоимость p, выражается черезъ a; предложеніе его черезъ b. Отношеніе между спросомъ на него и предложеніемъ, или его относительная стоимость выразятся черезъ $\frac{a}{b}$. Въ этомъ выраженіи, непремѣнно, должна заключаться и величина p, — матеріальная стоимость предмета, — потому что она имѣла вліяніе и на a и на b, составляя начало требованія и возможности это требованіе удовлетворить. И понятно, что если $\frac{a}{b}$ менѣе p, то требовательность на этотъ предметъ должна возвышаться, именно стремленіемъ людей его удержать, — отчего ограничивается предложеніе и увеличивается спросъ, и, на оборотъ; — до тѣхъ поръ, пока величины $\frac{a}{b}$ и p,

взаимно не уравновѣсятся практическими явленіями жизни; такъ что стоимость относительная, въ существѣ своемъ, будетъ представлять изъ себя стоимость матеріальную; или пока не будетъ $\frac{a}{b} = p$.

Положимъ теперь, что спросъ на нормальный металлъ, хоть на серебро, означается черезъ x, а предложеніе черезъ y; $\frac{x}{y}$ будетъ означать отношеніе между спросомъ и предложеніемъ нормальнаго металла, или его относительную стоимость, заключащую въ себѣ также значеніе стоимости матеріальной, — положимъ q. Ясно, что $\frac{x}{y}$, или относительная стоимость нормальнаго металла, будетъ точно также стремиться къ равновѣсію съ его матеріальной стоимостію, т. е. точно также стремиться, чтобы было: $\frac{x}{y} = q$, какъ и всякій предметъ, въ своей относительной стоимости, стремится уравновѣситься съ стоимостію матеріальной; на что мы указывали говоря о предметѣ, имѣющемъ матеріальную стоимость p. Взаимное отношеніе между стоимостію даннаго предмета и стоимостію нормальнаго металла, мы сказали, опредѣляетъ его практическую цѣну. Назовемъ цѣну эту хоть черезъ m; мы должны, по сущности значенія предметовъ и ихъ матеріальной стоимости, имѣть: $p : q = m$. Но какъ величины p и q представляются и заключаются выраженіями стоимостей относительныхъ, т. е. $\frac{a}{b}$ и $\frac{x}{y}$,

то, замѣняя эти выраженія одно другимъ, мы получаемъ:

$$\frac{a}{b} : \frac{x}{y} = m.$$

Численная величина m, полученная изъ выводовъ a, b, x, и y, т. е. спроса и предложенія даннаго предмета и нормальнаго металла, представитъ практическую цѣну предмета, которая вполнѣ будетъ соотвѣтствовать и ея теоретическому опредѣленію; ибо, отношеніемъ его стоимости, — опредѣленной спросомъ и предложеніемъ, — къ стоимости серебра, опредѣленной тѣми же данными, — опредѣлитъ его отношеніе и ко всѣмъ другимъ стоимостямъ. Положимъ, напр., что отношеніе между спросомъ и предложеніемъ другаго предмета означается черезъ $\frac{c}{d}$, а цѣна его черезъ n; третьяго предмета черезъ $\frac{e}{f}$, а цѣна его черезъ o, и т. д., — отношеніе всѣхъ стоимостей предметовъ къ стоимости нормальнаго металла дастъ намъ рядъ формулъ:

$$\frac{a}{b} : \frac{x}{y} = m$$

$$\frac{c}{d} : \frac{x}{y} = n$$

$$\frac{e}{f} : \frac{x}{y} = o$$

И такъ далѣе до безконечности. Но этотъ рядъ формулъ видимо представляетъ видъ таблицы С, которая выражаетъ всѣ стоимости въ посредствующемъ

предметѣ, и мы легко можемъ вывести изъ него математически, что стоимости данныхъ предметовъ взаимно относятся между собою какъ выраженіе ихъ практическихъ цѣнъ въ нормальномъ металлѣ; т. е. что $\frac{a}{b} : \frac{c}{d} : \frac{e}{f} = m : n : o$, и т. д.; то есть математически докажемъ то самое свойство, которое доказали логически, указывая на значеніе нормальной единицы въ выраженіи цѣны, и составляя таблицу С, которая служила намъ для нагляднаго, такъ сказать, объясненія ея значенія, при выраженіи отношенія стоимостей каждаго изъ предметовъ къ стоимости предмета посредствующаго.

Разсмотримъ одну изъ приведенныхъ нами формулъ, такъ какъ, по совершенной ихъ тождественности, — все что касается одной, касается и всѣхъ.

Цѣна въ формулѣ обозначается, какъ мы видѣли, выраженіемъ отношенія спроса и предложенія на какой либо предметъ къ спросу и предложенію на нормальный металлъ. Ясно, что если спросъ на предметъ, т. е. числитель первой части перваго члена формулы, или въ первой формулѣ a — увеличивается, то есть, первый членъ первой части формулы становится больше, то увеличивается и цѣна предмета или вторая часть формулы: въ первой формулѣ m, — или предметъ становится *дороже*. И *на оборотъ*, если увеличивается *предложеніе*, т. е. знаменатель перваго члена первой части формулы, въ первой формулѣ b; — становится больше, а самое зна-

ченіе числа, представляющаго первый членъ, раздѣленный на большую сумму и подлежащій дѣленію на второй членъ, — становится меньше, — то меньше становится и цѣна предмета, — или предметъ становится *дешевле*. Точно такого же рода измѣненіе, только на оборотъ, послѣдуетъ во всѣхъ формулахъ, если станетъ измѣняться отношеніе между спросомъ и предложеніемъ нормальнаго металла, составляющее вторый членъ первой части всѣхъ формулъ, означенный выраженіемъ $\frac{x}{y}$. Если станетъ увеличиваться x, т. е. числитель дѣлителя или спросъ на металлъ, ясно станутъ уменьшаться m, n, o, и проч. то есть цѣны на всѣ предметы; а станетъ увеличиваться y, — предложеніе металла, или знаменатель дѣлителя, возвысятся цѣны на всѣ предметы, и на оборотъ, совершенно согласно со всѣми указаніями, которыя приводили мы, разсматривая таблицу С, и съ принятіемъ при томъ въ основаніе колебаній, производящихся въ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ, по условіямъ практической жизни.

Эти разсужденія, доказывая математически правильность указаній, которыя заключаются въ приведенныхъ нами таблицахъ, становятъ съ тѣмъ вмѣстѣ, значеніе относительности цѣны и ея выраженіе въ нормальномъ металлѣ, ясными до осязательности. Всѣ виды измѣненій, которыя въ цѣнѣ могутъ послѣдовать, и которыя безконечная строка (С) въ себѣ заключала, находятъ, въ приведенныхъ на-

ми формулахъ, математическое доказательство; равно какъ и всѣ положенія, выводимыя нами изъ умозрительныхъ доводовъ логическаго анализа, принимаютъ математически точную формальность. Если напр. предположить значеніе нормальнаго металла не измѣняемымъ, — то спросъ и предложеніе, опредѣляемые, въ отношеніи своемъ, численной величиной, выразятся совершенно опредѣлительно отношеніемъ къ стоимости металла; измѣненіе въ какой либо стоимости означится измѣненіемъ числа, означающаго выраженіе этой стоимости; потому что, само собой, измѣненіе выраженія въ числѣ должно означать измѣненіе цѣны предмета. Если, на оборотъ, положить что отношенія предметовъ остаются въ томъ же положеніи, а измѣняется цѣна на нормальный металлъ, то ясно измѣняются всѣ цифры, означающія численную величину цѣны предметовъ, и притомъ измѣняются пропорціонально, такъ что выраженіе взаимнаго отношенія стоимостей остается безъ измѣненія; ибо — съ одной стороны измѣненіе значенія стоимости одного какого либо предмета въ жизни, даже и предмета посредствующаго, не можетъ имѣть вліянія на отвлеченное понятіе о цѣнѣ, какъ взаимномъ отношеніи между всѣми другими стоимостями; а съ другой, — въ рядѣ однородныхъ формулъ, представляющихъ во второмъ членѣ первой части одну величину, ясно должно послѣдовать возвышеніе или паденіе второй части, обратно пропорціонально паденію или возвышенію общей величины, составляющей дѣлителя пер-

вой части всѣхъ формулъ. Пусть напр. при одинаковой величинѣ y, т. е. предложенія, требованіе или спросъ на нормальный металлъ, или, какъ мы предположили, на серебро, т. е. величина x, удвоится. Ясно всѣ цѣны должны упасть, ровно на столько, на сколько x сталъ больше, т. е. вдвое; тогда какъ взаимное отношеніе предметовъ, именно по пропорціональности всеобщаго паденія, должно остаться тоже. Оно выразится другими, меньшими цифрами, и означитъ дороговизну металла, по увеличивающемуся спросу его или уменьшающемуся предложенію, или на оборотъ. Положимъ напр., что въ какое нибудь время цѣны предметовъ, въ стоимости серебра, выражались бы безконечной строкой: $m : n : o : p : q : r : s : t$ и проч. Въ другое время, положимъ, что эта строка представляла бы намъ цѣны тѣхъ же предметовъ въ знакахъ: $m' : n' : o' : p' : q' : r' : s' : t$ и проч. и эти знаки m', n', o', и проч. составляли бы, въ численной величинѣ, только половину знаковъ m, n, o, и проч. — Что изъ этого мы должны заключить? Ясно, что въ то время когда цѣны предметовъ выражались первой строкой и были вдвое выше, относительная стоимость металла $\frac{x}{y}$ имѣла вдвое меньшее значеніе, въ ряду другихъ предметовъ, чѣмъ какое получила она впослѣдствіи, когда цѣны предметовъ выразились второй строкой. То есть, что въ первомъ случаѣ или x былъ вдвое менѣе, или y вдвое болѣе, противъ той величины, какую получили они при означеніи цѣнъ предметовъ новой

строкой, или, что въ первомъ случаѣ металлъ былъ вдвое дешевле, чѣмъ сталъ онъ впослѣдствіи. А если бы строка оставалась безъ измѣненія, измѣнились бы только нѣкоторыя цѣны, напр. вмѣсто n сталъ n', вмѣсто s сталъ s'. Ясно, значило бы, что металлъ и предметы, въ спросѣ своемъ и предложеніи, остались въ томъ же отношеніи, кромѣ только предметовъ, означаемыхъ знаками n и s, которые стали дороже или дешевле, по тому значенію, которое n' и s' получили.

Такимъ образомъ, предложеніе и спросъ, уравновѣшиваемые всегда, какъ говорили мы, матеріальной стоимостію, по отношенію ихъ къ нормальному металлу, составляютъ цѣну предметовъ; а значеніе тѣхъ же данныхъ какого либо предмета въ нормальномъ металлѣ, соотвѣтственно съ спросомъ и предложеніемъ на него, — создаетъ относительное выраженіе этой цѣны. Стремленіе практической жизни привести показанныя данныя въ равновѣсіе, объясняетъ теоретическое пониманіе колебаній цѣны каждаго предмета, по отношенію его стоимости ко всѣмъ другимъ стоимостямъ и стоимости нормальнаго металла. А какъ спросъ и предложеніе на нормальный металлъ, точно также какъ и спросъ и предложеніе на всякій предметъ, зависятъ отъ количества требованія и отъ возможности эти требованія удовлетворить, то, при сознаніи, основанномъ на практическомъ изученіи свойствъ металла, и существованіи постоянной въ немъ требовательности, мы можемъ прійдти къ заключенію, что относительная

цѣна предметовъ, или выраженіе этой цѣны въ металлѣ, зависитъ отъ того количества металла, которое находится въ обращеніи. Если металла находится въ обращеніи менѣе, то, ясно, удовлетворять требованія и нужду въ немъ затруднительнѣе, онъ стоитъ дороже; и при выраженіи цѣны въ немъ, — бо̀льшія стоимости будутъ означаться меньшимъ количествомъ; и на оборотъ: если металла болѣе, то и меньшія стоимости выразятся большимъ его количествомъ. Такъ что, a priori, мы можемъ принять, что стоимость всѣхъ предметовъ, т. е. масса стоимости всего мірозданія, — выражается всѣмъ количествомъ массы обращающагося въ то время металла.

При этомъ мы должны замѣтить, что, разсматривая значеніе цѣны, выражаемой монетою, мы не находимъ удобнымъ говорить въ то же время о кредитѣ и кредитныхъ бумагахъ, этихъ *представителяхъ стоимости* и *представителяхъ монеты*, имѣющихъ на цѣну предметовъ громадное вліяніе. Мы полагаемъ разсмотрѣть общее значеніе кредита и кредитныхъ бумагъ въ особомъ сочиненіи; здѣсь же принимаемъ положеніе дѣлъ въ такомъ видѣ, какъ будто кредитныхъ бумагъ вовсе не существуетъ, и всѣ цѣны выражаются исключительно матеріальными знаками монеты.

И такъ количество всего металла, принимаемаго нами за нормальный, выражаетъ, въ данное время, относительную стоимость всѣхъ предметовъ, или стоимость всей массы разнороднаго потребленія и произ-

водства, соотвѣтственно требованію, существующему на каждый предметъ, и возможности это требованіе удовлетворить въ практической жизни. Въ этомъ заключеніи, каждый предметъ, своею стоимостію, представляется какъ бы соотвѣтствующимъ опредѣленной части всего существующаго и находящагося въ обращеніи металла; такъ что, соединеніе всѣхъ этихъ стоимостей или сумма стоимостей всѣхъ предметовъ, будетъ представлять стоимость всей массы обращающагося металла.

Какъ ни парадоксально, съ перваго раза, кажется это положеніе, вѣрность его и правильность не подлежитъ сомнѣнію *), и подтверждается какъ теоретическими выводами, такъ и практическими явленіями жизни.

Никто не станетъ возражать противъ того, что отвлеченные выводы теоріи нельзя примѣнять къ практикѣ, въ томъ самомъ, отвлеченномъ видѣ, въ какомъ ихъ теорія представляетъ. Потому, разумѣется, нельзя и приведенное положеніе, о выраженіи всего существующаго въ массѣ металла, относить непосредственно ко всему производству и потребленію земнаго шара въ прямомъ его значеніи. Земной шаръ, по своему производству, потребностямъ и жизни оби-

*) Разсужденіе по предмету обращенія металла для выраженія *обращающихся* стоимостей, и опредѣленіе значенія такого выраженія, читатели найдутъ въ слѣдующей части сочиненія, при обсужденіи понятія о *финансовой единицѣ*.

тателей, — по мѣстнымъ обстоятельствамъ разныхъ странъ, по удобству и затруднительности взаимныхъ сношеній, и наконецъ, по разнообразію существующей дѣятельности, — представляетъ безконечно разнообразную массу отношеній. Но общій видъ этихъ отношеній, подчиняясь безконечному количеству естественныхъ причинъ, которыя отражаются и въ выраженіи стоимости, вездѣ проводитъ законъ, исходящій изъ логическаго значенія цѣны. Понятно, напр., что на самыхъ рудникахъ золотыхъ пріисковъ золото можетъ цѣниться дешевле, противу другихъ предметовъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ; что дикарь цѣнитъ произведенія искусства не въ такой мѣрѣ, какъ человѣкъ образованный, и т. д.; но какъ то, такъ и другое обстоятельство, исходящее изъ мѣстныхъ и условныхъ причинъ, не нарушаетъ правильности теоретическаго вывода, который, въ разсужденіи каждой отдѣльной мѣстности, разумѣется долженъ принять и ея практическое положеніе.

Въ этомъ смыслѣ, нашъ теоретическій выводъ представляется совершенно отвлеченнымъ; подразумѣвается въ такомъ видѣ, какъ бы онъ примѣнялся къ изолированному кружку людей одинаковыхъ понятій, одного требованія и одного образованія, — которые выражаютъ цѣны предметовъ массою металла.... И при томъ подразумѣвается, что ни металлъ, ни всѣ другіе предметы, не требуютъ какого либо рода частнаго означенія своей стоимости, какъ то обработки, доставки, обмѣна и проч., а представляютъ услов-

ное потребленіе, по относительному достоинству и необходимости въ обращеніи. Впрочемъ и сама теорія, признавая правильность вывода, прежде всего опирается на спросъ и предложеніе. А спросъ и предложеніе, въ разсужденіи нормальнаго металла, равно какъ и каждаго предмета, составляя сущность относительной стоимости, истекаютъ непосредственно изъ явленій практической жизни, слѣдовательно заключаютъ всѣ практическія данныя, которыя могутъ имѣть на нихъ вліяніе. Потому, разумѣется, и общій теоретическій выводъ долженъ уже, въ видѣ отклоненій отъ общаго положенія, подъ вліяніемъ частныхъ обстоятельствъ, подчиняться опредѣленнымъ условіямъ, не нарушая всеобщности своего теоретическаго характера. Перейдемъ теперь къ разсужденіямъ, которыя должны наше положеніе, хотя принятое нами a priori, подтвердить почти математически.

1) Если бы, за выраженіемъ цѣны всѣхъ предметовъ въ нормальномъ металлѣ, часть этого металла оставалась, то она, — эта оставшаяся часть металла, должна бы была или возвысить цѣну предметовъ, соотвѣтственно количеству остатка, или представила бы собой массу металла, которая въ этомъ остаткѣ не имѣетъ одинаковой стоимости, съ тою частію металла, которая выражаетъ цѣну предметовъ. — А какъ, послѣднее предположеніе противорѣчило бы самой сущности металла, представляющей полную тождественность во всей его массѣ, а

первое, не допускаетъ возможности остатка, то значитъ, масса металла не можетъ оставаться за выраженіемъ всѣхъ стоимостей.

2) Равнымъ образомъ массы металла не можетъ недоставать, для выраженія стоимости; потому что уменьшеніе цѣнъ на всѣ предметы, по сравненію съ нормальнымъ металломъ, должно необходимо привести въ равновѣсіе стоимость металла съ стоимостію массы предметовъ; въ противномъ случаѣ, нужно было бы предположить, что часть массы стоимости не имѣетъ себѣ выраженія, чего также нельзя допустить.

3) Выраженіе цѣны стоимостей въ посредствующемъ предметѣ обусловливается опредѣленнымъ отношеніемъ спроса на нихъ и предложенія, противу спроса и предложенія на посредствующій предметъ. Если количество стоимостей, въ своей массѣ, превышаетъ стоимость массы металла, то, ясно, долженъ усиливаться спросъ металла и предложеніе другихъ стоимостей; если количество металла будетъ превышать массу стоимостей, то, ясно, должно усилиться предложеніе металла и спросъ на другія стоимости. То и другое должно произвести колебаніе въ выраженіи цѣны, которая, по самому существу своего опредѣленія, не можетъ быть не равна ихъ относительному значенію. А это колебаніе, ясно, должно привести массу стоимостей въ относительное равновѣсіе съ стоимостію массы металла, такъ чтобы спросъ и

предложеніе на однѣ — противу спроса и предложеніе на другой, имѣли опредѣленное отношеніе.

Кромѣ того и недостатокъ металла, противу выраженія цѣны стоимостямъ, и излишество его, — представляли бы полное противорѣчіе сущности выраженія въ немъ стоимостей, по принятому о немъ понятію; противорѣчіе, недопускаемое логическимъ смысломъ, который, въ самомъ условіи выраженія стоимостей въ нормальномъ металлѣ, опредѣляетъ уже и взаимное равновѣсіе ихъ цѣнности.

Такимъ образомъ, выраженіе стоимостей всего существующаго въ стоимости нормальнаго металла представляетъ намъ двѣ, зависимыя одна отъ другой и взаимно уравновѣшиваемыя одна другою, величины: одна масса всего существующаго — стоимостію своею, выражаемая въ стоимости массы металла; другая — масса металла, которая, своею стоимостію, сумму всѣхъ существующихъ стоимостей представляетъ. Измѣненіе одной величины тѣсно совпадаетъ съ измѣненіемъ выраженія отношенія этой величины въ другой, и на оборотъ: такъ что, если бы мы захотѣли выразить это отношеніе, между двумя зависимыми другъ отъ друга величинами, математически, и приняли бы, положимъ, что стоимость всего существующаго на свѣтѣ, или стоимость всей массы производства, — однимъ словомъ стоимость всѣхъ предметовъ, представляетъ какую либо опредѣленную величину, которую означили бы хоть черезъ A, то долж-

ны были бы признать стоимость всей массы нормальнаго металла, выражающую окончательный результатъ дѣйствія при сравненіи стоимостей, за функцію отъ A, и означить черезъ $F(A)$.

Это замѣчаніе и есть основаніе теоріи цѣны, которая обнимаетъ собою всѣ явленія, совпадающія съ выраженіемъ стоимостей и относительностію его значенія. Оно составляетъ математически вѣрное начало, которое, въ дальнѣйшемъ примѣненіи своемъ, объясняетъ, не только сущность выраженія цѣны въ монетѣ, но и значеніе кредитныхъ знаковъ и бумагъ, какъ читатели наши увидятъ впослѣдствіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ, оно объясняетъ значеніе всѣхъ случаевъ, которые логически исходятъ изъ сравненія стоимостей между собою, и выраженія этого сравненія въ стоимости нормальнаго металла.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, основаніе теоріи цѣны, мы перекинемъ взглядъ свой на практическія указанія жизни въ опредѣленіи цѣнностей, и станемъ разсматривать существующій порядокъ выраженія стоимостей въ металлѣ.

Первоначально намъ представляется вопросъ: какимъ образомъ цѣна предмета можетъ выразиться въ стоимости металла?

Самое понятіе о сравненіи объусловливаетъ опредѣленность сравниваемыхъ величинъ; опредѣленіе же взаимнаго отношенія предметовъ по отношенію къ предмету посредствующему, принимаемому за нормальную единицу стоимостей, требуетъ — о чемъ

мы уже говорили, разсматривая свойства предмета, могущаго представлять изъ себя монету, — строгой и точной опредѣленности, во всѣхъ равныхъ экземплярахъ одного вида: только при такой полной и точной опредѣленности, избранный предметъ можетъ представлять собою величину, принимаемую за единицу цѣны. А стоимость массы металла, не только не представляетъ какой либо опредѣленной величины, но даже не даетъ приблизительнаго исчисленія своего количества, — тѣмъ болѣе, что, по случаю безпрерывнаго производства работъ добыванія металла, и безпрерывности его потребленія, количество это должно, можно сказать, ежеминутно измѣняться.

Слѣдовательно для сравненія стоимостей, имѣющихъ, въ своемъ существѣ, опредѣленную ограниченность, съ стоимостію металла, должно принять за норму какое либо ограниченное количество металла. Сравнивая стоимости предметовъ съ стоимостію серебра (таблица D), мы приняли за такое опредѣленное количество фунтъ, ограничивая, слѣдовательно, принимаемую массу, его опредѣленнымъ вѣсомъ. Въ противномъ случаѣ, мы не могли бы выразить никакого отношенія стоимости данныхъ предметовъ къ стоимости неопредѣленной массы серебра.

Это замѣчаніе впрочемъ относится и ко всѣмъ другимъ стоимостямъ, не имѣющимъ опредѣленной ограниченности въ своемъ существѣ. Напр., мы точно также какъ и *фунтъ серебра*, говоримъ *пудъ хлѣ-*

ба, *четверикъ овса*, *ведро водки* и проч. Понятно, иначе сравненіе неопредѣленнаго количества массы этихъ предметовъ было бы немыслимо, какъ немыслимо сравненіе предметовъ съ неограниченной массой металла.

Потому, для выраженія сравненія стоимостей съ нормальнымъ металломъ, мы должны принять опредѣленное и ограниченное его количество за норму; эта нормальная величина, въ своей стоимости, будетъ единицею сравненія, въ которой и должны выразиться всѣ стоимости.

Къ этому же заключенію приводитъ насъ и теоретическое разсмотрѣніе вопроса, о выраженіи стоимостей въ металлѣ, въ умозрительномъ опредѣленіи его значенія.

Въ математикѣ, говоримъ мы, выраженіе величины принимаетъ осязательное значеніе только по сравненіи ея съ единицею. Единица, самою субъективностію своею въ отвлеченномъ понятіи, представляетъ совершенно опредѣленную и точную величину. Стоимость массы золота и серебра, напротивъ, не только не заключаетъ въ себѣ надлежащей опредѣлительности, но представляетъ еще совершенно неограниченную массу двухъ металловъ, — которая и не можетъ быть ограничена, потому что безпрерывно измѣняется въ своемъ количествѣ. Слѣдовательно стоимость массы металловъ, въ неопредѣленномъ видѣ, не можетъ дать выраженія никакому, дѣлаемому съ ними сравненію, даже выраженія при-

близительнаго, какое напр., имѣли мы при выраженіи стоимостей въ стоимости лисьяго мѣха, такъ какъ, въ послѣднемъ случаѣ, разность выраженія ограничивается наибольшею разностію въ стоимости лисьихъ мѣховъ, а стоимость массы металла, въ отвлеченномъ значеніи, не имѣетъ, какъ мы сказали, никакого ограниченія.

Но вѣдь математическая единица есть часть числа; а число можетъ представлять всякую величину, слѣдовательно также неопредѣленно, по своему свойству, какъ и масса металла. Ясно что, затѣмъ, для выраженія сравненія стоимостей съ стоимостію металла числомъ, должна быть принята также опредѣленная единица, которая бы, будучи ограниченною частію этой массы, въ собирательныхъ и дробныхъ числахъ, могла бы выразить всякую стоимость.

Изъ этихъ разсужденій слѣдуетъ заключить, что, для опредѣленія цѣны предметовъ стоимостію металла, слѣдуетъ принять какое либо опредѣленное его количество за единицу, которая, въ дѣйствительномъ примѣненіи своемъ, будетъ единицею цѣны; и что эта единица должна быть строго ограничена условнымъ предѣломъ, представляющимъ нормальную величину, какъ въ отвлеченномъ понятіи *единицы*, такъ и практическомъ — *монетнаго знака*.

Но ограничивать что нибудь, въ опредѣленномъ значеніи величины, можно только или *мѣрою* или *вѣсомъ*. Слѣдовательно, опредѣленная часть металла, принимаемая за единицу, можетъ быть ограничена или

опредѣленнымъ вѣсомъ — по *тяжести* металла — (какъ и принимали мы фунтъ) или мѣрою — по его *объему;* т. е. мы можемъ опредѣлительно сравнивать стоимости предметовъ съ стоимостію металла, говоря, что стоимость первыхъ равняется напр. стоимости столькихъ то *фунтовъ* серебра, или стоимости столькихъ то *кубическихъ вершковъ* его массы.

Но какъ ровность плотности металловъ объусловливаетъ одинаковымъ вѣсомъ и одинаковый объемъ, и на оборотъ, — то изъ этого мы можемъ заключить, что кусокъ металла, какъ опредѣленной величины, такъ и даннаго вѣса, теоретически, совершенно одинаково можетъ быть принятъ за единицу сравненія. Стоимость того и другаго, совершенно опредѣлительно, можетъ представлять нормальную стоимость, для выраженія въ ней цѣны всѣхъ предметовъ на свѣтѣ; тѣмъ болѣе, что — какъ мы говорили, — одно объусловливаетъ другое, или равный вѣсъ объусловливаетъ равный объемъ, и обратно. Разумѣется, всё, сказанное нами, относится къ чистому металлу или металлу строго опредѣленнаго и совершенно одинаковаго достоинства.

И такъ мы пришли къ тому, что опредѣленная величина металла, въ данномъ вѣсѣ или объемѣ, можетъ быть принята за норму сравненія для выраженія цѣны стоимостей, — а такая нормальная величина даннаго металла, — имѣющая, по самой своей сущности, данный вѣсъ и опредѣленный объемъ, и есть тотъ *ходячій, монетный* знакъ, который, въ

практической жизни, составляетъ основаніе монетныхъ системъ, долженствующихъ, въ числовыхъ величинахъ и въ матеріальныхъ знакахъ, не только представлять и выражать, но и замѣнять собою всѣ стоимости.

Мы сказали, что теоретически совершенно одинаково можетъ быть опредѣленъ этотъ ходячій знакъ монеты — мѣрою или вѣсомъ, тѣмъ болѣе, что одно обусловливаетъ другое; но на практикѣ, положеніе это приняло другое значеніе.

Если, не опредѣляя монетнаго знака какой либо величиной, допустить сравненіе стоимостей непосредственно съ количествомъ массы металла по ея вѣсу, то, при абсолютной правильности выраженія такого сравненія теоретически, оно должно встрѣтить въ практической жизни существенныя затрудненія. Во-первыхъ, раздѣленіе металла по вѣсу не можетъ быть производимо съ удобствомъ во всякое время и повсемѣстно; а единица сравненія и обмѣна находится въ безпрерывномъ обращеніи и требованіи, потому должна имѣть во всякую минуту осязательную величину. А если постановить, чтобы, для представленія такой единицы во всякое время, были заблаговременно приготовлены куски металла даннаго вѣса, то значитъ прійдти именно къ обращающимся знакамъ монеты; потому что предварительное приготовленіе кусковъ металла опредѣленнаго вѣса, обусловливаетъ заготовленіе ихъ опредѣленной величины. Во-вторыхъ, въ природѣ металлъ весьма рѣдко находится

въ своемъ чистомъ видѣ; большею частію онъ заключается въ смѣшеніи съ другими веществами, которыя нужно выдѣлять для очистки металла; за выдѣленіемъ означенныхъ веществъ и очисткою металла, для выдѣлки изъ него произведеній, требуется нѣкоторая часть лигатуры, которую должно обозначить, чтобы судить о его дѣйствительномъ достоинствѣ; такое означеніе, т. е. проба металла, тоже не можетъ быть производима ежечасно и повсемѣстно; слѣдовательно требуетъ также предварительной заготовки кусковъ металла, представляющихъ монетные знаки. А опять, такіе монетные знаки, заготовляемые, хотя бы собственно, для выраженія опредѣленнаго достоинства, обусловливаютъ уже себѣ, самымъ свойствомъ металла — въ данномъ вѣсѣ и опредѣленную величину. Въ-третьихъ, отвлеченное представленіе вѣса металла не создаетъ того осязательнаго представленія выраженія стоимостей, которое должно заключаться въ матеріальныхъ знакахъ монеты.

Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что для точнаго и положительнаго означенія стоимостей въ матеріальныхъ монетныхъ знакахъ, которыя для всѣхъ, и во всякое время представляли бы опредѣленную стоимость, выражающую и замѣняющую другія стоимости, должно приготовить, заблаговременно, опредѣленной величины куски металла даннаго достоинства, которые, по самому существу своему, должны имѣть и опредѣленный вѣсъ; слѣдовательно и опредѣленную стоимость. А такого рода заблаговременно приготов-

ленные куски металла, имѣющіе опредѣленный вѣсъ и стоимость, для выраженія въ ней цѣнъ всѣхъ предметовъ, и есть тѣ монетные знаки, которые находятся въ обращеніи въ практической жизни, для сравненія съ ними всѣхъ стоимостей.

Весьма вѣроятно, что, въ исторической жизни, выраженіе стоимостей въ монетѣ получало свое различіе именно этимъ, указаннымъ нами порядкомъ: то-есть сперва опредѣлялось непосредственно вѣсомъ металла, опредѣленное количество котораго принималось за единицу. Но потомъ, этотъ условно принятый за единицу вѣсъ, представляя опредѣленный знакъ, во всеобщемъ обращеніи, получалъ уже, самостоятельное значеніе. По крайней мѣрѣ, есть историческія указанія, которыя это замѣчаніе подтверждаютъ. Кромѣ того, и самыя названія нѣкоторыхъ монетъ, совпадающія съ названіями единицъ вѣса, болѣе или менѣе доказываютъ, что происхожденіе ихъ имѣло въ вѣсѣ свое основаніе; каковы напр. греческія: *талантъ* и *мина*, римскія: *ассъ* и *денаръ;* кельнская *марка* и даже русскій *рубль* (рубленый кусокъ *). Но тѣмъ не менѣе, значеніе монеты, съ введеніемъ опредѣленныхъ монетныхъ системъ, стало представлять самостоятельное выраженіе стоимости въ знакахъ опредѣленной величины, которая естественно уже объусловливаетъ и данный вѣсъ.

---

*) По всей вѣроятности опредѣленнаго вѣса.

Такимъ образомъ, практическая жизнь пришла къ тѣмъ самымъ основаніямъ, которыя создаетъ теорія, для выраженія относительности въ опредѣленіи стоимостей предметовъ. Какъ та, такъ и другая указали намъ единственно возможный способъ практической оцѣнки предметовъ въ монетныхъ знакахъ, которые должны представлять собою сущность значенія всѣхъ стоимостей.

Ясно, что одинъ изъ такого рода кусковъ металла долженъ быть принятъ за единицу, чтобы относительное значеніе другихъ знаковъ въ ихъ суммѣ, противъ такого нормальнаго монетнаго знака, могло представить собою численное выраженіе всякой стоимости.

Какъ въ математикѣ единица представляетъ изъ себя основаніе системы чиселъ, выражающихъ всякую мѣру, всякую величину, такъ точно и избранный монетный знакъ, — монетная единица, — должна представлять начало и основаніе всякому выраженію стоимостей. Она должна быть основаніемъ системы выраженія цѣнъ предметовъ въ монетѣ; основаніемъ системы, которую, по сущности ея значенія, называютъ *монетною* системою.

Ясно, что отвлеченное сравненіе стоимостей съ нормальнымъ металломъ въ знакѣ опредѣленной величины — выразится числомъ, въ которомъ единицу будетъ составлять опредѣленная величина монетнаго знака, въ отвлеченномъ понятіи о немъ; а матеріальное представленіе того же сравненія выра-

зится, — означаемымъ тѣмъ же числомъ и взятымъ въ дѣйствительности, количествомъ монетныхъ знаковъ, представляющихъ единицу.

Такимъ образомъ получается, съ одной стороны, численное выраженіе всякой стоимости въ монетной единицѣ, съ другой, матеріальное представленіе этой стоимости въ массѣ металла, соотвѣтственнымъ количествомъ монетныхъ знаковъ. Одно обусловливаетъ другое, т. е. число заключаетъ, въ самомъ себѣ, выраженіе опредѣленной массы металла; а масса металла, въ объемѣ своемъ, осязательно представляетъ данное число. То и другое, совокупно, выражаютъ и представляютъ цѣну данной стоимости, потому что показываютъ отношеніе ея ко всѣмъ другимъ стоимостямъ, которыя были сравниваемы, или лучше сказать, могутъ быть сравнены съ стоимостію нормальнаго металла.

Вотъ основанія, на которыхъ опирается образованіе монетныхъ знаковъ, какъ опредѣленной величины кусковъ металла, для выраженія стоимостей.

Каждый изъ этихъ монетныхъ знаковъ, естественно, составляетъ часть всей массы металла, находящейся въ обращеніи и выражающей собою сумму всѣхъ стоимостей. Слѣдовательно сумма всѣхъ стоимостей приводится къ выраженію количествомъ обращающихся знаковъ; т. е. она могла бы обозначиться числомъ, означающимъ все количество монетныхъ знаковъ, составляющихъ массу металла.

Послѣднимъ заключеніемъ мы пришли къ тому,

что масса металла въ знакахъ составляетъ отвлеченную величину выраженія, — результатъ, именно *функцію* массы всего производства, всѣхъ предметовъ, имѣющихъ какую либо стоимость. И это *все* распредѣляетъ и означаетъ стоимости въ массѣ металла, соотвѣтственнымъ значенію каждой количествомъ знаковъ, которые отдѣльно каждую стоимость выражаютъ.

Практическія основанія выраженія стоимостей въ монетныхъ знакахъ, какъ мы видѣли, совершенно совпадаютъ съ этими теоретическими выводами.

Историческая жизнь народовъ, въ общихъ понятіяхъ своихъ, ничѣмъ не отклонилась отъ общихъ основаній понятія, на которомъ опирается выраженіе цѣны въ монетномъ знакѣ. Слѣдовательно, и въ практической жизни, масса знаковъ — масса единицъ, выражающихъ стоимости, составляетъ выраженіе цѣнности всего существующаго, которое, въ разсужденіи каждаго предмета, представляетъ какъ бы опредѣленное количество знаковъ, означающихъ количество массы металла, соотвѣтственное его стоимости, такъ что вся масса — выразитъ всѣ стоимости.

А какъ, результатомъ жизненной опытности въ практической жизни, приняты за нормальное мѣрило стоимостей только золото и серебро, представляющіе собою естественную норму, въ которой цѣны предметовъ могутъ выражаться, то — масса знаковъ изъ золота и серебра, сколько существуетъ ихъ всего на свѣтѣ, представляетъ, въ опредѣленный моментъ,

стоимость всего — требующаго выраженія своей стоимости. Это заключеніе вѣрно математически, потому что оно вѣрно логически; и на оборотъ: оно не можетъ быть невѣрно логически, потому что вѣрно математически.

Станемъ же теоретически разсматривать происхожденіе практическихъ явленій цѣны, при нашемъ основаніи, опредѣленномъ нами какъ математическая истина; напомнимъ при томъ, что значеніе денежныхъ бумагъ, какъ мы говорили, во все не принимается во вниманіе при этомъ разсужденіи, какъ бы ихъ не было вовсе; такъ какъ сущность денежныхъ бумагъ и ихъ значеніе, а также вліяніе ихъ на относительную цѣну предметовъ, какъ мы сказали, должно составить предметъ особаго сочиненія.

Положимъ, что цѣны всѣхъ предметовъ выражаются въ стоимости золота въ какомъ либо кружкѣ или обществѣ, не имѣющемъ съ другими обществами никакого сношенія.

Ясно, что всё, сказанное нами о выраженіи цѣны предметовъ всего міра, будетъ совершенно примѣнимо къ выраженію цѣны въ нашемъ отдѣльномъ обществѣ; такъ какъ оно, по своей изолированности, можно сказать, представляетъ отдѣльный міръ; и за тѣмъ, какъ всѣ явленія сравненія стоимостей, такъ и самая формула ихъ оцѣнки въ металлѣ, означится въ движеніи жизни этого общества.

Масса всѣхъ стоимостей опредѣлится въ немъ массой обращающагося золота, и каждая стоимость от-

дѣльно будетъ составлять часть этой массы, по относительному значенію ея къ другимъ стоимостямъ, т. е. по отношенію спроса и предложенія на нее къ спросу и предложенію другихъ стоимостей и спросу и предложенію на нормальный металлъ.

Представимъ себѣ другое общество, другой кружокъ, — также изолированный. Въ немъ, слѣдовательно, также всѣ стоимости выражаются массой обращающагося въ немъ золота, и также, каждая стоимость, соотвѣтствуя части этой массы, выражается этой частію, по отношенію спроса ея и предложенія къ спросу и предложенію на другія стоимости и къ спросу и предложенію на золото. Но положимъ, что въ этомъ второмъ кружкѣ или обществѣ золота, относительно, вдвое болѣе чѣмъ въ первомъ обществѣ. Ясно, что въ немъ цѣны на всѣ предметы должны быть вдвое дороже, чѣмъ въ первомъ обществѣ; потому что каждый предметъ отдѣльно, по своей стоимости, соотвѣтствуетъ двойному количеству золота.

Впрочемъ положеніе это можно доказать математически. Если золота вдвое болѣе, то значитъ, что, при относительной одинаковости спроса и предложенія на всѣ другія стоимости и при одинаковомъ спросѣ на золото, предложеніе на него вдвое болѣе; а мы имѣемъ выраженіе цѣнъ предметовъ въ формулахъ:

$$m = \frac{a}{b} : \frac{x}{y}$$

$$m' = \frac{a'}{b'} : \frac{x'}{y'}$$

изъ которыхъ первая означаетъ намъ цѣну какого либо предмета въ первомъ обществѣ, а вторая цѣну того же предмета во второмъ обществѣ, по значенію отношенія между спросомъ и предложеніемъ даннаго предмета и нормальнаго металла.

Формулы эти могутъ быть написаны такъ:

$$m = \frac{ay}{bx}; \; m' = \frac{a'y'}{b'x'}$$

А какъ, по относительному равенству спроса и предложенія на всѣ стоимости въ обѣихъ обществахъ и одинаковости спроса на золото, мы должны принять, что $a' = a$; $b' = b$; $x' = x$; y' же, по нашему условію, представляется намъ равнымъ $2y$, то цѣну во второмъ обществѣ m' мы можемъ выразить

$$m' = \frac{2ay}{bx}$$

откуда

$$m' = 2m$$

то есть цѣны предметовъ во второмъ обществѣ, при условіи, что въ немъ золота, относительно, вдвое болѣе чѣмъ въ первомъ обществѣ, должны равняться двойной цѣнѣ противу цѣнъ предметовъ въ первомъ обществѣ.

Положимъ теперь, что эти два изолированные кружка вступили между собою въ сношеніе. Что должно произойдти?

Ясно! Дешевизна металла въ второмъ обществѣ, сравнительно съ прочими предметами потребности, —

со всѣми вещами и товарами, — заставитъ всякаго изъ перваго общества везти эти товары и вещи во второе общество. Всякій членъ перваго общества будетъ естественно желать получить двойное количество металла за то, за что давали ему только половину. Отъ такого общаго стремленія, ясно, долженъ послѣдовать наплывъ товаровъ и вещей изъ перваго общества, во второмъ; т. е. усиленіе ихъ предложенія, слѣдовательно уменьшеніе ихъ цѣны, соотвѣтственно количеству привоза; также и отъ уменьшенія количества, вывозимаго за нихъ, металла, слѣдовательно уменьшенія предложенія металла. Въ свою очередь, увозъ товаровъ изъ перваго общества долженъ поднимать на нихъ цѣну на мѣстѣ; приливъ металловъ, за увозимые предметы потребности, долженъ понижать цѣну металла въ первомъ обществѣ, слѣдовательно также возвышать въ немъ цѣну предметовъ. А такое двойное возвышеніе цѣны предметовъ и пониженіе цѣны металла въ первомъ обществѣ, и пониженіе цѣны предметовъ, при возвышеніи цѣны металловъ во второмъ, ясно должно, наконецъ, привести въ относительное равновѣсіе цѣну стоимостей съ количествомъ металла, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ обществѣ. А тогда цѣнность всѣхъ стоимостей въ обѣихъ обществахъ, соединенныхъ между собою взаимными сношеніями, выразится всей массой обращающагося въ нихъ металла; т. е. выраженіе цѣны предметовъ приметъ тотъ нормальный видъ, который составляетъ теоретическое основаніе выраженію стоимостей.

При этомъ разсужденіи, принималось условно абсолютное равенство образованія, потребностей, естественнаго положенія и движенія жизни въ обоихъ обществахъ, въ отвлеченномъ ихъ представленіи. Если же такого равенства нѣтъ, то значеніе того или другаго отношенія вызоветъ отдѣльныя послѣдствія, которыя могутъ быть разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ, а не при разсужденіи, касающемся общей теоріи цѣны. Здѣсь мы замѣтимъ только, что указанная нами способность цѣны уравновѣшивать себя во всѣхъ мѣстностяхъ, имѣющихъ между собою сношеніе, обоюднымъ стремленіемъ къ взаимному равновѣсію, — подобно тому какъ жидкость, наполняющая нѣсколько сосудовъ, стремится прійти въ равновѣсіе на одномъ горизонтѣ, когда эти сосуды будутъ между собою соединены, — опредѣляетъ общее движеніе цѣнностей, т. е. создаетъ коммерческую дѣятельность, движеніе труда и мысли, которыя составляютъ начало преуспѣянія и изобрѣтенія. Каждый предметъ, получая цѣну себѣ, по значенію своей стоимости въ данномъ мѣстѣ, относительно другихъ стоимостей и нормальнаго металла, уравновѣшивается въ своемъ значеніи, по спросу и предложенію, уравниваемымъ матеріальною его стоимостію. Но едва случится, что гдѣ либо, по мѣстнымъ обстоятельствамъ или особому случаю, требованіе на этотъ предметъ, сравнительно съ требованіемъ на другіе предметы и нормальный металлъ, увеличивается, — сейчасъ же возбуждается въ людяхъ стремленіе этому предмету со-

общить движеніе, и онъ передвигается согласно требованію, если разность въ цѣнѣ покрываетъ расходъ перевозки, и можетъ доставить нѣкоторую выгоду. Точно также, если случится, что гдѣ либо послѣдуетъ увеличеніе предложенія даннаго предмета, которое понизитъ его цѣну въ опредѣленной мѣстности на столько, что передвиженіе его можетъ быть полезно для предпринимателя, — сейчасъ людская предпріимчивость стремится сообщить данному предмету соотвѣтственное движеніе, которое, естественно, должно уравновѣсить его относительное значеніе или его цѣну повсемѣстно.

Для объясненія этого заключенія примѣромъ, мы положимъ, что какой либо отдѣльный предметъ, напр., *сало* или *кошениль* потребовался бы, гдѣ нибудь, въ значительномъ количествѣ. Ясно, что въ данномъ мѣстѣ, гдѣ усилился спросъ на кошениль или сало, — возвысилась бы на него цѣна; потому что предложеніе не въ силахъ бы удовлетворять требованіе, и стоимость сала или кошениля, относительно стоимости другихъ предметовъ и нормальнаго металла, стала бы возвышаться, т. е. за него стали бы давать металла болѣе, чѣмъ сколько давали за него до возвышенія цѣны, и сколько даютъ тамъ, гдѣ требованіе на него остается въ прежней степени. Но, опять ясно, что въ мѣстностяхъ, гдѣ требованіе на сало или кошениль не увеличилось и за нихъ даютъ прежнюю цѣну, получится стремленіе отправить ихъ туда, гдѣ даютъ за нихъ больше; а отъ отправки

ихъ съ мѣста нахожденія возвысится цѣна ихъ въ этихъ мѣстностяхъ, и будетъ возвышаться повсемѣстно; до тѣхъ поръ, пока случайное возвышеніе цѣны въ мѣстности, гдѣ цѣна возвышалась, не удовлетворится привозомъ, и затѣмъ, соотвѣтственно этому привозу туда и отвозу изъ другихъ мѣстъ, цѣна на эти предметы повсемѣстно не уравновѣсится.

Точно тоже слѣдуетъ сказать, если бы открылось, что какой либо предметъ, гдѣ нибудь, стоитъ относительно дешево. Потребность въ этомъ предметѣ получитъ стремленіе пріобрѣсти этотъ предметъ, именно въ этой мѣстности, за дешевую цѣну, и это стремленіе будетъ усиливаться до тѣхъ поръ, пока съ одной стороны, требованіе не возвыситъ на него цѣну въ той мѣстности, гдѣ онъ былъ дешевъ; а съ другой, пока усиленный привозъ не понизитъ цѣны въ другихъ мѣстностяхъ, до повсемѣстнаго относительнаго ея равновѣсія.

Этотъ законъ стремленія къ равновѣсію цѣнъ на всѣ предметы, разумѣется со включеніемъ всѣхъ естественныхъ обстоятельствъ движенія, создаетъ, какъ мы сказали, коммерческую дѣятельность. Съ тѣмъ вмѣстѣ, на основаніи этого закона и коммерческой дѣятельности, которую онъ возбуждаетъ, наша формула выраженія цѣны принимаетъ значеніе повсемѣстнаго и нормальнаго отношенія, между количествомъ металла и выраженіемъ въ ней стоимости всей массы предметовъ; отношеніе, которое, само въ себѣ, показанную коммерческую дѣятельность заключаетъ. Тамъ

гдѣ металлъ, по количеству требованія на него, становится дешевле, относительно другихъ предметовъ, происходитъ, разумѣется, приливъ предметовъ и отливъ металла, до ихъ уравновѣшенія; туда, гдѣ дорогъ металлъ, а предметы сравнительно дешевы, — приливаетъ металлъ. Это общая норма, общій законъ сравненія, исходящій изъ логическаго анализа теоріи цѣны предметовъ, и стремленія человѣчества пользоваться возможно большимъ удобствомъ и удовольствіями, съ наименьшими пожертвованіями; потому, подтверждающійся практическими явленіями жизни. Законъ этотъ, мы говорили, опирается на логическій анализъ теоріи цѣны и значенія матеріальной стоимости, по сущности спроса и предложенія; а какъ, взаимное отношеніе спроса и предложенія, при отвлеченномъ анализѣ, мы основывали на математическихъ данныхъ, то мы и можемъ заключить, что общій видъ теоріи значенія цѣны, изложенный здѣсь нами, представляетъ непреложныя и математически точныя данныя, которыя служатъ ему основаніемъ.

Такимъ образомъ опредѣлилась оцѣнка всѣхъ предметовъ въ золотѣ и серебрѣ, какъ теоретически, въ логическомъ анализѣ понятія о ней, такъ и практически, — въ дѣйствительной жизни. Сущность логическаго пониманія отвлеченнаго сравненія стоимостей выразилась въ опредѣленныхъ числахъ, означающихъ, соотвѣтственное каждой стоимости, количество монетныхъ знаковъ. Каждое изъ этихъ чи-

селъ представляетъ какъ бы практическій, окончательный выводъ изъ отношенія всѣхъ данныхъ, на которыхъ цѣна предмета основывается, и даетъ прямой результатъ дѣйствительнаго отношенія стоимости предмета къ стоимости всѣхъ другихъ предметовъ, выраженное въ стоимости металла.

Но, замѣчая такое совпаденіе логической идеи съ практическимъ примѣненіемъ выраженія сравненія стоимостей всѣхъ предметовъ въ монетныхъ знакахъ, мы должны были бы заключить, что выраженіе это, основанное на согласіи теоріи съ практикою, представляетъ, въ практической жизни, строго обдуманную, и совершенно точную систему, обнимающую собою сущность отвлеченнаго пониманія монеты и ея практическое значеніе; систему, которая, для всего цивилизованнаго міра, образовалась изъ правильнаго пониманія отвлеченнаго сравненія стоимостей съ условною единицею, принявшею, въ опредѣленномъ знакѣ металла, осязательную величину; потому, совершенно точно, опредѣляющею значеніе каждой стоимости. Къ сожалѣнію, такое заключеніе наше было бы совершенно ошибочно.

Весьма можетъ быть, что если бы практическая жизнь имѣла возможность, какъ свой выборъ единицы, такъ и систему выраженія стоимостей въ знакахъ этой единицы, основать исключительно на логическомъ анализѣ и теоретическихъ выводахъ, или, по крайней мѣрѣ, могла этому анализу и выводамъ подчинить всѣ явленія, которыя въ выраженіи сто-

имостей знаками монеты естественно производятся, то — весьма вѣроятно, говоримъ мы, что выраженіе цѣны предметовъ въ монетныхъ знакахъ представило бы болѣе систематическое примѣненіе общей идеи, о выраженіи оцѣнки предметовъ, по сущности сравненія стоимостей съ стоимостію монетнаго знака, чѣмъ какое имѣемъ мы въ существующихъ монетныхъ системахъ цивилизованныхъ государствъ. И нѣтъ сомнѣнія, что тогда не было бы у насъ, ни колебаній въ выраженіи, ни переводовъ, (разумѣется въ мыслѣ перевода монеты одной на другую, а не перевода по мѣсту платежа) ни курса, (разумѣется курса въ смыслѣ цѣны знака) ни лажа. Однимъ словомъ, не было бы всей этой практической путаницы, которая столько затрудняетъ сношенія. Разумно выбранная и строго опредѣленная, по вѣсу и достоинству, величина металла, представила бы столь точную единицу цѣны, что въ этой единицѣ свободно выразились бы всѣ стоимости съ ихъ подраздѣленіями; и будучи повсемѣстно принята за нормальную, для выраженія всѣхъ цѣнъ, — она, эта величина металла, составила бы начало и основаніе всеобщей монетной системы образованнаго міра. Но на дѣлѣ этого нѣтъ и не могло быть!

Практическая жизнь, если и подошла послѣдовательно къ тѣмъ самымъ выводамъ, которые теорія указываетъ, какъ въ выборѣ нормальнаго предмета для сравненія, такъ и выраженія въ немъ стоимостей, посредствомъ условно-принятыхъ монетныхъ зна-

ковъ, — то ни въ какомъ случаѣ, уже по самому разъединенію людей между собою, не могла провести общій взглядъ на то значеніе, которое, выраженіе стоимостей въ нормальной величинѣ, должно было имѣть, для всѣхъ человѣческихъ обществъ; не могла создать общій законъ, которому подчинялись бы всѣ отдѣльныя требованія, какъ разумному выводу отвлеченнаго анализа. Ни условія развитія первобытныхъ человѣческихъ обществъ, ни понятія того времени, ни требованія жизни, ни мѣстныя нужды въ каждомъ кружкѣ, ни наконецъ самая сущность значенія монеты и ея практическаго обращенія, ничто не вызывало и не содѣйствовало возможности сближенія частныхъ интересовъ въ общемъ выраженіи цѣнностей. Напротивъ, полное разъединеніе и особенность мѣстныхъ кружковъ или обществъ въ такой мѣрѣ было сильно въ первобытныхъ семьяхъ народовъ, что возбуждало только взаимное противодѣйствіе. Мѣстныя требованія, не только ограничивались своимъ мѣстнымъ кружкомъ, но положительно отрицали возможность сближенія въ пользу исключительности, не признавая того, что другіе могутъ имѣть одинакія съ ними права. Понятно, сознаніе справедливости и равноправности можетъ исходить только изъ разумнаго пониманія отвлеченной идеи, а разумнаго-то пониманія въ тотъ періодъ сословныхъ предразсудковъ, цеховыхъ корпорацій, мѣстной замкнутости и феодальной зависимости, и не могло быть.

При такомъ положеніи вещей, разумѣется, не могло

быть и рѣчи о приложеніи какого либо умозрительнаго заключенія къ общенародному устройству выраженія стоимостей, въ смыслѣ международнаго права. Потому, практическая жизнь, по неволѣ, ограничивалась только приведеніемъ въ систему мѣстныхъ требованій. А изъ такихъ мѣстныхъ требованій, ясно, долженъ былъ образоваться цѣлый рядъ системъ, хотя и подобныхъ одна другой по своимъ началамъ, на которыя указывалъ разумъ жизни, но не сходныхъ въ частностяхъ и совершенно противорѣчащихъ въ численныхъ основаніяхъ, которыя могли быть избираемы, какъ мы видѣли, условно. Ясно, что, отъ такого несходства и противорѣчія, должны происходить неисчислимыя затрудненія, при развитіи международныхъ сношеній, когда взаимный обмѣнъ произведеній заставилъ людей входить въ взаимные расчеты, и когда численныя величины, выраженныя, по одной системѣ, однимъ обществомъ, — нужно было переводить на выраженія въ другой системѣ, принятой другимъ обществомъ; или счетъ монетъ по одной системѣ, должно было перекладывать на счетъ монетъ по другой.

Такое положеніе дѣла въ практической жизни, объусловливаемое историческимъ развитіемъ человѣческихъ обществъ, становится совершенно понятнымъ, если мы станемъ вдумываться въ наши замѣчанія о тѣхъ первыхъ основаніяхъ или лучше сказать о томъ начаткѣ коммерческой дѣятельности, которая обратила вниманіе первобытныхъ обществъ

на выраженіе стоимостей, какъ на единственное средство сознанія ихъ дѣйствительной цѣны. Взглянемъ же вновь на эти замѣчанія, относительно возможнаго происхожденія понятія о цѣнѣ и выраженіи ея монетными знаками, которое создало различнаго рода системы, — системы, образовавшія, въ постепенности своего распространенія, тотъ порядокъ, на которомъ и въ настоящее время выраженіе оцѣнки стоимостей опирается.

IV.

Монетныя системы въ практической жизни; переводъ.

Разсматривая общее значеніе монеты какъ единицы сравненія, для выраженія взаимнаго отношенія стоимостей, мы остановились на томъ, что, по мѣрѣ развитія жизни, трудъ начиналъ болѣе и болѣе принимать опредѣленное направленіе, обезпечить будущія потребности, и что потому, естественно, должны были появиться и накопляться запасы результатовъ труда, — первый зародышъ богатства. Эти запасы труда, — мы сказали, — должны были, естественно, состоять изъ предметовъ первой потребности, — предметовъ всѣмъ нужныхъ, которые потому, составляя въ самихъ себѣ, непосредственно, значеніе будущаго обезпеченія, слѣдовательно и богатства, становились нормою сравненія и оцѣнки стои-

мостей. При этомъ, указывая на ту послѣдовательность, съ которою первоначальныя общества должны были приходить къ сознанію необходимости посредствующаго предмета, для сравненія съ нимъ стоимостей, мы замѣтили, что такой посредствующій предметъ, соотвѣтственно жизни и мѣстнымъ требованіямъ, — въ каждомъ обществѣ долженъ былъ избираться свой, сообразно съ жизнію, обстоятельствами и домашнимъ бытомъ того кружка, гдѣ онъ получалъ свое нормальное значеніе. Такимъ образомъ, — говорили мы, — народъ земледѣльческій, гдѣ преобладающею потребностію жизни были хлѣбныя зерна, — выбиралъ себѣ единицею цѣны мѣру хлѣба, и съ нею сравнивалъ всѣ стоимости; звѣроловъ — шкуры убитыхъ звѣрей; кочующій — стоимость верблюда или лошади.... Понятно, что каждый изъ нихъ не хотѣлъ и знать, удобна ли такая, принятая имъ, единица сравненія, для выраженія стоимостей въ другихъ обществахъ, съ которыми не существовало у него никакихъ сношеній, а если и существовали сношенія, то самыя отдаленныя, и, большею частію, непріязненныя. Каждый зналъ, что въ его кружкѣ, въ его обществѣ — напр. высоко цѣнятся шкуры такихъ то звѣрей; что онѣ всѣмъ нужны, всѣми требуются, и что на нихъ онъ можетъ получить всѣ другія потребности его, не богатой требованіями, жизни; и онъ стоимость всего относилъ къ стоимости шкуръ этихъ звѣрей, представляющихъ для него норму сравненія, и означающихъ собою его богат-

ство; такъ какъ, обладая опредѣленнымъ запасомъ такихъ шкуръ, онъ могъ имѣть не только полное довольство въ своей домашней жизни, но и получить мѣстное значеніе. И точно, какое напр. могло быть дѣло осѣдлому номаду, оцѣнивающему свой достатокъ мѣрами хлѣба, что кочующіе дикари и звѣроловы хлѣба не употребляли вовсе, и потому не цѣнили его? Онъ зналъ, что, если у него былъ хлѣбъ, то, въ своемъ обществѣ, онъ могъ получить за него все, что ему было нужно; стало быть онъ былъ обезпеченъ и богатъ. И онъ невольно относилъ всякую стоимость къ стоимости хлѣба, и съ нею дѣлалъ постоянное сравненіе всѣхъ стоимостей.

Потомъ, замѣтили мы, что сближеніе кружковъ и обществъ и распространеніе потребленія общихъ предметовъ производства, должно было вызвать и необходимость мѣны между ними. Когда звѣролову потребовался хлѣбъ, а земледѣльцу мѣхъ, то, естественно, что одинъ долженъ былъ перемѣнить то, что есть у него, на то, что есть у другаго. А такая мѣна должна была заставить сравнивать различные предметы, — даже самыя единицы сравненія; слѣдовательно вынудила прибѣгать къ выбору новыхъ единицъ, которыя должны были имѣть болѣе общее значеніе.

Но тѣмъ не менѣе, самая ограниченность требованій и замкнутость жизни оставляли въ каждомъ кружкѣ или обществѣ свою единицу цѣны; свою мѣру стоимостей, которая исходила изъ потребно-

стей жизни, домашняго быта и насущныхъ требованій того общества, въ которомъ эта единица составляла выраженіе богатства: выраженіе запасовъ труда, заботящагося объ охраненіи отъ нужды и объ удовлетвореніи потребностей въ будущемъ.

Когда появились металлы, и жизнь, — какъ мы говорили, — стала приходить къ сознанію всеобщей въ нихъ потребности, и потому, а также по сознанію свойствъ ихъ, особенно способныхъ для выраженія въ нихъ стоимостей, — люди стали ими оцѣнивать свои произведенія, — тогда, совершенно естественно, — въ каждомъ кружкѣ, обществѣ, народѣ, практически установилась, для условной единицы, своя величина металла, которая и принималась за норму для выраженія стоимостей. При этомъ, разумѣется, устанавливался такой порядокъ выраженія цѣны предметовъ въ этой единицѣ, который могъ бы, съ большимъ удобствомъ, означать взаимное отношеніе предметовъ, обращающихся именно въ этомъ обществѣ, и, съ нѣкоторою приблизительностію и соразмѣрностію, замѣнять тѣ стоимости, которыя до того, въ этой мѣстности, принимались за единицу цѣны. Такимъ образомъ кружокъ или общество, которое, по строю своей жизни и требованій, принимало за нормальную стоимость — стоимость лошади, принимало единицею цѣны величину металла, приблизительно, выражающую цѣну лошади въ этомъ кружкѣ, и во всякомъ случаѣ, соразмѣрную съ ея стоимостію. Кружокъ, гдѣ за единицу цѣны принималась овца,

долженъ былъ принять и за величину монетной единицы въ металлѣ — стоимость, соотвѣтственную стоимости овцы. Гдѣ стоимости выражались въ мѣрахъ хлѣба или шкурахъ звѣрей, и единицы металла должны были, своей величиной, болѣе или менѣе соотвѣтствовать этимъ стоимостямъ, или по крайней мѣрѣ непремѣнно составлять съ ними соизмѣримую величину. А съ условнымъ принятіемъ того или другаго количества металла за нормальную стоимость, для опредѣленія единицы цѣны, вызывалось уже и соотвѣтственное этой величинѣ подраздѣленіе для выраженія какъ крупныхъ чиселъ, такъ и дробныхъ величинъ. При этомъ, естественная вещь, что тамъ, гдѣ принята была высшая единица, требовались болѣе дробныя дѣленія, чѣмъ тамъ, гдѣ единица сама собою представляла меньшую величину. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что, при выраженіи цѣнъ въ предметахъ общей потребности естественныхъ накопленій труда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, должны были обращаться различныя стоимости, по ихъ относительному значенію; такъ напр. въ какомъ нибудь кружкѣ могли обращаться одновременно и лисій и бѣличій мѣха, выражая собою соотвѣтственныя стоимости, по значенію каждаго. — Положимъ, что послѣдній представлялъ стоимость въ одну четверть перваго, и безпрерывно требовался, по условному своему значенію. Ясно что, при выраженіи стоимостей въ металлѣ, необходимо было принять монеты, соотвѣтствующія и той и другой, безпрерывно тре-

буемой стоимости. Эти монеты должны были уже представлять соотвѣтственныя подраздѣленія одна другой въ общей системѣ, такъ напр. если за единицу была принята величина металла, стоимостію своею, соотвѣтственная стоимости лисьяго мѣха, то въ числѣ монетъ, представляющихъ часть таковой единицы, должна была находиться, какъ одно изъ ея дѣленій, ея четверть, — представляющая, съ тѣмъ вмѣстѣ, стоимость бѣличьяго мѣха, безпрерывно требующуюся въ обращеніи, и въ которой, также какъ и въ самой величинѣ нормальной единицы, всѣ другія стоимости въ практической жизни выражались.

Слѣдовательно въ каждомъ кружкѣ, въ каждой мѣстности, въ каждомъ обществѣ, временемъ, образовалась своя система выраженія стоимостей; — система, начала которой исходили изъ условій жизни, быта и мѣстныхъ требованій, того кружка или общества, гдѣ она принималась; а эти мѣстныя требованія, сами собой, придавали каждой принятой монетной системѣ свой исключительный характеръ, совершенно независимый отъ того, въ какомъ учреждались выраженія стоимостей въ другихъ обществахъ. Ясно, что за тѣмъ, каждая изъ монетныхъ системъ, принятыхъ въ разныхъ обществахъ, какъ въ своемъ основаніи, такъ и принимаемомъ ею порядкѣ, была совершенно отлична отъ системъ, принимаемыхъ другими обществами, соотвѣтственно условіямъ ихъ жизни, и условіямъ ихъ мѣстныхъ и бытовыхъ требованій, и потому, представляла свой, —

исключительно принадлежащій только данному обществу, способъ опредѣленія значенія стоимостей, нисколько не соотвѣтственный тому, какъ такое значеніе опредѣляется въ другихъ обществахъ.

Принимаемыя каждымъ обществомъ системы выраженія стоимостей укрѣплялись, практическимъ употребленіемъ, между тѣми обществами, на условіяхъ жизни которыхъ онѣ основывались; а какъ, съ теченіемъ времени, каждая система обобщалась и принималась сосѣдственными мѣстностями и кружками, требованія которыхъ сходились и условія жизни которыхъ были одинаковы, — то каждая опредѣленная система выраженія стоимостей становилась какъ бы неотъемлемою принадлежностію даннаго района мѣстности, заселенной народомъ, связаннымъ между собою исключительностію племеннаго сродства, солидарностію занятій или направленіемъ жизни.

Дальнѣйшее развитіе условій ихъ быта, разумѣется, должно было исправлять и дополнять принятую систему, — тоже соотвѣтственно мѣстнымъ требованіямъ и народной жизни того кружка, гдѣ она обращалась. Это развитіе жизни, общность интересовъ и безпрерывность обращенія доводили наконецъ, принимаемую систему выраженія стоимостей, до степени осязательности въ народномъ пониманіи; и монетная система становилась существенною принадлежностію жизни того кружка или общества, въ которомъ получила историческое основаніе. Слитіе кружковъ или обществъ въ одинъ народъ и соединеніе

системъ ихъ выраженія стоимостей въ одну, ясно, должны были вносить въ различныя системы новые элементы выраженія, подъ часъ совершенно противорѣчащіе общей идеѣ прежде принятаго порядка; но эти элементы и противорѣчія, укоренившіеся уже въ привычномъ обращеніи, уравнивались и сглаживались практикою жизни, и тѣми народными требованіями, которыя составляли отличительность соединенныхъ между собою кружковъ. И вотъ, когда слившіеся общества и кружки представили собою уже не только племя, не только народъ, но и государство, то въ этомъ государствѣ, вмѣстѣ съ религіей, языкомъ и обычаями, укоренялась и своя система выраженія стоимостей, какъ и система мѣръ и вѣсовъ, — основанная на прошлой жизни и историческихъ преданіяхъ тѣхъ кружковъ и обществъ, которыя были зародышемъ государственныхъ началъ того народа, изъ котораго государство образовалось, и совершенно отличная отъ другихъ системъ, которыя, на тѣхъ же основаніяхъ, приняты были другими государствами.

Разумѣется, съ началомъ государственной жизни, система выраженія стоимостей должна была подчиниться наблюденію правительствъ, уже по самой силѣ вліянія, которое она имѣла на общественныя отношенія и взаимный обмѣнъ произведеній труда, и которую не могли не сознать даже первоначальныя правительства патріархальныхъ обществъ. А съ подчиненіемъ наблюденію и контролю разныхъ правительствъ, — возникающія монетныя системы

должны были получать совершенно отдѣльныя направленія, соотвѣтственно разности взглядовъ на сущность выраженія стоимостей въ монетныхъ знакахъ каждаго правительства, и принимать всѣ уклоненія, которыя таковый взглядъ производилъ; тѣмъ болѣе, что общая форма тогдашняго правленія, основанная на абсолютизмѣ, возводила личный произволъ до высоты принципа. Правительства, нерѣдко, въ видахъ общаго удобства, а иногда и собственнаго интереса, согласно своимъ личнымъ понятіямъ, вводили разнаго рода узаконенія и правила, относящіяся къ систематическому обращенію, между ихъ народами, выражающихъ стоимости знаковъ, или производили на это обращеніе вліяніе косвеннымъ путемъ. Ясно, что такого рода учрежденія и правила могли относиться только до того народа или общества, въ которомъ принимались, не касаясь нисколько другихъ народовъ, въ которыхъ, можетъ быть, въ это же время, принимались правила совершенно противуположныя: отчего, разумѣется, каждый народъ, въ принимаемой имъ системѣ, долженъ былъ представлять свою, совершенно независимую, отличительность. При этомъ, къ сожалѣнію, нужно сказать, что въ такого рода отдѣльныхъ учрежденіяхъ и установленіяхъ, вводимыхъ разными правительствами, не всегда сохранилась та раціональность взгляда, и та математическая правильность и точность, которыми выраженіе стоимостей въ знакахъ монеты должно руководствоваться, и которая могла

исходить только изъ логическаго пониманія сущности предмета и твердаго его научнаго изученія. Ни такого логическаго пониманія, ни, тѣмъ болѣе, — научнаго изученія, — правительства того періода не могли имѣть, а отъ того, естественно, должны были впадать, своими сепаратными постановленіями, не только въ совершенную противуположность, другъ другу, но и въ противорѣчіе самому понятію о выраженіи стоимостей въ знакахъ монеты, — противорѣчіе, которое должно было совершенно отдѣлять каждый народъ, въ способѣ выраженія цѣны стоимостямъ, одинъ отъ другаго, отводя при томъ, принимаемыя каждымъ системы, отъ логической правильности и разумнаго пониманія, что мы и увидимъ впослѣдствіи. Такимъ образомъ, въ каждомъ народѣ, въ каждомъ государствѣ, исторически, создалась своя отдѣльная система выраженія стоимостей, съ своей единицей цѣны, своими условіями и особенностями, своими подраздѣленіями этой единицы и представленіемъ ея матеріальными знаками, какъ въ собирательныхъ, такъ и дробныхъ величинахъ.

Изъ этого видно, что съ теченіемъ времени должно было образоваться столько системъ выраженія стоимостей, сколько образовалось, племенными отличіями, мѣстными обстоятельствами и исторіей, замкнутыхъ въ интересахъ своей мѣстности, отдѣльныхъ государствъ или народовъ, и что всѣ эти системы должны были удовлетворять требованіямъ и нуждамъ только того народа, среди котораго были приняты, соотвѣт-

ствовать только его обычаямъ и понятіямъ, безъ всякаго соображенія съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ таковыя обычаи, понятія и требованія соотвѣтствуютъ общему логическому пониманію системы выраженія стоимостей, и разумному требованію удобства и простоты такого выраженія, и въ какой мѣрѣ могутъ онѣ примѣняться къ обычаямъ, требованіямъ и понятіямъ другихъ народовъ.

Отсюда ясно, что, несмотря на одинаковость началъ, на которыхъ основывается оцѣнка предметовъ, и которыя заставилъ принять почти всѣ народы разумъ жизни, — выраженіе цѣны матеріальными знаками, въ практическомъ примѣненіи своемъ, въ каждой отдѣльной мѣстности получило совершенно различное основаніе и совершенно независимый порядокъ; такъ что, въ численныхъ выводахъ своихъ, представляется нерѣдко совершеннымъ противорѣчіемъ одно другому.

Этимъ мы хотимъ сказать, что хотя разумъ жизни и практичекія требованія, — указали почти всѣмъ народамъ на единственно раціональный способъ выраженія стоимостей въ стоимости опредѣленныхъ знаковъ металла; но каждый народъ, по историческимъ даннымъ своей прошлой жизни, принялъ свою величину, т. е. свое условное количество металла за единицу цѣны, и на основаніи этой единицы, своимъ отдѣльнымъ порядкомъ, выразилъ въ ней всѣ стоимости, т. е. создалъ свою систему выраженія стоимостей въ нормальныхъ металлахъ.

Когда развитіе цивилизаціи заставило людей по-

нять выгоду взаимныхъ сношеній, можетъ быть, отдѣльныя правительства и готовы бы были принять болѣе общую идею для выраженія стоимостей, чѣмъ какая существовала въ подвластныхъ имъ народахъ; готовы были войти въ соглашеніе относительно взаимнаго примѣненія болѣе правильныхъ началъ, на которыхъ это выраженіе должно было основываться, чѣмъ тѣ, какія составляли слѣдъ исторической жизни ихъ народа, — что и доказываютъ нѣсколько конвенцій, которыя заключались между средне-Европейскими государствами. Но, во первыхъ, — правительства всё же не были подготовлены къ тому, чтобы, въ своихъ международныхъ сношеніяхъ, выходить изъ области фактовъ и вносить научный взглядъ, представляющій логическое и отвлеченное изслѣдованіе; и во вторыхъ, — измѣненіе системы выраженія стоимостей въ народной жизни, или преобразованіе монетныхъ системъ, — въ примѣненіи своемъ къ практической жизни, встрѣчаетъ столько затрудненій, въ такой мѣрѣ возбуждаетъ противорѣчіе въ народныхъ привычкахъ и требованіяхъ, и на столько требуетъ пожертвованій отъ самихъ правительствъ, что теоретическое указаніе необходимости измѣненія и соглашенія, должно было отступать передъ возникающими противодѣйствіями дѣйствительности. И выраженіе стоимости, до сихъ поръ, остается въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ создала его исторія, или лучше сказать, представляетъ совершенно разнообразное смѣшеніе различныхъ взгля-

довъ и системъ, которыя образовались историческою жизнію, отдѣльно, каждаго народа или государства, хотя этотъ видъ, въ настоящее время, при настоящемъ развитіи цивилизаціи и взаимныхъ сношеній, — колетъ глазъ своей противо-логической непослѣдовательностію и неправильностію.

Но какъ быть! Исторія оставляетъ въ каждомъ народѣ или обществѣ столь глубокій слѣдъ прошлаго, что самое прямое и разумное требованіе логической истины должно встрѣчать противодѣйствіе въ своемъ примѣненіи, когда оно противорѣчитъ народнымъ обычаямъ, народнымъ понятіямъ, народному взгляду. Прошлое жизни оставляетъ свой корень въ настоящемъ, и этотъ корень долго и долго даетъ уже извѣстные ростки, пока не будетъ замѣненъ другимъ растеніемъ. Удобно ли и скоро ли можно напр. пріучить русскихъ людей считать на франки, когда каждую цѣнность они привыкли опредѣлять относительною стоимостію рубля, и скоро ли француза можно пріучить выражать свой трудъ и свои произведенія въ рубляхъ, когда онъ привыкъ, въ своей мысли, стоимость ихъ опредѣлять франками; когда тотъ и другой, не только сроднились съ отвлеченнымъ представленіемъ стоимости своихъ монетъ, при сравненіи со всѣми стоимостями, но даже усвоили ихъ относительное значеніе до осязательнаго представленія, въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, принимавшихъ ихъ какъ наслѣдственный остатокъ прошлой жизни ихъ предковъ.

И такъ, общій видъ выраженія стоимостей въ практической жизни долженъ представиться намъ рядомъ отдѣльныхъ системъ для каждой мѣстности, для каждаго кружка или народа, которые принимаютъ каждый свою, различной величины, единицу, выражая её своимъ знакомъ, и назначая, сообразныя этой величинѣ и этому знаку, совершенно не совпадающія между собою, дѣленія; т. е. принимаютъ каждый свою систему, имѣющую совершенно независимое отъ другихъ системъ основаніе и свой отдѣльный порядокъ. Въ такомъ видѣ должно представиться намъ общее выраженіе стоимостей, какъ историческій слѣдъ отдѣльной жизни и замкнутости различныхъ народовъ.

И дѣйствительно, въ практической жизни, не только каждое изъ большихъ государствъ Европы, не только отдѣльныя племена Азіи и Африки, но и незначительныя владѣнія независимыхъ владѣтелей, даже въ новыхъ обществахъ Америки, принимаютъ свою единицу сравненія, свою *монету*, выражающую единицу цѣны опредѣленнымъ знакомъ; принимаютъ свои раздѣленія этой монеты и представленіе ея знаками въ собирательныхъ и дробныхъ величинахъ; т. е. принимаютъ, каждое, свои отдѣльныя системы выраженія стоимостей въ монетныхъ знакахъ, имѣющія, каждая, свое основаніе въ величинѣ принимаемой единицы, и свой, принимаемый исключительно одною этою системою, порядокъ выраженія въ принятой единицѣ различныхъ стоимостей, и способъ

представленія этихъ стоимостей вещественными монетными знаками различныхъ величинъ.

Всѣ знаки монетной единицы и подраздѣленій ея на дробныя части, — равно какъ и знаки, означающіе собирательныя числа оной, для выраженія стоимостей въ опредѣленномъ систематическомъ порядкѣ, — принятыя въ разныхъ государствахъ и разными народами, называются монетными системами тѣхъ государствъ и народовъ, и составляютъ, каждая сама по себѣ, въ числѣ другихъ особенностей народности, ихъ характерное отличіе.

Въ одной Германіи можно было насчитать до двадцати видовъ разнаго рода единицъ, составлявшихъ нѣкогда или составляющихъ теперь, основанія различныхъ системъ; до двадцати видовъ разнаго рода *талеровъ*, *гульденовъ*, *марокъ*, *флориновъ* — старыхъ и новыхъ, ходячихъ и счетныхъ. Всѣ они представляли, отчасти и представляютъ, за послѣдовавшими уже конвенціями и соглашеніями, основанія системъ различныхъ мѣстностей и обществъ, и имѣли или имѣютъ различное подраздѣленіе. Нѣкоторыя изъ системъ, прежде принятыхъ, замѣнены уже другими, имѣющими болѣе общее значеніе, но монеты прежнихъ системъ, частію, остались въ обращеніи, представляя собою въ новыхъ системахъ особые виды подраздѣленій, нарушающихъ, своими исключеніями, тотъ порядокъ, который новыя системы принимаютъ. Другія системы, въ видахъ отстраненія тѣхъ или другихъ практическихъ неудобствъ, полу-

чили новое подраздѣленіе, и представляютъ, въ практическомъ выраженіи своемъ, счетъ по той и другой системѣ, и монеты того и другаго подраздѣленія.

Для осязательнаго представленія общей характеристики современнаго выраженія стоимостей въ знакахъ монеты, и аналитическаго разбора послѣдствій, отъ таковаго выраженія происходящихъ, мы остановимся только на главнѣйшихъ системахъ выраженія стоимостей, и приведемъ только монетныя системы главнѣйшихъ государствъ, которыя, по обширности района, въ которомъ употребляются, имѣютъ наибольшее вліяніе на обращеніе стоимостей въ общей коммерческой дѣятельности. Въ концѣ сочиненія, впрочемъ, мы прилагаемъ болѣе общую сравнительную таблицу различныхъ монетныхъ системъ, для практическихъ соображеній.

Вотъ системы эти въ главнѣйшихъ основаніяхъ:

Въ Россіи, за основаніе системы принятъ *рубль;* серебряная монета, опредѣленной формы, вѣсомъ 4 зол. 82.5 доли, 83 1/3 пробы (20.73 франц. граммъ) заключающая слѣдовательно въ себѣ чистаго серебра 4 зол. 21 долю или 17.99 французскихъ граммъ. По сравненіи съкельнскою маркою (233.85 франц. грам.), рубль почти представляетъ ея 1/13 часть; именно кельнская марка = 12 рубл. 99.6 коп.

На основаніи этой единицы, монетная система въ Россіи представляетъ слѣдующій порядокъ выраженія въ счетѣ: рубль равняется 10 гривнамъ; грив-

на — 10 копѣйкамъ. Копѣйки подраздѣляются, каждая, на двѣ денежки или четыре полушки.

Вещественными знаками выражаются слѣдующія части рубля:

1 коп 2, 3, 5, — (кромѣ послѣдняго вида, который бываетъ и серебряный) исключительно мѣдные. 10, 15, 20, 25, 30, 50, и 75 коп. серебряные, до 20 коп. биллонной 72 пробы, а выше 20 коп. — знаки пропорціональны величинѣ рубля и равнаго съ нимъ достоинства металла. Кромѣ того существуютъ еще знаки (мѣдные) денежки или $^1/_2$, — и полушки или $^1/_4$ коп.

Собирательныя числа рубля выражаются монетами въ $1^1/_2$ р. 5 р. и 10 р. *). Послѣдніе два вида монетъ бываютъ исключительно золотые, и имѣютъ отличительное названіе имперіаловъ и полуимперіаловъ.

Въ Англіи, за основаніе системы выраженія стоимостей, въ оптовой торговлѣ и общемъ обращеніи, принятъ, въ настоящее время, собственно *фунтъ стерлинговъ* (суверень). Всякій платежъ, свыше 40 шил., обязательно долженъ быть выполняемъ золотою монетою. Англійскій банкъ не платитъ иначе какъ золотомъ. Но въ ежедневномъ обраще-

*) Существуетъ еще въ Россіи золотая монета *червонецъ*, номинально означающій 2 р. 85 к., перенесенная къ намъ изъ монетной системы Голландіи. Но какъ монета эта не принадлежитъ собственно русской системѣ выраженія стоимостей, то оная здѣсь и не упоминается.

ніи, согласно прежней исторической жизни Англіи, остается нормальною единицею серебряная монета *шиллингъ*, отливаемый изъ серебра 88.8 пробы, вѣсомъ въ 6.14 франц. грамма или въ 1 зол. 42.2 доли русск. золот. Слѣдовательно, шиллингъ заключаетъ въ себѣ чистаго серебра 5.68 франц. граммъ или 1 зол. 31.8 доли русскихъ золотниковъ. Въ системѣ счета шиллингъ дѣлится на 12 пенсовъ и означается въ дробныхъ частяхъ монетами въ 1, 2, 3, 4, 6 и 9 пенсовъ, и $^1/_4$ и $^1/_2$ пенса. Монеты, означающія послѣднія дѣленія, а также дѣленія отъ 1-го до 4 пенсовъ, дѣлаются изъ мѣди.

Знаки собирательныхъ чиселъ шиллинговъ выражаются, въ настоящемъ, слѣдующими монетами, имѣющими каждая свое характерное названіе: серебряныя: флоринъ 2 шил.; полкроны $2^1/_2$ шил.; крона 5 шил.; золотыя: полусоверенъ 10 шил.; суверенъ или фунтъ стерлинговъ 20 шил.; гинея или прежній фунтъ 21 шил. (нынѣ не чеканится); двойной и пятерной суверенъ въ 40 и 100 шил.

Противу кельнской марки, шиллингъ представляетъ почти ея $^1/_{42}$ часть; такъ что кельнская марка = 41.76 шиллинг.

Во Франціи, *). за основаніе монетной системы, т. е. за единицу монеты, принятъ *франкъ*, вѣсомъ въ 5 граммъ или 1 з. 16.5 золот., $86^2/_5$ про-

*) Французскую систему въ настоящее время принимаютъ: Италія, Швейцарія и Бельгія.

бы, содержащій, слѣдовательно, чистаго серебра 4.5 грамма или 1 з. 5.26 д. русскихъ золотниковъ, и составляющій, относительно кельнской марки, почти ея $^1/_{52}$ часть, такъ что кельнская марка равняется 51.97 франка *).

Въ систематическомъ дѣленіи своемъ, для выраженія стоимостей, франкъ подраздѣляется на 20 су, каждое въ 5 сантимовъ; слѣдовательно равняется 100 сантимамъ, и выражается, въ частяхъ своихъ, вещественными знаками монеты въ 1, 2, 5, 10, 15 и 50 сант. Дѣленія до 15 сант. дѣлаются мѣдныя.

Собирательныя числа франковъ означаются вещественными знаками монетъ въ 2, 5, 10, 20, 40 и 100 фр. Послѣдніе четыре вида монетъ бываютъ исключительно золотые и носятъ названія луидоровъ и наполеондоровъ, по имени, изображеннаго на нихъ, царствовавшаго государя. Монета въ 5 фр. чеканится и золотая и серебряная, по соотвѣтственной стоимости металловъ.

Въ Германіи, отдѣльность мелкихъ владѣній представляла полное разнообразіе въ монетахъ, отливаемыхъ независимыми феодалами и обращающихся, по безпрерывности взаимныхъ сношеній, повсемѣстно. Можно сказать, каждый значительный городъ,

---

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, между Франціей, Италіей, Швейцаріей и Бельгіей предполагается новая конвенція по предмету денежной системы, по коей франкъ предполагается чеканить изъ серебра, достоинствомъ 835 противу 1000 частей; что составитъ только 80-ю пробу.

каждая небольшая провинція имѣли свои монетныя системы, которыя измѣнялись, передѣлывались независимо одна отъ другой; такъ что, наконецъ, стали представлять совершенный хаосъ въ выраженіи и оцѣнкѣ. Потому Германія, прежде всѣхъ, вынуждена была входить въ соглашеніе между собою, относительно сближенія монетныхъ системъ, принятыхъ въ ея различныхъ государствахъ. Соглашенія эти заключились конвенціями 1838 и 1857 гг., по которымъ, всѣ монетныя системы приведены къ тремъ главнымъ системамъ, получившимъ, кромѣ весьма немногихъ исключеній въ вольныхъ городахъ, общегерманское значеніе. Системы эти: австрійская, прусская и, такъ называемая, при-рейнской Германіи, или баварская. Хотя основанія означенныхъ системъ и порядокъ, принимаемый ими, у каждой, совершенно отдѣльный, и потому выраженіе стоимостей, по каждой системѣ, имѣетъ свое независимое значеніе, но тѣмъ не менѣе, всѣ монетные знаки ихъ, помянутыми конвенціями, приведены въ опредѣленную соразмѣрность и уравновѣшены высшими знаками общихъ конвенціонныхъ монетъ. Изложимъ здѣсь основанія и порядокъ каждой изъ этихъ трехъ системъ, составляющихъ въ настоящее время, именно какъ мы сказали, условный порядокъ монетнаго обращенія почти во всей Германіи.

Въ Пруссіи и государствахъ прежняго *таможеннаго* союза, за единицу монеты принятъ *талеръ*, выражаемый матеріально въ монетѣ вѣсомъ 22.26

фр. гр. или 5 зол. 20.85 долей русскихъ золотниковъ 72 пробы. Слѣдовательно талеръ заключаетъ въ себѣ чистаго серебра: 16.7 франц. граммъ или 3 зол. 87.7 дол. По сравненію съ кельнскою маркою талеръ представляетъ ея ровно $^1/_{14}$ часть.

Талеръ подраздѣляется на 30 зильберъ грошей, заключающихъ въ себѣ каждый 12 пфенниговъ. Матеріальные знаки вещественной монеты, означающіе части талера, — имѣютъ преимущественно билонное значеніе, и отливаются: въ 15 грош. или $^1/_2$ т.; 10 гр. или $^1/_3$ т.; 5 грош. или $^1/_6$ т.; 1 гр. $^1/_2$ гр. $^1/_4$ гр. (т. е. 6 и 3 пф.) и 1 пф.

Кромѣ того въ Пруссіи принимается прежнее подраздѣленіе талера на 24 гуттенъ гроша, которые, въ показанныхъ монетахъ, соотвѣтствуютъ, пропорціонально, опредѣленному количеству зильберъ-грошей и пфенниговъ, считаемыхъ въ каждомъ гуттен-грошѣ по 15-ти.

Собирательныя числа талера означаются монетами въ $2^1/_2$; 5 и 10 т. Послѣдніе два вида монетъ бываютъ исключительно золотые и извѣстны подъ именемъ фридрихсдоровъ.

Въ Австріи, за единицу монетной системы принятъ *флоринъ*, называемый также австрійскимъ гульденомъ.

Составляя $^1/_{21}$ часть кельнской марки, флоринъ заключаетъ въ себѣ 11.13 граммъ или 2 з. 58.4 доли чистаго серебра; чеканится 80 пробы, вѣсомъ въ 13.36 фр. грамма или 3 зол. 12.6 доли русскихъ

золотниковъ. По послѣднимъ узаконеніямъ, флоринъ подраздѣляется на 100 нейкрейцеровъ, и выражается въ дробныхъ частяхъ слѣдующими монетными знаками, также, большею частію, имѣющими билонное значеніе: $^1/_2$ фл. или 50 нейкрейц; $^1/_4$ фл. или 25 нейкрейцер., 10, 5, 3, 2 и 1 нейкрейцеръ.

Собирательныя числа флорина, вещественно, означаются монетами: въ $1^1/_2$ фл., 2 и 3 фл., 7 фл. и 14 фл. Послѣдніе два вида монетъ бываютъ исключительно золотыя и общія для всѣхъ конвенціонныхъ государствъ, потому особо называются конвенціонными.

Въ *нижне-рейнской* Германіи принята такъ называемая *баварская* система, за единицу которой принятъ баварскій *гульденъ*, серебряный знакъ $86^2/_5$ пробы, — вѣсомъ всего въ 10.6 франц. граммъ или въ 2 зол. 46.5 доли русскихъ золотниковъ. Слѣдовательно гульденъ заключаетъ въ себѣ чистаго серебра 9.54 франц. граммъ или 2 з. 22.6 доли русск. зол. по отношенію къ кельнской маркѣ гульденъ отливается такъ что кельнская марка = 24.5 гульдена. Гульденъ подраздѣляется на 60 крейцеровъ, изъ которыхъ каждый дѣлится на 4 пфеннига, а каждый пфеннигъ на 2 геллера.

Дробныя части гульдена означаются монетами:

1 гел. 1 пф. 1, 2, 3, 10, 12 и 30 крейцеровъ и полуталеръ или 45 кр. Только монеты въ 30 и 45 крейц. представляютъ пропорціональную металлическую стоимость, прочія же имѣютъ только билонное значеніе.

Собирательныя части гульдена выражаются монетами:

Талеръ — $1^3/_4$ гульдена; 2 гульд.; $8^1/_6$ гульд. и $16^1/_3$ гульд. Послѣдніе два вида монетъ (крона и полъ кроны), принадлежатъ къ конвенціоннымъ и собственно въ Баваріи не чеканятся, а обращаются австрійскія.

Въ трехъ послѣднихъ, приведенныхъ нами, монетныхъ системахъ разныхъ германскихъ государствъ, уже замѣтно то соглашеніе, которое, конвенціями, между ними было установлено, и которое привело системы эти въ нѣкоторую, хотя еще весьма сложную соразмѣрность. Прусскіе таллеры, заключая въ себѣ 16.7 фр. гр. чистаго серебра, весьма близко соотвѣтствуютъ $1^1/_2$ Австрійскимъ флоринамъ, имѣющимъ 11.13 грамма, и $1^3/_4$ гульденамъ баварскимъ, имѣющимъ чистаго серебра 9.54 фр. гр.; а крона и полкроны, — золотыя общія конвенціонныя монеты, выражаютъ собою одинаково: 7 и 14 флориновъ австрійскихъ и $8^1/_6$ и $16^1/_3$ гульденовъ баварскихъ; наконецъ соотвѣтствуютъ, въ круглыхъ числахъ, 9 тал. 10 зильб. грош. и 4 тал. 20 зильб. гр. прусскимъ. Но таковое сближеніе, ясно, не достигаетъ ни той степени правильности, ни той осязательной простоты и удобства, которыхъ монетныя системы, въ своемъ порядкѣ выраженія стоимостей, должны достигать.

Въ Испаніи *), за единицу системы принятъ

*) Въ Испаніи, въ мелочной торговлѣ, принимаются за

Дуро, (піастръ, талеръ) монета 86²/з пробы; вѣсомъ въ 27.07 грамма или 6 зол. 33 доли русскихъ золотниковъ; слѣдовательно, заключающая въ себѣ чистаго серебра 24.44 фр. грамма или 5 з. 69.9 долей золотниковъ. На кельнскую марку дуро причиталось бы 9.57 монетъ.

Дуро подраздѣляется на 20 реаловъ, заключающихъ въ себѣ каждый 100 центимосовъ; употребляется еще особое подраздѣленіе на мераведисы.

Дробныя части дуро и реала и собирательныя числа ихъ означаются слѣдующими монетами:

дробныя части дуро:

10 реал.; 4 реала; 2 реала; 1 реалъ; 10 цент., и 1 цент.

Собирательныя числа дуро:

50 реал. или 2¹/₂ дуро; 100 реаловъ или 5 дуросовъ; 200 реаловъ или 10 дуросовъ; послѣдніе два вида монетъ бываютъ только изъ золота и называются дублонами и пистолями.

Въ *Соединенныхъ штатахъ* Америки, за единицу системы принятъ *Долларъ*, представляющій знакъ монеты почти равный дуросу, вѣсомъ въ 26.96 граммъ или 6 з. 30.6 доли русскихъ золотниковъ, 85²/з пробы; слѣдовательно, представляющій чистаго серебра 24.06 фр. грам. или 5 з. 61.34 доли русскихъ золотниковъ. Долларъ подраздѣляется на 10

единицу цѣны реалы и на нихъ производится счетъ; въ провинціяхъ обращается еще иногда, такъ называемая, провинціальная монета отдѣльныхъ системъ.

иммъ, каждый димъ въ 10 центовъ. Дробныя части его выражаются монетами: въ 5 диммъ; 2 дима; 1 димъ; 5 цент.; 3 цента и 1 центъ. Собирательныя числа представляютъ монеты въ 10, 5, 3 и $2^1/_2$ доллара. Первые два вида монетъ бываютъ исключительно золотые, и носятъ характерное названіе *орла* и *полуорла*. По количеству, заключающагося въ долларѣ чистаго металла, кельнская марка равняется 9.728 долларамъ.

Мы ограничимся приведенными здѣсь системами, хотя должны повторить, что не только большая часть отдѣльныхъ государствъ стараго и новаго свѣта, не только независимыя, иногда даже весьма мелкія владѣнія, имѣютъ — какъ мы говорили, — свои единицы, столь же трудно соизмѣримыя между собою, какъ и приведенныя выше, и на этихъ единицахъ основываютъ свои отдѣльныя, своеобразныя системы выраженія стоимостей, но еще въ каждомъ изъ поименованныхъ и не поименованныхъ большихъ государствъ, есть нѣсколько особыхъ системъ *мѣстныхъ* *), по разнымъ отдѣльнымъ частямъ государства; нѣсколько системъ отмѣненныхъ уже, но монеты которыхъ, еще находятся въ обращеніи; и нѣсколько системъ счетныхъ или банковыхъ, происшедшихъ въ слѣдствіе обращенія билонныхъ или счетныхъ и банковыхъ единицъ, — съ чѣмъ чита-

*) Въ Россіи напримѣръ система Польская въ *злотыхъ*; Кавказская въ *абазахъ* и т. д.

тели подробно ознакомятся, при разсмотрѣніи значенія биллоновъ и ассигнацій. Всѣ эти системы, совершенно несходныя ни въ своемъ основаніи, ни въ принимаемомъ ими порядкѣ выраженія стоимостей въ знакахъ монеты, разумѣется, должны представлять совершенный хаосъ, при расчетѣ взаимнаго обмѣна и общаго движенія коммерческой дѣятельности. Мы ограничиваемся указанными системами, полагая, что онѣ достаточно объясняютъ наше замѣчаніе о томъ, что существующее въ настоящее время выраженіе стоимостей въ знакахъ современной монеты, совершенно противорѣчитъ логическимъ требованіямъ науки и разума. Впрочемъ, для любопытныхъ и для практическихъ соображеній, мы, въ концѣ этой книги, прилагаемъ болѣе полную сравнительную таблицу главнѣйшихъ монетныхъ системъ разныхъ государствъ (таблица М), представляющую, наглядно, сравнительную стоимость главныхъ монетныхъ единицъ современнаго денежнаго обращенія. Кстати, говоря объ этой таблицѣ, (М) мы считаемъ нелишнимъ напомнить нашимъ читателямъ о той относительности цѣны, которая, какъ мы объясняли подробно, составляетъ сущность въ опредѣленіи значенія стоимостей, выражаемаго *цѣной*. Опредѣляя свойства монеты, мы говорили, что первое условіе соотвѣтственности выбора предмета, для всеобщаго выраженія въ немъ цѣны всѣхъ стоимостей, есть тождественность всѣхъ его экземпляровъ одного вида, и что съ предметомъ, который не заключаетъ

въ себѣ таковаго свойства, сравненіе другихъ предметовъ и выраженіе этого сравненія, не могутъ представлять надлежащей опредѣлительности. Для сообщенія такой опредѣлительности, мы говорили, будетъ необходимо, — или сравнивать различнаго вида экземпляры этого предмета, принимаемаго за единицу сравненія, — по взаимному ихъ отношенію между собою, подобно тому, какъ мы сравнивали между собою стоимости въ предполагаемой таблицѣ (А), или избрать новую единицу сравненія, обладающую свойствомъ тождественности своихъ экземпляровъ, и принять эту новую единицу за норму сравненія и опредѣленія всѣхъ неравномѣрныхъ видовъ первой единицы. Въ настоящее время, разсмотрѣніемъ существующихъ монетныхъ системъ, мы приведены именно къ тому указанію, что историческая послѣдовательность жизни, выражая стоимости свои въ цѣнѣ металла, не смотря на совершенную соотвѣтственность металловъ всѣмъ условіямъ, требуемымъ отъ предмета, чтобъ онъ могъ служить правильнымъ выраженіемъ стоимостей, — приняла, въ практическомъ приложеніи своемъ у разныхъ народовъ, совершенно различныя монетныя системы, — единицы которыхъ представляютъ неравномѣрныя и даже несоизмѣримыя между собою величины, ни въ какомъ случаѣ не представляющія тождественныхъ количествъ. Потому, относительное значеніе каждой можетъ опредѣлиться, только взаимнымъ ихъ сравненіемъ, именно въ той самой формѣ, какую принимали

мы разсматривая таблицу (А). Правда, для сокращенія выраженія таковой относительности, мы могли бы принять какую либо одну изъ единицъ за посредствующую; эта посредствующая единица представила бы намъ условно нормальную величину; и къ ней мы могли бы отнести уже всѣ другія единицы. Но какъ, въ ряду монетныхъ системъ, равноправно принимаемыхъ разными народами, такой общей нормальной единицы нѣтъ, а условное принятіе опредѣленной величины за нормальную, однимъ народомъ, не даетъ никакой опредѣлительности выраженію въ ней у другихъ народовъ, то и выраженіе взаимнаго отношенія разныхъ монетныхъ системъ, для опредѣлительнаго означенія ими стоимостей, можетъ быть достигнуто не иначе, какъ только указаніемъ относительнаго значенія каждой изъ неравномѣрныхъ единицъ, сравнительно со всѣми другими; т. е. указаніемъ относительнаго положенія стоимости, каждой отдѣльно, противу стоимостей всѣхъ другихъ. Такимъ образомъ и составлена таблица М, которая обозначаетъ взаимную относительность стоимости главнѣйшихъ монетъ въ практической жизни, подобно тому, какъ умозрительно указывали мы на возможность, посредствомъ такого же рода таблицы, приведенной нами въ видѣ примѣра (таблица А), опредѣлить относительное значеніе или цѣну всевозможныхъ предметовъ, по взаимному отношенію ихъ стоимостей. Но мы еще не разъ будемъ вынуждены обращаться къ значенію относительности цѣны, слѣдовательно

и къ таблицамъ, которыя эту относительность выражаютъ и опредѣляютъ; перейдемъ теперь, вновь, къ продолженію того логическаго анализа существующихъ въ практической жизни монетныхъ системъ, который вызвалъ насъ на указаніе тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ болѣе существенное вліяніе на коммерческую дѣятельность и денежное обращеніе.

Для большаго взаимнаго сближенія и обсужденія, перечислимъ эти единицы, съ означеніемъ ихъ вѣса и достоинства металла, хоть въ русскихъ золотникахъ.

Таблица Е.

НАЗВАНІЕ МОНЕТЪ И СТРАНЪ ОБРАЩЕНІЯ.	Вещественный вѣсъ ихъ въ русскихъ золотникахъ.	Проба въ русскихъ доляхъ.
Русскій рубль	4 зол. 82.5 д.	83 1/3
Англійскій шиллингъ	1 зол. 42.2 д.	88.8
Французскій франкъ .	1 зол. 16.5 д.	86 2/5
Прусскій талеръ . . .	5 зол. 20.85 д.	72
Австрійскій флоринъ.	3 зол. 12.6 д.	80
Рейнскій гульденъ . .	2 зол. 46.5 д.	86 2/5
Испанскій дуро. . . .	6 зол. 33 д.	86 2/3
Американскій долларъ	6 зол. 30.6 д.	85 2/3

Каждая изъ означенныхъ здѣсь единицъ имѣетъ свое историческое значеніе въ томъ народѣ, которымъ принята для обращенія, — и, разумѣется, подвергалась нѣсколькимъ измѣненіямъ прежде, чѣмъ утвердилась въ настоящей своей величинѣ и достоинствѣ, слѣдовательно, въ своемъ настоящемъ значеніи. Равнымъ образомъ и подраздѣленія всѣхъ, показанныхъ въ таблицѣ, единицъ, — какъ и единицъ всѣхъ монетныхъ системъ, прежде чѣмъ получили опредѣленный, существующій нынѣ порядокъ, которымъ выражаютъ цѣны стоимостямъ, подвергались измѣненію не одинъ разъ, и совершенно независимо одно отъ другаго. Слѣдовательно, каждая монетная единица, равно какъ и самая система на ней основанная, имѣютъ свою исторію, заключенную въ историческомъ развитіи жизни того народа, въ которомъ она составляетъ одно изъ существенныхъ отличій его народности. Тѣмъ не менѣе, при самомъ поверхностномъ взглядѣ на рядъ единицъ, представленныхъ нами въ ихъ величинахъ и достоинствѣ металла, всякій сознаетъ ту видимую несоразмѣрность между ними, которая поставляетъ — каждое выраженіе по одной системѣ, совершенно отличнымъ и независимымъ отъ выраженія по другой. Всякій понимаетъ, что, ни выраженіе стоимостей въ численныхъ величинахъ различныхъ монетныхъ системъ, ни выраженіе ихъ матеріальными знаками монеты той или другой системы, не опредѣляютъ значенія этихъ стоимостей, съ тою положительностію, чтобы,

по таковому выраженію или представленію каждой стоимости въ одной системѣ, мы могли, съ очевидною точностію, опредѣлять ихъ выраженіе или представленіе во всѣхъ другихъ системахъ; ибо каждая система имѣетъ свое основаніе и свой порядокъ выраженія, не только несоотвѣтствующій и не подходящій къ порядку и основанію другихъ системъ, но даже, совершенно несоразмѣрный съ ними. Этими словами, мы, совершенно естественно, приходимъ къ тому заключенію, что различныя и несоразмѣрныя одна съ другою величины металла, разнаго достоинства, принимаемыя за единицы въ различныхъ монетныхъ системахъ, и совершенно не соотвѣтственный одинъ другому порядокъ подраздѣленія этихъ единицъ, и выраженіе ихъ въ матеріальныхъ знакахъ монетъ, — въ полномъ смыслѣ слова, относятъ всякое выраженіе значенія стоимостей, опредѣляемое по какой либо системѣ, къ одной только этой системѣ, безъ всякаго отношенія къ другимъ системамъ, имѣющимъ свою единицу и свой порядокъ выраженія всякаго рода стоимостей.

Между тѣмъ, развитіе между-народныхъсношеній и взаимной между-народной дѣятельности создавало необходимость обоюдности выраженія; обоюдности, обусловливаемой доступностію для взаимнаго пониманія этого выраженія тому и другому народу, входящимъ между собою въ сношеніе. Безъ таковой обоюдности въ выраженіи значенія стоимостей, ясно не могло послѣдовать, не только сближеніе и развитіе между-

народныхъ сношеній, но и простой, первобытный обмѣнъ взаимнаго труда, такъ какъ и такой обмѣнъ требуетъ, чтобы та и другая сторона сознательно представляли себѣ условія обмѣна, слѣдовательно и значеніе обмѣниваемыхъ стоимостей. Выраженіе значенія, опредѣленное въ чужой, непонятной народу системѣ знаковъ, ясно, не можетъ дать ему сознательнаго представленія того отношенія, которое обмѣниваемая стоимость имѣетъ къ его стоимостямъ; потому онъ не можетъ, по этому, непонятному для него, выраженію, опредѣлять то значеніе, которое, пріобрѣтаемая имъ стоимость, должна получить въ ряду ему извѣстныхъ стоимостей, или опредѣлять ея цѣну. Каждый народъ, только въ своей, усвоенной уже имъ системѣ знаковъ, можетъ относить цѣну предметовъ къ опредѣленной и извѣстной ему единицѣ цѣны, и, на основаніи этого отношенія, выраженнаго въ численной величинѣ или въ матеріальныхъ знакахъ монеты, осязательно представлять себѣ то мѣсто, которое, оцѣниваемая стоимость имѣетъ въ ряду другихъ, ему извѣстныхъ, стоимостей. Потому должно, чтобы, при взаимномъ обмѣнѣ стоимостей разныхъ народовъ, каждый изъ нихъ сознавалъ цѣну тѣхъ которыя получаетъ, — въ своей системѣ выраженія, опредѣляющей относительное значеніе каждой стоимости въ усвоенныхъ его пониманію знакахъ. Это замѣчаніе обусловливаетъ необходимость взаимнаго сравненія различныхъ монетныхъ системъ, для выраженія ихъ отно-

сительнаго значенія *одной* въ *другой*. Безъ такого взаимнаго сравненія и сближенія не могло бы существовать и международнаго обмѣна; таковый обмѣнъ, можно сказать, былъ бы немыслимъ. Народъ не можетъ сознательно отдавать свои произведенія, которыя достались ему трудомъ, лишеніями, — стоили мысли, дѣятельности, — за другія произведенія, не опредѣляя ихъ относительнаго значенія. Онъ, невольно, каждое, вымѣниваемое имъ произведеніе, долженъ, въ мысли своей, относить къ значенію тѣхъ предметовъ, которые онъ за него отдаетъ; слѣдовательно сравнивать ихъ, опредѣлять ихъ стоимость, и выражать таковое опредѣленіе по той системѣ, которая имъ уже усвоена, и можетъ представить относительное значеніе оцѣниваемыхъ предметовъ, до осязательнаго сознанія. А такое сравненіе предметовъ и опредѣленіе однихъ, — выраженныхъ своею стоимостію въ одной системѣ выраженія, — другими, выраженными въ другой, — естественно обусловливаетъ сравненіе самихъ выраженій предметовъ въ разныхъ системахъ выраженія; или обусловливаетъ *переводъ* выраженій одной системы на выраженія въ другой.

Ясно, что такой *переводъ*, — переводъ al pari, т. е. по внутренней стоимости монетъ, въ отличіе отъ перевода *по курсу*, и тѣмъ болѣе отъ перевода *по мѣсту платежа*, — изъ которыхъ первый, естественно, переводъ al pari въ себѣ заключаетъ, какъ читатели увидятъ ниже; а вторый, замѣняетъ только отсылку

денегъ и не касается сущности выраженія стоимостей; — переводъ al pari долженъ быть основанъ на сравненіи самихъ системъ выраженія, по ихъ общимъ свойствамъ, и разсмотрѣніи тѣхъ различій, которыя, каждая изъ системъ въ себѣ заключаетъ. Число не можетъ быть одно и тоже, когда выражаетъ что либо въ различныхъ единицахъ; равнымъ образомъ, не можетъ быть одно и тоже, когда выражаетъ что либо различнымъ порядкомъ выраженія. Слѣдовательно и выраженіе стоимостей, представляя собою тоже число, должно быть опредѣлено сравненіемъ тѣхъ данныхъ, которыя опредѣлительность его выраженія объусловливаютъ; т. е. во первыхъ, сравненіемъ единицъ, долженствующихъ составлять это число, за которыя, какъ мы видѣли, каждая система принимаетъ свою независимую величину; и во вторыхъ, сравненіемъ порядка выраженія въ этихъ единицахъ и подраздѣленія ихъ, для обозначенія каждой стоимости въ матеріальныхъ знакахъ монеты, — которые также, — какъ мы тоже видѣли, каждая система имѣютъ отдѣльныя свои.

Это сравненіе монетныхъ системъ совершенно подобно сравненію счетовъ, какіе представляетъ намъ ариѳметика, если счеты эти изложены не посредствомъ одной десятичной системы цифръ, но различными ариѳметическими системами выраженія: напр. въ 5 цифръ; въ 12 цифръ и проч. Въ томъ и другомъ случаѣ величина, выражаемая числомъ, — одна; но выраженіе этой величины, — *число*, таковую

величину означающее, — представляетъ совершенно другое понятіе, соотвѣтственное только той системѣ, въ которой оно выражается. Впрочемъ, понятно, системы ариѳметики и системы выраженія стоимостей въ монетныхъ знакахъ подчиняются однимъ и тѣмъ же математическимъ законамъ; слѣдовательно должны подчиняться однимъ и тѣмъ же ихъ проявленіямъ; съ тою только разницею, что, въ различныхъ системахъ ариѳметики, единица, въ своемъ абстрактномъ представленіи, остается всегда неизмѣнной величиной: тогда какъ монетныя системы представляютъ различіе въ величинѣ самой единицы; и наконецъ, что монетныя системы выражаютъ, не только отвлеченную идею величины, но и ея матеріальное представленіе въ установленныхъ знакахъ монеты, опредѣляющихъ собою идею о данной величинѣ осязательно. За тѣмъ, разсматривая основанія, на которыхъ системы выраженія стоимостей опираются, и извлекая эти основанія изъ теоретическихъ выводовъ значенія монетныхъ системъ вообще, мы приходимъ къ тому заключенію, что всѣ системы имѣютъ между собою одно общее основаніе — *стоимость металла*, и что цѣна предмета, выраженная, хотя бы и въ разныхъ системахъ, заключаетъ въ себѣ именно то общее понятіе, которое исходитъ изъ логическаго понятія значенія цѣны: — сравненіе стоимости предметовъ съ стоимостію металла, какъ посредствующаго предмета, для опредѣленія взаимнаго отношенія ихъ ко всѣмъ другимъ стоимостямъ и между

собою. Отсюда ясно, что стоимость металла должна составлять основаніе сближенія всевозможныхъ системъ выраженія стоимостей въ знакахъ монеты, и опредѣленія этихъ выраженій одного другимъ; и что за тѣмъ, выраженіе всякой стоимости въ одной системѣ всегда можетъ быть передано на выраженіе въ другой, по тому общему началу, которое каждая изъ системъ въ себѣ заключаетъ; и которое, съ совершенною точностію можетъ опредѣлить относительное значеніе предметовъ по отношенію ихъ стоимостей къ стоимости металла. Но для того нужно, — мы опять повторимъ, сравнить какъ самыя величины единицъ, принимаемыхъ каждою системою за норму выраженія, такъ и порядокъ, которымъ стоимости, по каждой изъ сравниваемыхъ системъ, выражаются. Это сравненіе совершенно опредѣлитъ то значеніе, которое каждое выраженіе стоимостей по одной системѣ можетъ имѣть въ другой; то-есть предоставитъ возможность всякое выраженіе какой либо стоимости въ одной системѣ, — сдѣланное въ величинѣ единицы и порядкомъ, принятымъ этою системою, опредѣлить выраженіемъ въ величинѣ единицы и порядкомъ, принятымъ въ другой системѣ, или — выразимся технически: — сдѣлать *переводъ* выраженія стоимостей по одной монетной системѣ на выраженіе по другой.

Уже самое это указаніе заключаетъ въ себѣ сознаніе неправильности и нелогичности, существующаго въ практической жизни, порядка выраженія

стоимостей монетными знаками, которые, какъ въ основаніи своемъ, такъ и въ порядкѣ выраженія, представляютъ существенное различіе въ разныхъ странахъ и между разными народами. Для полученія числа, означающаго что либо въ одной системѣ, тогда какъ оно означено въ другой, нуженъ, какъ мы сказали, переводъ, черезъ сравненіе и сближеніе между собою каждой изъ отдѣльныхъ системъ, по стоимости металла ихъ единицъ; — т. е. по расчету количества металла и достоинства его въ этихъ единицахъ, и по принятому въ каждой порядку выраженія. А такое сближеніе и сравненіе, такой расчетъ монетныхъ единицъ, по количеству и достоинству ихъ металла, не можетъ не представлять затрудненій въ практической жизни и коммерческой дѣятельности.

Мы напомнимъ опять читателю, что здѣсь дѣло идетъ о переводѣ al pari, по внутреннему достоинству монетъ, безъ всякаго отношенія къ переводу по *курсу* или по *мѣсту* платежа, съ которымъ можно смѣшать указываемое нами сближеніе, по тождественности ихъ названій. Курсъ, значеніе котораго будетъ разъяснено въ слѣдующей главѣ, представляетъ непосредственно выраженіе перевода al pari, съ тою практическою поправкою, которую производитъ практическое обращеніе стоимостей. Это тоже самое, что значеніе относительной стоимости въ разсужденіи стоимости матеріальной, которая, по самому понятію о ней, въ примѣненіи къ значенію монетъ, опредѣляетъ понятіе о ихъ стоимости по внутреннему до-

стоинству, слѣдовательно при *взаимномъ сравненіи* представляетъ переводъ al pari; тогда какъ стоимость относительная, — основанная на спросѣ и предложеніи, — представляетъ переводъ по курсу. Относительно перевода по мѣсту платежа, мы говорили, что онъ представляетъ и замѣняетъ только непосредственную отсылку денегъ, слѣдовательно, самымъ значеніемъ своимъ, не имѣетъ никакого отношенія къ выраженію стоимостей, стало быть и переводу значенія этого выраженія по одной системѣ, на выраженіе по другой.

И такъ *переводъ*, въ своемъ техническомъ, *спеціальномъ* значеніи, есть переложеніе значенія выраженія какой либо стоимости металла, сдѣланнаго по одной системѣ, на выраженіе по другой; или переложеніе значенія монетъ одной системы, по внутреннему ихъ достоинству, на значеніе монетъ другой системы, также по ихъ внутреннему достоинству. Объяснимъ это опредѣленіе свое примѣрами.

Положимъ, что нужно выразить цѣну товарамъ, отправляемымъ изъ Австріи въ Испанію. Австрійцы расчитывали свои товары на флорины, которые отливаются, какъ мы видѣли, въ 3 зол. 27 д. — 80 пробы, что представляетъ 2 зол. 11 д. чистаго серебра; — и опредѣлили стоимость ихъ даннымъ количествомъ флориновъ. Не могутъ же Испанцы заплатить за эти товары Австрійцамъ столько своихъ піастровъ или дуросовъ, сколько Австрійцы насчитали своихъ флориновъ; такъ какъ дуросъ ихъ отли-

вается въ 6 зол. 23.8 д. 86²/₃ пробы серебра, которое представляетъ 5 з. 60.9 д. чистаго серебра; слѣдовательно ихъ дуросы, ни по количеству чистаго металла, ни по отношенію къ другимъ стоимостямъ, не могутъ быть сравнены, одинъ за одинъ, съ австрійскими флоринами. Они несравненно *дороже*, по своей матеріальной стоимости, австрійскихъ флориновъ. А если нельзя замѣнить одной монеты другою, потому что количество и достоинство ихъ металла не одинаково, слѣдовательно каждая изъ нихъ имѣетъ свою, зависящую отъ этого количества и достоинства, стоимость, то слѣдуетъ сравнить ихъ между собою; т. е. сдѣлать расчетъ, который бы опредѣлилъ стоимость одного знака монеты въ другомъ, по количеству металла, который каждый знакъ въ себѣ заключаетъ. Нѣтъ нужды намъ прибавлять, что здѣсь подъ словомъ «*количество*» подразумѣвается и его достоинство или проба, такъ какъ низшая проба металла означаетъ и его меньшее количество въ равномъ объемѣ, и на оборотъ....

Слѣдовательно, примѣняясь къ нашему примѣру, намъ слѣдуетъ сдѣлать расчетъ, сколькимъ испанскимъ дуросамъ опредѣленное количество флориновъ соотвѣтствуетъ, или другими словами перевести австрійскіе флорины на испанскіе дуро, по вѣсу чистаго металла въ тѣхъ и другихъ.

Изъ всего сказаннаго нами, понятна для каждаго сущность перевода и его необходимость въ международныхъ сношеніяхъ коммерческой дѣятельности.

Переводомъ, мы, какъ бы, обращаемся къ умозрительному выраженію цѣны всего въ стоимости металла, которая въ дѣйствительности и составляетъ цѣнность монетъ и теоретическое выраженіе въ нихъ стоимостей. Но безпрерывность международныхъ сношеній, требующая ежеминутнаго опредѣленія стоимостей по той и другой системѣ, для указанія ихъ дѣйствительнаго значенія, не можетъ не встрѣчать въ такомъ расчетѣ важнаго затрудненія, и, разумѣется, должна вынуждать обращаться къ частнымъ сближеніямъ несходныхъ между собою выраженій цѣны. А такія сближенія, будучи основаны только на практическихъ явленіяхъ, ясно, должны далѣе и далѣе отводить практическое обращеніе монетъ отъ теоретическихъ выводовъ разумнаго пониманія ихъ сущности, представляющаго въ значеніи монеты условную норму, для выраженія цѣнъ предметовъ; т. е. взаимнаго отношенія стоимостей между собою. Но обратимся собственно къ переводу (al pari), который составляетъ *первое* естественное явленіе различія основаній и порядка выраженія въ монетныхъ системахъ, принятыхъ разными государствами.

Таковое различіе, сказали мы, образовало необходимость перевода одной монеты на другую, т. е. указанія, сколько данное количество монетъ одной системы, содержитъ въ себѣ другихъ монетъ, другой системы, или сколько однѣ монеты *стоятъ* другихъ. Но подобнаго рода переводъ, какъ мы замѣ-

тили, въ практической коммерческой дѣятельности весьма затруднителенъ.

Во первыхъ, сравненіе монетъ, слѣдовательно и переводъ ихъ одна на другую, можетъ производиться только тогда, когда вѣсъ и достоинство металла въ этихъ монетахъ совершенно извѣстны, что не всегда случается на практикѣ; во вторыхъ, вѣсъ металла, въ таблицахъ о достоинствѣ монетъ, для каждой монеты, означается въ той единицѣ вѣса, которая принята за нормальную тамъ, гдѣ эта монета обращается; т. е. напр. естественно, что французы означаютъ вѣсъ своего франка въ граммахъ, а русскіе — своего рубля въ золотникахъ. Слѣдовательно, прежде сравненія монетъ, необходимо предварительное сравненіе единицъ вѣса. Равнымъ образомъ, и достоинство металла опредѣляется также, по принятому въ каждомъ мѣстѣ своему порядку, требующему, въ свою очередь, сближенія съ порядкомъ о выраженіи достоинства металла въ другой странѣ или другомъ народѣ.

Французы, напримѣръ, означаютъ достоинство металла тысячными долями отвлеченной единицы; русскіе 96-ю долями русскаго золотника. Прусаки 288 гранами кельнской марки; испанцы 24 гранами 12-ти денаровъ. Необходимость вычислять такого рода сближенія принуждаетъ сознать, что даже въ то время, когда имѣются положительныя и точныя свѣдѣнія о вѣсѣ и достоинствѣ разныхъ монетъ,

затрудненіе вычисленія ихъ перевода, помощію двойной пропорціи, для каждой данной отдѣльно, представляетъ явную недоступность для биржи въ практическомъ примѣненіи.

Укажемъ на трудность вычисленія перевода въ примѣрѣ.

Возьмемъ для того, хоть слѣдующія, двѣ системы выраженія стоимостей: двѣ монетныя системы, изъ которыхъ въ первой принятъ за единицу цѣны фунтъ стерлинговъ, а въ другой талеръ. Положимъ, что вѣсъ монетъ той и другой системы точно извѣстенъ, въ французскихъ граммахъ, что ли? выраженіе достоинства металла, положимъ, тоже сдѣлано въ одномъ порядкѣ для той и другой монеты, — хоть въ русскихъ доляхъ. При этомъ, для простоты вычисленія, мы отбрасываемъ дроби, тогда какъ на практикѣ эти дроби, не смотря на кажущуюся ихъ ничтожность, слѣдуетъ принимать во вниманіе, даже до десятитысячныхъ долей; потому что, при составленіи сложныхъ чиселъ, дроби эти обращаются въ значительное число единицъ. Но вотъ, пускай, эти системы будутъ выбраны для сравненія:

Первая система: фунтъ стерлинговъ заключаетъ въ себѣ 20 шиллингъ. Каждый шиллингъ отливается въ 6 фр. гр. вѣса серебра 88 пробы и дѣлится на 12 пенсовъ.

Вторая система: Талеръ заключаетъ въ себѣ 22 франц. грамм. вѣса серебра, 72 пробы, и дѣлится

на 30 зильберъ-грошей, которые въ свою очередь подраздѣляются, каждый, на 12 пфенниговъ.

Нужно положимъ 125 фунтовъ стерлинговъ уплатить талерами, по расчету въ нихъ вѣса серебра и пробы, спрашивается: сколько талеровъ за 125 фунтовъ слѣдуетъ дать?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно сдѣлать переводъ (al pari) значенія ста двадцати пяти фунтовъ стерлинговъ на талеры или отыскать, по вѣсу и достоинству металла въ тѣхъ и другихъ монетахъ, какому числу талеровъ 125 фунт. стерл. соотвѣтствуютъ.

Для того мы опять должны привести математическую формулу. Да простятъ насъ читатели за столь частое обращеніе къ математикѣ; но вѣдь, разсматривая значеніе величины, нѣтъ возможности избѣжать философіи всѣхъ величинъ, каковою, по своей сущности, должна быть признаваема математика. Формула, необходимая для разрѣшенія предложеннаго вопроса, весьма проста, и выводится изъ пропорцій сравненія сперва шиллинговъ (составляющихъ опредѣленную часть фунта стерлинговъ) и талеровъ, собственно по ихъ вѣсу, принимая ихъ за монеты одной пробы; а потомъ, по сравненію количества талеровъ того достоинства металла, изъ котораго отлиты шиллинги, съ талерами данной для нихъ пробы. Вотъ окончательный выводъ этой формулы:

$$x = \frac{bf'p'}{fp}$$

гдѣ x означаетъ искомое количество талеровъ данной пробы, или вообще искомое количество монеты, соотвѣтствующее данному числу другой монеты; b число шиллинговъ во всѣхъ ста фунтахъ стерл. или данное количество опредѣленной монеты, которое слѣдуетъ выразить въ другой; f вѣсъ одного талера, p его пробу; т. е. вѣсъ и пробу монеты, на которую мы данное число другой монеты переводимъ; а f' и p' вѣсъ и пробу шилинговъ, т. е. монеты, которую мы переводимъ на другую монету.

Въ настоящемъ случаѣ формула эта въ числовыхъ величинахъ выразится:

$$x = \frac{2500 \times 6 \times 88}{22 \times 72}$$

Вычисленіе подобнаго рода формулъ, для опредѣленія численной величины x, какъ ни просто оно по самой своей сущности, рѣшительно невозможно въ биржевыхъ сдѣлкахъ. Потому, такого рода вычисленіе должно составить предварительный кабинетный трудъ заблаговременно составляемыхъ таблицъ, которыя бы показывали отношеніе монетъ одной системы къ другой, по вѣсу и достоинству, содержащагося въ нихъ, металла; — т. е. по ихъ матеріальной стоимости, не принимая въ расчетъ ихъ курсоваго значенія, основаннаго на требованіи и предложеніи; т. е. спросѣ и возможности этотъ спросъ удовлетворить.

Матеріальная стоимость монетъ, какъ и матері-

альная стоимость другихъ предметовъ, болѣе или менѣе, мы сказали, уравновѣшиваетъ спросъ и предложеніе, самою сущностію своего значенія; потому, ясно, курсовое значеніе монетъ, подчиняясь спросу ихъ и требованію, т. е. общимъ условіямъ взаимнаго сравненія и оцѣнки предметовъ въ практической жизни, должно опираться на этихъ сравнительныхъ таблицахъ монетъ, объ отношеніи ихъ между собою, по вѣсу и достоинству металла. Но даже и при существованіи такихъ, предварительно составленныхъ таблицъ, исчисленіе это не можетъ не приводить въ затрудненіе коммерческія сдѣлки, ибо нѣтъ никакой возможности составить подобныя таблицы на всѣ возможныя суммы, которыя могутъ встрѣтиться на практикѣ; а исчисленіе таковыхъ суммъ пропорціональными частями, даже по таблицамъ, всегда составитъ тяжелый трудъ, отъ котораго, какъ мы говорили, сохнутъ бѣдные бухгалтеры.

А мы привели еще самый простѣйшій видъ вычисленія, взявъ для перевода круглую сумму и отбросивъ дробныя части, какъ въ означеніи вѣса той и другой монеты, такъ и въ означеніи ихъ пробы; не входили также въ разсмотрѣніе самыхъ данныхъ, которыхъ показали безусловно извѣстными. Пусть въ нашемъ примѣрѣ будутъ приведены слѣдующія цифры: шиллингъ вѣсомъ не 6 граммъ а 6.02 гр.; а талеръ не 22 а 22.08; проба шиллинга не въ 88 долей, а въ 88.77 и талера не въ 72, а 72.24, и затруднительность вычисленія несравненно усложнится.

А если, при этомъ, самыя данныя будутъ указаны въ цифрахъ, которыя должны быть подвергнуты предварительному соглашенію, то ясно, что затруднительность вычисленія для практики будетъ рѣшительно недоступна. Напр. если сказать, что вѣсъ шилинга 6,02 грамма, а талера 5 зол. 16 д. золотника; подобнымъ же образовъ означить и пробу ихъ, опредѣляя напр. пробу талера въ 216 гранъ, а шилинга какъ $11^2/_{20}$ унцовую, то разумѣется, прежде всякаго вычисленія, нужно справиться объ отношеніи грамма къ золотнику, и различія порядковъ означенія пробы въ гранахъ марки и унціяхъ денара, и сдѣлать вычисленіе предварительное, какъ въ разсужденіи вѣса, такъ и пробы; что усложнитъ наше вычисленіе, покрайней мѣрѣ въ четверо.

Къ этимъ, и безъ того уже слишкомъ сложнымъ вычисленіямъ двойной пропорціи: по вѣсу и достоинству металла въ монетахъ, и по сравненію вѣса и пробы металла въ различныхъ единицахъ, слѣдуетъ еще прибавить разность, принимаемыхъ въ разныхъ системахъ дѣленій нормальной единицы. Вѣдь расчетъ перевода долженъ быть сдѣланъ не только въ цѣлыхъ единицахъ, но и всевозможныхъ дробяхъ; на сколько дроби эти могутъ имѣть значеніе въ практической жизни.

Напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ, не довольно сказать, что сто двадцать пять фунтовъ стерлинговъ, при условіяхъ нашей задачи, соотвѣтствуютъ 833.333 талерамъ; нужно еще дробь 0.333 талера привести

въ выраженіе знаками той монетной системы, въ которой, показанное число фунтовъ, мы означаемъ, т. е. той, въ которой талеръ составляетъ единицу; или, въ настоящемъ случаѣ, эти 0.333 талера обратить въ зильбергроши и пфенниги, означающіе части талера въ системѣ, и сказать что 125 фунт. стер. соотвѣтствуютъ 833 тал. 9 зильб. грош. и 11.88 пфеннига.

При этомъ, какъ мы уже замѣтили, хотя дроби, напр. въ настоящемъ случаѣ, сотыя доли пфеннига, какъ ничтожныя въ практическомъ отношеніи, могутъ быть отброшены, но всегда слѣдуетъ ихъ имѣть въ виду, такъ какъ, при составленіи сложныхъ чиселъ, онѣ могутъ получить существенное значеніе. Положимъ, напр., что число 0.88 пфениговъ составляетъ, какой либо, ежедневный расходъ на содержаніе прусскаго солдата: если отбросить эти 0.88 то, ясно, разность суммы, которая за таковымъ сокращеніемъ должна израсходоваться въ Пруссіи, содержащей 400 т. армію, въ теченіи 10 л., противу той, которая бы израсходовалась безъ сокращенія этихъ сотыхъ долей, будетъ слишкомъ значительна, чтобы можно было оставить ее безъ вниманія. Она будетъ составлять не одинъ милліонъ талеровъ.

Къ тому, и самое предложеніе перевода весьма рѣдко случается въ такой круглой суммѣ, какую мы себѣ предположили, и только въ цѣлыхъ единицахъ системы. Затруднительность вычисленія увеличится,

если мы предложимъ для перевода напр. 183 ф. 11 шил. и 9 пенс. Между тѣмъ на практикѣ необходимость перевода встрѣчается, большею частію, въ такихъ составныхъ числахъ.

Изъ этого можно видѣть, какое затрудненіе встрѣчаютъ на практикѣ международныя коммерческія сношенія, необходимостію перевода, при всѣхъ расчетахъ, какіе между ними, при взаимномъ обмѣнѣ стоимостей, могутъ послѣдовать, и въ какой мѣрѣ, эта затруднительность расчетовъ препятствуетъ общему сближенію въ размѣнѣ произведеній труда и мысли и правильной оцѣнкѣ обоюдной дѣятельности.

Но какъ ни сбивчивъ и не затруднителенъ расчетъ перевода однихъ монетъ на другія, особливо въ практическомъ своемъ примѣненіи, онъ не представляетъ еще главнѣйшаго противорѣчія правильному выраженію стоимостей въ монетныхъ знакахъ. Необходимость перевода производитъ затрудненіе въ сдѣлкахъ, особливо въ практической дѣятельности при составленіи расчетовъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ самой своей математической точности, переводъ сохраняетъ всю логическую правильность и всю вѣрность выраженія стоимостей, въ знакахъ обѣихъ системъ; такъ что — ни своею сущностію, ни значеніемъ, — не нарушаетъ и не противорѣчитъ общей идеѣ выразить цѣну предметовъ, отношеніемъ ихъ стоимостей къ стоимости металла.

И дѣйствительно, истинное выраженіе цѣны остается при томъ же понятіи о ея сущности, какой

бы цифрой мы эту сущность не означили: оно представляетъ тоже логическое основаніе, какое принимали мы, при отвлеченномъ анализѣ значенія цѣны предметовъ, по сравненіи ихъ стоимостей съ стоимостію посредствующаго предмета. Переводъ, ни въ какомъ случаѣ, не противорѣчитъ и не нарушаетъ этого понятія: означимъ ли мы какую либо стоимость 125 ф. стер. или 2500 шил., или укажемъ, что она стоитъ 833 тал., 10 зил. гр., мы нисколько не измѣнимъ выраженія этой стоимости въ означеніи ея стоимостію опредѣленнаго количества чистаго металла. То и другое выраженіе намъ указываютъ на одно и тоже сравненіе съ металломъ, стоимость котораго опредѣляетъ значеніе стоимости даннаго предмета, обѣими выраженіями, которыя, какъ бы на разныхъ языкахъ, означаютъ одно и тоже количество его массы, какъ напр. въ настоящемъ случаѣ 33 ф. 87 зол. русскаго вѣса чистаго серебра.

Обращаясь за тѣмъ, вновь, къ затрудненіямъ, которыя происходятъ отъ необходимости перевода, и видя, что различныя выраженія системъ, при опредѣленіи какой либо стоимости, означаютъ одну величину, а что разность ихъ происходитъ исключительно отъ того, что каждая система принимаетъ свою единицу и свою систему счета, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что, для отстраненія изъясненныхъ затрудненій, слѣдовало бы условиться принять повсемѣстно *одну* нормальную величину металла за единицу сравненія, и въ этой единицѣ выражать

уже стоимости, для всѣхъ мѣстъ и народовъ, общимъ для всѣхъ счетомъ. Тогда исчезнетъ всякая затруднительность и сбивчивость расчетовъ, происходящихъ отъ разности величины въ принимаемыхъ единицахъ сравненія.

Этотъ прямой и естественный выводъ теоретическаго разсмотрѣнія свойствъ монеты, приведенный уже нами, при разсмотрѣніи общихъ выводовъ теоріи, къ сожалѣнію, какъ мы говорили, не можетъ быть принятъ на практикѣ съ тою легкостію, какъ бы казалось, по очевидности его практическаго смысла. Мы уже говорили, что исторія жизни оставляетъ въ каждомъ обществѣ столь глубокіе корни прошлаго, что самый разумный и простой выводъ, невольно, встрѣчаетъ себѣ противодѣйствіе отъ практическаго значенія исторической жизни и народныхъ понятій, которыя опираются на пережитыя народомъ событія.

Такимъ образомъ, мы пришли къ тому положенію, съ котораго начали нашу статью, что противорѣчіе практическаго обращенія монеты разумному ея значенію, — поражаетъ своею сложностію и запутанностію, и что, самыя основанія выраженія стоимостей должны быть подвергнуты логическому разсмотрѣнію, внѣ историческихъ началъ, на которыхъ, въ настоящее время, эти основанія опираются.

Но кромѣ необходимости перевода, существующія монетныя системы, истекая непосредственно изъ случайныхъ обстоятельствъ жизни, и совпадая съ сте-

пенью историческаго развитія народовъ, представляютъ другіе виды противорѣчій и отклоненій, которыя не только затрудняютъ взаимные расчеты, но и нарушаютъ самую правильность выраженія стоимостей; мы должны обратиться теперь, къ разсмотрѣнію именно этихъ отклоненій, имѣющихъ существенное вліяніе на взаимное сравненіе труда, слѣдовательно и на народное благосостояніе.

V.

Курсъ монетъ и арбитражъ.

Результатомъ нашихъ разсужденій было указаніе, что практическая жизнь, вмѣсто того, чтобы повсемѣстно принять одну условную единицу металла, для сравненія съ нею стоимостей и выраженія ихъ по общей системѣ опредѣленнымъ порядкомъ, приняла въ каждой мѣстности свою единицу и свой порядокъ выраженія, и что, за тѣмъ, необходимъ переводъ выраженія стоимостей по одной системѣ на выраженія по другой.

Но какъ сущность выраженія цѣны, по той и другой системамъ, заключается собственно въ указаніи количества чистаго металла, которое этой цѣнѣ соотвѣтствуетъ, то мы должны были признать, что вѣсъ чистаго металла въ монетныхъ знакахъ, соотвѣтственный разнымъ стоимостямъ, положительно опредѣляетъ цѣну этихъ стоимостей во всевозмож-

ныхъ системахъ; и что потому, самая точность выраженія стоимостей въ металлѣ, исключительно зависитъ, отъ опредѣлительности того указанія, которымъ этотъ вѣсъ металла, въ различныхъ системахъ, означается.

Это положеніе, принимаемое нами за непреложное, при разсужденіи о переводѣ (al pari), будучи согласно теоретическому значенію опредѣленія стоимостей монетными знаками, — было бы совершенно вѣрно и дѣйствительной жизни, если бы, опять, не было историческихъ причинъ, которыя, математическую правильность его выводовъ, нарушаютъ фактически.

Обращаемся сперва къ отвлеченному разсужденію о явленіяхъ практической жизни въ денежномъ обращеніи, прямо противоположныхъ самому понятію о монетѣ, какъ нормѣ сравненія стоимостей, и исходящихъ непосредственно изъ историческаго развитія общественности и взаимныхъ сношеній.

Ясно, что если для сравненія принята за норму какая либо условная величина металла въ монетѣ, стоимость которой зависитъ исключительно отъ количества и достоинства металла, то, чтобы сравненіе съ этою монетою могло имѣть логическую опредѣлительность, необходимо, чтобы она неизмѣнно заключала въ себѣ одно и тоже количество металла, и того самого достоинства, которое, однажды, для этой монеты, было принято.

Это правило, совершенно простое и логическое, исходитъ изъ самой сущности понятія о монетѣ, и со-

ставляетъ, какъ мы уже видѣли, одно изъ ея существеннѣйшихъ свойствъ. И точно, развѣ можетъ быть принята за норму сравненія такая величина, которая, сама въ себѣ, не имѣетъ постояннаго значенія?

Слѣдовательно необходимо, чтобы, если, напримѣръ, установлено отливать рубль въ 4 зол. 82.5 долей — 83 1/3 пробы; талеръ 5 зол. 16.5 дол. — 72 пробы; а франкъ въ 1 зол. 16.5 дол. — 84 1/2 пробы, то отливка этихъ монетъ въ дѣйствительности должна не измѣняться никогда; такъ что, сколько ни есть, сколько бы ни было, и сколько ни будетъ отлито рублей, талеровъ, франковъ и проч., всѣ они, до одного, должны имѣть опредѣленный для каждаго изъ нихъ вѣсъ и установленную пробу.

Это ясно логически, и не допускаетъ возраженія. Оно понятно самой простотой своей, потому что рубль, талеръ, франкъ и проч. опредѣляются собственно вѣсомъ и пробой; если же будутъ отлиты другой величины и изъ другаго достоинства металла, то будетъ представлять собою уже не рубль, не талеръ и не франкъ, а другія монеты, другія величины, хотя бы и близкія къ нимъ, но уже требующія, для выраженія ихъ въ монетахъ данной величины, опредѣленнаго сравненія.

Но во времена варварства и насилій, во времена произвола и злоупотребленій, не хотѣли сознавать этого простаго и логическаго закона. Произволъ хотѣлъ быть выше логики, и, въ явный подрывъ себѣ, — какъ мы ниже увидимъ, предоставлялъ себѣ

право нарушать математическія основанія сравненія, измѣняя величину и достоинство монетъ, сообразно своимъ видамъ и частнымъ расчетамъ, большею частію ошибочнымъ. Феодальные сюзерены среднихъ вѣковъ и восточные деспоты, не имѣя, не только правильныхъ, но и никакихъ понятій о значеніи монетъ, какъ выраженіи сравненія стоимостей, тѣмъ болѣе о финансовыхъ операціяхъ вообще, полагали, что они доставляютъ себѣ выгоду, — отрицая прямой математической законъ, что, во всякомъ числѣ, единица должна быть непремѣнно равна другой единицѣ, и что формула численнаго основанія, что $1 = 1$, не опровержима, для того чтобы число это могло быть составлено, и могло выражать собою собирательное количество какихъ бы то ни было единицъ.

Они стали измѣнять достоинство монетъ, отливая ихъ умышленно — или меньшаго чѣмъ слѣдовало вѣса или изъ металла низшей пробы, — что въ сущности одно и тоже, потому что низшая проба означаетъ и меньшій вѣсъ чистаго металла. А такимъ измѣненіемъ, ясно, послѣдовательно и постоянно, не только портили монету, уменьшая ея значеніе, — но и нарушали къ ней народную довѣренность.

Образованіе древнихъ монархій силою завоеванія, заключившихся наконецъ всеобщимъ преобладаніемъ Рима, не могло усвоить правильныхъ началъ, на которыхъ бы опиралось логическое выраженіе цѣны. Произволъ завоевателя, несмотря на развитіе народной жизни, которая, для взаимнаго обмѣна произве-

деній, требовала уже себѣ положительнаго выраженія стоимостей, налагалъ свой гнетъ на стремленіе къ общественности; и народы должны были ограничивать свою дѣятельность и скрывать свои богатства передъ силой, которая хотѣла ставить себя выше выводовъ научнаго знанія, и выше правилъ разума. Потому, подчиняясь принципу абсолютизма, древній міръ не могъ оставить намъ уроковъ своей опытности въ финансовыхъ соображеніяхъ, требующихъ свободнаго и разумнаго обсужденія отвлеченныхъ теорій сравненія и выраженія, объусловливаемыхъ движеніемъ стоимостей; — теорій, основанныхъ на непреложныхъ законахъ математики и логическаго анализа. И вся древняя исторія не заключаетъ въ себѣ указанія на научную разработку вопроса о правильномъ денежномъ обращеніи; хотя цѣлый міръ уже выразилъ свои стоимости металломъ въ разнообразныхъ монетахъ, которыя проникли даже въ первообразныя общества бродящихъ номадъ.

Правда существовали начатки нѣкоторыхъ учрежденій, особенно между пріобрѣтавшими тогда всесвѣтную извѣстность, по своимъ торговымъ операціямъ, Финикіянами и Карфагенянами; эти учрежденія обозначали, что правильное опредѣленіе выраженія стоимостей начинало уже получать болѣе или менѣе прочную основу въ народномъ сознаніи. Свободныя республики Греціи, покрывшія Элладу, благодаря своей торговой и промышленной предпріимчивости и развитію общественной жизни, произведе-

ніями высокаго искусства, и сосредоточившія въ своихъ рукахъ массы богатствъ, болѣе или менѣе выработали уже правильныя понятія о передвиженіи и выраженіи стоимостей; и хотя эти понятія пріобрѣтены были ими исключительно практически, но, тѣмъ не менѣе, они должны были указать истинное значеніе монеты. И точно, — строгая опредѣлительность въ отливкѣ монетъ, подвергнутой въ Греціи общественному наблюденію, указывала уже сознаніе перваго основанія правильности системъ, которыми опредѣлялось значеніе общей нормальной величины, для выраженія сравненія стоимостей. Но всѣ эти начатки должны были угаснуть при первомъ своемъ развитіи. Они не успѣли войти въ сознаніе массъ въ такой степени, чтобы образовалось неопровержимое для нихъ логическое опредѣленіе; потому заглохли, подъ вліяніемъ силы, съ которою обрушился на нихъ завоевательный абсолютизмъ Рима. Возбуждая жадность и зависть завоевателей своимъ матеріальнымъ благоустройствомъ, представители свободнаго развитія должны были скоро уступить произволу, уничтожившему въ самомъ зародышѣ тѣ учрежденія, благодаря которымъ ихъ благосостояніе до того возрастало. Рабы — говорили Греки — не бываютъ изобрѣтателями. И они правы, особенно относительно накопленія и выраженія богатствъ, которое совершенно должно было подчиниться абсолютной волѣ римскихъ властителей. Какая могла быть тутъ правильность выраженія и какое накопленіе, —

когда вся дѣятельность должна была безпрерывно опасаться насилія; и когда, самое выраженіе плодовъ этой дѣятельности, зависѣло отъ личнаго взгляда, и никѣмъ не повѣряемой абсолютной прихоти?

И древній міръ, сказали мы, не оставилъ намъ уроковъ своей финансовой опытности. Мы не имѣемъ никакого указанія на курсовое значеніе тогдашнихъ монетъ; почти вовсе не знаемъ хода оборотовъ тогдашней дѣятельности, и едва-едва въ силахъ написать сравнительную таблицу выраженія ихъ стоимостей. Изъ древней жизни мы знаемъ только, что въ ней развилось уже, до извѣстной степени, безсознательное требованіе металловъ, объусловливающее имъ ту всеобщую стоимость, на основаніи которой образовались знаки монеты изъ металла, (также въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ свои) и что монеты эти, если не въ систематическомъ порядкѣ выраженія, то, хотя, въ видѣ удобныхъ для передвиженія стоимостей, получили всеобщее обращеніе. Знаемъ также и то, что торговля Тира и Карфагена получила было уже всесвѣтное значеніе. Но, какъ мы сказали, все заглохло отъ гнета завоеванія; и намъ остались только слѣдствія того произвола, которымъ Римъ подчинялъ все своему могуществу. При этомъ, нельзя не замѣтить, что Римъ, подчинивъ міръ произволу своего абсолютизма, невольно долженъ былъ получить вліяніе, не только матеріальное, но и нравственное; такъ что выраженіе стоимостей въ системѣ, даже въ мѣстностяхъ

свободныхъ отъ римскаго гнета, должно было, въ большей или меньшей степени, отъ него зависѣть; такъ какъ денежная сила, создаваемая его могуществомъ, не могла не отразиться на всеобщемъ развитіи дѣятельности. Но потому ли, что вліяніе произвола ограничивало развитіе понятій, или потому, что жизнь, сама по себѣ, не достигла еще результатовъ раціональнаго обсужденія практическихъ явленій денежнаго обращенія, тѣмъ не менѣе, правильное выраженіе стоимостей металлическими знаками, до сихъ поръ, не получило еще научнаго и точнаго изслѣдованія и теоретически правильнаго указанія; — чтожъ тутъ удивительнаго, что во время первоначальнаго зародыша понятій, оно представляло исключительно видъ произвола, насилія, обмана, — исходящихъ изъ варварскаго требованія, захватить, какимъ бы то ни было средствомъ, — правдой или неправдой, — сколь возможно болѣе въ свои руки металла, такъ какъ его всеобщая потребность, слѣдовательно и всесвѣтная стоимость были уже сознаваемы.

Изъ такого взгляда, разумѣется, не могло создаваться убѣжденіе въ необходимости изыскать, какимъ образомъ въ стоимости этого металла могутъ и должны выражаться другія стоимости; убѣжденія, основаннаго на равноправности и правильномъ пониманіи обращенія стоимостей. И древній міръ не оставилъ даже намека на теорію обращенія монетъ, какъ предмета раціональнаго сравненія и выраже-

нія цѣны, хотя монеты существовали у нихъ, и обращались, какъ выраженіе сравненія, или, лучше сказать, какъ предметъ сравненія, въ теченіи уже нѣсколькихъ вѣковъ.

При томъ, жизнь цѣлаго міра, подведенная подъ уровень римскаго преобладанія, разумѣется не могла возбуждать тѣхъ вопросовъ, которые сглаживались римскимъ могуществомъ. Римскій *денарій* былъ денарій одинаково, какъ на форумѣ самого Рима, такъ и въ прибрежьяхъ Сиріи. Такъ что можно было бы сказать, что могущество Рима, заставляя повсемѣстно обращаться Римскія монеты, приводило, само собой, къ той общей системѣ выраженія, которая представляетъ разумный выводъ мысли, если бы, оно, само въ себѣ, заключало ту правильность, которую всеобщность обращенія объусловливаетъ.

Это явленіе естественно, и совершенно подобно тому, какъ въ наше время побѣды и преобладаніе Наполеона I въ Германіи сообщило тамъ французскимъ монетамъ почти всеобщность обращенія; франки принимаются тамъ даже до сихъ поръ; они, можно сказать, могуществомъ Наполеона въ Германіи популяризованы. Но къ сожалѣнію, сосредоточивая абсолютную власть въ своихъ рукахъ, Римъ, какъ мы замѣтили, предоставилъ и самое выраженіе стоимостей абсолютному произволу. Подъ вліяніемъ того безсознательнаго влеченія, получить наибольшую пользу отъ имѣющагося металла, которое перешло потомъ и средневѣковымъ правительствамъ, — Римскіе Импе-

раторы полагали возможнымъ произвольно уменьшать достоинство и вѣсъ монетъ, и думали получать больше услугъ за тотъ же металлъ, уменьшая количество его въ выпускаемыхъ монетахъ, остающихся при томъ же номинальномъ значеніи, и выпуская новыя, той же величины, которыя, условно, заключали въ себѣ нѣсколько прежнихъ. Они не хотѣли сознать, что, въ этомъ случаѣ, играютъ только въ названія, и что, низводя денарій изъ крупной золотой въ серебряную и наконецъ мелкую мѣдную монету (денье), и создавая ärium въ нѣсколько денаріевъ, они перемѣняли только имена, нарушая правильность выраженія, и производили запутанность, нисколько не увеличивая, ни значенія монетъ, по ихъ дѣйствительной матеріальной стоимости металла, ни своихъ богатствъ, которое выражалось тѣмъ же количествомъ металла, какъ бы они свои единицы счета не называли. Наконецъ, такого рода не равномѣрностію и порчей монетныхъ знаковъ, они довели свою монетную систему до того, что римскія монеты стали опредѣляться, въ своей цѣнѣ, именемъ того императора, при которомъ были выпущены, и получили, въ обращеніи своемъ, каждая свою относительную стоимость или свой курсъ, по времени выпуска. Но если республиканскій и императорскій Римъ не далъ никакихъ началъ для современной науки о финансахъ, то, тѣмъ не менѣе, онъ практически выработалъ въ себѣ, до нѣкоторой степени, со-

знаніе силы монетнаго обращенія, которое могло бы составить, въ послѣдствіи, логическое выраженіе въ правильной системѣ выраженія, если бы такое выраженіе успѣло, хотя практически, установиться повсемѣстно; практическія требованія, непремѣнно, создали бы теоретическіе законы, основанные на правильномъ пониманіи выраженія, и этимъ законамъ должны бы были подчиниться и практическія явленія, но — послѣдовалъ наплывъ варваровъ....

Завоевавшимъ Римъ народамъ, — захватившимъ его въ минуту совершенной политической и нравственной распущенности и общественнаго застоя, нечему было учиться у Рима, относительно правильнаго выраженія стоимостей знаками монеты; равнымъ образомъ имъ нечего было искать въ немъ раціональныхъ началъ правильнаго обращенія стоимостей, слѣдовательно и коммерческаго движенія. Они могли, его примѣромъ, только усилить свою дикую жадность къ тѣмъ грубымъ проявленіямъ желанія силы, захватить себѣ поболѣе металла, какъ созданаемой всѣми стоимости; потому что побѣжденный Римъ, за золото, раскрывалъ имъ всѣ свои наслажденія. Естественно, за тѣмъ, что они приняли туже неправильность въ выраженіи цѣнъ металломъ, которую допускалъ себѣ произволъ Римскихъ цезарей, т. е. порчу монеты, измѣненіе ея достоинства и проч. Они полагали, что этимъ средствомъ они оставляютъ металлъ у себя; а тамъ — какое было

дѣло, получатъ ли монеты правильное обращеніе, и будутъ ли монеты эти выражать стоимости, согласно общимъ выводамъ законовъ логической мысли.

И точно, средніе вѣка объ этомъ не думали. Захватывая римскія монеты и обращая ихъ между собою подъ именемъ злота, гульдена, денье и проч. они портили ихъ въ отливѣ, понижая ихъ достоинство и низводя изъ золотыхъ въ серебряныя, а потомъ и мѣдныя. И потому, безъ всякаго сознанія значенія монеты, приходили къ тѣмъ же послѣдствіямъ, къ которымъ пришли и Римскіе цезари, т. е. нарушили общую довѣренность къ номинальному знаку, который долженъ былъ представлять опредѣленную стоимость. Съ тою разностію, что въ Римѣ, произволъ, покрайней мѣрѣ, соединялся въ лицѣ одного, которымъ и ограничивался; а тутъ онъ распадался на мелкія части и подчинялъ своему вліянію отдѣльныя мѣстности. Отсюда, ясно, должна была происходить та полная запутанность въ выраженіи стоимостей, и та постоянная порча монеты, которую средніе вѣка представляли.

Въ XV, XVI и даже до XVIII вѣка, пониженіе величины и достоинства монеты признавалась одною изъ финансовыхъ мѣръ, могущихъ исправить финансовое положеніе государства и дать ему возможность уплатить государственные долги. Мѣра эта, серьезно, обсуждалась государственными и тайными совѣтами того времени, и встрѣчала даже сочувствіе себѣ въ экономистахъ того вѣка. Государственные люди, не смотря на обширность ихъ ума и знаній, не

хотѣли вникнуть въ сущность дѣла и не видѣли, въ примѣненіи этой мѣры, ни несправедливости, ни государственнаго раззоренія. Они видѣли въ ней только необходимость, и полагали, что служатъ своему отечеству, въ то время, когда они его раззоряли болѣе, чѣмъ даже непріятельское нашествіе. Они думали, что монета вполнѣ подчиняется и должна подчиняться тому номинальному значенію, которое они ей опредѣляютъ, каково бы ни было ея внутреннее достоинство; и, не встрѣчая себѣ противодѣйствія, или встрѣчая весьма слабое, сравнительно съ важностію мѣры, — они устанавливали безпрерывно новыя величины для представленія монетныхъ единицъ, полагая что эти новыя единицы, представляя собою прежнія номинально, вполнѣ ихъ замѣняютъ. Чтожъ тутъ удивительнаго, что съ такимъ взглядомъ на значеніе монеты и на производимую въ ней оцѣнку стоимостей, порча монеты допускалась почти повсемѣстно?

Если бы правительства среднихъ вѣковъ, на минуту, подумали, что монета, какъ опредѣленное количество металла, представляетъ только одинъ изъ предметовъ въ умозрительной таблицѣ сравненія стоимостей (A), въ коей заключаются всѣ стоимости на свѣтѣ; что, на этомъ основаніи, опредѣленіе ея относительнаго значенія заключается въ самомъ ея существѣ, подобно какъ и всякаго другаго предмета, и что, за измѣненіемъ ея достоинства, отношеніе ея къ другимъ стоимостямъ, равно какъ и дру-

гихъ стоимостей между собою, выразятся только другими цифрами, нисколько не измѣняя самыхъ отношеній, — то, нѣтъ сомнѣнія, они бы немедленно отринули мысль, о возможности получить какую бы то ни было выгоду отъ измѣненія достоинства монетъ. Но такъ какъ они этого не сознавали, то порча монеты, почти до самой французской революціи, какъ мы говорили, признавалась финансовою мѣрою и обсуждалась въ государственныхъ установленіяхъ и совѣтахъ.

Смѣшной анекдотъ, будто англійскіе аферисты, во время семилѣтней войны, вздумали привезти въ Пруссію фальшивые зильберъ-гроши, чтобы, пустивъ ихъ въ обращеніе за настоящіе, разумѣется, получить себѣ выгоду. И что же оказалось: — что ихъ фальшивые зильберъ-гроши были высшей пробы чѣмъ тѣ, которые, въ это время, въ Пруссіи обращались. Но это было дѣйствительно такъ, и не только въ Пруссіи, но — хотя не постоянно, почти, въ большей или меньшей степени, во всѣхъ большихъ и малыхъ государствахъ Европы. Безсознательно понижая достоинство монеты, и видя, что эта монета, безспорно, обращается въ народѣ, Правительства не хотѣли понять, что обращеніе ея основывается на довѣріи къ Правительству, и что пока монета принимается въ правительственные платежи, до тѣхъ поръ она будетъ обращаться по номинальному своему значенію; только цѣны на всѣ предметы будутъ возвышаться, сообразно тому, на сколько достоинство

монеты будетъ понижено и сравнительно съ монетами другихъ народовъ; онѣ будутъ возвышаться соотвѣтственно тому, на сколько будетъ количество чистаго металла въ монетѣ уменьшено.

Разумѣется, отъ порчи монеты, всего болѣе, несли потерю тѣ самыя Правительства, которыя такую порчу допускали. Можно сказать, что если средніе вѣка оставили всѣ правительства раззоренными, — если всѣ Правительства, можно сказать, тонули въ неоплатныхъ долгахъ, то главною причиною ихъ раззоренія и ихъ долговъ были не расточительность ихъ, ни нескончаемыя войны, которыя, разумѣется, должны были ихъ раззоренію содѣйствовать; но не въ такой же степени, чтобы покрыть неоплатными долгами *всѣ* Правительства, не смотря на абсолютность ихъ значенія. Причина эта заключалась, преимущественно, въ порчѣ монеты и потеряхъ, послѣдовавшихъ отъ всеобщей неправильности выраженія стоимостей въ монетныхъ системахъ, и происходящей отъ того, въ высшей степени, убыточной неправильности всѣхъ финансовыхъ операцій, и всей ихъ финансовой дѣятельности. Положеніямъ этимъ Правительства, въ то время, не придавали никакой важности; и до сихъ поръ, едва ли всѣми понято то значеніе, которое имѣли они въ послѣдовательномъ развитіи жизни; но порча монеты и неправильность денежнаго обращенія уносили сбереженія правительствъ даже въ то время, когда расчетъ замѣнялъ расточительность; даже тогда, когда всеобщій миръ долженъ былъ разливать всеобщее

благосостояніе, и когда сюзерены принимались за экономическое устройство своихъ государствъ, съ истиннымъ желаніемъ поправить разстроенное положеніе дѣлъ. Нужно, при этомъ, сказать и то, что, не сознавая значенія монеты и относительности цѣны ея, могли ли сюзерены среднихъ вѣковъ выяснять себѣ, въ какой мѣрѣ порча монеты, и происходящая отъ того неправильность оцѣнки труда и дѣятельности, подрываютъ ихъ экономическія соображенія, подрывая въ тоже время и народное благосостояніе? Ясно нѣтъ! Они относили къ тяжелымъ обстоятельствамъ, къ тяжкимъ временамъ тѣ условія, которыя отъ самихъ отъ нихъ происходили, и жаловались на тяжесть, которую сами для себя создавали. Но вѣдь такія ихъ жалобы нисколько не улучшали положенія дѣлъ, которыя, отвлекаясь съ прямаго пути, приносили, можно сказать, съ каждымъ днемъ прогрессивный убытокъ; потому что порча монеты, — равно какъ и всякая другая финансовая неправильность, всегда двойной тяжестію ложится на тѣхъ кто ее производитъ.

Мы полагаемъ, что всего сказаннаго нами прежде о свойствахъ монеты и относительности ея значенія, слишкомъ достаточно, чтобы читателямъ нашимъ совершенно осязательно представилось сдѣланное нами замѣчаніе о вредѣ, который приносила порча монеты тѣмъ самымъ Правительствамъ, которыя таковую порчу производили. Для тѣхъ же, кто еще не достаточно усвоилъ себѣ относительность

значенія монеты и тѣ колебанія въ цѣнѣ, которыя истекаютъ изъ ея сущности, мы пояснимъ, — что порча монеты представляетъ пониженіе единицы сравненія (таблицы *C* и *D*). А какъ, съ пониженіемъ единицы, всѣ предметы должны возвышаться въ цѣнѣ, по относительному значенію ихъ стоимости къ достоинству единицы, которая въ этой новой величинѣ будетъ выражать ихъ цифрами болѣе крупными, чѣмъ тѣ, которыми означалось отношеніе ихъ къ прежней единицѣ, — то феодальные сюзерены того времени, будучи въ тоже время и главнѣйшими потребителями производства, должны были платить за все ровно во столько же дороже, во сколько они испортили свою монету, понизивъ ея вѣсъ или достоинство металла. Понятно, что въ тоже время всѣ взносы, всѣ платежи имъ слѣдуемые, они должны были получать этой новой, низшаго достоинства монетой, такъ какъ старая, будучи, по достоинству своего металла, выше своей номинальной цѣны, скрывалась изъ обращенія.

Такимъ образомъ, они получали металла во столько разъ менѣе, во сколько уменьшили или понизили свою монету, платя въ тоже время за все во столько же разъ дороже. Очень достаточная причина, чтобы какое угодно блестящее положеніе финансовъ, и въ самое короткое время пришло въ упадокъ; особенно когда таковый платежъ и таковая получка, благодаря постепенному пониженію монеты, постоянно возобновлялись.

Разумѣется, сюзеренъ старался возможнымъ образомъ возвышать и доходъ свой. Но, тѣмъ не менѣе, могло ли таковое возвышеніе соотвѣтствовать общему паденію, особенно когда и расходы, самымъ развитіемъ жизни, послѣдовательно должны были увеличиваться, и когда общее паденіе монеты, соотвѣтственно стоимостямъ другихъ предметовъ, производило всеобщее замѣшательство?

Положимъ, что кто нибудь изъ феодаловъ среднихъ вѣковъ, именно въ отсутствіи сознанія значенія монеты, имѣя въ виду только предстоящіе платежи, приказалъ бы, изъ какого либо количества серебра, отлить вдвое болѣе талеровъ, чѣмъ сколько, изъ этого количества, отливалось до тѣхъ поръ. Ясно, что каждый талеръ у него будетъ вдвое менѣе, и представитъ стоимость только половинную противу прежняго талера. И хотя, счетомъ талеровъ, этотъ феодалъ будетъ имѣть вдвое, но онъ можетъ купить на нихъ ровно столько же кожъ, сала, хлѣба и всего что ему нужно; потому что, по сравненію всѣхъ произведеній съ стоимостію новой единицы, представляющей, по вѣсу чистаго металла, половину стоимости прежней, цѣна на нихъ удвоится. И если, въ покрытіи текущихъ платежей, онъ дѣйствительно получитъ нѣкоторую выгоду, потому что покроетъ ихъ половиннымъ количествомъ металла, то за то, всѣ будущія полученія, въ теченіе многихъ лѣтъ, представятъ ему только половину стоимости, противу того сколько онъ получалъ; потому что всякій

будетъ платить ему уже новыми талерами, и онъ, получая столько же талеровъ сколько и прежде, но только низшей, половинной стоимости, не можетъ пріобрѣтать за нихъ столько же разныхъ стоимостей, сколько онъ прежде на нихъ пріобрѣталъ. Пусть же расчитаетъ всякій, каково платить за все вдвое дороже, получая вдвое менѣе. Понятно, что сюзеренъ, испортившій свою монету, долженъ былъ нести страшный убытокъ.... Если, для поправленія своихъ дѣлъ, думая опять уменьшить свои платежи, онъ станетъ уменьшать и этотъ половинный вѣсъ талера, — ясно убытокъ будетъ пропорціонально увеличиваться, и непремѣнно долженъ довести состояніе дѣлъ его до совершеннаго раззоренія.

Мы уже не говоримъ, что кромѣ этого, такъ сказать, явнаго убытка, который приносила порча монеты правительствамъ, она отражалась существенно на всемъ устройствѣ экономическаго быта. Она — эта порча монеты, подрывала, можно сказать, довѣренность въ международныхъ сношеніяхъ; и, производя запутанность и сбивчивость во внутреннихъ расчетахъ, даже, можно сказать, останавливая коммерческое движеніе, создавала самимъ монетамъ, независимо отъ номинальнаго, — курсовое значеніе. Понятно! При безконечномъ разнообразіи монетъ и безпрерывной умышленной порчѣ ихъ достоинства, никто не хотѣлъ принимать монету, которой онъ не зналъ, въ достоинствѣ которой сомнѣвался, и которую не могъ сбыть, тутъ же, немедленно. Отсюда,

ясно, должно было произойти новое затрудненіе коммерческой дѣятельности, и затрудненіе весьма важное. Въ торговлѣ, нужно было отыскивать только извѣстную, *ходячую* монету данной мѣстности, куда торговля направлялась; слѣдовательно такую монету нужно было собирать, *покупать*. И вотъ монета становилась товаромъ, независимо отъ ея матеріальнаго достоинства, по стоимости металла, собственно своимъ *знакомъ;* довѣренностію, которую этотъ знакъ къ себѣ имѣлъ, и требованіемъ его для обращенія; то есть, собственно, спросомъ и предложеніемъ даннаго знака, для опредѣленнаго обращенія. Вотъ начало *курса,* который, въ настоящее время, имѣетъ столь громадное значеніе въ ходѣ биржевыхъ дѣлъ всего міра, представляя изъ себя какъ бы указателя экономическаго устройства и общественнаго благосостоянія цивилизованныхъ обществъ.

Значеніе курса въ современной жизни, и его теорія, основанная на практическихъ данныхъ коммерческаго движенія, разумѣется не могутъ быть изложены прежде, чѣмъ выяснится передъ читателемъ значеніе денежныхъ и кредитныхъ бумагъ, и то существенное вліяніе, которое, въ настоящее время, на ходъ дѣлъ вообще, онѣ имѣютъ. Представляя собою условную стоимость и условный знакъ обращенія, денежныя и кредитныя бумаги, въ тоже время, составили, можно сказать, основаніе всѣмъ сдѣлкамъ коммерческой дѣятельности, и на практикѣ, рѣшительно подчиняютъ своему вліянію финансовыя опе-

раціи цѣлаго міра. Ясно, что и курсъ, котораго значеніе исходитъ непосредственно изъ обращенія монетъ въ практической дѣятельности, долженъ отразить въ себѣ значеніе этой силы, которая движеніе практической дѣятельности себѣ, хотя бы и условно, подчиняетъ; — не смотря на то, что именно въ слѣдствіе условнаго значенія этихъ бумагъ, какъ читатели увидятъ впослѣдствіи, — онѣ имѣютъ свой отдѣльный курсъ, происходящій непосредственно отъ сущности условій ихъ выпуска, и совершенно независимый отъ курса вексельнаго или курса номинальной монеты, — которая, по историческимъ причинамъ жизни народовъ, получила свой спросъ и свое предложеніе....

Мы здѣсь станемъ разсматривать теорію курса собственно въ примѣненіи къ знакамъ золотой и серебряной монеты, какъ бы бумагъ не было вовсе, или какъ бы онѣ не имѣли вліянія на курсовое обращеніе монетъ въ практической дѣятельности. Разумѣется, таковое наше предположеніе представляетъ чистое умозрѣніе, но мы должны основаться на этомъ отвлеченномъ разсужденіи, чтобы разъяснить начала явленій, которыя курсъ производитъ въ коммерческихъ расчетахъ настоящаго общества, и вывести такимъ образомъ вопросъ на практическую почву.

Историческія причины, происходящія отъ невѣрнаго взгляда на выраженіе стоимостей въ монетныхъ знакахъ, въ обществахъ первоначальной цивилизаціи, возбудили общественную недовѣрчивость

къ неизвѣстнымъ или малоупотребительнымъ знакамъ монеты. Всякій отдавалъ свои стоимости только за ходячія деньги его страны, которыя онъ могъ сбывать немедленно, и относительное достоинство которыхъ онъ сознавалъ, не принимая за тѣмъ никакихъ другихъ монетъ, которымъ онъ положительно не довѣрялъ. Впрочемъ, понятно, если общество, страна, народъ, — приняли уже какую либо систему выраженія своихъ стоимостей и ихъ оцѣнки, то они должны отрицать знаки всѣхъ другихъ системъ, имъ неизвѣстныхъ, не выражающихъ имъ значенія стоимостей осязательно, и неоднократно вводившихъ въ ошибки, измѣнчивостію своего внутренняго достоинства. А такое отрицаніе всѣхъ другихъ системъ, всѣхъ другихъ знаковъ монеты, — при извѣстныхъ обстоятельствахъ, — объусловливаетъ требованіе именно данныхъ знаковъ, ходячихъ въ опредѣленной мѣстности, куда торговля, по своимъ торговымъ видамъ, направлялась.

На этомъ основаніи, купецъ, предполагая гдѣ либо производить закупку товаровъ, долженъ былъ озаботиться пріисканіемъ такихъ денегъ, на которыя онъ могъ бы покупать товаръ въ данной мѣстности. Для того, ясно, онъ долженъ былъ искать и покупать знаки монеты, — ходячія *деньги* — той страны, гдѣ предполагалась имъ закупка товаровъ. А если нужно было *искать* и *покупать*, — то нужно было платить дороже, чѣмъ такіе знаки, относительно, стоили, по количеству въ нихъ чистаго

металла. Общее слѣдствіе торговаго движенія, исходящее изъ природы вещей и самой сущности понятія о торговлѣ, заключается въ томъ, что продавецъ всегда желаетъ получить за свой товаръ возможно больше: въ этомъ случаѣ, товаръ продавца заключается въ знакахъ монеты извѣстной страны; — ясно, онъ долженъ стараться отдать ихъ съ возможно большею для себя выгодою. Правда, что въ тоже время, покупатели опредѣленной монеты, стараются, возможнымъ образомъ, ограничить его желаніе, и на основаніи того же торговаго закона, дать за нее сколь возможно менѣе. Но какъ покупка для нихъ всё же необходима, то они и должны, въ большей или меньшей степени, продавцамъ подчиниться, смотря по тому, въ какой мѣрѣ, взаимное соперничество продавцевъ ограничиваетъ ихъ притязанія. Изъ этого колебанія, между требованіемъ или спросомъ и предложеніемъ, должно было произойти начало того излишка, начало той преміи, которая платилась собственно за видъ знака монеты, единственно по необходимости въ немъ, внѣ всякаго сознанія его матеріальной стоимости или его значенія по стоимости металла. Эта премія къ его матеріальной стоимости, въ соединеніи съ нею, составляла цѣну знака монеты, которая, въ практическомъ проявленіи своемъ, называется *курсомъ*.

Итакъ излишекъ или *премія*, платимая за монету противу ея дѣйствительной стоимости, по требованію собственно даннаго знака, и есть первое

основаніе *курса*, разумѣется, въ его тѣсномъ значеніи, т. е. собственно, въ примѣненіи его къ номинальной стоимости монетныхъ знаковъ какой либо системы, противу монетныхъ знаковъ другихъ системъ, внѣ всякаго вліянія на него кредита и денежныхъ бумагъ.

Разумѣется, съ этой же преміей долженъ сливаться и страховой процентъ на достоинство неизвѣстной монеты. Если въ томъ, кто принимаетъ монету, нѣтъ увѣренности, что монета эта заключаетъ въ себѣ дѣйствительно опредѣленную стоимость, а — такая увѣренность должна была безпрерывно разрушаться допускаемою правительствами порчею монеты, — то онъ, принимая ее, будетъ цѣнить сравнительно дешевле, чѣмъ онъ бы её цѣнилъ, если бы былъ въ ней увѣренъ. Этотъ страховой процентъ долженъ совпадать съ цѣною монеты по ея требованію, и представлять величину уменьшающую или увеличивающую значеніе монеты, по довѣренности къ ея стоимости въ опредѣленномъ количествѣ металла.

Такимъ образомъ премія, излишекъ, даваемый за монету противъ ея номинальнаго значенія, и опредѣляемый спросомъ и предложеніемъ ея знака, представляетъ первое основаніе курсоваго значенія монетъ, или ихъ *курса*, въ биржевомъ его значеніи, размѣна знаковъ различныхъ монетныхъ системъ.

Второе основаніе, вторая причина курса исходитъ изъ естественнаго желанія каждаго имѣть свое богат-

ство при себѣ, въ общепонятныхъ знакахъ, чтобы имѣть полную возможность имъ пользоваться.

Немного представляетъ пользы каждому такое богатство, которымъ пользоваться нельзя, и нѣтъ даже надежды получить отъ него пользу въ будущемъ. Положимъ, что кому нибудь достались бы гдѣ нибудь, хоть у Кабилловъ, милліоны. Если этихъ милліоновъ нельзя ни перевести, ни получить, самому ѣхать къ Кабилламъ тоже нельзя или не желательно, то за всё такое африканское богатство нельзя дать ничего, и тотъ, кто его получилъ, съ своими милліонами въ Кабилліи, будетъ также бѣденъ какъ и былъ. Чтобы выйти изъ такого положенія, разумѣется всякій будетъ искать случая, какимъ бы образомъ, имущество, находящееся въ землѣ чужой и отдаленной, перевести къ себѣ, и для того готовъ будетъ сдѣлать уступку части его, чтобы можно было удобно пользоваться остальною его частію, въ знакахъ монеты, общеупотребительныхъ тамъ, гдѣ онъ желаетъ этимъ богатствомъ пользоваться. Равнымъ образомъ и купецъ, продавъ произведенія своей земли въ странѣ отдаленной, желаетъ, полученныя за нихъ деньги чужой страны, обратить въ знаки монеты своего отечества, чтобы онъ могъ купить на нихъ новыя произведенія для продажи. Для того онъ долженъ, тѣмъ или другимъ способомъ, обмѣнять знаки чужой страны на знаки своей, по вѣсу чистаго металла въ тѣхъ и другихъ. Но когда та-

кого обмѣна сдѣлать нельзя, то по крайней мѣрѣ полученныя за товаръ деньги онъ будетъ стараться обратить въ другую стоимость, нужную въ его отечествѣ; если же такой стоимости, которую могъ бы онъ купить выгодно, нѣтъ, то въ чистый металлъ, за который легко уже будетъ получить деньги своей страны. Вывозъ металла не всегда возможенъ, особливо изъ странъ не вполнѣ развитой цивилизаціи. Впрочемъ, давно ли цивилизованные французы воспретили вывозъ золота изъ завоеванной имъ Мексики. Но, положимъ, что не встрѣчается никакого затрудненія въ отправкѣ металла, или знаковъ монеты изъ Африки въ Европу, но всё же — поѣздка въ Африку къ Кабилламъ, сборъ доставшихся тамъ богатствъ, обращеніе ихъ въ деньги, а денегъ въ чистый металлъ, который долженъ быть потомъ обращенъ опять въ деньги, — укупорка, фрахтъ, страховка, полученіе на мѣстѣ, — всѣ эти безконечныя хлопоты, труды, и заботы стоятъ и очень стоятъ чего нибудь. Чтобы избавиться отъ такого рода непріятныхъ заботъ и издержекъ, само собою уменьшающихъ количество доставшагося богатства, всякій разумѣется готовъ будетъ предоставить премію тому, кто пожелаетъ получить богатство въ Африкѣ, выплачивая за него что слѣдуетъ, за вычетомъ этой преміи, на мѣстѣ, гдѣ богатство имѣетъ для него существенное значеніе, и гдѣ онъ получаетъ его прямо знаками монеты, общепринятой, для выраженія стоимостей, въ его отечествѣ, слѣдовательно, всюду принимаемой за нужныя

ему произведенія и оказываемыя услуги. Эта премія, въ пользу одной стороны и уступка съ другой стороны, разумѣется, должна соотвѣтствовать тѣмъ затрудненіямъ, которыя при полученіи и переводѣ богатства должны встрѣтиться. Напримѣръ, если изъ страны гдѣ богатство досталось, — металла ни въ какомъ видѣ вывозить не дозволяютъ, а позволяютъ вывозить богатство въ видѣ сала, кожъ, лѣса или чего бы тамъ ни было; такъ, что нужно имѣющіяся деньги, чтобы ихъ вывезти, обратить сперва въ эти произведенія, дозволенныя къ вывозу; а при томъ положимъ, что ни сала, ни кожъ, ни лѣса, ни другихъ предметовъ, которыхъ вывозъ дозволенъ, въ отечествѣ того, кому богатство досталось, не требуется, а требуются они въ третьей странѣ, которая отпускаетъ нужный уже въ его отечествѣ сахаръ, который впрочемъ допускается къ привозу не иначе, какъ съ оплатою опредѣленной пошлины, то ясно, что всѣ эти обстоятельства и затрудненія въ перемѣщеніи богатства, должно будетъ принять во вниманіе, и покупающій доставшееся въ отдаленной землѣ состояніе будетъ требовать сообразной съ этими затрудненіями уступки. Но, какъ мы сказали, всякій будетъ радъ уступить, чтобы сложить съ себя тѣ затрудненія, которыя, при практическомъ движеніи суммъ изъ одной страны въ другую, представляются, и пользоваться своимъ богатствомъ спокойно, у себя, подъ охраною своихъ законовъ и принятаго образа жизни. А такая уступка относи-

тельно цѣнности знаковъ монетъ одной страны, противу знаковъ монетъ другой, ясно представляетъ разность цѣны ихъ противу того, какая бы она должна была быть, по сравненію ихъ внутренняго достоинства, или по переводу ихъ монетныхъ системъ; слѣдовательно, представляетъ *премію*, *излишекъ*, собственно по виду знака, внѣ отношенія къ его стоимости по количеству металла, или — представляетъ основаніе *курса*, какъ мы его уже опредѣлили, условной преміей, собственно, за видъ знака монеты, по требованію именно этого знака, независимо отъ его матеріальнаго значенія.

И вотъ второе явленіе экономической жизни, вторая причина, образующая разность цѣны монетъ, противу ихъ дѣйствительной стоимости по вѣсу металла, которая могла бы означиться переводомъ; вторая причина курса, который долженъ зависѣть отъ всѣхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ движеніе стоимостей изъ одной страны въ другую, по мѣстнымъ условіямъ, законодательству обѣихъ странъ и мѣстнымъ обычаямъ.

Изъ этихъ двухъ явленій экономической жизни, — двухъ элементовъ международнаго денежнаго обращенія, исходящихъ, во-первыхъ, изъ необходимости требовать денегъ чужой страны, для покупки въ ней ея произведеній, и во-вторыхъ, изъ желанія обратить ихъ потомъ въ знаки своего отечества, составилась практическое начало курса, исходящее, непосредственно, въ своемъ коммерческомъ значеніи,

(независимо отъ кредитныхъ и денежныхъ бумагъ) изъ *разности текущихъ платежей* *) между странами, имѣющими между собою взаимное сношеніе.

Международныя сношенія объусловливаютъ обмѣнъ произведеній. Обмѣнъ произведеній заключается въ замѣнѣ одной стоимости равноцѣнною другою. Слѣдовательно, самая сущность добровольнаго обмѣна объусловливаетъ равенство одновременнаго полученія и отдачи равноцѣнныхъ стоимостей. Но значеніе стоимостей или цѣна ихъ — какъ мы видѣли, выражается въ знакахъ монеты, которыми, по свойству монетъ, можетъ и замѣняться. За тѣмъ, ясно, что въ случаѣ неравенства обмѣниваемыхъ стоимостей, разность между ними покрывается знаками монеты или стоимостію металла, которую эти знаки представляютъ. А какъ, по отсутствію довѣрія къ знакамъ монеты чужестраннымъ и неизвѣстнымъ, должна покрыться таковая разность размѣниваемыхъ стоимостей стоимостію металла, непремѣнно, въ знакахъ монеты той страны, которая отпускаетъ большее количество стоимости, то, чтобы условіе обмѣна, заключающееся въ одновременномъ размѣнѣ равноцѣнныхъ стоимостей, сохранялось въ своей силѣ, должно: чтобы страна, отпускающая меньшую стоимость, купила недостающее количество знаковъ у другой страны, отпускающей большую стоимость, и этими,

*) У насъ не хватаетъ духа приводить нелѣпый терминъ задолженности, къ которой не относится *долгъ*, хотя есть финансисты, которые таковый терминъ принимаютъ.

купленными впередъ, знаками, доплатила излишнюю стоимость своего полученія противу своего отпуска.

Имѣя въ виду этотъ выводъ, мы разсуждаемъ: если одна страна, покупая товаръ у другой, должна купить прежде монеты этой страны, то и другая страна, покупая товаръ у этой страны, должна также купить прежде ея монеты. Если количество требованій товаровъ той и другой страны одинаково и одновременно, то, ясно, что и курсъ монетъ ихъ будетъ относительно равенъ; потому что спросъ и предложеніе на однѣ монеты, будучи равны спросу и предложенію на другія, уравняютъ ихъ курсъ или ихъ относительную цѣну, по стоимости ихъ металла, или по переводу значенія однихъ монетъ на другія al pari. Но если количество покупки товаровъ одной страной не равняется количеству ея продажи другой странѣ, или обоюдная покупка и продажа ихъ взаимныхъ произведеній производится неодновременно; то, ясно, разность требованія въ данное время монетъ одной страны, противъ требованія, въ это же время, монетъ другой страны, должна образовать разность ихъ дѣйствительной цѣны, противу той, которую онѣ, по стоимости металла, имѣютъ, именно *спросомъ* на тѣ монеты, которыя требуются, для необходимой покупки. Если разность въ отпускахъ произведеній заключается только во времени, т. е. обѣ страны покупаютъ произведеній, одна у другой, на равную сумму, но только разновременно, а именно, положимъ: одной странѣ нужно покупать товаръ у другой вес-

ной, а другой странѣ у первой осенью, то разность курса, обусловливаемая разновременностію покупки, при равенствѣ всѣхъ обстоятельствъ коммерческой дѣятельности въ обѣихъ странахъ, естественно, уравняетъ состояніе средняго курса въ обѣихъ странахъ; т. е. опредѣлитъ, что ровно на столько, на сколько однѣ монеты стоятъ дороже другихъ весной, на столько же эти другія должны стоить дороже осенью. Но такое положеніе должно, ясно, истекать изъ совершеннаго равенства финансоваго положенія обѣихъ странъ, и равенства обстоятельствъ обращенія въ нихъ стоимостей. А какъ такого рода абсолютнаго равенства, на практикѣ, существовать не можетъ, по разнообразію условій жизни въ разныхъ странахъ, то и такого равновѣсія въ курсѣ, даже и при равенствѣ получаемыхъ разными странами, одной отъ другой, стоимостей, не можетъ существовать, а непремѣнно должны происходить въ немъ тѣ или другія колебанія, соотвѣтственныя разности обстоятельствъ и условій жизни въ разныхъ странахъ, такъ какъ каждый оттѣнокъ этихъ обстоятельствъ, каждое отдѣльное явленіе жизни, курсъ, въ колебаніяхъ своихъ, долженъ обозначать.

Пояснимъ это замѣчаніе примѣромъ. Положимъ, что гордая, аристократическая, Венеціанская республика торговала бы въ Европѣ только съ Голландіей, и предположимъ, что она покупала бы тамъ, ежегодно весной, на опредѣленную сумму строеваго лѣса; въ свою очередь Голландія, ровно на такую же сумму,

ежегодно осенью, покупала бы у Венеціи пряностей, привозимыхъ въ Венецію, къ этому времени, съ востока. Наше предположеніе, при равенствѣ обстоятельствъ и финансоваго положенія обѣихъ странъ, объусловливало бы совершенное равенство средняго курса ихъ монетъ; т. е. объусловливало бы то положеніе, что, на сколько голландскій червонецъ стоилъ бы дороже венеціанскаго цехина весной, на столько же ровно, послѣдній стоилъ бы дороже червонца осенью; такъ что средній курсъ этихъ монетъ представлялъ бы совершенное равенство, по стоимости металла въ каждой монетѣ или по переводу ихъ al pari. Но если обстоятельства странъ, не смотря на одинаковость ихъ требованій, въ обмѣнѣ стоимостей не одинаковы, то разность этихъ обстоятельствъ должна отразиться и на разности курса, соотвѣтственно тому, какое вліяніе каждое обстоятельство на курсъ имѣетъ. Положимъ напр., что разность въ обстоятельствахъ этихъ странъ заключалась бы въ томъ, что въ роскошной, мотающей и дѣятельной Венеціи — деньги дороги, а въ флегматической и расчетливой Голландіи — дешевы; такъ напр. что въ Венеціи, подъ самое вѣрное обезпеченіе, нельзя было бы имѣть денегъ, менѣе какъ за 6% въ годъ, а въ Голландіи можно было, положимъ, имѣть ихъ за 3%. Значеніе процентовъ, а также, почему и когда они могутъ представлять ту или другую цифру, будетъ объяснено читателямъ подробно, при разсужденіи о значеніи кредита и денежныхъ бумагъ; теперь же, мы приво-

димъ ихъ только какъ практическій примѣръ различія обстоятельствъ денежнаго обращенія, по практическому пониманію всякаго, что такое процентъ. Ясно, что при разности, указанной нами, въ денежномъ положеніи разныхъ странъ, равновѣсіе курса монетъ ихъ, при разности срока текущихъ платежей, должно нарушиться, такъ какъ купецъ Венеціи долженъ платить за деньги, уплачиваемыя Голландіи, за лѣсъ, 6%, а Голландецъ платитъ за свои деньги, когда платитъ ихъ Венеціи, только 3%, а эта разность процентовъ на деньги должна отразиться на курсѣ монетъ той и другой страны.

Для того, чтобы усвоить себѣ это замѣчаніе до осязательности, мы приведемъ слѣдующее разсужденіе. При равенствѣ стоимостей обмѣна, который происходитъ только въ разное время, можно себѣ предположить, что, таковымъ обмѣномъ, одна страна какъ бы кредитуется другой, то есть, что, принимая стоимости другой страны, возвращаетъ ихъ ей, черезъ опредѣленный срокъ, своими стоимостями, имъ равноцѣнными; хотя бы въ дѣйствительности, продажа и покупка въ обѣихъ странахъ производились на наличныя деньги; потому что деньги эти, черезъ опредѣленный срокъ, должны возвращаться опять въ ту страну, которая ихъ за покупаемыя стоимости уплатила. Но какъ венеціянскій купецъ, отдавая деньги свои за стоимости Голландіи, самъ заплатилъ за нихъ дороже чѣмъ купецъ Голландіи, платящій за стоимости Венеціи, то онъ долженъ и цѣнить

ихъ дороже, чѣмъ цѣнитъ голландскій купецъ; отчего должна послѣдовать разность въ курсѣ червонцевъ и цехиновъ, которая послѣдуетъ въ пользу Голландіи. Положимъ для примѣра, что Венеція покупала бы у Голландіи лѣса ровно на 1000 своихъ цехиновъ, опредѣленнаго вѣса и достоинства, и, для ясности, положимъ, что цѣна цехина и червонца, по переводу, была бы равна по совершенной одинаковости величины и достоинства цехиновъ съ червонцами. Ясно, что Голландія, выписывая изъ Венеціи пряности, ровно на такую же сумму на какую Венеція покупаетъ у ней лѣса, оборачивала бы своихъ ровно 1000 червонцевъ, какъ и Венеція оборачивала своихъ 1000 цехиновъ. Если бы обстоятельства денежнаго обращенія той и другой страны были равны, то средній курсъ червонцевъ былъ бы совершенно равенъ курсу цехиновъ; потому что, сколько осенью Голландія заплатила бы Венеціи червонцевъ, за покупаемые цехины, столько же, весной, Венеція должна бы была заплатить Голландіи цехиновъ, за покупаемые червонцы. Но, если между странами, въ денежномъ обращеніи ихъ, происходило указанное нами различіе, то венеціанскій купецъ, имѣя въ виду, что онъ за 1000 червонцевъ, которые купилъ весной и которые обратно получитъ черезъ полгода осенью, уплатилъ въ дѣйствительности 1030 цехиновъ, цѣнитъ 1000 купленныхъ имъ червонцевъ въ 1030 цехиновъ, тогда какъ голландскій купецъ, купивъ

цехины осенью, для полученія за нихъ червонцевъ весной, и имѣя въ расчетѣ свой процентъ, полагаетъ, что онъ за 1000 цехиновъ заплатилъ только 1015 червонцевъ, слѣдовательно и считаетъ эти 1000 цехиновъ въ 1015 червонцевъ; отсюда уже ясно, что средній курсъ между тѣми и другими монетами будетъ уже не по переводу, согласно дѣйствительно стоимости металла, или — какъ предположили мы, совершенно ровный, т. е. что 1 цехинъ = 1 черв. или 100 цехин. = 100 черв., но будетъ представлять взаимное отношеніе цехина къ червонцу, какъ $101^1/_2$: 103.

Уже самое это указаніе опредѣляетъ значеніе разности текущихъ платежей, — которая, въ одно время, возвышаетъ одну монету противу другой, въ другое — её понижаетъ. Необходимость платить, и производить этотъ платежъ своевременно въ знакахъ монеты той страны, стоимости которой мы получаемъ, объусловливаетъ значеніе или курсъ знаковъ этой страны, соотвѣтственно условіямъ жизни и денежнаго обращенія каждой изъ обмѣнивающихся странъ, даже и въ томъ случаѣ, когда взаимный обмѣнъ представляетъ совершенную равноцѣнность обмѣниваемыхъ стоимостей. Но таковая разность въ текущихъ платежахъ становится несравненно ощутительнѣе, когда производимый между странами обмѣнъ стоимостей не равномѣренъ, т. е. когда одна страна отпускаетъ своихъ произведеній другой странѣ больше и требуетъ отъ нея меньше.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, для уравновѣшенія своего отпуска, страна, отпускающая меньшее количество стоимостей, должна постоянно требовать знаки другой страны, которая отпускаетъ своихъ стоимостей больше, и уже этимъ самымъ требованіемъ, ясно, должна постоянно поднимать ихъ курсъ. Если бы Венеція отпускала пряностей Голландіи меньше, чѣмъ покупала у ней лѣса, ясно, она должна бы была, за излишекъ полученія, постоянно приплачивать голландскими червонцами, отчего курсъ цехиновъ, не требуемыхъ Голландіею, долженъ былъ бы относительно, падать безпрерывно. Для полученія червонцевъ, Венеціи нужно бы было, или, за свои стоимости, купить у другихъ странъ такіе предметы, которые бы нужны были Голландіи, или платить за нихъ вывозомъ чистаго металла, какъ стоимости нужной всѣмъ. То и другое обстоятельство, непремѣнно, отразилось бы въ значеніи курса, который вполнѣ совпадалъ бы съ тѣми основаніями, которыя мы, подъ словомъ: *разность текущихъ платежей* означили.

Но приведемъ другой примѣръ, который бы объяснилъ намъ, какимъ образомъ въ выраженіи курса отражается всякое явленіе экономической дѣятельности и законодательства странъ, имѣющихъ между собою обоюдное сношеніе, хотя бы ввозъ и вывозъ предметовъ изъ той и другой, для взаимнаго обмѣна, представлялъ одинаковыя стоимости и производился даже одновременно. Останавливаемся на сдѣланныхъ

уже нами предположеніяхъ о торговлѣ Венеціи и Голландіи. Положимъ, что и проценты на деньги у обѣихъ странъ были бы равны, и покупка и продажа лѣса и пряностей производились одновременно, но разность экономическаго положенія ихъ объусловливалась бы тѣмъ, что въ Голландіи была полная свобода вывоза и ввоза всевозможныхъ предметовъ и металла, а Венеція допускала бы ввозъ къ себѣ лѣса, не иначе какъ съ уплатою опредѣленной пошлины, хоть въ 10% противъ цѣны. Ясно, что для полученія на 1000 черв. лѣса, венеціанскій купецъ долженъ будетъ употребить не менѣе 1111 цехиновъ, и расчитывать, слѣдовательно, проценты на эти 1111 цехиновъ; тогда какъ голландскій купецъ будетъ расчитывать свои проценты только на 1000 червонцевъ равныхъ 1000 цехинамъ. Разность процентовъ, по разности суммъ, даже и при одинаковомъ размѣрѣ процента, должна будетъ отразиться въ курсѣ монетъ при международныхъ сношеніяхъ, опредѣляя въ нихъ разность значенія текущихъ платежей, хотя эти платежи производятся между ними обмѣномъ равноцѣнныхъ стоимостей, и, какъ мы предположили, одновременно.

Такимъ образомъ, въ выраженіе курса, по разности текущихъ платежей, входятъ всѣ обстоятельства условій жизни и денежнаго обращенія въ разныхъ странахъ: — ихъ развитіе, образъ жизни, законодательство, и мѣстныя условія быта и жизни. Всякая изъ причинъ, производящихъ вліяніе на

свободный обмѣнъ стоимостей, должна отразиться въ курсѣ монетъ той страны, до которой она относится, такъ что курсъ, по справедливости, можно назвать барометромъ общественнаго благосостоянія. Но мы разсмотримъ ближе теорію курса, логическое начало котораго, мы указали въ практическихъ явленіяхъ экономической дѣятельности, и тогда, болѣе усвоимъ тѣ основанія, по которымъ сущность экономическаго устройства въ немъ отражается.

Начало это исходитъ, какъ мы сказали, изъ двухъ причинъ: a) изъ торговой необходимости имѣть знаки монеты той страны, въ которой нужно производить покупку и b) изъ естественнаго стремленія людей сосредоточить свое имущество близь себя, чтобы имѣть всегдашнюю возможность имъ пользоваться.

Эти двѣ причины, сказали мы, совокупно, составляютъ одно практическое явленіе международнаго денежнаго обращенія, которое объусловливается экономическимъ положеніемъ каждой страны, имѣющей сношеніе съ другими странами, — ея устройствомъ, условіями жизни и монетнаго обращенія, законодательствомъ и дѣятельностію; — это явленіе обозначили мы: *разностію текущихъ платежей*.

Вотъ начала, вызывающія спросъ и предложеніе собственно знака монеты, безъ прямаго отношенія его къ стоимости металла, и разумѣется, какъ мы предупредили, безъ всякаго отношенія къ вліянію, которое, особо, денежныя бумаги производятъ. Но переходимъ къ теоріи!

Равенство стоимостей добровольнаго обмѣна, обусловливаемое логическимъ понятіемъ о взаимной мѣнѣ, вызываетъ непремѣнное заключеніе, о неизмѣняемомъ и постоянномъ равновѣсіи *привоза* какой либо страны и *вывоза* изъ нея.

Нарушеніе этого равновѣсія въ цѣнности доставляемыхъ и получаемыхъ стоимостей, даже, какъ мы сказали, не мыслимо; потому что, съ допущеніемъ такого предположенія, нужно было бы допустить, что одна какая нибудь страна отдаетъ свои стоимости другой, безъ соотвѣтственнаго вознагражденія, безъ обмѣна на другія; а это предположеніе не имѣетъ смысла въ приложеніи къ анализу свободной экономической дѣятельности.

Разумѣется, здѣсь говорится о значеніи стоимостей въ самомъ обширномъ смыслѣ, а никакъ не въ разсужденіи только ихъ матеріальнаго сознанія. Произведенія искусствъ, наслажденіе прекраснымъ въ звукѣ, пластикѣ или мышленіи, представляетъ также видъ пользованія стоимостями, какъ и потребленіе предметовъ матеріальныхъ; даже акробаты и фокусники, доставляемые какой либо страной, — развлеченіе даваемое ихъ упражненіями, и то должно относиться къ ряду, доставляемыхъ этою страною, стоимостей. Къ этому же ряду полученія стоимостей, относится даже необходимость путешествія, и выписка изъ другой страны людей свѣдущихъ или пріятныхъ; — однимъ словомъ все, что можетъ оцѣниваться, хотя косвеннымъ образомъ, въ знакахъ

монеты, и представляетъ такимъ образомъ, въ этихъ знакахъ, опредѣленную стоимость.

Но если равенство привоза и вывоза ненарушимо, по сущности самаго понятія, то, ясно, что долженъ быть какой либо *уравнитель* такого равенства, т. е. долженъ быть такой предметъ, который бы, въ случаѣ нарушеніи баланса, могъ, своимъ переходомъ на другую сторону, его возстановить. Мы видѣли, что этотъ предметъ есть — стоимость металла въ монетныхъ знакахъ.

Кстати мы замѣтимъ, что такое сравненіе привоза и вывоза, по непремѣнному условію ихъ равновѣсія, въ государственномъ хозяйствѣ, называется *балансомъ*, или торговымъ балансомъ, точно также, какъ называется балансомъ, по коммерческой бухгалтеріи, вообще сводъ счетовъ полученія и платежа; дебета и кредита; пользъ и убытковъ и проч.

Пусть передъ нами находится балансъ какой нибудь страны, по предмету взаимныхъ ея сношеній съ другой страной.

Балансъ этотъ долженъ представлять двѣ величины: привозъ, положимъ a, и вывозъ, положимъ b. Эти величины должны находиться между собою въ непремѣнномъ равновѣсіи; т. е. должно быть: $a = b$. Если же бы величина a была не равна величинѣ b, то равновѣсіе должно устанавливаться стоимостію металла, которую назовемъ хоть x. Эта величина x должна прибавляться къ меньшей изъ величинъ a или b такъ, чтобы балансъ этой страны могъ выра-

зиться, совершенно точно, слѣдующей формулой, выражающею всевозможные балансы на свѣтѣ:

$$a = b + x$$

гдѣ a означаетъ стоимость привоза произведеній чужихъ, b стоимость вывоза своихъ, x стоимость уравнителя, покрывающую разность между привозомъ и вывозомъ, т. е. въ практической дѣятельности — стоимость металла. Понятная вещь, что величина x положительная, когда a больше b, и отрицательная когда b больше a.

Неизмѣняемость равновѣсія обобщаетъ постоянство значенія этой формулы на всѣ виды коммерческаго движенія, исходящаго изъ добровольнаго и обоюднаго обмѣна стоимостей, при взаимныхъ сношеніяхъ. На практикѣ, существуетъ только три вида нарушенія такого равновѣсія въ общемъ или торговомъ балансѣ, какъ его иногда называютъ; т. е. три вида полученія стоимостей безъ вознагражденія за нихъ стоимостями соотвѣтственными и равноцѣнными: *дань*, платимая сильному; *обманъ* не свѣдущихъ; напр. дикарей, при промѣнѣ съ ними произведеній ихъ труда на стоимости, относительно, ничтожныя; впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, предметы, вымѣниваемые ими, имѣютъ, кажущуюся имъ, равноцѣнность, — и всеобщее государственное *банкротство* какой либо страны.

Но всѣ эти три явленія не относятся къ добровольнымъ международнымъ сношеніямъ, или сво-

бодному развитію экономической дѣятельности, которая, непремѣнно, обусловливаетъ правильный обмѣнъ произведеній труда, мысли и изобрѣтенія, и представляетъ естественное и свободное развитіе взаимныхъ потребностей и взаимнаго обмѣна, для общихъ удобствъ жизни. Въ смыслѣ послѣдняго заключенія, наша формула: $a = b + x$; или $a = b \pm x$ непреложна.

Если металлъ, т. е. x вывозится изъ страны въ замѣнъ другихъ произведеній, собственно потому, что усиленная разработка рудъ доставляетъ его въ излишествѣ; т. е., если металлъ вывозится какъ товаръ, то количество его вывоза не имѣетъ никакого особаго вліянія на дѣятельность страны и на выраженіе ея стоимостей. Страна покупаетъ хлѣбъ и мануфактурныя произведенія, а продаетъ серебро, золото и свинецъ, — по своему естественному положенію, собственно потому, что ея почва занята розсыпями, и ея жители больше занимаются добычею металла, чѣмъ обработкою земли подъ посѣвы хлѣба или мануфактурными издѣліями. Металлы, въ этомъ случаѣ, такое же произведеніе земли и труда, какъ и всякое другое, и представляютъ стоимость, которая обмѣнивается на другія стоимости, по ихъ относительному достоинству; точно также, какъ если бы, въ этой странѣ, отпускали хлѣбъ, а покупали лѣсъ, или, какъ въ приведенномъ нами примѣрѣ, продавали лѣсъ и покупали пряности. Но когда страна, изъ которой вывозится металлъ, не имѣетъ доста-

точнаго количества розсыпей, для вывоза металла въ видѣ товара, — то вывозъ, объусловливающій уменьшеніе количества металла въ обращеніи, слѣдовательно уменьшеніе и количества обращающихся знаковъ, естественно, долженъ оказать свое вліяніе на выраженіе стоимостей; слѣдовательно, и на положеніе экономическаго устройства тѣхъ обществъ, изъ которыхъ металлъ вывозится, и куда онъ прибываетъ.

Количество вывозимой монеты, — счетомъ монетъ, — ясно, опредѣлится массою вывозимаго металла, раздѣленной на вѣсъ чистаго металла въ одной монетѣ. Потому, чтобы, въ приведенной нами формулѣ, опредѣлить величину x, счетомъ въ знакахъ монеты, должно раздѣлить оную на количество чистаго металла, заключающагося въ одномъ знакѣ. Частное, представляя число знаковъ, вывозимыхъ или привозимыхъ для равновѣсія баланса, будетъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, указывать и на увеличеніе или уменьшеніе ихъ въ обращеніи. Положимъ напр. что Венеція покупала бы лѣса у Голландіи на бо́льшую сумму, чѣмъ Голландія у Венеціи пряностей. Разность стоимостей того и другаго, Венеція должна бы была приплачивать металломъ, и, непремѣнно, въ голландскихъ червонцахъ, такъ какъ лѣсъ покупался въ Голландіи, гдѣ обращались червонцы; такъ что число червонцевъ, которое слѣдовало бы Венеціи приплачивать къ отпускаемымъ прянностямъ за получаемый лѣсъ, — если мы буквой x означаемъ стоимость приплачивае-

маго металла, — должна бы была означиться математическимъ выраженіемъ $\frac{x}{s}$, гдѣ s означаетъ бы вѣсъ чистаго металла въ одномъ червонцѣ; и наша формула торговаго баланса должна бы была принять слѣдующій видъ: $a = b + \frac{x}{s}$

Но для полученія червонцевъ, нужно вѣдь было бы купить ихъ; а для такой покупки, — если нѣтъ другой стоимости, которая бы нужна была Голландіи, то нужно платить чистый металлъ. А какъ собственнаго металла, въ розсыпяхъ, Венеція не имѣла, то должна была отпускать свои цехины, по стоимости ихъ внутренняго достоинства.

Ясно, что чѣмъ болѣе нужно приплачивать металла, т. е. чѣмъ болѣе величина $\frac{x}{s}$ или разность между привозомъ и вывозомъ произведеній, тѣмъ болѣе Венеціи нужно было покупать червонцевъ, и продавать цехиновъ; слѣдовательно червонцы были бы тѣмъ дороже. Возвышеніе спроса, безъ увеличенія, соотвѣтственно, предложенія, естественно поднимала бы цѣну знака, который требовался бы въ превышающемъ размѣрѣ противъ требованія цехиновъ. Слѣдовательно на голландскіе червонцы долженъ бы былъ образоваться особый курсъ, и курсъ этотъ долженъ бы былъ быть тѣмъ выше, чѣмъ больше требовалось приплаты металломъ къ общему выводу торговаго баланса. Но, возвышая стоимость червонца, постоянный вывозъ металла изъ Венеціи долженъ былъ

бы отразиться на ея экономическомъ положеніи. Въ чемъ же должно было таковое отраженіе означиться? Разсмотримъ слѣдствія, которыя постоянный вывозъ металла изъ Венеціи, и возвышеніе курса голландской монеты, противъ ея номинальной стоимости по переводу, долженъ былъ бы производить: эти слѣдствія помогутъ намъ отвѣчать на предложенный вопросъ, и разъяснить, въ общемъ понятіи, теоретическое значеніе курса.

Первое, что при возвышеніи курса голландскихъ червонцевъ, т. е. при полученіи ими разности противу номинальнаго значенія, по переводу стоимости металла, голландскій товаръ долженъ былъ становиться, въ Венеціи, постоянно дороже; ровно на столько, на сколько курсъ червонца становился дороже противъ стоимости его по переводу al pari.

Этого положенія нѣтъ надобности, полагаемъ, объяснять, такъ какъ стоимость товара, оплачиваемаго червонцами, не можетъ не быть дороже въ цехинахъ, когда самые червонцы, относительно цехиновъ, нужно покупать дороже, чѣмъ они стоятъ по своему номинальному значенію.

Второе, приливъ металла, приходящаго въ Голландію, за излишекъ лѣса, отпускаемаго въ Венецію, — ясно долженъ увеличивать массу обращающагося металла въ Голландіи; а тѣмъ, возвышать цѣну всѣхъ другихъ стоимостей, общая сложность которыхъ, количествомъ этой массы выражается. Слѣдовательно, въ самой Голландіи, лѣсъ, отпускае-

мый въ Венецію, какъ и всѣ другія стоимости, долженъ былъ становиться дороже, по мѣрѣ того какъ приливаетъ металлъ.

Третіе, напротивъ, въ Венеціи, кромѣ товаровъ, привезенныхъ изъ Голландіи, всѣ предметы, въ слѣдствіе вывоза металла, должны были понижаться въ цѣнѣ; соотвѣтственно тому, на сколько уменьшается количество металла въ обращеніи; потому что, должны были выражать свои стоимости меньшимъ количествомъ металла.

Въ теоріи цѣны читатели ознакомились съ точными выводами этихъ положеній, которыя совпадаютъ и съ значеніемъ курса монетъ. Но это понятно! Монеты представляютъ металлъ, котораго стоимость принята за нормальную; а курсъ даетъ этой нормальной стоимости условную премію, только по обстоятельствамъ движенія предметовъ; слѣдовательно не можетъ противорѣчить тѣмъ общимъ законамъ, которыя исходятъ изъ сущности логическаго понятія о сравненіи.

И наконецъ, четвертое, въ Голландіи всѣ венеціанскіе товары, для пріобрѣтенія которыхъ нужны, обращающіеся въ Венеціи, цехины, въ слѣдствіе паденія курса цехиновъ, должны становиться дешевле; потому что, на то же количество червонцевъ, можно имѣть больше цехиновъ, чѣмъ при курсѣ al pari, по стоимости металла въ каждой изъ монетъ; — слѣдовательно можно имѣть больше и венеціанскаго товара, который цехинами оцѣнивается.

Изъ этихъ четырехъ видовъ значенія курса, можно видѣть, что, съ одной стороны, чрезвычайно возвышается цѣна предметамъ, получаемымъ изъ той страны, курсъ монетъ которой поднимается, — съ другой, что цѣна предметовъ въ другой странѣ, курсъ монетъ которой понижается, становится ниже. Такъ напр. въ Венеціи, предположенное нами, неравновѣсіе баланса возвышало бы, въ высшей степени, цѣну голландскаго лѣса, а въ Голландіи удешевляло бы металлъ, и выписываемыя изъ Венеціи пряности, равно какъ и всѣ другія венеціанскія произведенія. А такое, двойное противодѣйствіе возвышенію курса, ясно, съ одной стороны, увеличивало бы потребленіе венеціанскихъ предметовъ въ Голландіи, и, въ тоже время, уменьшало бы потребленіе лѣса въ Венеціи, его дороговизной; а тѣмъ приводило бы въ равновѣсіе балансъ, — т. е. привозъ и вывозъ произведеній, безъ доплаты металломъ, уменьшая, въ приведенной нами формулѣ, величину x, до ея совершеннаго уничтоженія, т. е. до 0, такъ что было бы $a = b$; или привозъ равенъ вывозу.

Отсюда видно, что курсъ, при свободѣ взаимныхъ сношеній и отсутствіи какихъ либо ложныхъ началъ въ финансовомъ устройствѣ, долженъ, самъ по себѣ, стремиться къ равновѣсію, т. е. къ нормальному курсу al pari, по переводу монетъ или по стоимости металла. Къ тому же, разумѣется, должно его приводить и значеніе стоимости металла, внѣ цѣны знаку монеты. Стоимость металла, или матеріальная стои-

мость монетъ, должна разумѣется стремиться, по возможности, уравнивать ихъ относительное значеніе, — какъ и при всякомъ случаѣ, матеріальная стоимость стремится къ уравненію колебаній въ цѣнѣ относительной стоимости всѣхъ предметовъ; на что мы также уже указывали, разсматривая теорію цѣны.

Требованія торговли, производящія ту относительность цѣны, которой сами должны подчиняться, — уравновѣшиваютъ потребности во всѣхъ предметахъ съ цѣной на нихъ; такъ что отливъ металла изъ какой нибудь страны, удешевляя, сравнительно, всеобщую цѣну на всѣ произведенія, вызываетъ тѣмъ вывозъ ихъ, слѣдовательно непремѣнно обратный приливъ металла, и на оборотъ. Совершенно согласно тѣмъ выводамъ, которые мы въ теоріи цѣны уже приводили.

Въ томъ и другомъ случаѣ, курсъ представляетъ собою какъ бы указателя прилива и отлива металла; указателя тому, въ какой мѣрѣ, въ принятой нами формулѣ баланса: $a = b + x$, величина x увеличивается или уменьшается, относительно величинъ a и b. Ясно, что когда металлъ изъ страны отливаетъ, то курсъ монетъ этой страны падаетъ, возвышая значеніе монетъ другой страны, до тѣхъ поръ, пока всеобщая дороговизна въ ней предметовъ потребленія, при дешевизнѣ этихъ предметовъ въ странахъ откуда металлъ отливалъ, не возбудитъ привоза предметовъ изъ тѣхъ странъ, стало быть

обратный отливъ металла; при чемъ, разумѣется, станетъ подниматься и курсъ монетныхъ системъ тѣхъ странъ, куда металлъ начинаетъ приливать. Изъ этихъ словъ совершенно понятно, что общее условіе движенія стоимостей, по сравненіи съ цѣною металла, которая входитъ въ сущность коммерческой дѣятельности, должно опредѣлять относительную цѣну предметовъ въ международныхъ сношеніяхъ; и ясно, что страна производительная, богатая — гдѣ нужно много покупать произведеній природы, труда, мысли, и которая при томъ обладаетъ правильною системою выраженія стоимостей, всегда можетъ расчитывать на высокій курсъ своей монетной системы, потому что знаки этой системы, по необходимости, должны требоваться; а слѣдовательно можетъ, большее количество чужихъ произведеній выписывать, для удобства и наслажденія въ своей жизни. Страна же бѣдная, болѣе покупающая чѣмъ продающая, потому постоянно нуждающаяся въ чужой монетѣ, а также и та, монетная система которой не внушаетъ себѣ довѣренности, по своей неправильности, непостоянству достоинства монеты и другимъ причинамъ, производящимъ двойственность выраженія въ ея монетныхъ знакахъ, — не можетъ расчитывать, даже на нормальный курсъ своихъ знаковъ, и должна будетъ ограничивать свои требованія чужеземныхъ произведеній, по дороговизнѣ ихъ для нея и трудности полученія. При этомъ, разумѣется, слѣдуетъ принять

во вниманіе и степень образованія страны и усвоенный ею образъ жизни.

Если страна, хотя и не довольно развитая, для равенства сравнительнаго обмѣна, но, по экономическому своему устройству, объусловливаемому образомъ жизни своихъ обитателей, или меньшей требовательности ихъ, происходящей иногда именно отъ недостатка развитія, — вообще меньше покупаетъ чѣмъ продаетъ, и систему выраженія стоимостей своихъ имѣетъ правильную, — ясно, она всегда имѣетъ хорошій курсъ; тогда какъ страны, требующія исключительно предметы роскоши, по условіямъ жизни нѣкоторыхъ привелигированныхъ классовъ, или, условіями своего законодательства стѣсняющія обмѣнъ, — всегда, болѣе или менѣе, теряютъ на курсѣ, потому что, своими требованіями прихоти и стѣснительными условіями, роняютъ цѣны своимъ собственнымъ произведеніямъ.

Мы уже говорили, но здѣсь считаемъ не лишнимъ повторить, что затрудненія и стѣсненія, встрѣчаемыя торговлею въ обмѣнѣ стоимостей, и насильственное направленіе, которое отъ такихъ стѣсненій торговля получаетъ, должны отражаться существенно на курсѣ той страны, въ которой эти стѣсненія существуютъ, такъ какъ непремѣнное покрытіе ихъ, соотвѣтственною пользою, объусловливаетъ возможность сношенія. Если пользы отъ сношенія и обмѣна не будетъ, въ слѣдствіе, хотя бы, стѣсни-

теньныхъ условій, то и самый обмѣнъ долженъ прекратиться.

Послѣднія разсужденія наши представляются осязательно, если мы вспомнимъ, что знакъ монеты, становясь товаромъ, т. е. предметомъ покупки и продажи по произвольной цѣнѣ, долженъ, въ опредѣленіи цѣны своей, подчиниться тѣмъ же условіямъ оцѣнки, которыя вообще оцѣнку предметовъ представляютъ, т. е. спросу и предложенію, опирающимся, въ свою очередь, на частныхъ явленіяхъ и требованіяхъ жизни, въ число которыхъ должны войти и разнаго рода затрудненія, которыя, при таковомъ передвиженіи стоимостей, могутъ встрѣтиться. Спросъ и предложеніе, какъ мы уже говорили, зависятъ отъ жизни и ея требованій, и составляютъ начало курса; понятно, что жизнь, образующая предложеніе и спросъ, объусловливаетъ и значеніе курса, который, на отношеніи этихъ спроса и предложенія, основывается. Отсюда ясно уже представляется намъ вліяніе на курсъ различныхъ явленій экономическаго устройства, которыя въ немъ отражаются; напр. вліяніе крѣпостнаго права; вліяніе меркантильной системы; вліяніе производительности или упадка какихъ либо усилій страны и проч. Отсюда, также ясно, представляется намъ, что монеты, имѣющія большій районъ обращенія, по довѣренности къ нимъ, имѣютъ высшій курсъ, противу тѣхъ, которыя, даже и въ тѣсномъ кружкѣ

обращенія, возбуждаютъ невольное сомнѣніе и недовѣрчивость, по тѣмъ измѣненіямъ, которыя онѣ получали отъ произвола сюзереновъ и неправильнаго взгляда на сущность значенія монетныхъ знаковъ, который имѣли средневѣковыя правительства.

Чтобы представить читателямъ въ какой мѣрѣ, произвольное измѣненіе достоинства монеты, должно было имѣть вліяніе на выраженіе въ ней стоимостей, слѣдовательно и на обращеніе ея знака, довольно, указать въ примѣръ на *Kopy*, польскую монету номинальною стоимостію въ 60 грошей или 2 злота, каждый по 30 грошей. Копа эта съ 1300 года по 1766 годъ, т. е. въ теченіе 466 лѣтъ, 33 раза измѣнила свою стоимость по вѣсу и достоинству металла. Слѣдовательно, каждые 15 лѣтъ, получала иное значеніе, относительно тѣхъ стоимостей, цѣну которыхъ, собою выражала; такъ что цѣнность ея, выраженная въ нынѣшнихъ рубляхъ, по вѣсу и достоинству металла, колебалась между 13-ю рублями, когда она имѣла вѣсу болѣе $^1/_2$ фунта чистаго серебра, и 32 коп., когда въ ней вѣсу было съ небольшимъ золотникъ. Могли ли стоимости иностранныхъ товаровъ получить правильное означеніе своей цѣны въ копѣ, и могли ли иностранцы принимать ее, въ ея номинальномъ значеніи, по отношенію къ ихъ монетамъ? Ясно нѣтъ! Едва успѣвали слѣдить за этимъ паденіемъ монеты собственные подданные, чтобы соображать свои стоимости съ ея величиной; да и то должны были смотрѣть

на нее съ недовѣріемъ, естественно, роняющимъ ея курсовое значеніе.

Соотвѣтственно измѣненію копы, разумѣется, измѣнялись въ своей величинѣ гривна, злотъ, грошъ и проч. части копы; а, соотвѣтственно такому пониженію единицы и ея частей, должны были подниматься въ Польшѣ цѣны на всѣ предметы потребности, которыя выражались въ единицѣ опредѣленной величины. Ясно, что правительство должно было нести при этомъ страшную потерю; потому что, за всѣ предметы ему приходилось платить серебра тоже количество; слѣдовательно бо̀льшее количество копъ, а получало оно тоже количество копъ, слѣдовательно, вѣсомъ серебра на столько менѣе, на сколько копа, имъ самимъ, была понижена. Кромѣ того, при всякомъ пониженіи нормальной единицы, находящіеся въ обращеніи ея прежніе знаки и знаки ея частей скрывались изъ обращенія, и тѣмъ производили новое затрудненіе, состоящее въ недостаткѣ *размѣнныхъ* знаковъ, со всѣми послѣдствіями такого недостатка. Ясно, что такого рода затрудненія, происходящія отъ паденія курса, въ то время, всею тяжестію, должны были ложиться на правительство, которое должно было, для всѣхъ внѣшнихъ платежей, покупать иностранную монету, заслужившую себѣ бо̀льшее довѣріе.

Это обстоятельство, хоть и поздно, но заставило всѣхъ сознать тотъ вредъ, который отъ порчи монеты происходитъ, и главнѣйше сознать, что вредъ

этотъ всегда обрушивается на тѣхъ, кто свою монету портитъ, уничтожая его кредитъ и его финансовое значеніе, и заставляя нести громадные убытки. Всѣ правительства и народы убѣдились въ необходимости прекратить колебанія въ отливкѣ монетъ, которыя ихъ раззоряли. Особенно небольшія правительства Германіи, дѣйствія которыхъ, по взаимности интересовъ, ближе отзывались одного на другихъ, сосѣдственныхъ, — должны были скоро понять общую невыгоду произвола тамъ, гдѣ долженъ существовать математическій законъ; и потому, скорѣе всѣхъ, стали изыскивать средства къ огражденію себя отъ возможности наносить другъ другу и самимъ себѣ столь существенный вредъ. Плодомъ этихъ соображеній были конвенціи о чеканѣ монеты, заключенныя между собою германскими правительствами, — конвенціи, на которыя мы указывали, разсматривая монетныя системы Германіи.

Къ сожалѣнію конвенціи эти не касались разсмотрѣнія общихъ началъ значенія монеты, а ограничивались только характеромъ частнаго договора, по предмету практическихъ неудобствъ, происходящихъ отъ ихъ произвольной отливки. Потому, въ заключеніяхъ бывшихъ конвенцій, и не могло обозначиться какой либо общей идеи, относительно выраженія стоимостей въ металлическихъ знакахъ, которую, потомъ, приняли бы всѣ. Послѣдствія конвенцій ограничились только частными условіями, отстраняющими произволъ, и устанавливающими нѣкоторую

соразмѣрность въ монетахъ правительствъ, которыя между собою эти конвенціи заключали. Тѣмъ не менѣе, заключаемыя конвенціи прекращали ту затруднительность расчетовъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, которая до того препятствовала всѣмъ сдѣлкамъ, и придали монетамъ ихъ ту опредѣлительность, основанную на неизмѣняемости ихъ стоимости, безъ которой монета, естественно, не можетъ представлять сознательной нормы выраженія стоимостей.

Впрочемъ конвенціи эти принесли еще ту пользу общему развитію идеи о выраженіи стоимостей, что заставили болѣе или менѣе вдуматься въ неё передовыхъ людей Германіи; заставили понять ту невыгоду, которую разъединенность и произволъ производятъ въ столь важномъ экономическомъ явленіи какъ выраженіе цѣны. Пораженные явленіемъ, что иностранныя монеты, опредѣленнаго достоинства, — неподвергающіяся умышленной порчѣ и отъ того перемѣнѣ своего значенія, каковы были тогда голландскіе червонцы и венеціанскіе цехины, а потомъ и французскіе франки и наполеондоры, даже, въ ихъ собственныхъ земляхъ, стòятъ сравнительно дороже, и пользуются бòльшимъ довѣріемъ, чѣмъ ихъ собственныя монеты, а не только монеты сосѣдственныхъ владѣній, передовые люди поняли необходимость измѣнить такое положеніе дѣлъ. Это рѣшеніе имѣло несомнѣнно вліяніе на рѣшенія и другихъ правительствъ, которыя постановили, не портить выпускаемыхъ ими монетъ, установивъ имъ опре-

дѣленную норму, какъ по вѣсу, такъ и по достоинству металла, съ тѣмъ, чтобы онѣ могли имѣть повсемѣстное обращеніе, по своему внутреннему достоинству.

Соглашенія, — произведенныя конвенціями германскихъ державъ, — служатъ предвѣстіемъ, что, рано или поздно, послѣдуетъ общее международное соглашеніе всѣхъ цивилизованныхъ правительствъ, объ установленіи однообразныхъ, или, по крайней мѣрѣ, соразмѣрныхъ между собою, по своей стоимости, монетъ, такъ что монетная система, — система выраженія стоимостей, получитъ ту всеобщность и правильность, которую, естественно, объусловливаетъ разумное ея пониманіе. Тогда, разумѣется, само собой отстранится и переводъ монетъ съ одной системы на другую, выборомъ одинаковой единицы и одного порядка выраженія, и ихъ курсъ, общею довѣренностію къ монетамъ всѣхъ народовъ. Останется только переводъ уже не монетъ, а суммъ по мѣсту платежа, гдѣ будутъ выдаваться эти суммы тѣми же самыми или совершенно равномѣрными знаками. Это уже другой видъ дѣла, объусловливающій движеніе коммерческой дѣятельности, а не препятствующій таковому движенію. Но пока этого еще нѣтъ, торговая дѣятельность должна расчитывать и переводъ монетъ и ихъ биржевой курсъ, чтобы выразить въ нихъ тѣ стоимости, которыя, по международнымъ сношеніямъ, требуютъ себѣ выраженія или коммерческаго оборота.

Итакъ мы сказали, что монеты стали отливаться повсемѣстно, постоянной, однажды опредѣленной величины, и, на сколько было доступно состоянію техническаго производства, возможно высшей пробы. Умышленная порча монетъ въ достоинствѣ металла, равно какъ и уменьшеніе ихъ величины, изгнано на всегда изъ числа финансовыхъ мѣръ, не только какъ мѣра несправедливая, но и какъ мѣра вредная и невыгодная. Первымъ послѣдствіемъ этого взгляда было отстраненіе курсоваго значенія тѣхъ иностранныхъ монетъ, которыя, за всеобщею неопредѣленностію стоимости монетъ мѣстной отливки, именно неизмѣняемостію своей стоимости, начинали было получать особое значеніе.

Другіе даже увлеклись стремленіемъ выпускать монеты сколь возможно высшаго достоинства. Относя всемірное значеніе червонцевъ и цехиновъ высокой пробѣ металла, изъ котораго они отливались, и замѣчая выгоды, которыя получали Венеція и Голландія отъ такого всесвѣтнаго значенія знаковъ ихъ монеты, нѣкоторыя Правительства предлагали преміи за техническія усовершенствованія въ отливкѣ монетъ, и старались возвысить достоинство металла въ своихъ монетахъ до возможной чистоты, такъ что онѣ высотою пробы металла превосходили достоинство металла цехиновъ и червонцевъ. Такимъ образомъ отливка золотыхъ монетъ доходила до 95 и даже до 95¹/₄ д. пробы, въ той разумѣется надеждѣ, что такое высокое достоинство отливаемыхъ

монетъ пріобрѣтетъ имъ ту же всеобщность значенія, которымъ пользовались голландскіе червонцы и венеціанскіе цехины. Взглядъ этотъ доказываетъ только неясное пониманіе значенія и сущности монеты какъ нормы сравненія.

Дѣло не въ высокой чистотѣ металла, изъ котораго монета отливается, но въ постоянствѣ достоинства и количества металла, принятаго для той монеты за нормальное. Разумѣется высокой пробы монета будетъ всегда цѣниться по ея достоинству; она будетъ признаваться дороже, чѣмъ равная съ нею по вѣсу низшей пробы, и ровно на столько, на сколько проба ея выше; но если и высокое достоинство монеты будетъ измѣняться, то монета не можетъ получить того нормальнаго значенія, которое обусловливается непремѣннымъ постоянствомъ ея матеріальной стоимости, опредѣленной съ совершенною точностію.

Въ настоящее время нѣтъ монетъ ниже, по своей пробѣ, какъ монеты Пруссіи; онѣ отливаются только 72 пробы. Но Прусская монета имѣетъ повсемѣстное обращеніе по высокому, относительно, курсу, такъ какъ она представляетъ неизмѣняемую единицу сравненія, имѣющую нормальное и опредѣленное значеніе, по дѣйствительной въ ней стоимости чистаго металла.

Не менѣе того, стремленіе выпускать монету возможно высшаго достоинства окончательно отстранило даже мысль объ умышленной ея порчѣ, и тѣмъ, если

не теоретически, то практически, опредѣлило ея значеніе вѣсомъ *чистаго* металла. Но какъ предубѣжденіе противу монетъ неизвѣстнаго вида, на практикѣ, осталось; кромѣ того, народныя массы не могутъ изучать виды монетъ иностранныхъ, — опредѣлять же достоинство ихъ и вѣсъ въ практическихъ сдѣлкахъ затруднительно; и какъ къ сущности значенія стоимости монетъ какъ знаковъ, выражающихъ нормальную величину, присоединилось еще вліяніе перевода суммъ по мѣсту ихъ платежа и кредита во всемъ его обширномъ мыслѣ, выражаемомъ денежными бумагами; то въ практической, торговой дѣятельности осталось требованіе того или другаго знака монетъ по ходу торговли; стало быть должно было остаться и курсовое значеніе этихъ знаковъ, соотвѣтственно ихъ требованію и возможности это требованіе удовлетворить. Такъ что и до сихъ поръ, можно сказать, что самый знакъ монеты, или по крайней мѣрѣ его фиктивное представленіе, независимо отъ его матеріальной стоимости, имѣетъ значеніе товара, — зависящаго отъ количества спроса и предложенія этого знака, которымъ объусловливается его относительная цѣна или *курсъ*.

Мы за тѣмъ опредѣлили уже курсъ монеты разностію между тою цѣною, которую она должна была бы имѣть по переводу, т. е. по сравненію вѣса и достоинства своего металла съ вѣсомъ и достоинствомъ металла другихъ монетъ, и тою, которую за нее даютъ; слѣдовательно *курсъ* есть разность между

нормальною стоимостію монеты и ея дѣйствительной цѣной въ данную минуту.

Въ этомъ отношеніи значеніе курса знака монеты примѣнимо ко всякой стоимости, при выраженіи ея опредѣленной цѣной; о чемъ впрочемъ мы уже замѣчали, говоря, что знакъ монеты, становясь товаромъ, подчиняется и всѣмъ законамъ опредѣленія своей цѣны. Стоимость металла въ знакѣ монеты есть стоимость матеріальная, т. е. стоимость, зависящая отъ ея внутренняго существа, которую всякій предметъ, по существу своему, имѣетъ; курсъ — есть разность между этой матеріальной стоимостію и стоимостію относительной, по спросу и предложенію, или, такъ какъ относительная стоимость эта въ металлахъ приводится къ самой себѣ, то — ихъ дѣйствительной цѣной.

Разсматривая теорію цѣны, мы указывали на значеніе матеріальной стоимости въ разсужденіи стоимости относительной, объясняя что стоимость матеріальная представляетъ какъ бы уравнителя цѣны предмета, представляя его нормальное значеніе, тоже самое замѣтили мы здѣсь, указывая на нормальное значеніе металла въ монетѣ, и свойство курса стремиться къ относительному, съ этимъ значеніемъ стоимости металла, равновѣсію.

Обратимся къ приведенной нами формулѣ торговаго баланса: $a = b \pm \frac{x}{s}$ и положимъ что a, т. е. стоимость привоза заключается изъ нѣсколькихъ

предметовъ, положимъ c, d, e и проч., ограничимся этими тремя; положимъ также, что b стоимость вывоза тоже состоитъ изъ нѣсколькихъ предметовъ f, g, h и проч. и что a больше b. Изъ этихъ условій мы будемъ имѣть:

$$c+d+e=f+g+h+\frac{x}{s}$$

Разсматривая это уравненіе и принимая во вниманіе, что обѣ части его представляютъ сумму опредѣленныхъ стоимостей, мы замѣчаемъ, что въ каждой части уравненія, если одна какая нибудь величина увеличивается, то другія должны уменьшаться; если же, другія, кромѣ одной, остаются тѣ же, то эта послѣдняя должна уменьшаться ровно на столько, на сколько первая величина увеличивается. То есть, положимъ, что въ нашей формулѣ, при неизмѣнности величинъ привоза и стоимостей g и h вывоза, — увеличивается f. Ясно должна уменьшиться величина $\frac{x}{s}$; т. е. должна представлять меньшее число монетъ, требуемыхъ для приплаты за привозъ. А если требуется монетъ меньше для приплаты, то курсъ ихъ долженъ возвышаться. На этомъ основаніи слѣдуетъ заключить, что увеличеніе требованія какого либо предмета, представляющаго вывозъ, всегда возвышаетъ курсъ монетъ страны, изъ которой вывозъ производится. Но вывозъ какого либо предмета обусловливается его цѣной. Положимъ напр., что f представляетъ намъ сало, вывозимое изъ Россіи, которой балансъ выра-

жается вышеприведенной формулой; ясно, чтобы сало было требуемо напр. въ Лондонъ, цѣна его, съ провозомъ до Лондона, должна быть ниже Лондонской цѣны. Положимъ цѣна сала въ Лондонѣ, по отношенію его требованія къ требованію другихъ стоимостей, выражается $6^1/_2$ фунтами стерлинговъ за русскій берковецъ. Ясно, что если въ Петербургѣ, цѣна его, вмѣстѣ съ фрахтомъ до Лондона, страхомъ доставки и другими расходами, ниже этой нормы, то оно будетъ требоваться въ Лондонъ, до тѣхъ поръ, пока цѣна эта, относительно, не уравняется количествомъ привоза.

Отсюда слѣдуетъ, что значеніе курса уравновѣшивается цѣной всякаго товара, требуемаго къ вывозу. Принимая въ основаніе, что металлъ представляетъ тоже товаръ, который требуется только по непремѣнному значенію его стоимости относительно другихъ товаровъ, слѣдуетъ заключить, что между тѣмъ, какую представляетъ выгоду вывозъ металла, противу вывоза другаго товара, для покрытія разности баланса, производится въ торговлѣ сравненіе, и вывозится тотъ предметъ, который представляетъ своимъ вывозомъ бо̀льшій интересъ.

Оно ясно: если сало напр. въ Петербургѣ .такъ дешево, что оно, съ привозомъ въ Лондонъ, обойдется не выше 5 фунтовъ стерлинговъ за русскій берковецъ, то естественно, что Англичане не будутъ требовать приплаты за привозимый ими товаръ металломъ, а станутъ, на остающіяся у нихъ русскія деньги,

требовать сала f; а отъ того будетъ уменьшаться величина x и подниматься русскій курсъ. Торговля расчитаетъ, что, вывозя металлъ, она можетъ получить не болѣе какъ его нормальную стоимость въ Англіи, т. е. положимъ 100 рубл. представляющихъ 421 золот. или 4 фунт. 37 зол. чистаго металла. Эти 4 ф. 37 зол. выразятся съ небольшимъ 16-ю фунтами стерл., изъ которыхъ слѣдуетъ еще вычесть перевозъ монетъ и ихъ переливъ; тогда какъ сало, стоимостію на эти 100 р. представляя, съ цѣною привоза, — въ привозѣ 3 берковца 4 пуда сала — будетъ представлять для Лондонскаго жителя, по условіямъ приведенныхъ цѣнъ, стоимость неменьшую 21 фунт. стерл., т. е. представитъ не менѣе 4 фунт. чистой выгоды противу привоза изъ Россіи металла.

А при такой преміи въ вывозной цѣнѣ, не можетъ быть, чтобы, безъ особыхъ условій, кто нибудь потребовалъ бы металла; напротивъ всѣ будутъ требовать того предмета, который выгоднѣе, до тѣхъ поръ, пока эти требованія, съ одной стороны, не возвысятъ цѣну его въ Петербургѣ, съ другой не уменьшать её въ Лондонѣ, до того, что разность цѣнъ между вывозомъ металла и даннаго предмета придетъ въ совершенное равновѣсіе, такъ что вывозъ этого предмета будетъ представлять ту же нормальную разность, представляющую только торговый процентъ, какъ и вывозъ металла.

За тѣмъ, когда норма цѣнъ всѣхъ предметовъ уравняется, то разность привоза и вывоза должна

опять покрываться чистымъ металломъ, по его вѣсу. Но какъ металлъ предлагается въ монетѣ той страны, которая производитъ приплату, а нуженъ онъ въ монетѣ той страны, которая производитъ излишекъ отпуска, то, ясно, должно опять послѣдовать паденіе курса тѣхъ монетъ, которыя предлагаютъ и которыхъ не нужно, противу тѣхъ, которыя нужны и которыхъ нѣтъ. Но это паденіе курса однихъ монетъ и возвышеніе курса другихъ, ясно, должно ограничиваться, — какъ мы объясняли подробно, во первыхъ паденіемъ цѣнъ на всѣ предметы страны, откуда увозится металлъ, и во вторыхъ, самою матеріальною стоимостію металла, на томъ основаніи, на которомъ ограничиваетъ паденіе и возвышеніе курса цѣна сала, или другаго предмета, получившаго преимущественный вывозъ. Слѣдовательно, стоимость вѣса металла уравновѣшиваетъ колебаніе курса и какъ матеріальная стоимость, которая уравновѣшиваетъ колебаніе цѣны всякаго предмета, и какъ представитель цѣны положительнаго товара, уравновѣшивающій курсовое значеніе монетныхъ знаковъ. И то и другое значеніе стоимости вѣса чистаго металла, по отношенію къ курсу, объусловливается возможностію, изъ знаковъ монеты какой бы то ни было системы получить чистый металлъ, изъ котораго, въ свою очередь, можно получить монеты другой системы.

Слѣдовательно паденіе курса, при свободномъ вывозѣ знаковъ монеты и отсутствіи другихъ причинъ,

которыя бы на размѣръ этого паденія имѣли вліяніе, — должно ограничиваться предѣлами стоимости перелива монеты въ металлъ и обратно въ монету, и стоимости перевозки металла. Если напр. серебряный русскій рубль равняется 3 ш. 2 пенс. по вѣсу и достоинству металла, а переливъ рубля въ шиллинги стоитъ не болѣе 3 пенс., то, считая одинъ или два пенса расхода на привозъ и хлопоты, русскій серебряный рубль не можетъ по курсу стоить менѣе 33 пенс., какова бы ни была разность баланса, т. е. какова бы ни была величина $\frac{x}{s}$, которая уравниваетъ балансъ. Разумѣется, мы говоримъ о томъ случаѣ, когда ни вывозъ металла, ни полученіе его не встрѣчаетъ затрудненія. Точно тоже слѣдуетъ сказать и о шиллингахъ. Если 38 пенсовъ, по переводу, стоятъ рубль, а перевозъ и переливъ ихъ не превышаетъ 5 пенс., то курсъ рубля не можетъ быть выше 43 пенс. — Число 33 пенс. и 43 пенс., представляя крайніе предѣлы, возвышенія и паденія курса рубля, относительно шиллинговъ, при свободномъ обращеніи металла, ясно, опредѣляютъ собою размѣръ относительности биржевой цѣны на всѣ стоимости взаимнаго обмѣна между Англіей и Россіей, въ нормальныхъ границахъ, которыя курсомъ обозначаются. При высокомъ курсѣ рубля, разумѣется, иностранцы не могутъ платить той цѣны за товаръ, какую они платятъ при низкомъ курсѣ, потому что излишекъ цѣны, означаемой въ рубляхъ,

при низкомъ курсѣ, вознаграждается для нихъ низкой цѣной самого рубля; а при высокой цѣнѣ рубля, они высокую цѣну товара въ рубляхъ должны еще пополнять разностію, которая, по высотѣ курса рубля, между рублемъ и ихъ монетою существуетъ. Но этотъ высокій курсъ и это паденіе его, мы сказали, ограничиваются опредѣленными и указанными нами предѣлами, представляющими нормальное значеніе стоимости металла. Ясно, что и цѣна, въ своемъ колебаніи, должна на эти же предѣлы опираться.

Всякій предметъ, по требованію его, будетъ возвышаться въ цѣнѣ, до тѣхъ поръ, пока возвышеніе его цѣны не дойдетъ до предѣла, далѣе котораго идти нельзя, потому что выгоднѣе уже будетъ вывозить металлъ, и на оборотъ. Всё это имѣетъ мѣсто, мы повторяемъ, при свободномъ обращеніи всѣхъ предметовъ и свободномъ же вывозѣ металла.

Если вывозъ металла не свободенъ, а встрѣчаетъ какое либо затрудненіе, то, ясно, это затрудненіе должно означиться въ крайнихъ предѣлахъ курса и въ цѣнѣ товаровъ. Положимъ напр. что при вывозѣ металла, въ какомъ бы то ни было видѣ, нужно было платить 10% пошлины. Стоимость рублей въ Лондонѣ должна, ясно, на 10% возвыситься, за то стоимость рублей въ Россіи должна на 10% упасть. Вывозя 100 руб. Англичанинъ будутъ имѣть только 90; слѣдовательно, за свои 380 шил. нормальной цѣны, чтобы не быть въ убыткѣ, Англичане не могутъ брать *ста* рублей, даже при равновѣсіи курса по переводу, а

должны просить 111 р. Если же курсъ рубля ниже нормы, то 10% пошлины должны, сообразно съ пониженіемъ, понизить его еще. Соотвѣтственно тому должны измѣниться и цѣны товаровъ, которыя въ рубляхъ будутъ выше, чѣмъ были до установленія такой пошлины, но, по низкому курсу рублей, въ шиллингахъ — должны быть ниже. Всякое другое затрудненіе въ вывозѣ металла подходитъ подъ этотъ же видъ обложенія металла пошлиной. Оно выразится, соотвѣтственнымъ стоимости затрудненія, паденіемъ курса той монеты, вывозъ которой сопряженъ съ пошлиною или другими затрудненіями, которыя, соотвѣтственно своему значенію, распространятъ и предѣлы, между которыми колебаніе курса производится. Воспрещеніе вывоза металла вовсе, если оно не можетъ быть парализовано тайнымъ вывозомъ, роняетъ также курсъ, слѣдовательно и относительную цѣну товаровъ, до той степени, которая бы, въ общей сложности, представляла сумму, достаточную для покрытія разности, существующую въ балансѣ.

Положимъ напр., что формула, приведенная нами

$$c+d+e=f+g+h+\frac{x}{s}$$

получитъ то условіе, что вывозъ металла не допущается, и потому величина $\frac{x}{s}$ должна быть равна 0. Ясно, что за тѣмъ, величины f, g и h, представляющія стоимости отвоза, должны увеличиться на

столько, чтобы, всѣ вмѣстѣ, могли уничтоженную величину стоимости отвозимаго металла замѣнить; или, если другія стоимости остаются безъ измѣненія, то одна изъ нихъ, напр. f, должна будетъ представлять изъ себя величину, равную прежней своей величинѣ, вмѣстѣ съ стоимостію $\frac{x}{s}$. Если таковаго увеличенія отпуска товара сдѣлано быть не можетъ, по отсутствію требованія на него, то, ясно, цѣна этихъ товаровъ, въ выраженіи чужестранной монеты, должна падать, до тѣхъ поръ, пока дешевизна ихъ не возбудитъ потребленія. А какъ товары опредѣляются въ цѣнѣ монетами своей системы, то будетъ падать курсъ монетъ этой системы, до тѣхъ поръ, пока балансъ не приведется въ равновѣсіе возвышеніемъ цѣны привозимыхъ предметовъ, и пониженіемъ отвозимыхъ.

Изъ этихъ разсужденій можно заключить, что отношеніе между всею стоимостію вывоза и всею стоимостію привоза, если разность не можетъ быть покрываема вывозомъ металла, создаетъ обратную пропорцію курса монетныхъ системъ, по коимъ привозъ и вывозъ расчитывается.

Для объясненія своей мысли, положимъ, что напр. привозъ въ Россію изъ Англіи представлялъ бы стоимость 100 т. р., а вывозъ въ Англію только 75 т.; покрыть разность между привозомъ и вывозомъ стоимостей металла было бы, почему либо, невозможно, курсъ русскаго рубля, вмѣсто нормальныхъ

38½ пенсовъ, представлялъ бы только 28.9 пенса, т. е. на 25% былъ ниже нормы, и т. д. Если же, выпускъ металла былъ бы не невозможенъ вовсе, а затруднялся только частію, то это затрудненіе, ясно, должно бы было отразиться на курсѣ въ соотвѣтственной степени; равно какъ и могущее послѣдовать увеличеніе или уменьшеніе требованія того или другаго товара.

Къ тому же заключенію приводитъ насъ и разсмотрѣніе сравнительныхъ цѣнъ товаровъ, при условіяхъ нами означенныхъ.

Положимъ что Англія доставила бы въ Россію какіе либо предметы — машины, что ли, — на сумму 100 т. фунт. стерл., и что этою доставкою ограничивается весь привозъ изъ нея. Понятно, что эта сумма привоза въ 100 т. фунт. стерл. должна быть покрыта, со стороны Россіи, отпускомъ соотвѣтственныхъ стоимостей, или количествомъ чистаго металла, т. е. числомъ рублей, которое данное количество металла въ себѣ содержитъ. Но положимъ, что изъ Россіи не допускалось бы вывоза металла ни въ какомъ случаѣ; и что возможенъ былъ бы къ вывозу — для покрытія заграничныхъ платежей, только одинъ предметъ, — *сало*, которое продавалось бы, въ это время, на Петербургской биржѣ по 45 руб. за берк. Ясно, что если сало, въ это время, въ Лондонѣ продается по цѣнѣ не выше 6½ фунт. стерл. за берк. то, считая что ½ ф. ст. на берковецъ должно идти на расходы по доставкѣ сала изъ Петербурга въ Лон-

донъ, страховкѣ его, фракту и проч. для покрытія въ Лондонѣ 100 т. фунт. стерл. нужно было бы доставить его до 17 т. берковцевъ. Эти 17 т. по Петербургской цѣнѣ стоили бы въ это время, какъ мы предположили, — 765 т. рубл. Слѣдовательно каждый фунтъ стерл., при означенныхъ условіяхъ, соотвѣтствовалъ бы 7 р. 65 к., вмѣсто нормальнаго курса 6 р. 25 коп., а курсъ рубля, въ это время, былъ бы не выше 31½ пенс. вмѣсто нормальныхъ 38½ пенс. Если же бы цѣна сала въ Лондонѣ была только въ 6 фунт. стерл. берковецъ, при тѣхъ же условіяхъ, то курсъ рубля, на основаніи того же расчета былъ бы не выше 30 пенс., и т. д.

Изъ всего сказаннаго нами читатель можетъ уже заключить о той относительности между курсомъ и цѣнами товаровъ, которая существуетъ въ международномъ обмѣнѣ; соотвѣтственно требованіямъ жизни и законодательству въ обѣихъ странахъ, относительно передвиженія различныхъ товаровъ и металла. Эта относительность создаетъ курсовое значеніе монетныхъ системъ, которыми обмѣниваемые товары, каждый въ своей, выражаются. Потому, ясно, что все, что имѣетъ какое нибудь вліяніе на ходъ торговли, на возвышеніе выраженія стоимости, или на возможность и удобство обмѣна, — все это должно отражаться въ значеніи курса, который становится указателемъ, или именно, какъ мы выразились, барометромъ состоянія того экономическаго устройства, которое какая либо стра-

на имѣетъ. Приведенное нами здѣсь разсмотрѣніе относительности курса, изложенное, только въ примѣненіи къ выраженію его исключительно въ денежныхъ знакахъ металлической монеты, разумѣется, не охватываетъ всѣхъ явленій курсоваго движенія на биржѣ. Но мы уже говорили о томъ вліяніи, которое на курсъ имѣютъ кредитъ и условныя цѣнности, и говорили, что подробное обозрѣніе этихъ явленій должно быть отнесено къ тому отдѣлу этого сочиненія, которое будетъ указывать на сущность кредита и значеніе денежныхъ бумагъ.

Теперь мы должны обратиться къ вопросамъ практической жизни, которые колебаніе курса собою производитъ. Разъясненіе этихъ вопросовъ и обсужденіе ихъ дастъ намъ возможность болѣе усвоить свойства курсоваго значенія монетъ, и ту относительность выраженія стоимостей въ монетныхъ знакахъ, которая, въ разсужденіи сравненія одного съ другимъ, представляетъ новый видъ сравнительнаго выраженія; почему мы и не полагаемъ, чтобы кто нибудь призналъ таковое разъясненіе излишнимъ.

Мы уже видѣли, что курсъ, происходя отъ спроса и предложенія какого либо знака монеты, подчиняется вполнѣ коммерческому движенію, которое собою означаетъ. Слѣдовательно, ясно, онъ находится подъ вліяніемъ минуты. Измѣняются требованія, предложеніе, условія жизни, — соообразно съ этимъ измѣняется и курсъ; а такое измѣненіе не можетъ не представлять нѣкоторой запутанности въ расчетахъ.

Положимъ напр., что кто нибудь изъ русскихъ занялъ 500 прусскихъ талеровъ. Достоинство этихъ талеровъ, по вѣсу металла, равняется 0.93 русскаго рубля или 93 коп.; заемъ, положимъ былъ бы сдѣланъ безъ процентовъ. Сколько занявшій долженъ уплатить рублей?

Отвѣтъ простъ: менѣе 500 р., потому что талеръ менѣе рубля! Но въ то время, когда заемъ совершался, талеръ, по курсу, стоилъ ровно 1 р., такъ что 500 тал. долга равнялись 500 рублямъ и, то, что можно было купить на 500 р., можно было купить и на 500 талеровъ. За что же заимодавецъ, получая менѣе 500 р., явно получитъ менѣе того, что давалъ? Потомъ, когда наступилъ срокъ платежа, талеръ поднялся еще: долженъ ли заимодавецъ платить дороже 500 руб.? Положимъ долженъ! Онъ занялъ талеры, и долженъ отдать талеры, сколько бы они не стоили рублей. Но положимъ, что занимавшій въ срокъ не заплатилъ, а талеръ поднимался выше и выше и стоилъ послѣдовательно, 1 р. 20 к. 1 р. 25 к. 1 р. 30 к., потомъ вдругъ упалъ на 90 коп. Слѣдуетъ ли принять отъ должника 500 т. по тому курсу, который стоялъ въ день срока, или по тому, который былъ въ то время, когда занималъ, или, наконецъ, по высшему курсу со дня срока до самой уплаты; такъ какъ можно предполагать, что кредиторъ, получивъ талеры, могъ обратить ихъ въ рубли при высокомъ курсѣ?

Если принять за правило, что чѣмъ занялъ, тѣмъ

и отдай, и допустить платежъ талерами въ то время когда курсъ упалъ, тогда какъ въ день срока платежа онъ стоялъ высоко, ясно, всѣ должники, вопреки справедливости, будутъ ожидать, для платежа, паденія курса, и тѣмъ, ясно, будутъ подрывать кредиторовъ, такъ что, можно сказать, кредиторы будутъ во власти должниковъ. Если допустить платежъ по курсу дня, въ который совершенъ заемъ, то послѣдуетъ остановка всякой сдѣлки, въ опасеніи паденія или возвышенія курса; можно сказать кредиторы и должники будутъ бояться другъ друга. Если же заставить платить по высшему курсу послѣ срока платежа, на приведенномъ выше основаніи, что кредиторъ, получивъ талеры, могъ ихъ продать при высокомъ курсѣ, то значитъ, предоставить заемщиковъ во власть кредиторовъ, и заставить ихъ платить не только за то что было, но и за то чего не было, а только могло быть. Положимъ кредиторъ могъ продать, но могъ и не продать; какъ же заставить ему платить вознагражденіе не за дѣйствительный, а только за воображаемый убытокъ? Не все ли это равно, что заставить платить за раздавленную курицу десятки тысячь, основываясь на расчетѣ, что курица могла дать столько то яицъ и высидѣть столько то цыплятъ, которыя въ свою очередь, ставши курицами, давали бы яйца и высиживали бы цыплятъ, и т. д.? Но вѣдь всѣ эти три положенія курса, въ практической дѣятельности, имѣютъ можно сказать ежедневное примѣненіе и

возбуждаютъ тысячи частныхъ случаевъ, которыхъ разрѣшеніе, и досихъ поръ, скорѣе основано на обычаѣ, чѣмъ на юридическомъ сознаніи справедливости основаній, на которыхъ оно опирается.

Весьма важенъ юридическій вопросъ о возвратѣ какой либо собственности, захваченной въ давнее время, насиліемъ или произволомъ, когда законъ, хоть и черезъ продолжительный періодъ времени, эти права возстановляетъ. Порча монетъ, нами указанная, и относительность значенія монеты въ разное время, совершенно уничтожаютъ *показаніе счета*, и юстиція должна основаться на болѣе точныхъ данныхъ, чѣмъ простой счетъ монетъ. Положимъ, что кто нибудь, въ 1350 году, захватилъ бы у другаго 150 копъ. Дѣло объ этомъ захватѣ тянулось бы изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и наконецъ, положимъ, въ 1650 году, т. е. черезъ триста лѣтъ, было бы опредѣлено, что наслѣдники виновнаго должны возвратить захваченное, разумѣется, съ законными процентами.

Мы, разумѣется, взяли случай крайній, почти невозможный; но намъ, въ такомъ примѣрѣ, рѣзче бросается въ глаза разность цифръ, которая можетъ происходить отъ разности взгляда на исчисленіе. Во первыхъ: какъ велика была сумма, захваченная неправильно? Если основаться на счетѣ монетъ, объявивъ сумму эту въ 150 копъ, то послѣдуетъ явная несправедливость. Копа въ 1350 году, по вѣсу чистаго металла, соотвѣтствовала нынѣшнимъ

11 рублямъ, слѣдовательно, вѣсомъ металла, представляла сумму 1650 руб.; а въ 1651 году копа, имѣя вѣсу не болѣе 16 граммъ, едва представляла 90 коп.; такъ что, вся захваченная сумма, по счету копъ, не превышала 135 руб. Представьте себѣ разность этихъ суммъ, если принять ихъ въ основаніе, при исчисленіи процентовъ и рекамбій за 300 лѣтъ, и сдѣлать полный расчетъ вознагражденія за убытки. Разность эта представитъ громадное состояніе.

Если постановить, что возвратъ долженъ происходить по вѣсу и достоинству металла, такъ какъ сущность стоимости монетъ заключается въ металлѣ, то послѣдуетъ опять несправедливость, по относительности цѣны металла.

Положимъ, что металлъ, въ то время, когда былъ произведенъ захватъ, стоилъ весьма дорого, какимъ же образомъ вознаградить сдѣланный захватъ тѣмъ же его количествомъ, когда онъ дешевъ, или на оборотъ?

Положимъ въ Испаніи, кто нибудь захватилъ бы нѣсколько сотъ дублоновъ, во время открытія Америки, когда золото дублоновъ стоило нѣсколько бутылокъ водки, проданной потомкамъ солнца въ Перу. Какъ же требовать возврата этого количества золота теперь, когда въ Испаніи можно за эти нѣсколько сотенъ дублоновъ купить цѣлое имѣніе?

Или, возможно ли, заставить уплачивать количество золота, которое несправедливо было захвачено,

при открытіи рудниковъ въ знаменитой долинѣ Сакременто, когда даже трудъ носильщика вознаграждался горстями золотаго песка, тѣмъ же количествомъ золота, хоть въ Петербургѣ?

Ясно, что вопросы эти требуютъ разрѣшенія юриспруденціи, на основаніи относительности цѣны, и не могутъ быть разрѣшены ни указаніями счета, ни указаніями вѣса. Мѣсто и время, въ которомъ былъ произведенъ захватъ, и та относительность цѣны, которую имѣлъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время металлъ, должны, можно сказать, составлять основаніе опредѣленія ущерба, производимаго захватомъ, потомъ, можно уже принимать во вниманіе и относительное достоинство монеты. Между тѣмъ, юриспруденція цѣлаго міра вовсе не обращала, или почти не обращала вниманія на эти вопросы, хотя они, — разумѣется въ болѣе короткіе сроки и не въ столь рѣзкихъ цифрахъ, какъ въ приведенныхъ нами примѣрахъ, можно сказать, ежедневно, встрѣчаются въ жизни. Никакой юристъ не приговоритъ къ возврату напр. хлѣба, мѣрою самого хлѣба въ голодный годъ; потому что всякій сознаетъ, что большая разница возвращать хлѣбъ тогда, когда на мѣстныхъ рынкахъ ему почти нѣтъ сбыта, когда онъ стоитъ напр. 3 р. за четверть, или тогда когда цѣна его возвысилась до возможности, хлѣба почти нѣтъ въ продажѣ, и купить его можно напр. не дешевле какъ 40 р. за четверть. Никакой юристъ не приговоритъ къ подобному платежу, говоримъ мы,

между тѣмъ, почти ежедневно, встрѣчаются приговоры къ платежу столькихъ то талеровъ или рублей, безъ всякаго соображенія съ ихъ дѣйствительною стоимостію въ данное время и относительностію ихъ значенія. Цѣна монеты имѣетъ точно тоже свойство относительности, по сравненію, какъ и всякая другая стоимость, потому, при опредѣленіи цифры, означающей цѣну вознагражденія, всегда слѣдуетъ принимать ея относительное значеніе, то есть ея дѣйствительную стоимость или ея *сравнительный* курсъ. Мы употребляемъ здѣсь слово сравнительный, для обозначенія, что этотъ курсъ долженъ приниматься не только по отношенію цѣны монеты къ монетамъ другихъ системъ, но и по сравненію ея стоимости съ стоимостями другихъ предметовъ. И это замѣчаніе наше передаемъ на обсужденіе всѣхъ юристовъ на свѣтѣ, на тотъ конецъ, не признаетъ ли кто справедливымъ подвергнуть приведенныя замѣчанія ближайшему разсмотрѣнію.

Указаніе относительности цѣны монеты, кромѣ юридическаго, имѣетъ еще и практическое значеніе, которое исходитъ изъ неяснаго сознанія курса, его причинъ и его послѣдствій.

Русскіе, при отъѣздахъ за границу, когда вывозъ ассигнацій былъ воспрещенъ, постоянно желали имѣть золото, не довольствуясь переводами по курсу. То золото, которое они получали за нормальную цѣну, разумѣется доставляло имъ выгоду, на оборотъ то, которое они покупали по курсу ассигна-

ціонныхъ рублей, ясно, должно было приносить убытокъ, потому что, кромѣ большихъ центровъ, гдѣ русское золото могло приниматься по вѣсу металла, оно ходило только по общему курсу русскаго рубля. А какъ общій курсъ заключалъ въ себѣ курсъ ассигнаціонный, т. е. тотъ самый курсъ, который, покупая золотыя монеты на ассигнаціи, русскіе уже оплатили, то, увозя золото, русскіе несли на немъ двойную потерю, — покупая золотые дорого и отдавая ихъ дешево. Но и этотъ вопросъ можетъ быть разсмотрѣнъ подробно и разъясненъ обстоятельно, тоже только послѣ подробнаго объясненія курса денежныхъ бумагъ и денежныхъ бумажныхъ знаковъ.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, практическія замѣшательства, производимыя курсомъ, и частные вопросы имъ возбуждаемые, мы должны, въ видѣ общаго свойства, замѣтить здѣсь курсовое значеніе монетъ въ приведенной нами формулѣ перевода одной системы на другую. Формула эта, дополненная значеніемъ курса, имѣетъ слѣдующій видъ:

$$x = \frac{bf'p'}{fp} \pm r$$

гдѣ, какъ мы говорили, x означаетъ тотъ родъ монеты на которую переводимъ, b количество монеты которую переводимъ счетомъ; f' и p' ея вѣсъ и пробу; а f и p вѣсъ и пробу монеты x; r означаетъ курсъ монетъ x противъ монетъ b, въ данное время,

т. е. ту разность въ цѣнѣ, на которую монета x больше или менѣе монеты b, противу того, на сколько она больше или меньше должна быть, по вѣсу и достоинству металла. Ясно, что величина эта положительная, когда курсъ x выше b, и отрицательная когда курсъ b выше курса x.

Изъ самой сущности величинъ, составляющихъ формулу, мы видимъ, что первый членъ выраженія, означающаго величину x, и составляющаго вторую часть формулы, — представляетъ количества имѣющія, въ разсужденіи x, постоянное значеніе, слѣдовательно, сообщающія и самому x постоянную величину; въ чемъ мы и имѣли случай убѣдиться, переводя выраженіе одной монеты на другую, по стоимости содержащагося въ нихъ металла, и указывая на то, что, по затруднительности таковаго перевода, онъ долженъ основываться на предварительно составленныхъ таблицахъ, которыя, разумѣется, могутъ представлять только опредѣленныя и постоянныя величины. Второй же членъ этого выраженія r представляетъ величину измѣняющуюся, слѣдовательно подвергаетъ такому же измѣненію и x, численная величина котораго будетъ измѣняться, соотвѣтственно измѣненію, производимому въ величинѣ r — т. е. курсѣ.

Эта формула представляетъ осязательно то наше замѣчаніе, что курсъ монетъ совпадаетъ съ значеніемъ монеты по вѣсу и достоинству металла, увеличивая или уменьшая ея стоимость торговыми

требованіями и состояніемъ биржи; подобно тому, какъ и вообще цѣна предметовъ опредѣляется требованіями биржи, по отношенію ихъ къ матеріальной стоимости предметовъ. А за тѣмъ, непостоянство курса, подчиняющагося торговымъ требованіямъ, ясно, должно производить колебаніе въ сравнительной стоимости одной монетной системы относительно другой; смотря потому, которая изъ монетныхъ системъ получаетъ передъ другими преимущество; а за тѣмъ, — колебаніе и въ сравнительной цѣнности другихъ стоимостей, выражаемыхъ различными монетными системами.

Такое колебаніе, понятно, не можетъ представлять точности и правильности выраженія оцѣнки стоимостей, и мы, отстраняя даже идею о возможности *порчи* монеты, должны при этомъ указать, что взаимное сношеніе какихъ либо странъ, въ счетѣ монеты, выражается *курсомъ;* и что этотъ курсъ, представляя разность въ цѣнѣ монетныхъ системъ разныхъ народовъ, и основываясь, *во первыхъ*, на экономическомъ устройствѣ быта каждой страны, создающемъ торговыя ея требованія, и *во вторыхъ* на условіяхъ ихъ взаимнаго сношенія и обмѣна, означаетъ и дѣйствительное значеніе ихъ монетныхъ системъ, по относительному сравненію стоимостей.

Но все, что мы здѣсь говорили, относится до указанія сравнительнаго значенія монетныхъ системъ, по торговымъ требованіямъ взаимныхъ сношеній, только между двумя странами, когда курсъ

монетъ одной страны опредѣляетъ курсъ другой, условіями, по которымъ сношенія ихъ производятся. Но какъ дѣйствительная жизнь представляетъ сношеніе не только двухъ, но многихъ странъ, которыя, въ свою очередь, имѣютъ сношеніе между собою, то значеніе курса, между сношеніями каждыхъ двухъ странъ, образуетъ новое явленіе, называемое *арбитражемъ*, который непосредственно, изъ явленій курса исходитъ.

Подъ словомъ *арбитража* разумѣютъ собственно разность, производимую указаніями сравнительныхъ курсовъ, для полученія дѣйствительнаго или правильнаго, слѣдовательно и выгоднѣйшаго курса какой либо системы.

Положимъ напр. курсъ Петербурга на Лондонъ представляетъ стоимость 1 р. въ 34 пенса; на Гамбургъ 32 шил., а на Парижъ 363 сантима. Ясно, что между этими указаніями курсоваго значенія рубля, относительно различныхъ системъ, заключается сближеніе, заключается вопросъ: а какой курсъ Лондона на Петербургъ, Парижъ и Гамбургъ; Парижа на Лондонъ, Гамбургъ и Петербургъ, и Гамбурга на Петербургъ, Парижъ и Лондонъ? Ясно, что курсъ Лондона на Петербургъ, безъ особаго какого либо обстоятельства, долженъ представлять тѣ же 34 пенс. за рубль; но если онъ, въ тоже время, представляетъ 25 франковъ за фунтъ на Парижъ, и Парижъ представляетъ обратно курсъ 25 франковъ за фунтъ на Лондонъ, то ясно, что, по переводѣ рубля на Парижъ

въ 363 сант. и переводѣ этихъ сантимовъ на Лондонъ въ шиллингахъ, русскій рубль получаетъ премію, почти въ 1 пенсъ на каждый рубль, противъ простаго перевода рубля на пенсы. Если мы примемъ при этомъ во вниманіе и взаимные курсы на Берлинъ и Гамбургъ — Лондона и Парижа, а также и другихъ странъ, которыя имѣютъ отношеніе съ Петербургомъ, и взаимное курсовое значеніе монетныхъ системъ которыхъ опредѣлилось взаимными сношеніями, — то, ясно, мы можемъ найти ту величину, которая, по взаимному переводу монетъ, представляетъ возможно близкое число къ отношенію дѣйствительной стоимости монетъ, по стоимости ихъ металла. Эта разность, указывающая выгоднѣйшій переводъ какой либо монетной системы противу прямаго курса ея монетъ на другую систему, и есть арбитражъ данной монеты, по указанію мѣста, черезъ которое таковый арбитражъ происходитъ.

Происхожденіе арбитража тѣсно совпадаетъ съ началомъ курса и торговыми требованіями того или другаго вида монетъ, которыя изъ самаго движенія торговли должны происходить. Начало его заключается въ томъ указаніи, которое сдѣлали мы въ примѣрѣ торговли Венеціи и Голландіи, предположивъ, что требованія первой происходятъ весной, а требованія второй осенью; отчего должно было послѣдовать колебаніе курса монетъ, даже при равенствѣ баланса. Естественная разность отношеній между разными странами, которыхъ производитель

ность, жизнь, частный бытъ народа, условія обмѣна и законодательство совершенно различны, должна представлять разность и выраженія, при ихъ взаимномъ сношеніи. Еслибы напр. Венеція, покупая у Голландіи лѣсъ, не отпускала бы ей отъ себя ничего, уплачивая стало быть за лѣсъ металломъ въ червонцахъ, а продавала бы пряности, положимъ, Ганзѣ, которая имѣла бы съ Голландіей непосредственное сношеніе уже отъ себя, — ясно, что курсъ червонца, высокій въ Венеціи, былъ бы низокъ въ Гамбургѣ и другихъ городахъ Ганзы, и производилъ бы арбитражъ Венеціи черезъ нихъ на Амстердамъ. Явленіе это, совершенно естественно, исходитъ изъ посредствующаго сношенія странъ, имѣющихъ и взаимное непосредственное отношеніе. Равнымъ образомъ, оно совпадаетъ и съ тѣмъ положеніемъ, исходящимъ изъ особыхъ обстоятельствъ, когда напр. за русскій рубль даютъ въ Петерб. 34 пенса, а въ Лондонѣ не даютъ 33-хъ. Практическія условія обмѣна, политическія ожиданія, увеличивающаяся потребность въ чемъ либо, особенно при неожиданности обстоятельствъ, таковую потребность производящихъ, ясно, должны производить подобныя колебанія въ выраженіи стоимостей по разнымъ монетнымъ системамъ, которыя, въ явленіяхъ курса и арбитража, обозначаются разностію цѣнъ стоимостей, особенно когда эти стоимости представляютъ условное передвиженіе, т. е. такого рода передвиженіе, которое сопряжено съ опредѣленными

затрудненіями практическихъ требованій или законодательства. Съ тѣмъ вмѣстѣ, нельзя не признать ту затруднительность, которая должна происходить въ приведеніи коммерческихъ соображеній въ относительную правильность, посредствомъ исчисленія той поправки курса, которую указываетъ только сближеніе разныхъ курсовыхъ значеній монетъ, между всѣми странами, имѣющими между собою взаимное сношеніе.

Но какъ ни затруднительны всѣ показанныя исчисленія колебаній, которыя производятся въ значеніи выраженій стоимостей въ монетныхъ системахъ разныхъ странъ; какъ ни затруднителенъ переводъ, по разности, принимаемыхъ за основаніе, единицъ и порядка, въ которомъ единицы выражаются, какое не представляютъ затрудненіе ходу торговыхъ дѣлъ колебаніе курса и трудность исчисленія арбитража, по сравненіи курсоваго значенія всѣхъ единицъ выраженія, и какое не оказываютъ вліяніе въ совокупности эти затрудненія на взаимность международныхъ сношеній, — мы, въ самыхъ системахъ выраженія цѣнъ, не видимъ еще противорѣчія логическому понятію сравненія. Сложность перевода, коммерческія затрудненія, производимыя колебаніями курса, трудность исчисленія арбитража, и въ слѣдствіе того, общія колебанія въ значеніи выраженія, все это вмѣстѣ касается только практическаго опредѣленія цѣнности, практическаго расчета суммъ, подлежащихъ переводу съ одной монетной

системы на другую; самая же цѣна и сущность значенія монеты, для выраженія этой цѣны въ какой либо опредѣленной системѣ, остаются вѣрными смыслу своего логическаго опредѣленія, представляя собою полную логическую правильность и послѣдовательность. Если не скоро можно опредѣлить взаимное отношеніе между указаніями, что напр. такая то стоимость стоитъ въ Лондонѣ 15 шил., а такая то въ Петербургѣ 10 р., то только, единственно, по затруднительности опредѣленія курса и арбитража и трудности совокупнаго исчисленія означенныхъ данныхъ и перевода монеты; — разумѣется, въ зависимости также и отъ мѣстныхъ условій, производящихъ ту или другую цѣну. Если же мы эти условія опредѣлимъ, и скажемъ напр. что условія доставленія Петербургской стоимости въ Лондонъ составляютъ рубль; курсъ, вмѣстѣ съ арбитражемъ, — 6 пенс. къ переводной цѣнѣ, то, по исчисленію перевода рубля на шиллинги по достоинству металла, опредѣлимъ что стоимость, которая цѣною, какъ мы сказали, въ Петербургѣ 10 р., должна въ Лондонѣ выражаться $357^1/_2$ пенс., и потому относиться къ Лондонской стоимости, представляющей 180 пенсовъ, какъ $357^1/_2 : 180$.

Такимъ образомъ, монетныя системы, въ томъ видѣ какъ мы ихъ представили, должны давать совершенно правильный, хотя бы и сложный способъ выраженія всевозможныхъ стоимостей, въ какой угодно изъ монетныхъ системъ, и наша формула, которая представляла намъ переводъ выраженій одной

монеты на другую, дополненная значеніемъ арбитража, разумѣется съ означеніемъ той мѣстности, черезъ которую онъ можетъ производиться, — представитъ слѣдующій видъ:

$$x = \frac{bf'p'}{fp} + (r + a)$$

гдѣ a означаетъ арбитражъ, т. е. ту поправку курса, которая опредѣляется сравненіемъ курсовъ перевода черезъ различныя, имѣющія между собою сношеніе, мѣстности, и представляетъ величину положительную, когда она имѣетъ знакъ одинаковый съ r и отрицательную когда напротивъ.

По этой формулѣ, какъ ни было бы затруднительно практическое исчисленіе ея, выраженіе стоимостей въ различныхъ монетныхъ системахъ, въ соединеніи курсоваго значенія этихъ системъ, совершенно вѣрно логически; и представляетъ совершенно вѣрное и послѣдовательное означеніе цѣнъ, которое, въ выраженіи каждой системы, сохраняетъ одно и тоже — совершенно правильное отношеніе между всѣми стоимостями во всѣхъ монетныхъ системахъ.

Оно понятно! Ни въ необходимости перевода, ни въ курсѣ монеты, ни въ поправкѣ этого курса арбитражемъ, нѣтъ причины, для колебанія въ цѣнѣ какой-либо монеты одной системы, противу другой монеты *той* же системы. Напротивъ, пропорціональность отношенія каждой монеты къ другимъ монетамъ ея системы сохраняется и при переводѣ, и

при колебаніи курса, и при поправкахъ арбитража. Каждое выраженіе, совершенно правильно, заключаетъ въ себѣ пропорціональность монетъ каждой системы, и выражаетъ ее въ переводѣ на другую систему; потому что нѣтъ никакого противорѣчія въ сравненіи между собою приводимыхъ нами единицъ, которыя, по своей однородности, всегда могутъ быть между собою, совершенно правильно, сравниваемы. Онѣ, въ опредѣленной пропорціи, всегда могутъ замѣнить одна другую, представляя изъ себя какъ бы часть одна другой, хотя опредѣленіе отношенія этой части и можетъ быть весьма затруднительно. Но опять мы повторимъ, — какъ бы ни былъ сложенъ разсчетъ, по которому таковая замѣна могла быть произведена, все же этотъ разсчетъ вѣренъ математически; потому что, ясно, въ переводѣ по курсу и арбитражу нѣтъ причинъ, которыя бы пропорціональность выраженія между сравниваемыми монетами нарушали. Такъ напр., если четвертакъ стоилъ четверть рубля, то величина четвертака должна соотвѣтствовать четверти величины рубля, по какой бы системѣ мы ихъ не выражали, и какъ бы ни былъ сложенъ разсчетъ этого выраженія, по колебаніямъ курса и поправкамъ арбитража. Слѣдовательно, всякая величина, выраженная по своей стоимости въ одной системѣ, будучи переведена, помощію указанной нами формулы, на другую систему, сохраняетъ свою пропорціональность, въ разсужденіи всѣхъ другихъ величинъ, выражен-

ныхъ по той же системѣ, и всякая дробная ея часть или собирательное число будутъ представлять туже дробную часть и тоже собирательное число, выраженныя въ другой системѣ; и затѣмъ, всѣ подраздѣленія монеты одной системы получаютъ, посредствомъ той же формулы, соотвѣтственныя и пропорціональныя выраженія въ другой системѣ, такъ что напр. если:

$$x = \frac{bf'p'.}{fp} + (r+a)$$

то и

$$\frac{x}{2} = \frac{bf'p'}{2fp} + \frac{r+a}{2}$$

$$\frac{x}{4} = \frac{bf'p'}{4fp} + \frac{r+a}{4}$$

и $$\frac{x}{10} = \frac{bf'p'}{10fp} + \frac{r+a}{10}$$

И такъ далѣе, совершенно въ правильномъ и послѣдовательномъ порядкѣ, который однородность сравниваемыхъ величинъ и правильность принятыхъ выраженій перевода представляютъ.

Слѣдовательно, ни переводъ, ни курсъ монетъ, ни арбитражъ ихъ, въ самой даже сложности своего выраженія, не представляютъ противорѣчія логической послѣдовательности понятій, о свойствѣ монеты, какъ опредѣленной величины, стоимость которой принята за нормальную (по стоимости металла). Курсъ и арбитражъ измѣняютъ ея относительную стоимость пропорціональнымъ увеличеніемъ или умень-

шеніемъ, противу выраженія другихъ монетныхъ системамъ, не нарушая внутренней правильности самой системы, которая можетъ означать въ себѣ, съ совершенно математическою точностію, сравнительныя величины всевозможныхъ стоимостей.

Другой видъ принимаетъ наше изложеніе, когда мы начинаемъ всматриваться ближе въ практическое обращеніе монетъ въ самой жизни, и приходимъ къ колебаніямъ ихъ цѣнности въ выраженіи другихъ монетъ *той же* системы. Здѣсь уже разность производится не сравненіемъ единицъ разныхъ размѣровъ, и не коммерческими требованіями того или другаго знака, но собственно самимъ знакомъ монеты, принимающимъ отдѣльную отъ номинальной стоимость, — стоимость, явно противорѣчащую пропорціональному выраженію стоимостей въ монетной системѣ, къ которой этотъ знакъ принадлежитъ. Здѣсь мы приходимъ къ явному противорѣчію одному изъ существеннѣйшихъ свойствъ монеты, обусловливающему возможность математическаго выраженія стоимостей монетными знаками, представляющими число; а именно, свойству пропорціональной дробимости и дѣлимости. Безъ сохраненія такого свойства не можетъ быть системы, стало быть не можетъ быть выраженія, не можетъ быть и числа; между тѣмъ, въ практической жизни такое сравненіе и выраженіе въ численной величинѣ происходитъ, вопреки именно тому прямому математическому закону, по которому численная величина можетъ числомъ опре-

дѣляться. Обратимся къ разсмотрѣнію этого обстоятельства, поставляющаго, существующія нынѣ монетныя системы, въ прямое противорѣчіе съ логическими требованіями разума.

VI.

Лажъ.

Понятіе о значеніи монеты намъ уже опредѣлило, что монета должна быть строго опредѣленная величина, —стоимость которой, принятая за норму сравненія, должна представлять единицу числа, для выраженія въ этомъ числѣ значенія стоимостей всѣхъ предметовъ, слѣдовательно и ихъ взаимнаго отношенія. Кромѣ того, по требованіямъ практической жизни, монета, какъ мы объясняли, должна представлять матеріальный знакъ, которымъ можно бы было замѣнять различнаго рода стоимости. Теоретическое разсмотрѣніе свойствъ предметовъ, могущихъ представлять такого рода матеріальные знаки, съ сохраненіемъ условій, нами подробно указанныхъ, привело насъ къ тому заключенію, — къ которому, сама собой, пришла практическая жизнь въ развитіи человѣческихъ обществъ, — что за такую нормальную величину, — т. е. за единицу сравненія, — можетъ быть принято только опредѣленное количество золота или серебра, такъ какъ всѣ другіе предметы — или не заключаютъ въ себѣ требуемыхъ отъ монеты

свойствъ, или не представляютъ собой удобства и правильности выраженія.

На этомъ основаніи, теорія опредѣлила намъ цѣну, въ практическомъ ея пониманіи, — отношеніемъ стоимостей предметовъ къ стоимости металла; такъ какъ этимъ отношеніемъ, по общему условію сравненія всѣхъ предметовъ, опредѣляется и взаимное отношеніе ихъ стоимостей между собою.

Руководствуясь этими заключеніями, мы опредѣлили, что для выраженія цѣны слѣдуетъ, данное количество чистаго металла принять за единицу цѣны, и, на основаніи этой единицы, установить опредѣленный порядокъ выраженія, въ обозначеніи пропорціональныхъ знаковъ дѣленія этой единицы и представленія ея собирательныхъ чиселъ; такъ чтобы этими числами могли опредѣлиться цѣны всѣхъ предметовъ на свѣтѣ, отъ самыхъ малыхъ до наибольшихъ величинъ.

Далѣе мы объясняли, что практическая жизнь, разумомъ опыта, привела народы именно къ этому, единственно правильному и основанному на математическихъ законахъ сравненія, способу, опредѣлять стоимости, какъ въ знакахъ монеты, такъ и численныхъ величинахъ. Но при этомъ замѣтили, что, указавъ, въ общемъ направленіи, этотъ правильный способъ опредѣленія стоимостей, историческія причины заставили людей, въ тоже время, болѣе или менѣе отъ него отдалиться. Подъ вліяніемъ историческихъ событій и обстоятельствъ развитія, кото-

рыя, естественно, должны были входить въ сущность дѣятельности и опредѣленіе ея оцѣнки, люди отклонились отъ логической простоты и ясности общаго способа выраженія стоимостей, образовавъ особыя условія, по которымъ каждая страна, каждый народъ избирали свою величину нормы сравненія, для обозначенія единицы цѣны количествомъ металла, — и на основаніи этой единицы образовали, каждый, свою, отдѣльную систему выраженія стоимостей; т. е. приняли свою монетную систему, которая, укореняясь въ жизни и понятіяхъ народа, становилась — временемъ и историческою жизнію — принадлежностію его народности.

Указывая на затруднительность такого порядка выраженія стоимостей въ практической жизни, мы выяснили однакожъ, что онъ не противорѣчитъ логической правильности въ абсолютномъ своемъ пониманіи; такъ какъ всѣ системы выраженія, не смотря на различіе въ численныхъ основаніяхъ, имѣютъ одно общее начало — стоимость металла, къ которой и могутъ быть относимы всѣ различныя выраженія этой стоимости, по отдѣльнымъ системамъ разныхъ народовъ.

Но во всемъ, нами сказанномъ, заключается одно непреложное условіе, составляющее основаніе всѣхъ системъ выраженія стоимостей, — это *однородность* принимаемыхъ ими единицъ сравненія, слѣдовательно и знаковъ монеты, выражающихъ какъ

собирательныя числа, такъ и дробныя части этихъ единицъ.

Разсматривая, приложенную въ концѣ сочиненія, сравнительную таблицу различныхъ монетныхъ системъ, принятыхъ разными государствами, (таблица *М*) и примѣчая, что каждая изъ единицъ представляетъ собою опредѣленное количество чистаго серебра, мы находимъ, что всѣ означенныя единицы совершенно однородны между собою; слѣдовательно, легко и правильно могутъ быть другъ съ другомъ сравниваемы, по количеству чистаго металла, которое каждая изъ нихъ въ себѣ содержитъ. А потому заключаемъ, что каждая изъ единицъ составляетъ, сама по себѣ, правильное основаніе, для выраженія стоимостей во всѣхъ монетныхъ системахъ цѣлаго міра, опредѣляя всѣ стоимости отношеніемъ ихъ къ стоимости серебра. Нужно только, чтобы послѣдовательность знаковъ, принятыхъ системами, основанными на каждой изъ означенныхъ единицъ, заключала въ себѣ условную пропорціональность и точную опредѣлительность. И дѣйствительно: рубль, шиллингъ, марка, флоринъ, гульденъ, талеръ, франкъ, драхма, дуросъ, долларъ, піастръ и проч. — монеты, если и разныхъ размѣровъ и разнаго достоинства металла, т. е. разной пробы, то, по точному опредѣленію въ нихъ чистаго серебра, представляютъ собою однородныя величины, потому легко могутъ быть одна въ другой выражены. Количество чистаго серебра

въ каждой, составляя сущность означенныхъ монетъ, опредѣляетъ ихъ относительную цѣну; и мы можемъ разсматривать каждую изъ нихъ, какъ бы часть другой, по количеству заключающагося въ каждой чистаго металла, и утвердительно опредѣлить, что каждая изъ нихъ, напр. рубль, талеръ, гульденъ, шиллингъ, франкъ и т. д. относятся между собою какъ: 4 з. 21 д. : 3 з. 87 д. : 2 з. 22 д. : 1 з. 31 д. : 1 з. 5 д. и такъ далѣе, или, во французскихъ граммахъ относятся, какъ: 17.99 : 16.7 : 9.54 : 5.68 : 4.5.

Выраженіе это, представляя между собою отношеніе постоянныхъ и однородныхъ величинъ, не можетъ подвергаться колебаніямъ. Будучи опредѣлено вѣсомъ чистаго металла, оно, для каждой монеты, представляетъ число, указывающее ей, съ математическою точностію, то мѣсто, которое она въ ряду другихъ монетъ, изъ того же металла, имѣетъ, по количеству этого металла, составляющаго ея сущность. За тѣмъ, и всякая стоимость, выраженная въ какой бы то ни было изъ означенныхъ монетъ, получаетъ свое мѣсто въ ряду другихъ стоимостей, какими бы монетами онѣ означены не были; потому что, опредѣлительность взаимнаго отношенія между однородными монетами, всегда укажетъ и на опредѣлительное отношеніе между разными стоимостями, хотя бы эти стоимости и были выражены въ различныхъ системахъ монетныхъ знаковъ. Нужно только, какъ мы уже сказали, чтобы знаки эти, пред-

ставляя собою опредѣленное количество единицъ сравненія, представляли въ тоже время, какъ въ сложныхъ, такъи дробныхъ числахъ, пропорціональныя и однородныя величины.

Къ сожалѣнію въ практической жизни, — въ дѣйствительныхъ монетныхъ системахъ, принятыхъ для обращенія, послѣднее условіе выраженія стоимостей, въ сложныхъ и дробныхъ величинахъ, монетными знаками, — совершенно пропорціональными номинальному значенію и однородными съ единицею системы, — и не соблюдается; тогда какъ условіе это, — какъ мы видѣли, — основано на логическихъ и математическихъ законахъ сравненія, и способа выраженія этого сравненія числомъ.

Взглянувъ на современныя монетныя системы и способъ, которымъ онѣ выражаютъ и представляютъ въ себѣ различной величины стоимости, мы приходимъ къ заключенію: о прямомъ противорѣчіи всѣмъ логическимъ основаніямъ сравненія, которое системы въ себѣ заключаютъ; и еще къ большему противорѣчію математическимъ законамъ выраженія этого сравненія въ численной величинѣ и матеріальныхъ знакахъ, которое опредѣляетъ значеніе монетныхъ знаковъ въ монетныхъ системахъ современной жизни, совершенно неправильно; — приходимъ къ такому противорѣчію, котораго не представляли намъ ни переводъ, ни курсъ...

Переводъ, мы видѣли, представляетъ собою только затрудненіе счета, по несоизмѣримости монет-

ныхъ единицъ въ разныхъ системахъ; курсъ — проявленіе торговыхъ требованій. Ни тѣмъ, ни другимъ видомъ отклоненія отъ сущности абсолютнаго значенія системы выраженія стоимостей, — въ его естественной простотѣ и правильности, — не нарушается его логическая послѣдовательность. Всякій понимаетъ, что, если бы, единицы монетъ были одинаковы по своей величинѣ и значенію, то не требовалось бы *перевода;* а если бы, въ обществѣ разлилось убѣжденіе, въ относительномъ равенствѣ ихъ достоинства, а денежныхъ бумагъ, производящихъ особый видъ колебанія цѣны размѣна, — не было бы вовсе, то не могло бы быть и курса: одна монета, повсемѣстно, принималась бы за равную другую, и вся затруднительность расчета уничтожилась бы равенствомъ однородныхъ величинъ однороднаго металла.

Но во всемъ этомъ одно и тоже неизмѣнное условіе: *однородность* выраженія всѣхъ стоимостей въ знакахъ единицы, и совершенная пропорціональность этого выраженія числу, какими бы знаками мы это число не выражали. На практикѣ, къ сожалѣнію, этой однородности и пропорціональности выраженія не существуетъ ни въ одной изъ монетныхъ системъ.

Въ дѣйствительныхъ системахъ практической жизни взяты, для выраженія стоимостей въ каждой монетной системѣ, двѣ величины: стоимость *золота* и

стоимость *серебра*, и каждая изъ нихъ принимается одна за другую въ опредѣленномъ отношеніи.

Когда мы приводили примѣръ сравненія системъ по значенію ихъ единицъ, то данное намъ число 125 футовъ стерлинговъ, мы замѣнили, соотвѣтствующимъ, по Англійской денежной системѣ, числомъ шиллинговъ, хотя въ Англіи, какъ мы означили, въ серьезныхъ сдѣлкахъ, за единицу принимается именно фунтъ стерлинговъ, а шиллингъ представляетъ размѣнную единицу только въ мелочной торговлѣ и не заключаетъ нормы, для всеобщаго сравненія. Для выраженія фунта существуетъ особый монетный знакъ *суверенъ*, который собою, стоимость этого фунта, въ опредѣленномъ количествѣ золота, представляетъ. Въ прежнее время, фунтъ стерлинговъ обозначался другой, нѣсколько высшей монетою *Гинея*. Разность, существующая между сувереномъ и гинеей, указываетъ на то, что измѣненіе монетныхъ системъ, допускавшееся въ прежнее время, вынуждаетъ иногда, до сихъ поръ, къ переводу выраженій не только на монеты другой системы, но и на монеты той же системы, по принятымъ ею знакамъ въ разное время, подобно тому какъ Римъ обозначалъ стоимость своихъ денегъ именами Императоровъ, въ царствованіе которыхъ онѣ были выпущены, и какъ, наконецъ, обозначили мы свои прежніе рубли въ таблицѣ *G*, которая ниже предложена читателямъ.

Положимъ, что намъ дано было бы сравнить съ

талерами Англійскія гинеи или новые суверени и русскіе полуимперіалы. Въ Англійскомъ суверенѣ 1 зол. 44.6 д. *чистаго золота;* въ полуимперіалѣ 1 зол. 39 дол. тоже *чистаго золота;* какое же отношеніе, между этими количествами золота и 3 з. 87 дол., которые талеръ заключаетъ въ себѣ *чистаго серебра?*

Понятно, что указаннымъ нами способомъ, мы легко можемъ перевести суверени на полуимперіалы, и обратно. Монеты эти представляютъ совершенно однородныя величины и разнятся только количествомъ металла. Мы прямо можемъ сказать, что суверень относится къ полуимперіалу, какъ 140.6 : 135. Но какимъ же способомъ, выразить ихъ въ талерахъ, — монетѣ изъ другаго, вовсе не однороднаго, имѣющаго свою независимую стоимость и свое значеніе металла? Ясно, что такое сравненіе противорѣчитъ понятію о логическомъ сравненіи вообще, и прямо указываетъ на неправильность самой системы, которая допускаетъ возможность выраженія одного и того же числа въ неоднородныхъ знакахъ различныхъ металловъ.

Для насъ будетъ понятно, если мы будемъ сравнивать между собою *стоимости* золота и серебра, и скажемъ напр. что 1 золотн. золота стоитъ 15 золотн. серебра. Но это совершенно другой видъ дѣла! Такимъ образомъ мы можемъ сравнивать стоимости всѣхъ предметовъ и говорить напр., что стоимость хлѣба стоитъ 25 золотн. серебра или 4 р. 75 к.,

по количеству золотниковъ серебра въ рубляхъ; мѣхъ 40 золотн. или 9 р. 50 к.; аршинъ матеріи 3 рубля или 12 золотн. 63 дол. Почему жь не сравнивать стоимость серебра и съ стоимостію золота? Здѣсь производится сравненіе предметовъ съ единицею стоимостей, за которую, въ приведенныхъ примѣрахъ, принимается золотникъ чистаго серебра. Если бы, на основаніи этихъ сравненій и указаній, была составлена монетная система, въ которой единицу представляла бы монета ровно въ золотникъ, и потомъ, система эта представляла бы, послѣдовательно, знаки монеты въ 2, 3, 5 золотн. 7, 9, 10 и проч. золотн. серебра; а также въ $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_8$ или 12 долей 6 дол. 3 доли, 2 и наконецъ 1 доля, — то въ ней, совершенно точно и логически, выразились бы всѣ стоимости, въ томъ числѣ и стоимость золота. Эта система, положительно и точно опредѣляла бы значеніе каждой стоимости, выражая ее какъ въ численной величинѣ, такъ и въ матеріальныхъ знакахъ, по своей пропорціональности, совершенно соотвѣтственныхъ численному выраженію. И если бы пришлось намъ, съ такой системы переводить выраженія стоимостей на другія монетныя системы, то ясно, отношеніе вѣса чистаго металла единицы тѣхъ системъ къ золотнику опредѣлило бы выраженіе стоимостей въ другихъ системахъ, или переводъ на нихъ. Положимъ, что система, на которую бы нужно было перевести, имѣла единицу въ $1^1/_2$ золотн.; ясно что выраженіе 15 золотн. по системѣ, единица кото-

рой золотникъ, соотвѣтствовало бы, и въ своей численной величинѣ и въ матеріальномъ выраженіи этой величины, 10-ти единицамъ той другой системы, у которой единица $1^1/_2$ золотника. То и другое выраженіе представляютъ совершенно одинаковое количество массы металла, выраженное только въ разныхъ величинахъ однородныхъ единицъ. Если бы, которая нибудь изъ этихъ системъ имѣла бы, передъ другою, курсовое значеніе, напр., еслибы, собственно знакъ монеты въ золотникъ цѣнился на 1 или 2 доли дороже, то ясно, что, изъ 10 знаковъ единицы другой системы, нужно было бы вычесть отъ 10 до 20 долей, смотря по курсу, собственно за курсовое значеніе первой системы; таковый вычетъ, относясь ко всѣмъ единицамъ и частямъ единицы опредѣленной системы пропорціонально, совершенно ни чѣмъ не нарушалъ бы ея систематическую правильность. Но во всёмъ этомъ сохраняется непреложнымъ условіе однородности единицы; относить же такое дѣлаемое сравненіе стоимости предметовъ съ стоимостію серебра — къ стоимости золота, т. е. принимать за норму сравненія, — за единицу цѣны, два предмета разнородные, не имѣющіе между собою никакого отношенія, и несоизмѣримые по своей стоимости, принимая ихъ въ пропорціональную мѣру одинъ за другой, — положительно противорѣчитъ самой сущности сравненія; противорѣчить логическимъ и математическимъ законамъ, на основаніи которыхъ, сравненіе предметовъ и выраженіе

этого сравненія въ численной величинѣ можетъ производиться.

Сущность идеи, о выраженіи отношенія стоимостей, чрезъ ихъ взаимное сравненіе, основана на томъ, чтобы посредствомъ сравненія стоимостей съ *однимъ* посредствующимъ предметомъ, опредѣлить ихъ взаимное отношеніе, или существенное значеніе каждой, въ экономическомъ бытѣ народовъ. Слѣдовательно, избранная для сравненія единица должна быть одна данная и строго опредѣленная величина, а не два разнородныхъ металла, стоимость которыхъ можетъ быть выражена одна въ другой, но не можетъ замѣнять одна другую, въ нормальномъ значеніи этой другой. Потому слѣдуетъ заключить, что сравненіе стоимостей въ такомъ видѣ съ двумя разнородными металлами въ одно и тоже время, съ замѣною одного другимъ, рѣшительно противорѣчитъ логическому пониманію сравненія; противорѣчитъ всякой идеѣ о правильности и даже возможности его выраженія.

Въ статьѣ своей «о мелочи», которая прилагается здѣсь въ концѣ сочиненія, по близости своего предмета, и потому что она должна составлять нѣкоторый переходъ къ изученію ассигнацій и денежныхъ бумагъ, долженствующихъ составить продолженіе настоящаго труда, — мы доказываемъ несообразность, антираціональность и противулогическую неестественность сравнивать чтобы то ни было съ двумя несоизмѣримыми между собою величинами, и совершенную несоотвѣтственность выражать такое невозможное срав-

неніе однимъ числомъ. Мы указывали, что нельзя опредѣлять стоимости, по сравненію съ чѣмъ бы то ни было, если стоимость величины, съ которой мы сравниваемъ, не опредѣлена положительно, въ разсужденіи нормальной единицы, и кажется достаточно выяснили то противорѣчіе всѣмъ закономъ логики и здраваго смысла, которое происходитъ отъ такого, несообразнаго сравненія съ двумя величинами въ одномъ числѣ, когда отношеніе между этими величинами неизвѣстно или измѣняется.

Здѣсь мы скажемъ, что золото металлъ, имѣющій опредѣленныя свойства и извѣстное употребленіе. По достоинствамъ своимъ, онъ составляетъ, для людей, предметъ дорогой необходимости, потому всѣми требуется; слѣдовательно, постоянно, имѣетъ какую либо стоимость. Серебро тоже металлъ, имѣющій свои свойства и свои достоинства, слѣдовательно и свою стоимость. Отношенія стоимостей этихъ двухъ металловъ, разумѣется, зависятъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, мѣстнаго требованія на тотъ или другой металлъ, и большаго или меньшаго количества его добыванія; т. е. опять зависятъ отъ того же, отчего зависитъ цѣна всѣхъ предметовъ на свѣтѣ, какъ въ матеріальномъ, такъ и фиктивномъ ихъ значеніи, — отъ спроса или требованія и предложенія. Разумѣется отношеніе это, между стоимостію золота и серебра, не можетъ быть постояннымъ; оно должно измѣняться, соотвѣтственно количеству требованія и предложенія въ данную минуту на тотъ

или другой металлъ, такъ что напр., сегодня за золотникъ золота могутъ давать 15 золотн. серебра, завтра 16, послѣ завтра 12 и т. д., съ большими или меньшими колебаніями, по отношенію между спросомъ и предложеніемъ, какъ мы говорили. Подчинять такое отношеніе постоянной и опредѣлительной нормѣ, и за тѣмъ, замѣнять одинъ металлъ другимъ въ общемъ сравненіи, — невозможно; какъ вообще, невозможно выражать какое либо число единицами не одинаковой величины, какъ нельзя опредѣлять чего либо тѣмъ, что, само по себѣ, не имѣетъ опредѣленнаго значенія. Каждая монета, означающая количество другой монеты, которую въ себѣ содержитъ, должна, своею стоимостію, матеріально представлять именно это опредѣленное количество стоимости. Напр., если золотой заключаетъ въ себѣ 20 франковъ, то франкъ не можетъ быть ни болѣе, ни менѣе какъ $^1/_{20}$ часть золотаго; всякое нарушеніе этого закона въ системѣ есть уже прямое, видимое противорѣчіе всѣмъ законамъ математики и логики. А для того, чтобы такой законъ могъ быть примѣнимъ въ дѣйствительной жизни, ясно, должно, чтобы франкъ представлялъ собою однородную стоимость, т. е. состоялъ изъ того же металла, изъ котораго состоитъ и принятый къ нашему разсмотрѣнію наполеондоръ, представляя его $^1/_{20}$ часть. Если же франкъ будетъ сдѣланъ изъ другаго металла, то, по колебанію отношенія между стоимостями двухъ металловъ, послѣдуетъ колебаніе въ отношеніи между стоимостями его и наполеондора:

франкъ, по своей стоимости, будетъ, то больше, то меньше его $^1/_{20}$ части, стало быть, вопреки всѣмъ законамъ математики и логики, будетъ нарушать систему выраженія стоимости числомъ, тою двойственностію единицы, которую, каждая единица этого числа будетъ сама въ себѣ заключать.

Между тѣмъ, всѣ Правительства Европы, всѣ государства цѣлаго міра, всѣ общества стараго и новаго свѣта; всѣ цивилизаціи настоящихъ и минувшихъ временъ, принимали и принимаютъ; въ законномъ порядкѣ учреждали и учреждаютъ; устанавливали и устанавливаютъ, внося въ рядъ государственныхъ учрежденій своихъ, — сравненіе стоимостей и выраженіе цѣны одной цифрой, въ стоимости двухъ металловъ, золота и серебра, совершенно разнородныхъ по своимъ свойствамъ, различныхъ по стоимостямъ, и имѣющихъ между собою, въ разсужденіи своихъ стоимостей, постоянное колебаніе. И такое невозможное, противулогическое сравненіе, во всѣхъ странахъ цѣлаго міра, не смотря на явное его противорѣчіе самому себѣ, принимается за нормальное, и въ немъ выражаются всѣ стоимости на свѣтѣ.

Для возможнаго уравненія и соглашенія такого рода, противорѣчащихъ всѣмъ математическимъ законамъ выраженій, истекающихъ изъ принятія, измѣняющагося отношенія между стоимостями двухъ металловъ, за норму сравненія, должно было прибѣгнуть къ условному постановленію, по коему колебаніе отношенія между стоимостями золота и серебра,

при выраженіи цѣны, не принимается въ расчетъ во все: а однажды на всегда, — по существовавшему въ данное время отношенію между стоимостями этихъ металловъ, установлено, что опредѣленное количество золота всегда соотвѣтствуетъ опредѣленному количеству серебра; т. е. — условно принято, что отношеніе между стоимостями золота и серебра есть постоянная, никогда не измѣняемая, *нормальная*, величина, предоставляющая возможность, всегда, опредѣленное количество одного металла замѣнять опредѣленнымъ количествомъ другаго. Но ясно, что такое условіе противорѣчитъ разумному выраженію отношенія между какими бы то ни было двумя стоимостями, которое зависитъ непосредственно отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ на каждую изъ стоимостей; а спросъ и предложеніе зависятъ непосредственно отъ жизни, ея требованій и условій, и быть постоянными, слѣдовательно, сами по себѣ, быть никогда не могутъ.

Но какъ условіе, указанное нами, по взаимно распространившимся торговымъ сношеніямъ и повсемѣстной стоимости металловъ, было принято цѣлымъ свѣтомъ, и утвердилось Правительствами всего міра въ видѣ закона, съ опредѣленіемъ числовой величины того взаимнаго отношенія, въ которомъ должны находиться стоимости обоихъ металловъ, и это условіе было признано за нормальное, — то выраженіе стоимостей, во всѣхъ странахъ міра, обозначается знаками золотыми и серебряными безъ раз-

личія, по условному постоянству взаимнаго отношенія ихъ стоимостей. Такимъ образомъ, обращаются монеты золотыя и серебряныя, и принимаются однѣ за другія, въ соотвѣтственномъ, принятому условію, количествѣ, во всѣхъ странахъ обѣихъ полушарій, какъ нормальные знаки, въ которыхъ цѣна всѣхъ предметовъ выражается и опредѣляется.

По дороговизнѣ золота, во всѣхъ монетныхъ системахъ принято, крупные знаки собирательнаго числа нѣсколькихъ единицъ выражать знаками золотыми, а самыя единицы и части ихъ знаками серебряными. Историческая жизнь оставила въ обращеніи еще и третій металлъ выраженія стоимостей, — металлъ, который, по многимъ указаніямъ, какъ мы говорили, вѣроятно, имѣлъ историческое первенство въ выраженіи сравненія, такъ какъ есть нѣкоторые доводы полагать, что онъ былъ найденъ, и способъ его обработки открытъ, прежде другихъ. Этотъ металлъ — мѣдь! Возвышеніе труда, объусловливающее накопленіе богатствъ, и открытіе мѣдной руды въ значительномъ количествѣ, почти, на поверхности самой земли, скоро должно было возвысить единицу сравненія до стоимости серебра; потому мѣдь стала обозначать части единицы, по принятому, также условно, отношенію стоимости ея къ стоимости серебра, которое, также какъ и отношеніе серебра къ золоту, было принято за нормальное. Но частое измѣненіе *цѣны* мѣди, измѣняющее сущность условнаго соглашенія въ ея обращеніи, заставила людей

отказаться отъ опредѣленія стоимостей собственно въ знакахъ монетъ изъ мѣди, пропорціально ея дѣйствительной стоимости, и части единицы, если и выражаются еще мѣдными знаками по историческому преданію, то, они въ сущности представляютъ только *биллонъ*, т. е. знакъ, условно означающій данную цѣну, по обязательному обращенію до извѣстной суммы, а не монету, заключающую нормальную стоимость въ самой себѣ, по дѣйствительной стоимости ея внутренняго достоинства. Впрочемъ, и до сихъ поръ, во всѣхъ, почти, законодательствахъ есть указанія, которыя стремятся сообщить и мѣднымъ знакамъ значеніе монетъ, опредѣляющихъ свое номинальное мѣсто въ системѣ, своей дѣйствительной стоимостію, по условному отношенію къ золоту и серебру, не смотря на противорѣчіе, которое, такое постановленіе, само въ себѣ, заключаютъ. Золото же и серебро, вопреки логическому смыслу и самою практикою жизни указываемой невѣрности и невозможности условія, — будто отношеніе между ихъ стоимостями можетъ быть неизмѣняемо, — до сихъ поръ, сохранили совокупное обращеніе своихъ знаковъ, по этому условному отношенію, и до сихъ поръ принимаются одно за другое, будто, ни опытъ вѣковъ, ни логика развивающихся понятій и требованій, не могутъ выяснить того, что, само по себѣ, ясно какъ математическая истина.

Во всѣхъ монетныхъ системахъ цѣлаго міра при-

знается до сихъ поръ, что данное количество золота всегда соотвѣтствуетъ опредѣленному количеству серебра, и столько заключаетъ серебряныхъ единицъ, сколько оно ихъ, собою, номинально представляетъ.

Въ Россіи, монетная система должна была согласоваться съ общимъ движеніемъ обращенія монеты въ мірѣ. Во время Московскихъ царей Рюриковскаго дома, монеты весьма мало было въ обращеніи; золотыя гривны раздавались какъ награда высокой доблести, и представляли, своею стоимостію, дѣйствительно значительную цѣнность. Новгородскіе рубли обращались, можно сказать, только между торговымъ людомъ. Даже казна Государева, богатство которой становилось уже знаменитымъ въ Европѣ, не обладала большимъ количествомъ монетныхъ знаковъ. Соотвѣтственно тому, разумѣется, цѣнились и русскія произведенія, которыя, выражаясь малымъ количествомъ обращающагося металла, были относительно дешевы, и потому, составляли для иностранцевъ предметъ зависти и соперничествующаго состязанія въ торговлѣ. Всѣ историческія данныя, всѣ описанія иностранцевъ, и всѣ свѣдѣнія и остатки старины свидѣтельствуютъ о такой дешевизнѣ произведеній и жизни въ Россіи, въ исходѣ XV вѣка, обусловливаемой недостаткомъ и дороговизной металлическихъ знаковъ монеты.

Смуты 1612 года, расхищеніе царской казны, разгулъ лже-Дмитрія и Поляковъ и нѣкоторый приливъ иностранныхъ капиталовъ, по развившимся сно-

шеніямъ, нѣсколько умножили количество обращающихся знаковъ. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ невѣрность взгляда на монетное дѣло, находившееся подъ главнымъ завѣдываніемъ царскаго любимца боярина Морозова, понизившаго необыкновенно внутреннее достоинство монеты, вызвало всеобщее неудовольствіе, потомъ и смуты. Порча монеты, въ то время, въ Европѣ была признаваема финансовой мѣрой и допускалась всѣми Правительствами. Но здравый смыслъ русскаго народа, и безъ научныхъ данныхъ, созналъ, что въ монетномъ дѣлѣ не должно быть произвола. Разумѣется, сознаніе это не могло сопровождаться указаніями; тѣмъ болѣе, что горное и литейное производство находились тогда въ Россіи, совершенно, на первой еще ступени своего развитія. Потому, основаніе нѣсколько твердой русской монетной системы начинается только при Петрѣ I. Монетной единицей былъ принятъ рубль. Онъ отливался въ 1701 г. изъ серебра 70 пробы, въ 6 золотн. 55 долей. Въ тоже время, введено было въ Россіи Петромъ I обращеніе и чеканка голландскихъ червонцевъ, по общему значенію ихъ въ Европѣ. Червонецъ отливался въ 78 долей, 93 пробы, и долженъ былъ, относительно, означать собою 2 р. 85 к., и отвѣчать, разумѣется, соотвѣтственнымъ подраздѣленіямъ монеты, именно въ означенномъ отношеніи, тогда какъ отношеніе между стоимостію золота и серебра измѣнялось. Это измѣненіе заставило отливать рубль 5 зол. 60 дол., 72 пробы. Впрочемъ мы

прилагаемъ здѣсь таблицу измѣненій русскаго рубля, до рубля настоящей величины (таблица *G*).

Таблица G.

ОЗНАЧЕНІЕ МОНЕТЪ.	Время *) ихъ отливки и обращенія.	Дѣйствительный вѣсъ вещественныхъ знаковъ.	Проба.	Количество чистаго серебра.
Рубль Петра I . . .	1701—1725	6 з. 55 д.	70	4 з. 76 д.
» Екатерины I .	1725—1727	6 з. 35 д.	69	4 з. 55 д.
» Петра II . . .	1727—1734	6 з. 62 д.	67	4 з. 61.6 д.
» Анны I. . . .	1734—1750	6 з. 66 д.	77	5 з. 3[illegible] д.
» Елисаветы I .	1750—1757	5 з. 94 д.	77	4 з. 76 д.
Ливонецъ Елисаветы I	1757—1762	6 з. 12 д.	72	4 з. 54 д.
Рубль Петра III. . .	1762—1763	5 з. 91.5 д.	72	4 з. 44.6 д.
» Екатерины II .	1763—1797	5 з. 60 д.	72	4 з. 21 д.
» Павла I. . . .	1797—1798	6 з. 81 д.	83 1/3	5 з. 79.8 д.
» Александра I .	1797—до настоящаго времени.	4 з. 82.5 д.	83 1/3	4 з. 21 д.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что въ теченіи ста лѣтъ, русскій рубль 9 разъ измѣнялъ свою величину и достоинство! Могло ли выраженіе цѣны въ немъ получить твердость нормальнаго сравненія, когда, почти каждыя 10 лѣтъ, единица этого сравненія получала другую величину? Правда, что приведенное нами измѣненіе нормы рубля далеко не доходило до

*) Года означены не по царствованіямъ Государей, а по времени распоряженія объ измѣненіи отливки.

тѣхъ размѣровъ, которымъ подвергались Польская копа и нѣкоторыя монеты Германіи въ XVI вѣкѣ, и весьма вѣроятно и старинный русскій рубль, — и частію объусловливалось колебаніемъ отношенія между золотомъ и серебромъ, которое Правительство старалось уравнять; тѣмъ не менѣе нормальность сравненія стоимостей съ постоянною единицею, измѣненіемъ величины таковой единицы, теряла всякое значеніе. Ясно, что колебаніе цѣны между знаками разнаго времени, какъ и колебаніе цѣны между знаками разныхъ металловъ, не могло не отзываться на практическомъ обращеніи; такъ какъ одинъ знакъ монеты, — по той или другой причинѣ, — несоотвѣтствовалъ номинальному значенію другаго, и эта несоотвѣтственность должна была производить естественное затрудненіе, которое, разумѣется, какъ мы говорили, всего болѣе отражалось на пользахъ самаго Правительства, принося ему безпрерывный и постоянный ущербъ. Между тѣмъ въ 1755 г. была выпущена золотая русская монета: — имперіалъ и полуимперіалъ, въ 10 и 5 р., послѣ былъ выпущенъ еще золотой рубль и двухъ-рублевикъ. Спрашивается: возможно-ли было, чтобы между одной и другой единицею было полное тождество? Не должно ли было происходить безпрерывное колебаніе между рублемъ золотымъ и серебрянымъ? А такое колебаніе, естественно, должно было уничтожать значеніе системъ, и заставлять безпрерывно скрываться изъ обращенія ту монету, которая поднималась въ цѣ-

нѣ, — то есть то *одну*, то *другую* монету; такъ что, наконецъ, въ обращеніи оставалась только мѣдная монета, да и та, съ введеніемъ ассигнацій, начинала изчезать. Дальнѣйшее разъясненіе этого обстоятельства — относительно изчесловенія золотой и серебряной монеты, и стремленіе къ изчезновенію даже мѣдной, подлежитъ обсужденію, при разсмотрѣніи ассигнацій, и мы отлагаемъ этотъ вопросъ, какъ отложили и другіе, которые, только по общемъ разсмотрѣніи всѣхъ видовъ денежнаго обращенія и оцѣнки, могутъ получить полное разрѣшеніе. Но приведемъ здѣсь таблицу сравнительнаго отношенія золота и серебра, по значенію различныхъ, отливаемыхъ въ разное время, золотыхъ и серебряныхъ монетъ въ Россіи, съ того самого времени, какъ золотыя монеты явились въ нашей монетной системѣ.

Таблица Н.

Названіе золотыхъ монетъ, номинальная цѣна ихъ и годъ отливки.	Вѣсъ чистаго золота золотыхъ монетъ.	Названіе серебряныхъ монетъ, номинально означающихъ собою золотыя современной имъ отливки.	Вѣсъ чистаго серебра въ серебряныхъ монетахъ.	Отношеніе между стоимостями золота и серебра по номин. значенію монетъ.
Имперіалъ 1755 г. — **10** р.	3 з. 54 д.	Рубль Им. Елисаветы	4 з. 79 д.	1 : 13½
Имперіалъ 1764 г. — **10** р.	2 з. 78 д.	Рубль Имп. Екатерины II	4 з. 21 д.	1 : 15
Полу-Имперіалъ 1797 г. — **5** р.	1 з. 74 д.	Рубль Им. Павла I	5 з. 79.8 д.	1 : 16½
Полу-Имперіалъ 1801 г. — **5** р.	1 з. 39 д.	Рубль Им. Александра I	4 з. 21 д.	1 : 15
Рубль 1758 г. — **1** р.	0 з. 76 д.	Рубль Им. Елисаветы	4 з. 76 д.	1 : 14

Послѣ такого рода колебаній въ отливкѣ монетъ, въ 1842 году было признано необходимымъ сообщить нашей монетной системѣ бо̀льшую опредѣлительность, и для того установлено: величину существовавшаго тогда рубля, въ 4 зол. 21 долю чистаго серебра, принять за нормальную и измѣненію неподвергать. Въ разсужденіи отливки золотой монеты было принято, что золотникъ золота всегда равняется и представляетъ 15 з. серебра, и на этомъ основаніи, утверждена величина полуимперіала, въ 1 зол. 39 дол., долженствующаго представлять 5 р. Слѣдовательно 1 зол. 39 дол. золота всегда условно должны представлять стоимость 21 зол. 9 дол. серебра; такъ что отношеніе между ихъ стоимостями, принятое въ русской монетной системѣ за нормальное, представляетъ какъ 1 : 15. Но чтобы золотая монета, подвергаясь колебанію, не уходила подобно золотымъ рублямъ 1718—1764 годовъ, примѣняясь къ относительной цѣнѣ золота и серебра въ Европѣ, принята была, при обращеніи золотыхъ монетъ въ Россіи, особая условная премія, въ 15 к. на 5 руб. сер.

Система эта была принята въ Россіи, по необходимости согласить монетное обращеніе внутри государства съ общимъ направленіемъ монетнаго обращенія въ Европѣ. Обязательное обращеніе золота и серебра, по условному отношенію ихъ стоимостей, совпадали съ условнымъ отношеніемъ, принятымъ Европою, и всесвѣтнымъ обращеніемъ денегъ, именно согласно этому условію.

Но, ясно, что такого рода условіе могло поддерживаться, только форсированной поддержкой богатства и силы; что колебанія въ цѣнѣ золота и серебра, — которыя, естественно, должны были происходить отъ колебаній спроса на нихъ и предложенія, могли отстранятся только могучей поддержкой обязательнаго пріема и обращенія.

И точно! Сила, кредитъ и богатство всѣхъ Правительствъ міра; за ними значеніе и кредитъ всѣхъ банковъ обоихъ полушарій и банкировъ всѣхъ биржъ; за ними кредитъ конторъ всѣхъ складовъ богатства, и все значеніе коммерческаго движенія, — все это вмѣстѣ соединилось, чтобы поддержать и укрѣпить однажды принятое условіе, о нормальности отношенія стоимостей золота и серебра, и значенія совокупнаго обращенія ихъ въ видѣ монетныхъ знаковъ изъ того и другаго металла. Ясно что, подчиняясь всему этому могуществу, — условіе о нормальности отношенія между стоимостями золота и серебра удерживается. Но для того нужна именно денежная сила всего міра, могущество всѣхъ Правительствъ и значеніе всеобщаго коммерческаго движенія.... Не смотря, однакожъ, на такое страшное могущество, требованія жизни производятъ безпрерывныя въ означеніи стоимости монетъ колебанія, а было нѣсколько случаевъ, когда колебаніе это доходило до такихъ размѣровъ, что готово было опрокинуть всѣ монетныя системы на свѣтѣ, основанныя на неправильномъ условномъ соглашеніи, будто

данный вѣсъ золота представляетъ всегда опредѣленное количество серебра, и на оборотъ, что опредѣленное количество серебра всегда соотвѣтствуетъ данному вѣсу золота.

Случайныя требованія какого либо металла въ большомъ количествѣ на опредѣленный пунктъ, торговыя операціи, направленныя на такого рода дѣятельность, которая вдругъ требовала исключительно одного какого либо металла, открытіе или изчезновеніе рудъ, равнымъ образомъ усиленіе или остановка ихъ разработки, — однимъ словомъ: спросъ и предложеніе нарушали условное равновѣсіе между стоимостію металловъ, и вызывали требованіе одного котораго нибудь на счетъ другаго, и тѣмъ, ясно, — не смотря на искуственную поддержку условнаго отношенія между ними, — вдругъ возвышали цѣну золота, слѣдовательно и золотыхъ монетъ, противу серебра и серебряныхъ монетъ, или цѣну серебра, слѣдовательно и серебряныхъ монетъ, противу золота и золотыхъ монетъ, и тѣмъ, хотя не повсемѣстно, хотя временно, но положительно нарушали равновѣсіе и послѣдовательность, принятаго въ этихъ монетахъ выраженія стоимостей; т. е. нарушали правильность монетныхъ системъ, въ которыхъ единицы монеты должны выражаться и выплачиваться знаками золотыми или серебряными, безъ различія между ними, по условно принятому отношенію.

Въ этомъ случаѣ, понятно, монета, опредѣленнаго, возвышающагося въ цѣнѣ металла, получаетъ

отдѣльную стоимость, по стоимости самого металла, возвысившагося въ цѣнѣ противъ другаго металла, который, вмѣстѣ съ нимъ, былъ принятъ за нормальный въ денежной системѣ; — слѣдовательно становится прямо *товаромъ*, имѣющимъ свою цѣну, независимо отъ того значенія, которое имѣетъ эта монета въ монетной системѣ, и уже не по фиктивному значенію только своего знака, дающее ему значеніе курсовое, какъ мы видѣли, а собственно по своей сущности, по самому металлу, изъ котораго состоитъ. А такая возможность монеты получать свою, независимую отъ ея номинальнаго или *монетнаго* значенія стоимость, ясно, влечетъ за собою двойственность цѣны каждаго предмета, при выраженіи его стоимости въ знакахъ системы; потому что, когда отношеніе между дѣйствительной стоимостію знаковъ изъ разныхъ металловъ будетъ нарушено, то въ сущности всякой цѣны будетъ различіе, уплачивается ли она знаками одного металла или знаками другаго...

Положимъ напр. что серебро поднялось въ цѣнѣ, и стало, въ отношеніи всѣхъ предметовъ, дороже, слѣдовательно стало дороже, чѣмъ было принято условнымъ отношеніемъ его стоимости къ стоимости золота въ монетныхъ системахъ. Понятно, за тѣмъ, что каждый серебряный знакъ будетъ дороже соотвѣтственнаго золотаго, и что въ случаѣ какого либо платежа, будетъ разность, выполнится ли этотъ платежъ знаками золотыми или знаками

серебряными. Для полученія серебряныхъ знаковъ, ясно, всякій будетъ съ удовольствіемъ предлагать премію, соотвѣтственно той разности, которую серебряная монета, по своему достоинству металла, противу своей номинальной стоимости получила, и на оборотъ, если платежъ производится золотомъ, а золото упало въ цѣнѣ противъ серебра, то премію должно прибавлять къ номинальной цѣнѣ золота, до сравненія его съ дѣйствительною стоимостію серебра. Такимъ образомъ, мы видѣли, что въ Россіи, при самомъ установленіи нормальнаго отношенія между золотой и серебряной монетами и опредѣленіи взаимнаго отношенія монетъ между собою, по ихъ достоинству, тутъ же была опредѣлена и нормальная премія на золотую монету, какъ будто премія эта могла быть постоянною, въ случаѣ если бы отношеніе между стоимостію золота и серебра стало колебаться....

Эта премія къ золоту или серебру, по ихъ дѣйствительной стоимости, противъ того, какъ они номинально другъ друга въ монетной системѣ представляютъ, — эта разность, которую золото или серебро, по отношенію стоимостей своихъ, другъ къ другу имѣютъ, противъ отношенія условно нормальнаго, принятаго въ систематическомъ выраженіи стоимостей монетными знаками, и есть *лажъ*, — самый важный видъ противорѣчія, существующихъ въ практической жизни монетныхъ системъ — логическому указанію того значенія, которое монет-

ныя системы должны имѣть, и разумному пониманію ихъ сущности; видъ противорѣчія, не только затрудняющій, — вмѣстѣ съ переводомъ al pari и переводомъ по курсу, — правильное означеніе цѣнъ въ международныхъ сношеніяхъ, но и нарушающій логическую правильность выраженія цѣны, которая, значеніемъ лажа, принимаетъ въ численной величинѣ своей неопредѣленность и двойственность.

Разумѣется, если въ монетной системѣ приняты для обращенія, еще какого либо рода знаки — не однородные съ монетами изъ золота и серебра, то значеніе лажа относится и къ этимъ знакамъ монеты, которые, по отдѣльной стоимости своей сущности, могутъ также получить отдѣльную стоимость отъ того значенія, которое они номинально должны были въ монетной системѣ представлять. Напр. мѣдь, пока она еще составляла относительную монету, по своей стоимости, въ условномъ значеніи въ разсужденіи стоимости золота и серебра, то, по случайнымъ требованіямъ мѣди, она могла получить также премію къ знакамъ монеты, противъ ихъ номинальнаго значенія, и эта премія была бы лажъ, о неправильности, невѣрности и не логичности котораго, въ систематическомъ выраженіи цѣнъ, мы полагаемъ нѣтъ нужды что либо еще объяснять.

Такимъ образомъ, лажъ есть премія, даваемая за монеты какой либо системы, по возвышенію стоимости металла этихъ монетъ, противу того значенія, которое эти монеты имѣютъ въ монетной систе-

мѣ. Это опредѣленіе, для насъ, станетъ совершенно яснымъ, если мы, отдѣляя совершенно понятіе о *стоимости* отъ понятія о *цѣнѣ*, вникнемъ въ значеніе выраженія цѣны, послѣдовательнымъ означеніемъ отношенія стоимостей знаками монеты въ систематическомъ порядкѣ.

Жизнь, разумѣется, скоро должна была обозначить такое отклоненіе выраженія стоимостей въ монетахъ, отъ правильнаго и разумнаго пониманія его значенія. Развитіе дѣятельности, обусловливая накопленіе богатствъ, разумѣется, должно было требовать математически точной опредѣлительности выраженія, которое не можетъ существовать при двойственности единицы сравненія. А какъ, въ тоже время, особое развитіе промышленной дѣятельности сосредоточило наибольшее скопленіе богатствъ въ Англіи, то Англія, прежде всѣхъ, и должна была сознать невыгоду такого ложнаго выраженія цѣнностей, и англійскій банкъ былъ вынужденъ принять за норму одну *золотую* единицу сравненія.

Это положеніе, естественно, должно было сообщить особое значеніе бумагамъ Англійскаго банка, по отношенію его къ монетнымъ единицамъ континента, которыя считаются серебромъ; а выплачиваются серебромъ и золотомъ. Понятно, что принятіемъ опредѣленной нормы за единицу, внѣ колебанія измѣняющагося отношенія между золотомъ и серебромъ, Англійскій банкъ сталъ на твердую почву правильнаго математическаго выраженія стоимостей, и по-

тому, сношенія его должны были получить твердое основаніе. Понятно также, что, отъ сравненія этого положенія Англійскаго банка съ другими учрежденіями Европы, должна послѣдовать особая поправка курсоваго значенія монетъ различныхъ странъ значеніемъ лажа... Но этотъ предметъ касается уже банковыхъ операцій и вексельнаго курса, и потому къ настоящему разсужденію не относится. Тѣмъ не менѣе, въ народномъ, ежедневномъ обращеніи, и въ Англіи обращается серебро, и тѣмъ представляетъ, на внутреннихъ рынкахъ, такое же неправильное выраженіе стоимостей, какое, до сихъ поръ, принято еще въ цѣломъ мірѣ.

Теперь, мы должны сказать нѣсколько словъ о томъ отклоненіи отъ правильнаго, систематическаго выраженія стоимостей, которое происходитъ, собственно, отъ особаго значенія нѣкоторыхъ монетъ, по невѣрности ихъ отливки. Премію, даваемую за этого рода монеты, мы называемъ *искусственнымъ* лажемъ, въ отличіе отъ лажа, производимаго возвышеніемъ цѣны монетъ, собственно отъ возвышенія цѣны металла, противъ номинальнаго значенія монетъ изъ этого металла въ системѣ. Ясно что монета, отлитая большей величины или высшаго достоинства, противу другихъ монетъ тойже системы, должна имѣть премію противъ этихъ монетъ, такъ какъ она представляетъ собою бо̀льшую стоимость. А такая премія, означающая колебаніе знаковъ, противъ номинальнаго ихъ значенія въ

системѣ, есть тоже лажъ данной монеты, только происходящій, не отъ измѣненія стоимости металла, но отъ невѣрности въ достоинствѣ самой монеты, которая будучи отлита болѣе или менѣе чѣмъ слѣдовало, должна была измѣнить отношеніе своей стоимости къ стоимостямъ другихъ монетъ системы. Такихъ умышленныхъ измѣненій монеты, особенно уменьшенія ея въ вѣсѣ и объемѣ, благодаря произволу средневѣковыхъ правительствъ, было, какъ мы уже говорили, слишкомъ много, чтобы еще можно было о нихъ говорить. Но дѣло въ томъ, что если измѣнялась вся система, уменьшаясь пропорціонально въ каждомъ знакѣ, она, производя колебаніе въ цѣнѣ, непроизводила колебанія въ системѣ; тогда же, когда изготовлялся неправильно одинъ какой либо знакъ, то, своею невѣрностію, этотъ знакъ нарушалъ самую систему. Мы указали на разительный примѣръ польской копы, которая измѣнила свою стоимость 33 раза, прежде чѣмъ опредѣлилась въ наименьшей величинѣ, а каждымъ измѣненіемъ измѣнялась, разумѣется, и система выраженія, по коей монеты новыя, противу старыхъ, были меньше или дешевле, — потому старыя должны были получать лажъ или премію, по стоимости своего металла, или переливаться обратно въ металлъ. Такой обратный переливъ монетъ уже доказываетъ невѣрность системы, потому что переливать монету станутъ только ту, каторая, по дѣйствительной стоимости своего металла, стòитъ дороже номинальнаго досто-

инства. Какъ измѣняла свою стоимость польская копа, такъ измѣняли ее послѣдовательно почти всѣ монеты въ Европѣ, если и не въ такой разительной пропорціи. Мы привели примѣры колебаній русскаго рубля съ 1701 года по 1797 годъ, съ котораго онъ удерживаетъ уже настоящую норму. До 1701 года, измѣненіе величины рубля было также велико! Есть историческія свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что русскій рубль въ Новгородѣ установленъ былъ въ величину 1/2 Кельнской марки; слѣдовательно долженъ былъ представлять до 30 золотниковъ серебра; могъ ли же онъ, если бы сохранился, отдаваться въ одной цѣнѣ съ рублемъ, который не имѣетъ даже 5 золот. Но и въ дальнѣйшихъ колебаніяхъ, тотъ же рубль не могъ не имѣть преміи въ своемъ обращеніи. Напр. рубль Императрицы Анны Іоанновны отливался 77 пробы въ 6 зол. 66 дол., слѣдовательно представлялъ чистаго серебра 5 зол. 35 дол.; можетъ ли онъ признаваться равнымъ и не имѣть преміи, противъ нынѣшняго рубля въ 4 зол. 21 долю? Ясно, нѣтъ! Онъ, собственно вѣсомъ своего металла, стоитъ дороже рубля нынѣшняго, именно 1 руб. 27 коп.; слѣдовательно, долженъ получить, противъ нынѣшняго рубля, 27 коп. преміи, или идти на переливъ, и продаваться уже, по своей стоимости, въ видѣ металла. Четвертакъ рубля Анны Іоанновны стоитъ, противу современныхъ монетъ, по стоимости металла, не 25 коп., а по меньшей мѣрѣ, даже съ вычетомъ на переливъ, 30 коп.; потому четвер-

такъ 1734 года долженъ получать противъ современныхъ монетъ 5 коп. преміи, по своему внутреннему достоинству.

Хотя переливъ такого рода, имѣющихъ премію монетъ, какъ общественный, правительственный, такъ и частный, достаточно ихъ уничтожилъ; а оттого и обращеніе такого рода монетъ получило ограниченное значеніе, тѣмъ не менѣе, и до сихъ поръ, нерѣдко, случается видѣть ихъ въ обращеніи. Къ такого рода премійнымъ монетамъ слѣдуетъ отнести: русскіе рубли-крестовики (1797 г.), баварскіе гульдены съ изображеніемъ Богоматери, (хотя не въ той мѣрѣ какъ русскіе рубли), различные кроны или старые талеры Папы Пія IV, нѣкоторыя изъ монетъ времени Решилье. Впрочемъ обращеніе ихъ, благодаря переливу и пріобрѣтенію ими, съ каждымъ днемъ, нумизматическаго достоинства, рѣдѣетъ каждый день; а новые выпуски монетъ дѣлаются Правительствами уже въ знакахъ, пропорціональныхъ однажды принятой величинѣ; слѣдовательно, объ искуственномъ лажѣ между ними не можетъ быть и рѣчи. Но можно себѣ представить, сколько теряли Правительства, измѣняя норму монеты, когда, за таковымъ измѣненіемъ, всякій разъ, старыя монеты должны были ходить съ преміей или идти на переливъ.

Итакъ, обращеніе нѣкоторыхъ монетъ съ особой преміей, должно быть признано тоже лажемъ; такъ какъ оно представляетъ нарушеніе правильности и

логичности системы, проявляя въ ней колебанія цѣны знаковъ одного рода, противу другихъ знаковъ той же системы. Но мы назвали этотъ *лажъ искусственнымъ*, въ отличіе отъ лажа, происходящаго отъ колебанія въ отношеніи стоимостей разныхъ металловъ, представляющихъ знаки одной системы, по условному отношенію этихъ металловъ. Искусственный лажъ отстраняется переливомъ тѣхъ знаковъ, которые нарушаютъ правильность монетной системы, лажъ естественный, или коммерческій, не предотвращается никакими средствами, пока будетъ одновременное обращеніе знаковъ золотыхъ и серебряныхъ совокупно; потому что представляетъ дѣйствительную разность въ цѣнѣ, смотря потому какого рода знаками цѣна эта выплачивается. Понятно, что если условное отношеніе между металлами, по обстоятельствамъ коммерческихъ требованій и жизни, нарушается, то ни какимъ образомъ не можетъ, между стоимостями знаковъ — номинальной и дѣйствительной, не быть разности или лажа, а такая разность, видимо, разрушаетъ даже возможность правильности выраженія стоимостей въ существующихъ знакахъ монетъ.

Разсматривая колебаніе цѣнъ на знаки монетъ въ существующихъ системахъ, противу номинальнаго ихъ значенія, нужно упомянуть и о преміяхъ на нѣкоторыя монеты, даваемыя по ихъ нумизматическому значенію. Но этотъ видъ преміи, уже не принадлежитъ собственно къ системѣ выраженія сто-

имостей монетными знаками. Здѣсь монета является намъ уже не знакомъ, выражающимъ цѣну, а историческимъ предметомъ опредѣленнаго времени, который нужно или желательно сохранить; потому и разсужденіе о цѣнѣ ея принадлежитъ антикварію, а не публицисту. Даваемая за нее цѣна, или лучше сказать премія къ стоимости металла, представляетъ не стоимость ея существеннаго значенія, не коммерческое требованіе на знакъ для обращенія, а скорѣе, условное вознагражденіе, по историческому воспоминанію. Въ этомъ смыслѣ и за мѣдную монету даютъ дороже золотой; но такого рода оцѣнка не относится уже къ анализу выраженія цѣны всѣхъ предметовъ въ знакахъ монеты.

Ясно, что нумизматическая премія болѣе и болѣе извлекаетъ изъ обращенія тѣ старыя монеты, которыя, сами по себѣ, своею неправильностію въ отливкѣ, нарушали общую правильность монетной системы; т. е. тѣ, которыя производили, сами по себѣ, лажъ искуственный. А этимъ, ясно, понятіе о лажѣ приводится къ тому его коммерческому опредѣленію, которое истекаетъ непосредственно изъ колебанія отношенія между стоимостями двухъ металловъ, принятыхъ, совокупно, въ системѣ выраженія стоимостей за нормальный предметъ сравненія.

Уже самая возможность существованія такой разности въ цѣнѣ между монетами, представляющими систему выраженія цѣнъ, — слѣдовательно, самая возможность существованія лажа, — при той могу-

чей поддержкѣ, которая оказывается условно принятому отношенію между золотомъ и серебромъ, есть прямое и положительное доказательство неправильности и нелогичности существующаго порядка выраженія стоимостей въ монетныхъ знакахъ. При правильности системы, ясно, каждая монета должна имѣть свою номинальную стоимость въ надлежащей пропорціональности къ принятой единицѣ, и разности, между стоимостію монеты дѣйствительной и стоимостію номинальной, не можетъ и не должно быть.

Откуда же явилось такое противорѣчіе выраженія стоимостей въ монетныхъ системахъ логическому началу сравненія, тогда какъ эти системы, какъ мы видѣли, имѣютъ совершенно твердое основаніе въ логическомъ выводѣ разума, выражать цѣны, черезъ сравненіе съ стоимостію нормальнаго предмета, за который принимается металлъ? И почему такая неправильность допускается до сихъ поръ, когда самый простой расчетъ убѣждаетъ, что каждая, кажущаяся даже ничтожною, неправильность въ монетной системѣ, — отражаясь въ безчисленномъ количествѣ оборотовъ, — приноситъ неисчислимую потерю для всего общества? Мы отчасти уже говорили объ этомъ, но считаемъ нужнымъ бросить болѣе полный взглядъ на примѣры прошлой политической и общественной жизни, чтобы извлечь изъ нихъ факты, которые бы уяснили намъ логическую истину.

VII.

Историческій и логическій анализъ причинъ отклоненія монетныхъ системъ отъ сущности ихъ правильнаго пониманія. Монеты изъ платины.

Настоящая глава, посвященная исключительно анализу развитія отклоненій въ монетныхъ системахъ отъ той правильности и простоты, которыя онѣ должны бы были сохранять, по сущности своего логическаго опредѣленія, должна представить, нѣкоторымъ образомъ, повтореніе того, что мы уже изложили. Выраженіе стоимостей въ знакахъ монеты, для опредѣленія ихъ взаимнаго отношенія или ихъ цѣны; сравненіе этого выраженія у разныхъ странъ и народовъ, необходимое при взаимныхъ международныхъ сношеніяхъ, и наконецъ, неправильность, происходящая отъ смѣшенія понятій о величинѣ единицы, выраженіемъ ея двумя металлами, слѣдовательно двумя разнородными предметами, — вотъ всё, что могъ представить подробный разборъ существующихъ монетныхъ системъ, и что изложили мы передъ читателями. Но, какъ разъясненіе частныхъ обстоятельствъ такихъ отклоненій монетныхъ системъ отъ логической правильности, которыми сопровождается денежное обращеніе въ практической жизни, въ большей или меньшей степени, должно намъ опредѣлять фактическое значеніе мо-

нетныхъ знаковъ, то мы и не считаемъ излишнимъ вновь обратиться къ разбору этихъ явленій, въ ихъ историческомъ и логическомъ развитіи, согласно тому какъ онѣ которыя отражаются въ современномъ выраженіи и оцѣнкѣ результатовъ человѣческой дѣятельности. Этотъ анализъ поможетъ намъ выяснить современное денежное обращеніе, съ тою опредѣлительностію, которая составляетъ сущность изученія предмета со стороны точнаго, математическаго изслѣдованія; а безъ такого точнаго изслѣдованія, по нашему мнѣнію, нѣтъ науки, слѣдовательно нѣтъ и правильныхъ указаній истины.

И такъ, мы обращаемся назадъ, къ первоначальнымъ понятіямъ о выраженіи цѣны стоимостію металла, и тѣмъ основаніямъ, которыя, исходя изъ развитія идей первобытныхъ обществъ и необходимости ихъ взаимнаго сношенія и обмѣна, объусловили необходимость опредѣлить относительное значеніе стоимостей и выразить его въ общедоступной, осязательной формѣ.

Появленіе металловъ, какъ мы говорили, должно было составить историческую эпоху въ общемъ движеніи жизни. Оно дало человѣчеству новое сознаніе своихъ средствъ и новое орудіе дѣятельности. Человѣкъ получилъ отъ природы ту могучую силу, которая поставила его царемъ разума и дала способъ покорить своему вліянію всё живущее. Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ получилъ новую стоимость, которая, по всеобщему сознанію ея значенія, представила матеріаль-

ный предметъ его стремленіямъ, и потому, а также, по соотвѣтственности своихъ свойствъ служить выраженіемъ цѣны, скоро стала всеобщимъ нормальнымъ предметомъ, для сравненія и опредѣленія всѣхъ другихъ стоимостей.

Такимъ образомъ металлы становились естественными и всеобщими представителями богатства; слѣдовательно начинали выражать собою запасы труда, дѣятельности, сбереженія, мысли, изобрѣтенія.... всего, что, до тѣхъ поръ, выражалось, бѣднымъ еще тогда человѣчествомъ, въ предметахъ ближайшей потребности. Мы говорили, что при этомъ, совершенно естественно, каждый народъ, каждое общество, — выражая цѣну предметовъ въ металлѣ, принимали за единицу такое его количество, которое могло бы удобнѣе выражать предметы наиболѣе обращавшіеся въ его домашнемъ быту, или которые, до того, представляли ему норму выраженія его стоимостей; и что такое стремленіе каждаго кружка или общества принять свой способъ выраженія стоимостей, составило основаніе различія монетныхъ системъ разныхъ государствъ и народовъ. Но изъ этого замѣчанія вовсе не слѣдуетъ, чтобы принятіе опредѣленной единицы металла за норму сравненія, въ какомъ либо кружкѣ или обществѣ, зараждающейся только цивилизаціи, могло происходить раціональнымъ обсужденіемъ значенія единицы и ея отношенія къ другимъ предметамъ производства и потребленія. Напротивъ, самая простота жизни пер-

воначальныхъ обществъ до историческаго періода, и естественность взаимныхъ отношеній ихъ, отвергаетъ возможность подобнаго предположенія, обусловливаемаго отвлеченнымъ умозрѣніемъ государственнаго права. Жизнь могла развиваться только послѣдовательно, и такого умозрѣнія не могло быть! Патріархальный бытъ, независимость личности, изолированность семьи, — разумѣется не могутъ совпадать съ учрежденіями, которыя опредѣляются уже высшими требованіями цивилизаціи. Прежде чѣмъ укрѣпилось и укоренилось понятіе, — не только о государствѣ, но даже объ *общинѣ*, разумѣется не могло быть и рѣчи объ общественной нуждѣ и общественныхъ обязанностяхъ; особенно съ точки отвлеченнаго анализа. Потому, въ это время, всѣ виды дѣятельности должны были исходить непосредственно изъ личнаго произвола каждаго. Ясно, что тому же произволу должна была подчиниться и оцѣнка произведеній этой дѣятельности, во всѣхъ видахъ своего проявленія.

Слѣдовательно металлы должны были приниматься на обмѣнъ другихъ предметовъ, просто по отдѣльному желанію и личному взгляду или нуждѣ каждаго имѣть тотъ или другой металлъ, и по всеобщему на нихъ требованію. Ясно, что обмѣнъ на нихъ могъ происходить по мѣрѣ того какъ они представлялись, и по мѣрѣ того какъ значеніе и стоимость ихъ входили въ общее сознаніе. Появилась мѣдь, употреблявшаяся на выдѣлку орудій ежедневнаго потребленія, —

и всеобщая нужда въ ней заставила ее принять за выраженіе другихъ стоимостей. Номадъ начиналъ считать свое богатство не только въ головахъ скота и мѣхахъ убитыхъ звѣрей или мѣрахъ хлѣба; но и въ *кускахъ* мѣди, на которые онъ всегда могъ вымѣнять и скотъ, и мѣха, и хлѣбъ, и другія, нужныя ему, произведенія, — и относительную величину которыхъ, онъ, практически, научился измѣрять ихъ тяжестію. Появились золото и серебро, и стали означать собою, по соразмѣрности спроса и предложенія, опредѣленное количество мѣди, слѣдовательно и другихъ стоимостей; и всякій начиналъ охотно принимать серебро и золото, и измѣрять ими свои стоимости, по тому всеобщему требованію, которое свойство этихъ металловъ вызывало, и которое давало имъ всеобщее значеніе. Но при этой мѣнѣ, совершенно произвольной для каждаго, — не постановлялось никакого предварительнаго условія, никакого общаго соглашенія и опредѣленія, чтобы принимать тотъ или другой металлъ въ томъ или другомъ отношеніи. Просто всѣ три металла принимались, по мѣрѣ того какъ предлагались и требовались; т. е. по отношенію каждаго къ жизни, опредѣляющей спросъ и предложеніе, какъ на нихъ, такъ и на другія стоимости.

Впрочемъ, значеніе металловъ должно было поддерживаться и укрѣпляться постоянно тѣмъ обстоятельствомъ, что рѣдкость ихъ, въ то время, становила ихъ относительную цѣну на весьма высокую

степень противу другихъ произведеній природы и труда; и что требованія на каждый металлъ далеко не удовлетворялись возможностію его получить. Слѣдовательно всѣ три металла должны были обращаться въ народѣ и служить выраженіемъ цѣны другихъ стоимостей, *параллельно* одинъ съ другимъ, по ихъ относительному достоинству, опредѣляемому спросомъ и требованіемъ на каждый. Это была какъ бы мѣновая торговля на металлы, по всеобщей нуждѣ въ нихъ, и происходящей отъ того всеобщности ихъ значенія; такъ что въ таблицѣ, приведенной нами, для объясненія сравненія стоимостей (таблица А), слѣдовало бы прибавить особыя графы для стоимостей каждаго изъ металловъ, чтобы объяснить, что первобытное человѣчество должно было одновременно цѣнить свои произведенія, по отношенію къ стоимостямъ трехъ металловъ, какъ и стоимостямъ всѣхъ другихъ предметовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ тоже время должно было существовать обращеніе и другихъ стоимостей, выражавшихъ собою значеніе предметовъ мѣны; т. е. всякая стоимость, точно также какъ она оцѣнивалась опредѣленнымъ количествомъ мѣди, могла, въ тоже время, оцѣниваться и другою стоимостію, напр. опредѣленнымъ количествомъ мѣховъ, или мѣръ хлѣба и проч. Но другіе предметы, выражая собою оцѣнку стоимостей, по тѣмъ или другимъ неудобствамъ служить выраженіемъ цѣны и монетнымъ знакомъ обращенія въ практической жизни, должны были, мало по

малу, изчезать изъ употребленія и уступать свое мѣсто тремъ металламъ, которые, по совершенной соотвѣтственности своей всѣмъ условіямъ, требуемымъ отъ нормальнаго предмета, для выраженія и обращенія, становились, именно, какъ мы сказали, *параллельными* одинъ другому, *выразителями* цѣны, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, а просто, по взаимной относительности ихъ значенія.

Разумѣется, эти разсужденія нѣтъ возможности подтвердить историческими фактами, потому что *доисторическій* періодъ не имѣетъ исторіи. Но если аналогія человѣческой мысли допускаетъ возможность относить къ временамъ доисторическимъ тѣ явленія, которыя означились въ дальнѣйшемъ развитіи жизни, при условныхъ обстоятельствахъ, которыя должны доисторической жизни соотвѣтствовать, то совокупное и смѣшанное сравненіе стоимостей съ стоимостями трехъ металловъ, параллельно и одновременно, равно какъ и относительное сравненіе ихъ въ тоже время между собою, положительно и точно доказывается подобнымъ же обращеніемъ ихъ въ современныхъ обществахъ первобытной цивилизаціи средне-азійскихъ номадъ. Впрочемъ, смѣшанное обращеніе монетъ изъ всѣхъ трехъ металловъ, происходившее въ самой глубокой древности и достигшее современнаго устройства человѣческихъ обществъ, по нашему мнѣнію, представляетъ самое убѣдительное доказательство того, что выраженіе оцѣнки предметовъ производилось непосредственно

съ стоимостію каждаго изъ металловъ, безъ всякой предвзятой идеи или предварительнаго условія; и что потомъ уже, таковое обращеніе могло приводить общество къ соглашенію въ разсужденіи относительности монетныхъ знаковъ. Библейскія сказанія и историческія открытія въ ниневійскихъ и вавилонскихъ развалинахъ, отчасти, подтверждаютъ эту мысль, соотвѣтствующую совершенно логическимъ понятіямъ объ устройствѣ тогдашняго патріархальнаго быта. Потому мы признаемъ, что всѣ три металла: золото, серебро и мѣдь, — въ слѣдъ за своимъ появленіемъ, имѣли опредѣленное значеніе въ самыхъ первоначальныхъ сношеніяхъ первобытныхъ обществъ, и составляли относительное выраженіе ихъ стоимостей по случайнымъ обстоятельствамъ требованія и предложенія, подобно тому какъ и нынѣ, въ обществахъ не развитыхъ, цѣны предметовъ выражаются металлами, непосредственно по нуждѣ въ нихъ и ихъ требованію, опредѣляясь въ тоже время и другими предметами потребности и производства. На этомъ основаніи, мы заключаемъ, что отклоненіе монетныхъ системъ отъ понятія о сравненіи и систематическомъ выраженіи этого сравненія, началось еще прежде чѣмъ могло явиться въ народномъ пониманіи сознаніе значенія такого выраженія. Потому, можетъ быть, монетныя системы и до сихъ поръ, не получили того опредѣлительнаго указанія, касательно происходящихъ въ нихъ уклоненій отъ ло-

гической правильности, которое, по производимому такими отклоненіями противорѣчію, онѣ должны бы были получить. Люди слишкомъ привыкли къ нимъ, чтобы ясно сознавать ихъ видимыя неправильности, и только математическій анализъ, при изученіи явленій практической жизни, помогаетъ опредѣлить то, что, именно въ слѣдствіе ежедневнаго повторенія, представляется какъ бы нормальнымъ.

Изъ всего сказаннаго нами, уже ясно видно происхожденіе того начала въ монетныхъ системахъ, по которому золотомъ означаются собирательныя числа нѣсколькихъ единицъ, серебромъ самая единица и ея ближайшія дѣленія, а мѣдью — болѣе дробныя части единицы. Жизнь требовала выраженія стоимостей въ какихъ либо знакахъ для обмѣна; это выраженіе появилось въ металлахъ — по ихъ всеобщности, удобству и ближайшей нуждѣ въ нихъ; всѣ три металла были нужны и относительно цѣнились: золото дороже, серебро дешевле, мѣдь еще дешевле. Ясно, что за тѣмъ, должно было послѣдовать нормальное обращеніе всѣхъ трехъ металловъ, по ихъ относительной между собою стоимости, и что эта относительная стоимость ихъ должна была войти въ сущность представляемаго ими выраженія цѣны всѣхъ предметовъ.

Такимъ образомъ, послѣдовательно, металлы получили ту всеобемлемость значенія, для выраженія стоимостей, которая ставитъ ихъ въ исключительное положеніе какъ выразителей цѣны, — положеніе,

которое и въ настоящее время металлы сохраняютъ; потому что ни значеніе кредита, ни обращеніе ассигнацій и образованіе условной стоимости въ денежныхъ бумагахъ, не могли нарушить того непремѣннаго закона о выраженіи цѣны, который, принимая матеріальную стоимость металла за норму сравненія, представляетъ математически вѣрное опредѣленіе значенія каждой стоимости въ ряду другихъ, или ихъ *взаимное отношеніе*.

Но какъ, ни практическое обращеніе, ни теоретическій выводъ не давали и не даютъ никакого преимущества одному металлу противу другихъ, то, опять ясно, не было и причины, по которой можно бы было одному изъ нихъ отдать предпочтеніе; слѣдовательно должны были обращаться всѣ три, по ихъ относительному достоинству, и всеобщей надобности и въ томъ, и другомъ, и третьемъ; т. е. въ одномъ случаѣ и при однихъ обстоятельствахъ требовалась мѣдь; и расчеты и обмѣнъ стоимостей производились на мѣдь; при другихъ на золото или на серебро; такъ что обращеніе всѣхъ трехъ входило въ жизнь каждаго общества одновременно. А такая одновременная совокупность обращенія различныхъ металловъ въ знакахъ монеты, заключаетъ уже въ себѣ начало того условнаго, — *биллоннаго*, если можно такъ выразиться, значенія тѣхъ монетъ, которые, по обстоятельствамъ требованій, свою стоимость измѣняли.

Впрочемъ, пока выраженіе сравненія стоимостей

съ стоимостію металловъ не приняло значенія опредѣленной системы; пока оно не означалось какимъ либо знакомъ извѣстной величины и данной формы, имѣющей установленный вѣсъ и пробу, а представлялось собственно массой того или другаго металла, то есть, пока люди не пришли еще къ сознанію необходимости какого либо даннаго вида монетъ изъ золота, серебра или мѣди, для систематическаго выраженія стоимостей, а производили это сравненіе исключительно по отношенію къ стоимости массы того металла съ которымъ сравнивали, до тѣхъ поръ, выраженіе этого сравненія съ тѣмъ или другимъ металломъ не могло заключать въ себѣ никакого логическаго противорѣчія сущности сравненія. Какой бы то нибыло предметъ отдавали за $^1/_2$ ф. серебра; тотъ же предметъ отдавали за 6 з. золота; ясно, что въ данное время и въ данномъ мѣстѣ стоимость 6 золотн. золота равнялась $^1/_2$ фунт. серебра, и въ выраженіи цѣны предмета не было ничего анти-логическаго. За тотъ же предметъ, въ тоже время, могли давать лисій мѣхъ, опредѣленное количество мѣръ хлѣба, данное число овецъ или лошадей и проч. Но это означало только, что въ то время лисій мѣхъ, опредѣленное количество мѣръ хлѣба, назначенное число овецъ или лошадей, — представляли между собою равныя стоимости, которыя, каждая отдѣльно, равнялись тоже стоимости 6 золотниковъ золота или $^1/_2$ фунта серебра. Положимъ золото становилось дороже; понятно, за пред-

метъ, стоимостію въ 1/2 ф. серебра, начинали давать менѣе 6-ти золотниковъ золота. Но также не стали бы давать за него и лисьяго мѣха и хлѣба въ опредѣленномъ, а не уменьшенномъ количествѣ, если бы поднялась цѣна на лисьи мѣха или хлѣбъ. За то, на оборотъ, если бы золото упало въ цѣнѣ, то за предметъ, стоимостію въ 1/2 ф. серебра, стали бы давать уже не 6-ть, а 7, 8, 9 золотн. золота, смотря потому, на сколько золото стало дешевле: точно также и хлѣба потребовалось бы больше для пріобрѣтенія даннаго предмета, и къ лисьему мѣху слѣдовало бы что нибудь прибавить, если бы лисьи мѣха и стоимость золота стали дешевле. Все это совершенно логически, и вполнѣ соотвѣтствуетъ изложенной уже нами теоріи выраженія стоимостей одна въ другой.

Но трудность, даже, можно сказать, невозможность на практикѣ выражать и представлять различнаго рода стоимости непосредственно вѣсомъ металла, по причинамъ нами уже указаннымъ, какъ мы говорили, весьма скоро вынудила людей прибѣгнуть къ помощи заранѣе приготовленныхъ знаковъ или условной величины кусковъ металла, представляющихъ опредѣленное количество его вѣса, данной пробы; такъ чтобы не было нужды обращаться къ провѣркѣ, сколько и какого достоинства металла, каждый знакъ въ себѣ заключаетъ. Практика жизни должна была требовать введенія таковыхъ знаковъ настоятельно; потому что выраженіе стоимостей въ металлѣ, тогда только могло объусловливать движе-

ніе коммерческой дѣятельности, когда оно отстраняло возможность сомнѣнія въ нормальномъ значеніи предмета, составляющаго основаніе взаимнаго обмѣна. И точно, открытыя монеты въ ассирійскихъ и вавилонскихъ развалинахъ, вполнѣ подтверждаютъ нашу мысль, что человѣчество, въ первобытныхъ еще стремленіяхъ своей едва возникающей цивилизаціи, не смотря на всѣ противорѣчащія обстоятельства и гнетъ завоеваній, стремилось уже къ математически правильному опредѣленію данныхъ, которыя должны были представлять собою выраженіе его дѣятельности; стремилось обозначить плоды этой дѣятельности, — богатство, накопляемое послѣдовательнымъ избыткомъ производства противъ потребленія, — съ тою несомнѣнною точностію, къ которой должна приводить наука. Въ опроверженіе этого нашего замѣчанія нѣкоторые указываютъ на то, что въ Китаѣ, и до сихъ поръ, въ торговлѣ, оцѣнка товаровъ производится непосредственно — вѣсомъ металла; а въ Калифорніи, при открытіи розсыпей, производилась вѣсомъ добываемаго тамъ золотаго песка. Купецъ торгуется прямо на вѣсъ, и платитъ вѣсомъ даннаго металла. Но противъ такого указанія слѣдуетъ предложить вопросъ: какимъ образомъ въ Китаѣ производится раздѣлъ металла, если металлъ отдается въ слиткѣ, и чѣмъ удостовѣряется его достоинство?

Если излишнее количество металла въ слиткѣ, китайскій купецъ сдастъ другими, меньшей величи-

ны, заготовленными заблаговременно, кусками, то самое заготовленіе меньшей величины кусковъ металла для сдачи, указываетъ уже, какъ мы говорили, на монетную систему предварительно приготовленныхъ знаковъ. Обращеніе песка доказываетъ только изобиліе его въ данной мѣстности и нормальное его, естественное достоинство. Тоже слѣдуетъ замѣтить и о достоинствѣ обращающихся слитковъ. Другое дѣло въ мѣстностяхъ, гдѣ такого естественнаго песка и слитковъ нѣтъ, и гдѣ развитіе требовательности въ жизни должно заставлять безпрерывно опасаться подлога. Нельзя же, чтобы въ столь важномъ для общаго интереса дѣлѣ, какъ выраженіе и обмѣнъ стоимостей, общество могло довольствоваться только карательными постановленіями противу нарушителей закона, не принимая никакихъ мѣръ, которыя бы могли такое нарушеніе предотвратить. Монетныя системы, т. е. системы знаковъ заблаговременно установленныхъ и представляющихъ опредѣленную стоимость, вполнѣ отстраняютъ показанныя затрудненія, потому должны были весьма скоро получить всеобщее примѣненіе. И въ Китаѣ есть монеты подобныя Европейскимъ. *Ци* есть такая же единица какъ и *рубль* или *талеръ*, хотя и составляетъ часть опредѣленнаго вѣса (талеръ); слѣдовательно, если и употребляется въ Китаѣ оцѣнка предметовъ собственно вѣсомъ металла, то такая оцѣнка, на практикѣ, составляетъ только частный случай допускаемаго взаимнаго соглашенія, и ни сколько не

касается общаго выраженія цѣны въ государственномъ устройствѣ. Напротивъ: сколько намъ извѣстно, въ Китаѣ употреблялись даже ассигнаціи, слѣдовательно сознаніе единицы монеты не могло не имѣть тамъ уже полнаго и опредѣленнаго представленія.

Мы говорили, что какъ въ математикѣ необходима единица, для выраженія численной величины, такъ и въ монетной системѣ, опредѣляющей стоимости, необходимъ знакъ монеты, представляющій единицу, для опредѣленія того значенія, которое стоимости имѣютъ въ системѣ, и которое выражается также численной величиной. Какъ единица, въ самомъ отвлеченномъ понятіи о себѣ, заключаетъ опредѣленную ограниченность, такъ и знакъ, представляющій единицу монеты, долженъ представлять собою данную величину, ограниченную количествомъ металла, то есть его вѣсомъ и его пробой.

Введеніе знаковъ установленнаго вѣса и достоинства металла, въ опредѣленной системѣ, само собою, должно уничтожать обмѣнъ на него стоимостей по вѣсу и взаимному соглашенію. Нужно только, чтобы система этихъ знаковъ составляла вѣрное и систематическое выраженіе различныхъ величинъ, въ совершенной соотвѣтственности номинальнаго ихъ значенія; а этой то соотвѣтственности и правильности, какъ мы видѣли, монетныя системы не могутъ достигнуть и до сихъ поръ.

Выраженіе стоимостей въ двухъ и даже трехъ металлахъ не составляло противорѣчія правильно-

сти оцѣнки стоимостей предметовъ одна въ другой, пока эта оцѣнка производилась непосредственно по вѣсу и достоинству котораго либо изъ металловъ, какъ предмета, имѣющаго свою стоимость. Но таковое выраженіе получило совершенно иное значеніе когда приняло условный систематическій порядокъ, по которому всѣ стоимости опредѣляются количествомъ замѣняющихъ ихъ, монетныхъ знаковъ, составляющихъ единицу числа. Во всякомъ случаѣ, такое существованіе на практикѣ сравненія стоимостей съ двумя и тремя металлами, подготовляло народныя понятія къ возможности допустить условный способъ выраженія стоимостей и сравненія ихъ съ монетными знаками разныхъ металловъ; способъ, столь рѣзко противорѣчащій логическимъ основаніямъ системы, въ то время, какъ выраженіе стоимостей, естественно, должно принимать математически точный систематическій порядокъ и опредѣлять значеніе каждой стоимости именно съ математическою точностію.

И дѣйствительно, мы видѣли, что такое не логическое сближеніе, совершенно не совпадающаго сравненія, (за отстраненіемъ мѣди) съ двумя разнородными металлами, при дальнѣйшемъ развитіи жизни, перенеслось въ монетныя системы всего свѣта; и, такимъ образомъ, переходя изъ явленій исторической случайности въ общій законъ фактическаго обращенія монетъ, утвердилось окончательно,

принятымъ условіемъ, что стоимость золота къ стоимости серебра должна имѣть нормальное отношеніе.

Нужно при этомъ сказать, что такое неправильное принятіе въ системѣ выраженія стоимостей двухъ разнородныхъ металловъ для сравненія, — совершенно естественно исходило изъ тѣхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ образовывалась общественная жизнь и международныя сношенія первобытныхъ человѣческихъ обществъ, и подъ вліяніемъ которыхъ производилось начало государственнаго устройства, означившагося первоначально, — гнетомъ силы завоеванія.

Когда первобытныя семьи, а потомъ уже кружки или общества начинали сближаться между собою, — по требованіямъ ли возникающей общественности, необходимости ли отразить общую опаснотсь, или взаимной нуждѣ въ обмѣнѣ произведеній, — ясно, въ нихъ должно было, исподоволь, возбуждаться сознаніе необходимости точнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній и общественныхъ обязанностей. А такое сознаніе объусловливало уже указаніе на относительность цѣны предметовъ, которыми такія обязанности могли выполняться. А когда предметы, составляющіе общественную потребность, стали выражаться массой двухъ металловъ, и образовались знаки того и другаго металла, ясно, должно было послѣдовать, болѣе или менѣе, условное отношеніе между этими металлами, по взаимному соглашенію

пріема того и другаго рода знаковъ. Потомъ, когда гнетъ завоевателей подавлялъ свободу соглашеній, то обмѣнъ стоимостей и выраженіе его двумя металлами, должны уже были невольно подчиниться всесильнымъ требованіямъ завоевателя; такъ что отношеніе между стоимостію знаковъ монеты изъ золота и серебра, въ народномъ обращеніи, подчинялось тому, въ какомъ отношеніи принимались эти знаки въ требованіяхъ абсолютнаго произвола.

Изъ этого видно, что знаки монеты изъ золота и серебра представляли изъ себя первоначально, какъ бы независимую одинъ отъ другаго норму сравненія, и сохраняли, одинъ въ разсужденіи другаго, свою относительную цѣну, опредѣляемую спросомъ и предложеніемъ; потомъ, — когда сила, подчиняющая себѣ всѣ явленія экономическаго быта, требовала себѣ такихъ знаковъ въ условномъ отношеніи, должны были подчиниться этой силѣ, регулирующей всѣ частныя требованія; должны были получить, въ взаимномъ сравненіи стоимостей, то отношеніе, которое, произволомъ силы, руководящей спросомъ и предложеніемъ, опредѣлялось. И вотъ начало условнаго обращенія знаковъ монеты изъ двухъ металловъ, послѣдствія котораго мы указывали.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, — общества и народы, сливаясь между собою, должны были смѣшивать взаимно обращавшіеся до того въ томъ и другомъ обществѣ монетные знаки, — знаки иногда, по стоимости своей, совершенно несоизмѣримые. Эти знаки, ясно,

должны были получать, хоть и близкое отношеніе къ дѣйствительному, но все же условное, которое уже потомъ уравнивалось и приводилось въ соразмѣрность; а этимъ, ясно, — нарушалась правильность въ системѣ дѣйствительной оцѣнки предметовъ въ знакахъ монеты, — и тоже образовывалось условное ихъ представленіе, или, какъ мы уже выразились, *биллонное* значеніе монеты. Это биллонное значеніе, поддерживаемое гнетомъ силы, должно было получать всеобщность значенія въ народномъ понятіи, до тѣхъ поръ, разумѣется, пока разность между ними и дѣйствительною стоимостію монеты, не переходила границы коммерческихъ требованій на тотъ или другой металлъ, образуемыхъ отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, — которыя совершенно всѣ условныя отношенія монетныхъ знаковъ между собою, естественно, должны были ниспровергать.

Между тѣмъ, нельзя не замѣтить, что образовавшіяся грубою силою завоеванія древнія Монархіи, управляемыя исключительно произволомъ завоевателя, въ самой силѣ этого произвола, должны были заключить стремленіе къ справедливости, равноправности и соразмѣрности. Вавилонскій Повелитель и ассирійскій или персидскій Монархъ, окруженный магическимъ ореоломъ не человѣческой власти, — за удовлетвореніемъ личныхъ — самыхъ необузданныхъ желаній и требованій, не могъ не быть справедливъ къ отдѣльнымъ стремленіямъ и выра-

раженію требованій массы. Передъ нимъ были всѣ равны; а эти всѣ составляли народъ, общество, которое, по законамъ жизни, должно было проявлять стремленіе къ общественности, слѣдовательно и правильности въ взаимныхъ сношеніяхъ и въ оцѣнкѣ при обоюдномъ обмѣнѣ.

Это сознаніе справедливости и развитіе государственныхъ началъ въ Правительствахъ первобытныхъ Монархій, требующее равномѣрнаго распредѣленія опредѣленныхъ пожертвованій, вынуждало установлять для всѣхъ соразмѣрные взносы или платежи. Взносы эти должны были опредѣляться предметами потребленія, оцѣниваемыми знаками монеты. Ясно, что при этомъ должно было обозначаться и то отношеніе, по которому одинъ знакъ монеты принимался за другой; а такимъ установленіемъ должна была утверждаться система обращенія монетныхъ знаковъ, въ томъ самомъ условномъ отношеніи, въ какомъ она была принимаема Правительствомъ, при выполненіи опредѣленныхъ имъ установленій. Если Правительство, пользующееся общимъ кредитомъ и полною силою значенія, объявляло, положимъ, что оно, въ замѣнъ 15 серебряныхъ знаковъ, принимаетъ 1 равный имъ золотой, — то, при значительности взносовъ, слѣдуемыхъ Правительству отъ всѣхъ сословій и званій, ясно — безъ особыхъ причинъ, которыя бы нарушили эту пропорцію, золото и серебро должно было обращаться, согласно приведенному отношенію, какъ 1 : 15,

хотя бы пріемъ знаковъ того и другаго металла и былъ предоставленъ свободному соглашенію, какъ предоставлялась до того взаимному соглашенію мѣна предметовъ на золото и серебро по вѣсу.

Инициатива Правительства, даже противъ его желанія, должна была въ этомъ отношеніи получить рѣшительное вліяніе, уже потому, что давала указаніе народу, относительно взаимнаго отношенія стоимостей двухъ металловъ. Но, разумѣется, эта инициатива могла быть существенною только до тѣхъ поръ, пока разность, между номинальною цѣною знака, по принятому условію, и дѣйствительною его цѣною, по стоимости металла, какъ мы сказали, не превышала предѣла, образуемаго торговою требовательностію. Когда же таковая разность начинала превышать условную силу нормальнаго значенія, ясно, должно было происходить колебаніе цѣны того и другаго металла; т. е., можно сказать, должна была происходить борьба между установленной нормой и торговыми требованіями, и одно изъ нихъ должно было получить преобладаніе. А если преобладаніе получали торговыя требованія, ясно, — они должны были нарушать систему, которая на установленной нормѣ опиралась.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, принятое условно отношеніе между стоимостію золота и серебра, поддерживаемое установленіями Правительствъ въ повсемѣстномъ обращеніи, болѣе и болѣе входило въ систему выраженія стоимостей въ монетныхъ

знакахъ; съ другой, возбуждало собою противорѣчіе торговой требовательности, по спросу и предложенію того и другаго металла, и тѣмъ производило колебаніе въ условной системѣ монетныхъ знаковъ противу ихъ дѣйствительной цѣны. Но, какъ принятое условіе было постоянно, — торговыя же требованія подчинялись обстоятельствамъ, то система, основанная на условномъ отношеніи между собою двухъ металловъ, укоренялась въ общемъ мнѣніи и принималась за непреложную, до тѣхъ поръ, пока, опять, случайныя обстоятельства не подвергали колебанію самой ея сущности, основанной на столь неправильной и чисто условной проблеммѣ, будто отношеніе между двумя независимыми величинами, — каковы стоимости двухъ разнородныхъ металловъ, можетъ быть принимаемо за неизмѣнное.

Но именно уже потому, что такія колебанія могли происходить, — не смотря на общепринятость условія, по которому выраженіе сравненія стоимостей съ двумя разнородными металлами производится въ одномъ ряду цифръ, — и что этихъ колебаній цѣны знаковъ монеты не могла предотвратить даже сила всеобщаго обращенія разнородныхъ монетъ въ условной пропорціи ихъ значенія, — слѣдуетъ признать, что принятая система выраженія въ монетныхъ знакахъ, не представляетъ точности теоретическаго вывода о правильномъ выраженіи цѣны, — выраженіи, которое должно опираться на разумныхъ началахъ истины, математическихъ законахъ выраженія чи-

сломъ и логической послѣдовательности, а не подчиняться исключительнымъ явленіямъ историческихъ причинъ, создающихъ тѣ или другія условія.

Это замѣчаніе имѣетъ тѣмъ бо̀льшее значеніе въ примѣненіи къ практической жизни, что, какъ мы говорили, съ введеніемъ употребленія монетныхъ знаковъ, долженъ былъ, невольно, вытѣсняться произволъ соглашенія, который составлялъ условіе *мѣны* предметовъ прямо на массу металловъ или ихъ вѣсъ.

Древнія метрологіи, представляя собою туже непослѣдовательность въ выраженіи монетными знаками стоимостей, какая поражаетъ насъ въ настоящее время, само собой, какъ мы упоминали, естественно пришли къ тому не нормальному положенію системъ, которое опредѣлилось выраженіемъ цѣны въ двухъ разнородныхъ металлахъ; слѣдовательно и къ установленію между таковымъ отношеніемъ, вопреки разумному логическому пониманію его значенія, условной нормы. Норма эта, по соображенію разныхъ историческихъ указаній, нужно полагать, между золотомъ и серебромъ принималась какъ 1 : 12; т. е. полагалось, что золотая монета опредѣленной величины и достоинства равняется 12 серебрянымъ равною съ нею величины. Но въ послѣдствіи, когда золото было найдено во многихъ мѣстахъ, слѣдовательно предложеніе его увеличилось, пропорція эта измѣнилась и сдѣлала золото относительно дешевле, такъ что за 600 лѣтъ до Р. Х. оно принималось въ отношеніи серебра какъ 1 : 10, т. е. за опредѣленнаго

вѣса монету изъ золота давали только десять равныхъ серебряныхъ. Но когда найденныя на поверхности земли золотыя розсыпи истощились и добываніе золота потребовало большаго труда, для извлеченія его изъ глубины земли, — слѣдовательно, предложеніе его уменьшилось, а роскошь жизни возбудила на него усиленныя требованія, то скоро опять эта пропорція должна была войти въ прежнюю норму, и золото, по отношенію своему къ серебру, стало цѣниться опять какъ 1 : 12; потомъ какъ 1 : 12½ а послѣ даже и какъ 1 : 13. Въ этомъ условномъ отношеніи означена стоимость нѣкоторыхъ монетъ временъ Птоломеевъ. Юлій Цезарь, во время абсолютнаго своего управленія Римомъ, примѣняясь, разумѣется, къ дѣйствительной цѣнѣ металловъ, установилъ нормальною пропорціей отношенія золота къ серебру какъ 21 : 250, т. е. почти какъ 1 : 11.9. Но съ той поры золото постоянно возвышалось, и, при раздѣленіи Римской Имперіи на Западную и Восточную, обращалось уже въ отношеніи, какъ 1 : 14.5.

За тѣмъ, мы говорили, что цивилизація древнихъ, относительно выраженія стоимостей и денежнаго обращенія въ монетныхъ знакахъ, весьма мало имѣла вліянія на средніе вѣка, когда наплывъ дикихъ племенъ, одного за другимъ, послѣдовательно разрушали тѣ начала, которыя успѣла выработать образованность. Впрочемъ, у роскошнаго, развратнаго, разлагающагося тогда Рима, учиться систематической правильности выраженія стоимостей и отчетливаго

представленія ихъ монетными знаками, было, какъ мы указывали, нечему, даже и варварамъ. Мы говорили уже, что произволъ римскихъ Императоровъ, увлекаясь ошибочными соображеніями, допускалъ уменьшеніе и измѣненіе нормы монеты, слѣдовательно уничтожалъ, въ самомъ основаніи, правильность воззрѣній на значеніе монетныхъ знаковъ и способъ выраженія ими стоимостей, которыя начали было выработываться въ коммерческихъ республикахъ древняго міра, подчинявшихъ отливъ монетъ общественному наблюденію. Правда, этотъ произволъ въ Римѣ, благодаря всемірности значенія римскаго правительства, не былъ столь ощутителенъ. Знаки монетъ, отливаемые различной величины, получали значеніе по времени своего выпуска, и составляли какъ бы части одинъ другаго во всеобщемъ обращеніи, въ одной, общей, всемірной системѣ. Но тѣмъ не менѣе, этотъ произволъ, въ опредѣленіи нормы знаковъ и измѣненіи ихъ, не могъ не отражаться невыгодно въ монетномъ обращеніи, даже и при всеобщности своего значенія. Еще болѣе невыгодно отражался такой произволъ, прежде полнаго развитія Римскаго могущества, въ отдѣльныхъ греческихъ колоніяхъ, на берегахъ и островахъ средиземнаго моря; когда эти колоніи, подобно тому, какъ отдѣльныя общины итальянскихъ городовъ въ средніе вѣка, подпадали подъ вліяніе одного изъ своихъ согражданъ. Захватывая въ свои руки абсолютную власть и подчиняя бывшую республику своему про-

изволу, — древній тиранъ, какъ въ послѣдствіи и средневѣковой подеста, — разумѣется прежде всего долженъ былъ употреблять всѣ способы къ своему возвышенію и укрѣпленію захваченной власти. Для того, ясно, онъ долженъ былъ не останавливаться передъ представляющимися средствами, между которыми, однимъ изъ первыхъ, былъ произволъ отливки монетъ и измѣненіе ихъ нормальнаго достоинства. Онъ полагалъ, что изъ такого произвола можетъ извлечь себѣ выгоду, и спѣшилъ воспользоваться ею, нарушая то, что, логически, должно было представлять неизмѣнную послѣдовательность. Между тѣмъ, взаимность сношеній съ свободными республиками Греціи, охранявшими правильность своихъ монетныхъ системъ общественнымъ наблюденіемъ, — нѣтъ сомнѣнія требовала равенства въ коммерческихъ сдѣлкахъ. Это равенство нарушалось произволомъ въ отливкѣ монеты. Ясно должна была начаться реакція, которая нарушала взаимную довѣренность между народами, парализируя дѣятельность того, у котораго система монетныхъ знаковъ оказывалась испорченною. Но это слѣдствіе, совершенно естественное, было, обыкновенно, незамѣтно деспоту, и онъ полагалъ, что приноситъ существенную пользу общему дѣлу, а главное самому себѣ, когда, по видамъ ошибочныхъ финансовыхъ соображеній, заставлялъ обращаться счетный талантъ чуть не въ половину единицъ вѣсу, который онъ долженъ бы былъ въ себѣ заключать.

Расказываютъ, по этому поводу, забавный анекдотъ о разговорѣ одного изъ сиракузскихъ тирановъ съ однимъ изъ афинскихъ философовъ. Тиранъ хвалился передъ нимъ своими тонкими соображеніями по устройству дѣлъ, объясняя, что вотъ онъ устроилъ именно какое-то учрежденіе, на которое требовалось опредѣленное количество серебра, ровно за половину; такъ какъ онъ приказалъ отлить, изъ имѣющагося серебра, ровно столько монетъ, сколько нужно было, чтобы заплатить за работу сполна. Философъ, безмолвно, выслушалъ это объясненіе деспота; и когда тотъ окончилъ, то отвѣчалъ, что это дѣйствительно великая идея, и что, примѣняясь къ ней, онъ сейчасъ же намѣренъ сдѣлать распоряженіе объ улучшеніи и своего собственнаго маленькаго хозяйства; именно, у него на малоазійскомъ берегу была хозяйственная плантація, на которой работало нѣсколько десятковъ невольниковъ. Каждому невольнику давался ежедневно цѣлый хлѣбъ, опредѣленнаго вѣса, для пропитанія. Онъ сейчасъ же напишетъ къ своему управляющему, чтобы изъ даннаго количества муки пекли вдвое болѣе хлѣбовъ, и такимъ образомъ, у него въ два дня будетъ выходить столько же муки, сколько выходило, до сихъ поръ, въ одинъ, хотя онъ будетъ также раздавать каждому работнику по цѣлому хлѣбу; стало быть расходъ, по содержанію фермы, уменьшится вдвое.... Только меня мучитъ тутъ одно сомнѣніе, Государь, — сказалъ философъ, высказавъ свое предположеніе, со-

вершенно точно совпадающее съ финансовой мѣрой одного изъ Діонисіевъ. — Сомнѣніе, которое, впрочемъ, должно удовлетворительно разрѣшиться тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ платежъ за работу монетой половиннаго размѣра: будутъ ли также сыты мои невольники, когда получатъ хлѣбъ на половину меньшій того, какой получали прежде?

Не знаемъ, что отвѣчалъ на этотъ вопросъ сицилійскій деспотъ, но знаемъ, что произволъ въ отливкѣ монеты и измѣненіе нормы ея, а за тѣмъ, обязательный пріемъ, условное обращеніе и естественно слѣдовавшая за ними неправильность выраженія стоимостей и колебаніе всѣхъ цѣнъ, были явленіемъ нормальнымъ въ абсолютномъ Римѣ, такъ что, не смотря на его всемірное значеніе, средства его Правительства истощились до такой степени, что оно вынуждено было прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, для извлеченія новыхъ источниковъ дохода; а такими мѣрами, разумѣется, деморализировало свое государственное устройство до такой степени, что, наконецъ, — стало легкой добычей варваровъ.

Мы говорили, что когда эти варвары могли водвориться на развалинахъ всемірной, абсолютной Имперіи, то самая роскошь жизни Рима и соблазнъ цивилизаціи, должны были увлечь чувственные инстинкты его побѣдителей, и естественно возбудить до жадности ихъ стремленіе къ пріобрѣтенію металловъ, за которые, въ то время, можно было купить въ Римѣ все. Потому желаніе захватить въ

свои руки возможно большее количество монетныхъ знаковъ, безъ всякаго сознательнаго обсужденія значенія этихъ знаковъ и относительности цѣны ихъ, было естественнымъ слѣдствіемъ всемірнаго историческаго столкновенія племенъ и народовъ. Отсюда, ясно, что вновь формирующіяся общества, въ системахъ выраженія стоимостей въ знакахъ монеты, должны были представлять полный хаосъ произвола, насилія, личныхъ воззрѣній, которымъ отличалось монетное обращеніе при римскихъ Императорахъ, — съ тою еще разностію, что этотъ произволъ и личныя воззрѣнія не могли имѣть всеобщаго характера. Потому и какъ, съ самыхъ основаній гражданственности, — мы видѣли — обращались монеты изъ разныхъ металловъ, и эти монеты, въ условномъ отношеніи своихъ стоимостей, обращались въ Римѣ и при его паденіи; то, естественно, что наплывающіе варвары захватили себѣ въ руки монеты того и другаго металла; слѣдовательно должны были принять и ихъ условное обращеніе, безъ всякаго, разумѣется, соображенія о томъ, въ какой мѣрѣ такая условная двойственность въ выраженіи стоимостей нарушаетъ его логическую правильность. Въ то время золотыя монеты по отношенію къ серебрянымъ обращались какъ 1 : 14. 5. Естественно, что эта же норма перешла и къ завоевателямъ, возвысившись нѣсколько ихъ стремленіемъ получить больше золота, чтобы, въ возможно удобной формѣ, имѣть больше способовъ для наслажденія и богат-

ства. Эта норма, какъ 1 : 15, стала всеобщею и удержала свое значеніе, съ весьма незначительнымъ измѣненіемъ, почти до нашего времени.

Такимъ образомъ перенеслось въ новую исторію условное обращеніе золотыхъ и серебряныхъ знаковъ монеты, не смотря на всю нелогичность идеи, будто можно опредѣлить какое либо число количествомъ единицъ, имѣющихъ двойственное значеніе. Но въ это время, какъ мы говорили, Правительства не только не искали, но и не могли искать логическихъ основаній и математической точности въ принимаемыхъ ими положеніяхъ; они отвергали даже тѣ явленія, на которыя указывала имъ исторія и практика жизни. Они хотѣли признавать только свой произволъ, подчиняя этому произволу — даже болѣе чѣмъ законы природы, — непреложныя математическія и логическія истины; стало быть, странно было бы искать, въ положеніяхъ того времени, какихъ бы то ни было основаній логики. Сюзерены среднихъ вѣковъ думали, что стоитъ только опредѣлить какую либо монету въ данномъ видѣ, сообщивъ ей опредѣленное названіе, и цѣны предметовъ будутъ выражаться въ этой монетѣ, по ея номинальному опредѣленію; и, на основаніи этого мнѣнія, производили всевозможную запутанность въ денежномъ обращеніи, измѣняя норму монеты, установляя обязательный пріемъ, и давая насильственное обращеніе.... Слѣдствія такого рода нераціональныхъ установленій и нарушенія логической правильности въ томъ

что должно представлять полную и неизмѣнную логическую послѣдовательность и математическую точность, мы указали; онѣ дошли до насъ, какъ историческій слѣдъ прошлой жизни народовъ и ихъ быта.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ развитіе обществъ шло впередъ, въ правительствахъ начинало проявляться сознаніе неправильности и нелогичности существовавшаго порядка денежнаго обращенія. Каждое изъ нихъ старалось, по возможности, исправить замѣчаемый имъ недостатокъ въ выраженіи стоимостей, и происходящій отъ того недостатокъ опредѣлительности и точности, обозначающійся колебаніями цѣнъ самыхъ знаковъ выраженія. Для того, правительства, по необходимости, должны были прибѣгать къ разнаго рода постановленіямъ, которыми думали предотвратить тѣ неправильности въ обращеніи монетъ, которыя имѣли большее или меньшее вліяніе на коммерческую дѣятельность, слѣдовательно отражались болѣе или менѣе невыгодно на дѣйствіяхъ ихъ самихъ. Но правительства того времени, вопервыхъ, были слишкомъ слабы для того, чтобы прекратить существующій произволъ, производящій затрудненія, особенно въ международныхъ сношеніяхъ; во вторыхъ, слишкомъ мало приготовлены, чтобы раціонально обсудить неправильность внутренняго обращенія монетныхъ знаковъ, по отвлеченному понятію того, что эти знаки должны представлять. Поэтому, ясно, они не могли основать свои заключенія на отвлеченныхъ законахъ разумнаго по-

нимания и положительныхъ началахъ науки, выраженныхъ въ точной математической формулѣ, которая бы всѣ уклоненія, всѣ неправильности собою опредѣляла. Они должны были обратиться къ практическому значенію монетныхъ системъ даннаго времени, и искать исправленія отклоненій отъ правильности въ практическихъ явленіяхъ жизни. Но невѣрность основаній, принятыхъ въ самомъ началѣ, разумѣется должна была приводить и къ ошибочнымъ выводамъ. Выводы эти, скорѣе опредѣляли существующіе недостатки и колебанія въ монетныхъ системахъ, чѣмъ указывали средство ихъ раціональнаго отстраненія. Потому всѣ правительственныя распоряженія, касающіяся монетныхъ системъ среднихъ вѣковъ и обращенія монетъ въ то время, — во всѣхъ странахъ міра, представляютъ скорѣе палліативныя мѣры къ предупрежденію тѣхъ или другихъ явленій, чѣмъ установляютъ предметъ на твердомъ и обдуманномъ основаніи. Правительства чувствовали затруднительность перевода al pari; еще болѣе ощущали значеніе паденія или возвышенія курса; видѣли существованіе лажа, и, болѣе чѣмъ кто нибудь, на себѣ испытывали невыгоды, производимыя колебаніями цѣны, происходящими отъ невѣрности ея выраженія. Но они обращались не къ изысканіямъ причинъ въ разумныхъ началахъ научнаго взгляда, а только къ прекращенію затрудненій минуты, которыя, болѣе или менѣе, препятствовали развитію практической дѣятельности. Кромѣ того

какъ мы указали, внутреннія колебанія монетныхъ системъ не могли быть для нихъ замѣтны, по привычкѣ видѣть ихъ ежедневно; и что такого рода явленія, они относили не къ неправильности монетной системы, а къ случайнымъ обстоятельствамъ жизни или частнымъ видамъ злоупотребленій, которыя полагали отстранить мѣрами административными. Сюзеренъ, понижая цѣну единицы, и видя, что хлѣбъ подорожалъ по выраженію своему въ этой единицѣ, полагалъ, что дороговизна хлѣба произошла или отъ естественныхъ причинъ, или отъ перекупки его спекуляторами, и принималъ, соотвѣтственно этому своему взгляду, мѣры противу дороговизны. Онъ не сознавалъ того, что дороговизна хлѣба и другія явленія заключались въ его произволѣ цѣнить монету, не по ея дѣйствительной цѣнѣ, а по опредѣленію, которое, онъ думалъ, можетъ дать ей цѣну, и усиливался преслѣдованіемъ того, что, казалось ему, вредитъ обществу. Ясно, что на подобныхъ основаніяхъ, принимаемыя мѣры могли соотвѣтствовать только данному времени; въ общемъ же, скорѣе создавали новыя противорѣчія, производили новую запутанность, чѣмъ отстраняли тѣ, противу которыхъ принимались.

Рядъ мѣръ, принимаемыхъ различными правительствами въ разное время, по предмету денежнаго обращенія, о которыхъ, къ сожалѣнію, иногда случается слышать даже въ настоящее время, — можно подраздѣлить на слѣдующія категоріи: а) учрежденіе

новыхъ подраздѣленій монетныхъ единицъ и приведеніе ихъ въ условную соразмѣрность прежнимъ; b) воспрещеніе отливки монетъ частнымъ лицамъ или, на оборотъ, — отдача монетнаго дѣла на откупъ; c) строгое воспрещеніе перекупки и перелива монеты; d) преслѣдованіе лажа при размѣнѣ, увоза монетъ за границу и лихвенныхъ процентовъ при отдачѣ взаймы; и e) обязательный курсъ и условный размѣнъ монетныхъ знаковъ, и преслѣдованіе тѣхъ денежныхъ оборотовъ, которые, по самой своей сущности, такому обязательному обращенію противорѣчили; почему казались средневѣковымъ правительствамъ нарушеніемъ правильности обращенія, слѣдовательно, — злоупотребленіемъ. Вотъ тѣ мѣры, которыя правительства принимали! Могли ли эти мѣры привести существующій порядокъ выраженія стоимостей, т. е. существующія монетныя системы — въ логическую послѣдовательность, требующую правильности и простоты, безъ раціональнаго обсужденія тѣхъ основаній, изъ которыхъ таковая правильность можетъ исходить? Ясно нѣтъ! Напротивъ! Такого рода частныя мѣропріятія, и преслѣдованіе явленій, которыя истекаютъ изъ сущности практическаго положенія монетныхъ системъ, и которыя признавались за злоупотребленія единственно потому что небыло разсмотрѣно началъ, на которыхъ они опираются, — доказываютъ только неясное сознаніе сущности монетнаго знака и логическихъ законовъ его обращенія; доказываютъ невѣрность взгляда на систему выраженія стоимостей и естественныя слѣд-

ствія отклоненія таковой системы отъ логической правильности, и, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ, не могли предотвратить какое либо затрудненіе въ денежномъ обращеніи, хотя именно въ видахъ такого предотвращенія и принимались.

По совершенной своей безполезности и неправильности, едва ли эти мѣропріятія и заслуживали бы разбора, если бы не случалось слышать иногда и теперь отдѣльные голоса, которые вызываютъ на то или другое мѣропріятіе, совершенно противорѣчащее раціональному взгляду на денежное обращеніе.

Во первыхъ скажемъ о томъ, что правительства вводили новыя единицы и новыя подраздѣленія старыхъ единицъ, и опредѣляли пріемъ прежнихъ въ опредѣленномъ, условномъ отношеніи. Ясно, что отъ такого условнаго опредѣленія разнаго рода знаковъ, нѣкоторые изъ нихъ, въ систематическомъ выраженіи номинальнаго значенія, должны были получить искусственный лажъ, по массѣ заключающагося въ нихъ металла, значеніе котораго, мы надѣемся, читатели уже усвоили. Нельзя, чтобы золотой рубль императрицы Елизаветы, въ настоящее время, отдавался за кредитный рубль билетомъ, когда, по расчету курса и стоимости металла, таковый рубль долженъ стоить болѣе $1^1/_2$ нынѣшнихъ кредитныхъ рублей. Введеніе подраздѣленій, если оно представляетъ полную соразмѣрность съ прежними дѣленіями, облегчая и упрощая расчетъ, разумѣется, не можетъ нарушать правильности выраженія стоимостей. Все

равно будете ли вы считать части талера зильберъ-грошами или гуттенъ-грошами! Но если таковое дѣленіе нарушаетъ соразмѣрность или вводитъ въ обращеніе особое условіе, то оно будетъ положительно противорѣчить правильности выраженія. Не должно забывать, что вопросъ о выраженіи заключается не въ значеніи единицы, а въ опредѣлительности выраженія въ этой единицѣ; все равно выражаемъ ли мы стоимости знаками рубля или алтына, мы одинаково опредѣляемъ ихъ значеніе; вопросъ только въ томъ, чтобы ни рубль, ни алтынъ не представляли измѣняющейся величины, которая, по самой сущности, противорѣчитъ даже идеѣ о нормальности.

Второе слѣдуетъ сказать о постановленіяхъ по предмету перелива, отвоза за границу, перекупки монеты и лажа при ея промѣнѣ; также отдачи на откупъ ея чеканки...

Ясно, что при правильности монетной системы, всѣ эти постановленія и воспрещенія не имѣютъ значенія. Никто не станетъ ни перекупать, ни переливать монету, если такой переливъ не представляетъ выгоды; потому что каждая монета, въ правильной системѣ, своею стоимостію металла, должна соотвѣтствовать своему номинальному значенію, слѣдовательно представлять только сама себя. Для того, чтобы приливъ могъ представлять выгоду, непремѣнно должно быть, чтобы одинъ знакъ монеты былъ дороже другаго, по номинальному значенію ихъ въ

системѣ, — отъ несоотвѣтственности ли отношенія между стоимостями разныхъ металловъ, или отъ неправильности отливки; а такая дороговизна одного знака противъ другаго, слѣдовательно и премія или лажъ, даваемый за одинъ знакъ противъ другаго, указываетъ только на неправильность принятой системы выраженія. Исправьте систему и никто не станетъ ни переливать монетъ, ни давать за какую бы то ни было монету лажа. За что же можно было преслѣдовать тѣхъ, которыхъ преступленіе заключалось единственно въ томъ, что они цѣнили то, что имѣетъ цѣну; и сознательно опредѣляли дѣйствительную стоимость каждаго знака, по существу его матеріальнаго достоинства? За что можно было преслѣдовать тѣхъ, которые подчинялись слѣдствіямъ, тогда какъ причины этихъ слѣдствій развивались по непосредственной иниціативѣ самаго правительства.

Кромѣ того преслѣдованіе вывоза и перелива монеты естественно противорѣчитъ разумнымъ основаніямъ государственнаго права, какъ ограниченіе правъ полной собственности на предметы, пріобрѣтенные свободною дѣятельностію. Монета, полученная за трудъ, есть собственность того кто её заработалъ; если онъ исполнилъ всѣ свои обязанности къ обществу, то нѣтъ повода ограничивать его право пользованія своею собственностію. Ясно, онъ долженъ стремиться извлечь изъ нея возможно болѣе пользы; и если она, по металлу своему, дороже, чѣмъ

представляетъ собою номинально какъ знакъ системы, то, какое же основаніе воспретить ему получить то, что за нее даютъ, и что она дѣйствительно стòитъ?

Увозъ монетъ или увозъ металла, мы видѣли, представляетъ результатъ коммерческой дѣятельности и внутренней жизни общества, также развитія его сношеній съ другими обществами, изъ которыхъ исходитъ разность взаимныхъ требованій, а оттого и разность текущихъ платежей; слѣдовательно не зависитъ отъ произвола увозящихъ. Если они везутъ металлъ, слѣдовательно, въ слѣдствіе какихъ бы то ни было условій, они не могутъ замѣнить его другими предметами, отвозъ которыхъ былъ бы для нихъ выгоднѣе. Въ чемъ же можно найдти преступленіе, если человѣкъ, въ взаимномъ обмѣнѣ произведеній, старается произвести этотъ обмѣнъ возможно выгоднымъ образомъ, т. е. такъ чтобы ему можно было легче и удобнѣе удовлетворить размѣнивающіяся стороны?

Высокій процентъ есть естественное слѣдствіе неправильности общественнаго устройства, финансовыхъ законовъ, образа жизни и общественныхъ требованій, или слѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, которыя образовались подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ. Опять, за что же преслѣдовать тѣхъ, когда они не только не виноваты въ существующемъ злѣ, но можетъ быть, болѣе чѣмъ кто либо, должны ему подчиняться? Развѣ можно требовать, чтобы купецъ продавалъ дешевле чѣмъ покупаетъ? Точно тоже слѣ-

дуетъ сказать и о процентахъ; онъ не можетъ и не долженъ отдавать деньги за проценты меньшія, чѣмъ за какія онъ можетъ получить ихъ самъ.

Обязательный курсъ безспорно принимается обыкновенно всѣми; но уравновѣшивается свободной цѣной. Пусть сдѣлаютъ какой угодно величины нормальную единицу и опредѣлятъ обязательно принимать ее за величину единицы. Нѣтъ сомнѣнія эта единица будетъ обращаться свободно; только выраженіе цѣнъ въ цифрахъ, должно будетъ получить соотвѣтственное измѣненіе, согласно тому на сколько единица будетъ измѣнена, — о чемъ мы уже говорили, разсматривая значеніе относительности выраженія цѣны, и доказывая математически, что съ таковымъ измѣненіемъ единицы не измѣняется цѣна предметовъ, а измѣняется только относительное выраженіе этой цѣны въ принимаемой единицѣ. Всѣ установленія обязательнаго курса истекаютъ изъ несознанія значенія относительности цѣны, которая составляетъ, какъ мы видѣли, основное свойство значенія монеты.

Между тѣмъ, всѣ эти мѣропріятія влекли за собою самое тяжкое стѣсненіе и преслѣдованіе тѣхъ, которые ихъ нарушали. Истязанія и ссылки были легкими наказаніями для нарушителей финансовыхъ законовъ; въ большей же части случаевъ они влекли за собою жестокую казнь. — Но тѣмъ не менѣе всѣ эти жестокія мѣры, представляя видимую несправедливость и касаясь правъ собственности, — были,

какъ мы говорили, не въ силахъ не только предотвратить существующія затрудненія, но даже пріостановить то, что, съ особою жестокостію, преслѣдовали. Преслѣдованіе, истязанія и наказанія за слѣдствія, вызываемыя финансовыми явленіями, истекающими изъ неправильности системы, возбуждали себѣ только бо̀льшее противодѣйствіе въ общей жизни, — правда, противодѣйствіе глухое, скрытое, но отъ того, пожалуй, болѣе опасное и болѣе упорное.

Для объясненія причинъ, почему такого рода административныя мѣропріятія, не смотря на строгость и даже жестокость установляемыхъ ими взысканій, имѣли такъ мало вліянія на сущность жизни и дѣйствительное монетное обращеніе, и столь слабо относились даже къ тѣмъ самымъ финансовымъ явленіямъ, противъ которыхъ принимались; т. е. почему, напримѣръ, онѣ не могли остановить ни перелива монеты, ни лихвенныхъ процентовъ, ни увоза металла, ни лажа, ни ажіотажа бумагъ, и проч., мы выяснимъ здѣсь положеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій въ обществѣ, при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ онѣ преслѣдовались, и приведемъ расчетъ, который заставлялъ людей стремиться къ нарушенію запрещеній, даже подъ страхомъ строгаго наказанія. Мы дѣлаемъ это отступленіе тѣмъ охотнѣе, что — какъ мы уже говорили, полагаемъ, что разсмотрѣніе частныхъ случаевъ денежнаго обращенія и значенія монетъ въ практической жизни, всего болѣе можетъ ознакомить читате-

лей съ сущностію ихъ отличительныхъ свойствъ, а главное значеніемъ ихъ относительности.

Во-первыхъ станемъ говорить о переливѣ монеты.

Мы сказали, что при правильности монетной системы перелива монетъ не можетъ существовать. Правильность системы объусловливаетъ уже пропорціональность каждаго знака, какъ въ своей матеріальной стоимости по вѣсу металла, такъ и по номинальному своему значенію, и равенство той цѣнѣ, которую онъ собою въ системѣ выражаетъ. Слѣдовательно переливать монету и безъ всякаго запрещенія никто не станетъ.

Объусловливая пропорціональность монетныхъ знаковъ ихъ номинальному значенію, съ тѣмъ вмѣстѣ правильная система непремѣнно опредѣляетъ и свое относительное равенство въ выраженіи съ стоимостію металла. Отлить знаки монеты нельзя ни дороже ни дешевле тото, что стоитъ металлъ; потому что, если бы были отлиты знаки номинально дешевле металла, то таковые знаки вели бы только, какъ мы видѣли уже въ теоріи цѣны, къ номинальному возвышенію цѣнъ предметовъ въ выраженіи; т. е. опредѣляли бы ихъ болѣе крупными цифрами по уменьшенію единицы; если бы были отлиты знаки номинально дороже того, чѣмъ металлъ опредѣляется въ своей цѣнности, то, во первыхъ, изчезли бы всѣ прежнія монеты, и въ массѣ поднялась бы номинальная цѣна металла или уменьшилась бы соотвѣтственно номинальная цѣна предметовъ, что въ сущности

представляетъ одно и тоже относительное значеніе; такъ какъ собственно цѣна или взаимное отношеніе стоимостей предметовъ между собою, остается, въ томъ и другомъ случаѣ, безъ измѣненія, а опредѣляется только другими цифрами, которыя это отношеніе выражаютъ. Этимъ замѣчаніемъ объусловливается также невозможность никакого налога собственно на деньги и денежное обращеніе, — въ видѣ ли отдачи монетнаго дѣла на откупъ, или въ видѣ опредѣленнаго сбора при выдачѣ монетъ, или — уменьшенія металла при ихъ отливѣ. Всякій такого рода налогъ будетъ только номинальнымъ измѣненіемъ цифръ, выражающихъ и опредѣляющихъ стоимости, не принося ровно ничего своею сущностію, по относительности значенія, которое выраженіе цѣны въ себѣ заключаетъ.

Вообще весьма много ошибочныхъ заключеній происходило отъ того, что понятіе о цѣнѣ опредѣлялось только ея видимымъ, какъ мы назвали, практическимъ значеніемъ: — отношенія стоимости предметовъ къ стоимости металловъ; — тогда какъ это практическое опредѣленіе есть только видоизмѣненіе логическаго смысла дѣйствительнаго значенія цѣны; а именно, какъ мы говорили: что цѣна предмета есть выраженіе отношенія его стоимости къ стоимостямъ всѣхъ другихъ предметовъ мірозданія; — въ томъ самомъ видѣ, какъ предлагалось нами къ разсмотрѣнію это положеніе въ табли-

цѣ А, — опредѣляемое, только условно, отношеніемъ всѣхъ этихъ стоимостей къ стоимости нормальнаго металла, какъ предмета посредствующаго, для выраженія общаго отношенія.

Слѣдовательно вопросъ о переливѣ монеты обусловливается неправильностію монетной системы, въ самой пропорціональности стоимостей существующихъ монетныхъ знаковъ; безъ различія исходитъ ли таковая непропорціальность отъ разности въ цѣнѣ разныхъ металловъ, представляющихъ различные знаки системы, (отчего, какъ мы видѣли, образуется лажъ), — или отъ порчи монеты, которая одни знаки монетъ системы дѣлаетъ дороже одинаковыхъ съ ними номинально другихъ знаковъ монетъ этой же системы, въ слѣдствіе разности отливки монетъ по количеству и достоинству металла. Въ этихъ обоихъ случаяхъ ясно образовывается премія, — лажъ, искусственный или естественный, который вызываетъ переливъ монетъ, стремленіемъ получить за нихъ то, что они стоятъ. Лажъ этотъ, особенно при неправильности отливки монетъ, случалось принималъ столь существенный характеръ, что положительно нарушалъ самую систему, которая, непропорціональностію стоимости своихъ знаковъ, производила колебаніе цѣнъ во всемъ, что этими знаками выражалось.

Возьмемъ для примѣра ту же польскую копу, на которую мы уже указывали и измѣненіе нормы которой должно было представлять наибольшій лажъ,

вызывающій постоянный переливъ монеты, подвергавшійся столь строгому преслѣдованію со стороны польскаго правительства.

Въ 1300 году копа отливалась въ 233 нынѣшнихъ французскихъ грамма чистаго серебра; т. е. надо полагать, по сближенію ея вѣса съ кельнскою маркою, представляла вѣсъ близкій кельнской марки. Она подраздѣлялась на два злота, а каждый злотъ на 15 грошей. Слѣдовательно каждый злотъ заключалъ въ себѣ $\frac{233}{2}$ или 116.5 фр. грамма, а каждый грошъ $\frac{233}{30}$ франц. грам. чистаго серебра. Когда обращалась копа, ясно, должны были обращаться и соотвѣтственные знаки части копы, т. е. злоты и гроши. Въ 1307 году копа была отлита въ 215 грам. а въ 1350 г. въ 200 гр. Пропорціонально этой величинѣ копы разумѣется стали отливаться злотъ и грошъ; а старые знаки копы, и старые злоты и гроши, ясно, должны были получить премію противу новой копы. Положимъ, кто нибудь имѣлъ бы случай получить знаки старой копы 1300 г. въ 1380 году; ясно, что переливъ ихъ въ металлъ, онъ получилъ бы, противъ номинальнаго значенія суммы, означаемой прежней копой, отъ 12 до 15% чистой выгоды. Можно ли же было остановить стремленіе къ переливу старыхъ копъ какими бы то ни было взысканіями, когда этотъ переливъ давалъ хоть положимъ 12% въ нѣсколько дней. Расчитайте: положимъ, что кто либо изъ серебряныхъ мастеровъ того времени успѣлъ собрать, въ теченіи недѣли,

только одну копу. Онъ получилъ бы за металлъ этой копы 1.12 копы. Покупая на эти деньги опять старыя монеты, онъ получалъ черезъ недѣлю уже 1.24, а еще черезъ недѣлю, копа становилась уже $1^1/_2$ копами номинальныхъ знаковъ. Проходили еще 2 недѣли, у него было уже 2 копы. Такимъ образомъ, сумма, употребленная имъ на переливъ, удвоивалась въ 5 или 6 недѣль, и онъ, продолжая свое занятіе въ теченіи одного только года, имѣлъ бы до 300 копъ. Если бы ему удалось еще только одинъ годъ, въ полномъ размѣрѣ, продолжать переливъ, то, по прошествіи этого другого года, онъ имѣлъ бы 90 т. копъ, громадную сумму для того времени, превышающую относительность значенія современнаго состоянія въ 1 милл. руб. И это состояніе составлялось въ теченіе двухъ лѣтъ, изъ одной только копы, оборотомъ ея перелива и перекупки старыхъ монетъ: можно ли же было остановить такой переливъ одними карательными мѣрами, и остановить лажъ *), который, разумѣется, всякій платилъ съ удовольствіемъ, зная что онъ платитъ не даромъ, а за излишній металлъ, который въ себѣ монета содержитъ, т. е. за ея излишнюю стоимость?

Нѣчто подобное представляетъ взиманіе лихвенныхъ процентовъ и увозъ металла, хотя разумѣется,

*) Искусственный собственно въ отличіе отъ *естественнаго,* происходящаго, какъ мы видѣли, отъ разности въ относительной стоимости металловъ.

каждое явленіе имѣетъ свои основные элементы, а не тѣ, на которыхъ основывается переливъ монетъ и лажъ; но которые, по своему расчету, также какъ и расчетъ перелива, одинаково стоятъ выше всѣхъ карательныхъ мѣръ и преслѣдованія.

Потребность въ деньгахъ, т. е. знакахъ монеты обусловливается движеніемъ коммерческой и производительной дѣятельности. Эта производительная и коммерческая дѣятельность создала условныхъ представителей цѣнности помощію кредита, — подробное разъясненіе котораго, равно какъ и относительное значеніе самыхъ знаковъ его опредѣляющихъ, читатель найдетъ въ продолженіи этого сочиненія. Здѣсь же, чтобы избѣжать смѣшенія предметовъ и вмѣстѣ разъяснить приведенное нами обстоятельство, мы скажемъ только, что кредитъ объусловливаетъ заемъ, — заемъ создаетъ обязательство, а обязательство представляетъ видъ стоимости, хотя будущей — отвлеченной, но не менѣе того имѣющей въ данное время осуществиться. Слѣдовательно, между требованіемъ денегъ и предложеніемъ обязательствъ происходитъ торговля, такая же точно торговля, какъ между предложеніемъ денегъ и какого либо предмета; стало быть цѣна, какъ того, такъ и другаго, совершенно зависитъ отъ того же, отъ чего зависитъ цѣна всѣхъ предметовъ на свѣтѣ, — отъ спроса и предложенія. Много денегъ и мало обязательствъ, — деньги дешевы; много предлагаютъ обязательствъ а мало денегъ, деньги дороги: — въ

чемъ же можетъ быть тутъ преступленіе, что купецъ старается продать свой товаръ какъ возможно выгоднѣе, и подчиняется естественному закону торговли, опредѣляющему цѣну всему на свѣтѣ спросомъ и предложеніемъ?

Къ этому, разумѣется, должно присоединить еще элементъ — страховой процентъ вѣрности обязательства и затрудненій, которыя могутъ встрѣтиться въ его реализированіи. Объясненіе этихъ вопросовъ мы отлагаемъ до подробнаго объясненія о сущности денежныхъ бумагъ, но и здѣсь скажемъ, что страхъ риска, равно какъ и цѣна всякаго затрудненія, естественно, должны входить въ цѣну каждаго предмета торговли, тоже какъ естественныя слѣдствія ея движенія.

Въ этомъ смыслѣ заимодавецъ долженъ быть разсматриваемъ какъ всякій другой купецъ. Онъ, отдавая монету въ долгъ, или, все равно, продавая ее за обязательство, долженъ, разумѣется, стараться за нее получить сколь возможно дороже, и во всякомъ случаѣ не дешевле того, что онъ можетъ подъ это же обязательство получить самъ, если бы ему эти деньги понадобились прежде, чѣмъ срокъ обязательству наступитъ. Причемъ долженъ расчислить всѣ шансы обратнаго полученія денегъ и всѣ расходы, которые при этомъ потребуются, чтобы не обмануться въ обратномъ возстановленіи своего положенія въ матеріальномъ его значеніи. Покупатель сала напр., если онъ желаетъ получить его на мѣстѣ, долженъ опла-

тить продавцу все чѣмъ таковая доставка можетъ быть затруднительна и весь страхъ потери; точно также и занимающій долженъ оплатить могущіе быть расходы и страхъ отдатчика. Торговля денежными знаками представляетъ именно такой же видъ торговой дѣятельности какъ и торговля саломъ, пенькой, кошенилью, — хлѣбомъ; вѣдь не приходило же никому въ голову обвинять купца, зачѣмъ онъ не продаетъ сало дешевле, чѣмъ за сколько онъ могъ бы получить его самъ, если бы оно ему было нужно.

Но, замѣтятъ мнѣ, онъ отдаетъ деньги за проценты несравненно высшіе, чѣмъ какіе самъ платитъ, и, пользуясь нуждой, разрушаетъ состоянія, которыя, такимъ образомъ, переходятъ въ руки ростовщиковъ, пользующихся слабостію характера или неопредѣленностію расчета.

Если отдающій деньги, при отдачѣ ихъ, употребилъ обманъ, хитрость, подлогъ, — то нѣтъ сомнѣнія, что поступокъ его заслуживаетъ преслѣдованія: но вѣдь такого же преслѣдованія заслуживаетъ подобный поступокъ при продажѣ сала, кошенили, и всего, чѣмъ торгуетъ или даже, что дѣлаетъ человѣчество. Обманъ вездѣ и всегда обманъ. Другое совсѣмъ дѣло, если онъ самъ платитъ малый процентъ, потому что въ его лично обязательствѣ всѣ увѣрены, а въ то, которое онъ взялъ, не вѣритъ никто. Въ этомъ случаѣ его барышъ есть прямой процентъ страха. Если отдача денегъ, равно какъ и продажа товара на срокъ, правильна съ торговой точки зрѣ-

нія; т. е. не только не представляетъ ни малѣйшаго риска въ полученіи денегъ, но даже даетъ полную и твердую гарантію въ томъ, что отданныя деньги, или деньги за проданный товаръ, получатся въ день и часъ срока, то, нѣтъ сомнѣнія, что предложеніе такой операціи возбудитъ соперничество во всѣхъ другихъ отдатчикахъ или продавцахъ, и она будетъ выполнена, тѣмъ или другимъ, за возможно меньшій процентъ; — т. е. никакъ не болѣе того, за сколько, по состоянію общаго состоянія денежныхъ дѣлъ, можетъ получить ихъ самъ отдатчикъ; если же отдача неправильна, (разумѣется опять въ торговомъ отношеніи) т. е. представляетъ большій или меньшій рискъ, то излишекъ процента, кромѣ, опять, процента торговаго, какъ мы сказали, представляетъ страховую премію отдатчика. Но и эта премія, при свободѣ процента, уравнивается соперничествомъ, и представляетъ опять видъ обыкновенной торговли на срокъ, по большему или меньшему риску, который такая торговля представляетъ. Въ чемъ же тутъ обманъ, преступленіе, пользованіе чужаго слабостію? Отдатчикъ денегъ пользуется обстоятельствомъ дороговизны денегъ, по всеобщей требовательности ихъ, въ то время когда они у него есть, точно также какъ и всякій купецъ, у котораго случайно имѣлся бы тотъ товаръ, который особенно поднялся въ цѣнѣ, воспользовался бы этою случайностію, сталъ бы продавать его дороже; и обвинять за то купца также смѣшно, какъ смѣшно требовать, чтобы человѣкъ не

былъ голоденъ, когда ему не даютъ ѣсть, или падалъ вверхъ, а не внизъ, вопреки всѣмъ законамъ природы. Но вѣдь и постановленія, опредѣляющія, чтобы всякій отдавалъ и бралъ монеты по номинальной ихъ стоимости, когда эта номинальная стоимость, самимъ достоинствомъ монеты, явно нарушается; или отдавалъ что либо дешевле, чѣмъ можетъ имѣть, — именно такого рода противорѣчія законамъ логики и здраваго смысла, которыя, естественно, должны, сами себя, своими противорѣчіями, уничтожать.

Предотвращеніе случайностей относительной дороговизны нѣкоторыхъ предметовъ, — особенно составляющихъ насущную потребность общества, въ томъ числѣ, пожалуй, и денежныхъ знаковъ монеты, для выраженія обращающихся цѣнностей, если и можетъ лежать на заботливости правительства, то нѣтъ сомнѣнія, что оно не можетъ и не должно быть достигаемо мѣрами карательными, и преслѣдованіемъ лицъ, вся вина которыхъ заключается иногда въ совершенной необходимости, а иногда — въ естественномъ желаніи устроить свое благосостояніе. Стремленіе къ улучшенію своего положенія вложено въ человѣчество его природой; оно залогъ усовершенствованія и движенія, — залогъ мысли и дѣятельности; можно ли же преслѣдовать за то, что человѣкъ, естественно, отдается этому стремленію, совершенно на основаніи точнаго расчета и взаимнаго соглашенія? Такое преслѣдованіе, положительно не достигая цѣли, возвышаетъ только процентъ страхомъ взысканія, и,

именно, встрѣчаетъ глухой и скрытый антогонизмъ, всегда, какъ мы сказали, болѣе вредный и болѣе опасный, чѣмъ видимое явленіе финансовой дѣятельности. И это бываетъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нераціональнаго и насильственнаго вмѣшательства. Цѣна хлѣба напр. никогда не достигала тѣхъ размѣровъ, какъ тогда, когда въ продажу его вмѣшивались карательныя и стѣснительныя мѣры; цѣны на дрова и другія предметы потребности исключительно поднимались тогда, когда администрація вынуждала обязательную продажу ихъ по таксѣ; и такъ во всемъ и всегда. Потому что, если администрація, вопреки справедливости, и можетъ принудить распродать наличные запасы предметовъ опредѣленныхъ потребностей — по данной цѣнѣ, то не можетъ принудить пополнять эти запасы частною дѣятельностію и соревнованіемъ. Въ стѣсненіи раздачи денегъ, тоже самое; именно образуется тотъ процентъ, который объусловливается не только страхомъ риска, но и страхомъ преслѣдованія. Отдатчикъ долженъ будетъ просить двойную цѣну за свои деньги. Въ родѣ того какъ товаръ, подверженный порчѣ, или требующій въ чемъ либо риска, купецъ не можетъ продавать съ тѣмъ торговымъ процентомъ, съ которымъ продаетъ другіе, твердые товары. Благодаря только этимъ стѣсненіямъ и нераспорядительности, процентъ на деньги, — при тѣхъ и другихъ потрясеніяхъ экономическаго быта, можетъ доходить до тѣхъ страшныхъ размѣровъ, которые превышаютъ

даже размѣръ процентовъ, даваемыхъ переливомъ монетъ. Вѣдь если бы правительства, выпуская монету низшаго достоинства, объявляли, что они старую монету принимаютъ въ высшей противъ номинальнаго ея значенія цифрѣ, то перелива бы не было? Точно также, пусть правительство откроетъ учрежденія, которыя будутъ гарантировать, обезпеченнымъ займамъ, опредѣленный, соотвѣтственный состоянію денежныхъ рынковъ, процентъ, и высокіе проценты на вѣрные займы упадутъ сами собою, а невѣрные займы, благодаря соперничеству, тоже будутъ платить возможно меньшій процентъ, соотвѣтственно съ объемомъ риска въ такомъ займѣ; и это совершенно естественно! Но мы къ этому предмету должны будемъ возвратиться не одинъ разъ, при изложеніи значенія кредита и денежныхъ бумагъ; теперь же скажемъ нѣсколько словъ объ увозѣ металла, который такъ еще недавно преслѣдовался и у насъ, и даже, до сихъ поръ, сохраняетъ свое воспрещеніе въ разсужденіи серебряной монеты, о воспрещеніи вывоза которой, весьма недавно было повтореніе. Мы указываемъ на эти предметы прежде, чѣмъ стали говорить о правильности и сущности торговли вообще, собственно съ тою цѣлію, чтобы уяснить передъ читателями относительность значенія монетъ, какъ выразителей *цѣны* — или взаимнаго отношенія стоимостей другъ къ другу.

Увозъ металла, — мы уже видѣли, разсматривая значеніе курса монетъ въ общей теоріи ихъ движе-

нія, — происходитъ отъ необходимости уравновѣсить общій торговый балансъ въ международныхъ сношеніяхъ.

Мы говорили, что торговый балансъ долженъ быть всегда вѣренъ приведенной нами формулѣ: $a = b + x$; т. е. привозъ долженъ быть всегда равенъ вывозу, въ чемъ бы привозъ и вывозъ незаключались, такимъ образомъ, что разность между стоимостями привозимыхъ и увозимыхъ предметовъ должна покрываться стоимостію металла. При томъ мы привели, что если привозъ $a > b$ отвоза, то величина x, означающая количество металла, уравновѣшивающаго собою привозъ и вывозъ, должна быть положительная; если же на оборотъ, $a < b$, то величина x отрицательная, и указали, что если b, т. е. вывозъ состоитъ изъ нѣсколькихъ предметовъ, то увеличеніе отпуска всякаго изъ нихъ (разумѣется при томъ же привозѣ и вывозѣ другихъ предметовъ) уменьшаетъ количество вывоза металла. Слѣдовательно, въ случаѣ усиленнаго привоза товаровъ, разность привоза и вывоза покрывается, естественно, вывозомъ того изъ предметовъ, который представляетъ наибольшую выгоду увозящимъ, и въ этомъ случаѣ металлъ, — стало быть и знакъ монеты этого металла, — представляетъ только товаръ, который если и увозится, то только потому, что высокость цѣны другихъ предметовъ, или неблагопріятныя условія ихъ вывоза, или отсутствіе такого рода предметовъ, которые могутъ быть нуж-

ны въ странѣ, откуда происходитъ усиленный привозъ, заставляютъ покупателей предпочитать его другимъ предметамъ. Металлъ представляется для нихъ товаромъ дешевѣйшимъ, или, правильнѣе выразиться, *сходнѣйшимъ* для вывоза, чѣмъ другіе товары. Какимъ же образомъ обвинять торговца за то, что онъ покупаетъ и везетъ къ себѣ то, что ему нужно, и въ отвозѣ чего онъ надѣется имѣть выгоду? Объусловливать добровольный привозъ безъ соотвѣтственнаго вывоза, мы уже говорили, немыслимо: такое предположеніе противорѣчило бы естественному стремленію людей трудиться въ свою пользу, для своего будущаго обезпеченія. Заставлять кого либо трудиться изъ за тѣхъ предметовъ, которые ему не нужны, также противорѣчило бы логическому смыслу; должно вознаграждать за трудъ или произведенія труда только такою стоимостію, которая нужна тѣмъ, кто таковыя произведенія доставляетъ. Слѣдовательно, если общество, кружокъ, государство нуждается въ чемъ либо, и получаетъ это что либо отъ другаго государства, то оно должно вознаградить это другое государство тѣмъ что нужно тому государству. При таковомъ вознагражденіи, т. е. равномѣрномъ размѣнѣ стоимостей, ясно, какъ мы говорили, увоза металла не будетъ, потому что его не за что будетъ увозить; балансъ будетъ находиться въ равновѣсіи: $a = b$, и не будетъ повода увозъ металла воспрещать, потому что, если бы, по какому либо случаю, металлъ и былъ увезенъ, то

онъ долженъ былъ бы немедленно возвратиться, для уплаты за другія стоимости, изъ этого государства требуемыя. Если же предметы произведеній труда и дѣятельности одной страны требуются, а другой нѣтъ, то, ясно, что за нихъ должно будетъ платить металломъ непремѣнно, и никакое воспрещеніе остановить его вывозъ будетъ не въ силахъ, потому что таковый вывозъ будетъ объусловливаться полною необходимостію уплатить за то что крайне нужно. Затрудненія, представляемыя увозу металла воспрещеніемъ, будутъ возвышать только цѣну привозимыхъ предметовъ, на столько, чтобы премія, этой цѣной доставляемая, — была соотвѣтственна тѣмъ затрудненіямъ, которыя воспрещеніе увоза металла представляетъ; такъ что, чѣмъ стѣсненнѣе будетъ увозъ металла, для покрытія платежей, тѣмъ будетъ выше цѣна привозимыхъ предметовъ, слѣдовательно и премія, которую получитъ тотъ, которому, не смотря на воспрещеніе, удастся увезти металлъ. Возможно ли же такой увозъ остановить? Ясно нѣтъ! Онъ объусловливается привозомъ необходимыхъ предметовъ, и съ прекращеніемъ его, долженъ остановиться привозъ предметовъ, которые увозимымъ металломъ оплачивались. Другое дѣло, если откроется другой предметъ, по сущности своей и цѣнѣ, подходящій къ требованіямъ вывоза. Но этотъ предметъ, и безъ всякаго воспрещенія вывоза металла, самъ по себѣ, возвратитъ его опредѣленную часть, если будетъ требоваться къ вывозу, потому что, своею стоимостію онъ

непремѣнно, въ большей или меньшей степени, будетъ уравновѣшивать балансъ привозимыхъ стоимостей. Если же такого предмета нѣтъ, а настоятельная потребность въ привозимыхъ предметахъ существуетъ, то остановить тайный вывозъ металла, при постоянно возвышающейся преміи на таковый вывозъ, — преміи, которая, весьма скоро превыситъ процентъ перелива монетъ и лихвы, разумѣется не достанетъ никакихъ средствъ и никакого наблюденія.

Практическія замѣчанія, относительно увоза металла изъ Россіи, указываютъ, что затрудненія, встрѣчаемыя отвозомъ при существовавшемъ воспрещеніи, оцѣнивались коммерціей въ 10%. Мы это основываемъ на томъ расчетѣ, что серебряная монета, воспрещенная къ вывозу, ходитъ постоянно на 10% ниже, дозволенной къ вывозу, золотой, по относительной стоимости достоинства металловъ. Отсюда ясно, что, при соображеніи цѣнъ другихъ предметовъ вывоза и требованія на нихъ по опредѣленной цѣнѣ, можно сказать, что золото будетъ вывозиться только въ такомъ случаѣ, когда цѣна эта не будетъ давать никакой преміи за вывозъ предметовъ противу вывоза золота; а серебро, когда предлагаемая за предметы цѣна представляетъ до 10% разности, противу той которую за нихъ требуютъ. Если же требуемая цѣна за предметы, нужные къ вывозу, не даетъ никакой выгоды противу золота, то нѣтъ сомнѣнія будетъ уходить золото; если же не только не даетъ выгоды, но представляетъ еще и разность на 10%

и болѣе, нѣтъ сомнѣнія уйдетъ и серебро, не смотря на воспрещеніе; и усиленіе затрудненій возвыситъ только цѣну вознагражденія за тайный увозъ, возвысивъ на столько же цѣну, опличиваемыхъ таковымъ увозомъ, иностранныхъ товаровъ.

Эти указанія совершенно ясно опредѣляютъ намъ въ какой мѣрѣ не соотвѣтственны, не раціональны и несправедливы стѣсненія, налагаемыя карательными мѣрами на свободу обращенія монетныхъ знаковъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что процентъ, возвышающій цѣнность увозимаго тайно металла, платитъ то общество, которое таковый увозъ воспрещаетъ; слѣдовательно воспрещеніе это представляетъ непремѣнную невыгоду именно того общества, въ которомъ оно существуетъ. Кажется достаточный поводъ, чтобы такого стѣсненія избѣгать? Между тѣмъ, къ сожалѣнію, большая часть правительствъ прибѣгала, прибѣгаетъ иногда и теперь къ карательнымъ мѣрамъ, полагая, что этими мѣрами можно сообщить бо̀льшую правильность денежному обращенію. А одно — именно это средне-вѣковое, романическое время, — рядъ карательныхъ мѣръ составлялъ цѣлую систему управленія. Ограниченія, преслѣдованія, стѣсненія и наказанія были какъ бы нормальною принадлежностію власти, и нарушали самыя естественныя и правильныя стремленія человѣка обезпечить свое будущее правильнымъ расчетомъ своей дѣятельности. Впрочемъ, всѣ эти ограниченія, стѣсненія и преслѣдованія не достигали ровно ниче-

го, — кромѣ всеобщаго обѣдненія, которое тяжелѣе всего отражалась на самихъ Правительствахъ, такъ что, какъ мы сказали, новая исторія застала всѣ средне-вѣковыя правительства, можно сказать, разрушающимися сами собою, подъ тяжестію неоплатныхъ долговъ.

Но какъ ни тяжелы были вообще для всѣхъ, подобнаго рода, ошибочныя мѣропріятія, основанныя на преслѣдованіяхъ и стѣсненіяхъ, сущность логической идеи, о выраженіи и сравненіи стоимостей знаками монеты, главнѣйше страдала отъ тѣхъ общихъ постановленій, которыя, явно, исходили изъ нераціональнаго пониманія значенія монетныхъ системъ и обращающихся знаковъ выраженія стоимостей. Нераціональность эта приводила иногда къ осуществленію такого рода предположеній, которыя совершенно противорѣчили самой сущности значенія монетнаго знака и разрушали возможность правильнаго выраженія, — доказывая, разумѣется, тѣмъ, явный недостатокъ логическаго обсужденія предмета, къ которому относились.

Напр. у насъ въ Россіи, кромѣ двухъ металловъ, имѣющихъ всесвѣтное обращеніе, — были выпущены еще монеты изъ платины. Слѣдовательно, кромѣ двухъ единицъ стоимости въ обращеніи — золота и серебра — создалась новая единица, которой, тоже, нужно было означить условное отношеніе къ двумъ старымъ. Разумѣется, выпускъ платинныхъ монетъ основывался на соображеніяхъ, о необходи-

мости подкрѣпить размѣнный металлическій фондъ государственнаго казначейства приливомъ новыхъ размѣнныхъ знаковъ, имѣющихъ свою матеріальную стоимость. Но мѣра эта, видимо, противорѣчитъ разумному пониманію значенія размѣннаго знака какъ монеты; и на столько нарушала тогда систематическое выраженіе стоимостей, и безъ того запутанное сложными расчетами тогдашняго финансоваго устройства, что, можно сказать, окончательно уничтожала даже идею о правильной системѣ выраженія. Въ Россіи, въ то время, обращались монеты изъ золота, серебра и платины. Каждая, разумѣется, имѣла свою дѣйствительную стоимость, по цѣнѣ металла изъ которой состояла, и стоимость номинальную, по утвержденной нормѣ условія, объ отношеніи ея стоимости къ стоимостямъ монетъ изъ другихъ металловъ. Въ тоже время, въ Россіи, обращались ассигнаціи, представлявшія свою отдѣльную стоимость въ вексельномъ курсѣ, — и хотя въ небольшомъ количествѣ, но имѣлись еще старинные пятаки и другія мѣдныя деньги, имѣвшія также свою отдѣльную стоимость, по стоимости металла, и стоимость номинальную, по отношенію къ ассигнаціонному рублю; такъ какъ отливка ихъ, даже по 1762 годъ, представляла норму не болѣе 16 р. изъ пуда мѣди, а съ 1762 г. по 1832 г., не болѣе 32 р. изъ пуда мѣди, а пудъ мѣди, въ это время, стоилъ не дешевле 40 ассигнаціонныхъ рублей.

И такъ, въ одно и тоже время, для оцѣнки стои-

мостей, у насъ обращалось *пять* разнородныхъ величинъ, — *пять* единицъ сравненія; пять стоимостей, имѣющихъ каждая свою независимую величину! Оцѣнка всего должна была производиться въ этихъ единицахъ и выражаться однимъ числомъ. Но какимъ же средствомъ, можно было уравнять эти *пять* разныхъ основаній одной и той же системы; эти пять единицъ одного и того же числа, когда каждая, какъ мы сказали, имѣла свое значеніе и свою величину, совершенно съ другими не соизмѣримую? И что могло опредѣлять это число, каждая единица котораго, имѣла *пять* значеній, одно отъ другаго независимыхъ.

Общность условія, принимающаго отношеніе между этими разнородными стоимостями за нормальное, слѣдовательно, принимающаго неравныя величины за равныя, въ общемъ счетѣ, нѣтъ сомнѣнія, — при полномъ народномъ довѣріи къ правительству, должно было ослабить то вліяніе, которое производило противорѣчіе логической послѣдовательности въ принимаемой, для выраженія цѣны, системѣ. Но, во-первыхъ, такое условное уравненіе неровныхъ величинъ, естественно, должно было вести къ значительнымъ потерямъ само правительство, которое его поддерживало; потому что, естественно, изъ двухъ величинъ, принимаемыхъ имъ за равныя, къ нему поступала всегда меньшая величина; во-вторыхъ, въ томъ случаѣ, когда равновѣсіе это, не смотря ни на какую поддержку, должно было нарушаться по требо-

ваніямъ жизни, естественно, должно было происходить то колебаніе цѣнъ на всѣ предметы, которое исходитъ непосредственно изъ неправильности ихъ выраженія.

Мы взглянемъ на эти *слѣдствія*, чтобы ближе ознакомиться съ *причиной*.

Разумѣется, первое, что должно было развиться до возможности, какъ слѣдствіе неправильнаго выраженія цѣнъ монетными знаками, это *лажъ* на разнаго рода знаки, имѣющіе свою независимую стоимость, и, опредѣленнымъ условіемъ, подчиненныя обязательному обращенію въ стоимости номинальной.

Лажъ на ассигнаціи противъ знаковъ металлическихъ; лажъ на металлы противъ ассигнацій; лажъ на золото и на серебро, по требованію металловъ, и особо на платину, по ея малоизвѣстности и далеко не всеобщей потребности; съ тѣмъ вмѣстѣ и по ея рѣдкости въ обращеніи. Кромѣ того лажъ на мелочь и на мѣдь разнаго вида.... Всѣ эти виды лажа развились быстро, приняли форму игры на промѣнъ монетныхъ знаковъ. Тройки съ серебромъ и золотомъ начали летать изъ Петербурга въ Москву и обратно, производя искусственную потребность въ томъ или другомъ металлѣ, въ тѣхъ или другихъ знакахъ монеты, и ихъ искусственное удовлетвореніе. А такая потребность и такое удовлетвореніе, такая игра въ стоимости, — производили безпрерывное колебаніе цѣнъ на предметы первой потреб-

ности, отчего въ свою очередь измѣнялся лажъ на монеты, ежедневно обращающіяся въ народѣ. Передъ ликвидаціей прежнихъ аесигнацій, отчасти вынужденной этими колебаніями, лажъ на нихъ противу курса доходилъ до 15%, измѣняя разумѣется стоимости всѣхъ предметовъ, и въ теченіе дня колебался иногда на 4% и на 5%, тогда какъ стоимость каждой изъ монетъ имѣла свой лажъ въ выраженіи другихъ монетъ. Такого рода положеніе дѣлъ, естественно, должно было производить всеобщую запутанность и недоумѣніе.

Обстоятельное объясненіе этого явленія, бывшаго исключительно въ одной Россіи, и обозначенное въ исторіи денежнаго обращенія *періодомъ лажа*, мы можемъ предложить опять не прежде, чѣмъ изложимъ подробно значеніе денежныхъ бумагъ; потому что, въ противномъ случаѣ, читатель встрѣтилъ бы въ этомъ объясненіи неизслѣдованный еще нами элементъ бумажныхъ стоимостей, которыя на проявленія лажа въ Россіи имѣли столь существенное вліяніе, что самое явленіе его себѣ, можно сказать, подчиняли. Въ настоящее время, за даннымъ уже объясненіемъ сущности понятія о лажѣ въ монетныхъ системахъ, какъ о разности между номинальной и дѣйствительной стоимостями монетныхъ знаковъ, исходящей изъ нарушенія пропорціональности ихъ внутренняго достоинства номинальному значенію въ системѣ, мы можемъ только сказать, что, бывшее въ Россіи, явленіе *лажеваго періода* въ де-

нежномъ обращеніи исходило, непосредственно, изъ той неправильности финансоваго положенія, по которому разнородныя стоимости, въ опредѣленныхъ знакахъ, принимались въ условномъ отношеніи между собою, по номинальному значенію каждаго знака, въ одной, послѣдовательной системѣ выраженія стоимостей; тогда какъ, таковое отношеніе, по внутреннему достоинству каждаго знака и его дѣйствительной стоимости, въ слѣдствіе требованій жизни, должно было безпрерывно измѣняться, и тѣмъ, естественно, нарушать принятый порядокъ и условную систему выраженія. За тѣмъ, ясно, что условное постоянство принятой нормы, нарушаясь безпрерывно въ отношеніи принятыхъ знаковъ, должно было вызывать безпрерывное измѣненіе цѣнъ этихъ знаковъ, и тѣмъ производить и въ самыхъ цѣнахъ предметовъ и взаимномъ обмѣнѣ безпрерывное колебаніе, которое потомъ приняло характеръ денежной игры, затрудняющей обороты и дѣятельность цѣлой Россіи.

Второе явленіе, которое должно было происходить отъ несообразнаго принятія разнородныхъ величинъ за нормальную единицу системы, представляется какъ результатъ неправильнаго пониманія сущности монеты и ея обращенія въ практической жизни. По мѣрѣ того, какъ какой либо металлъ значительно поднимался въ цѣнѣ, сравнительно съ другимъ металломъ системы, слѣдовательно и относительно номинальной своей стоимости, — монеты, отлитыя изъ этого металла, должны были исчезать изъ обраще-

нія, — для продажи на переливъ; а этимъ, естественно, должны были производить недостатокъ въ размѣнныхъ знакахъ для обмѣна стоимостей.

Пятаки временъ императрицы Екатерины II отливались по 240 шт. изъ пуда мѣди. Слѣдовательно, пудъ мѣди въ пятакахъ представлялъ номинальную стоимость въ монетной системѣ не болѣе 12 р. На этомъ основаніи, серебряный рубль того времени стоилъ $^1/_{12}$ часть пуда мѣди. Серебряный рубль въ то время (въ 1763 г.) отливался въ 5 з. 60 д. серебра 72 пробы, и по отношенію его къ монетѣ иностранной, хоть французскимъ ливрамъ Людовика XIV, которые заключали въ себѣ каждый, — на русскій вѣсъ, чистаго металла 6 золотн. 23 доли; русскій серебряный рубль 1763 года или $3^1/_3$ фунта мѣди, стоилъ почти $^2/_3$ ливра. Потомъ, въ слѣдствіе выпуска бумажныхъ денегъ и другихъ политическихъ и экономическихъ обстоятельствъ, русскій рубль упалъ на 75%, и сталъ стоить уже не $^2/_3$ ливра вѣса Людовика XIV, а только его $^1/_6$ часть; такъ что, за монету французскій ливръ, стали давать шесть русскихъ курсовыхъ рублей. Ясно, что соотвѣтственно паденію номинальной стоимости рубля, упали и части рубля, слѣдовательно и пятикопѣечники. Каждый изъ нихъ стоилъ уже не $^1/_{30}$ часть ливра, или не $^{20}/_{600}$ а только $^5/_{600}$ ливра, въ тоже время металлъ 5 золотн. 60 дол. 72 пробы серебра, также какъ и $3^1/_3$ фунта мѣди сохраняли свою прежнюю стоимость т. е. не менѣе $^2/_3$ ливра; слѣдовательно пудъ сере-

бра или мѣди въ металлѣ былъ, почти, въ трое дороже, противъ номинальнаго значенія его въ монетной системѣ. Какимъ же образомъ было, сперва золотымъ и серебрянымъ деньгамъ, а потомъ и мѣднымъ пятакамъ не исчезать изъ обращенія? Покупаясь на вѣсъ металла, они давали тройную цѣну противу того, какую въ монетѣ, номинально, представляли. И точно, серебряныя деньги изчезли почти мгновенно, вслѣдъ за паденіемъ ассигнацій; мѣдные пятаки держались нѣкоторое время, будучи отливаемы ниже установленной нормы; но, за дальнѣйшимъ паденіемъ ассигнацій, начали также изчезать столь быстро, что правительство нашлось вынужденнымъ, уменьшить вѣсъ монетъ, установивъ отливку ихъ въ нормальную величину изъ пуда мѣди 36 рублей, приблизившись тѣмъ къ нормѣ дѣйствительной стоимости рубля, а потомъ, должно было прійдти къ установленію чеканки мѣдныхъ денегъ просто въ видѣ биллона, представляющаго часть рубля, по условному пріему ихъ въ обращеніи.

Конечно, быстрое паденіе курса рубля и исчезновеніе металлическихъ знаковъ монеты, могло послѣдовать только потому, чтосамая единица, — *курсовый рубль*, — означалась въ то время бумажнымъ знакомъ, не имѣющимъ своей внутренней, самостоятельной стоимости, а представляющимъ только стоимость *условную*. Значеніе единицы, представляемой металломъ, хотя бы отличнымъ отъ того, съ которымъ производилось сравненіе, не могло бы представить

курсоваго паденія въ 75%; паденіе это ограничивалось бы, какъ мы указали, разсматривая курсъ монетъ, — самою цѣною металла на переливъ; — тѣмъ не менѣе фактъ разности въ цѣнѣ, между стоимостями одного знака изъ одного металла и другаго знака изъ другаго металла, всегда бы существовалъ, и производилъ тѣ же колебанія, которыя, отражаясь въ безконечномъ количествѣ оборотовъ, обозначались бы неисчислимыми потерями, всегда тяжело отзывающимися на первыхъ потребителяхъ и производителяхъ, и на интересахъ казны, — которыя наше общество, при паденіи прежнихъ ассигнацій и введеніи платиновыхъ монетъ, уже испытало.

Фактъ съ мѣдными, и вообще *металлическими* деньгами у насъ, заставилъ сознать послѣдствія неправильности и неуравнительности системы, происходящей отъ невѣрности взгляда на монетную систему, въ которой, значеніе монетныхъ знаковъ подчиняется условію, что отношеніе, между стоимостями разнородныхъ величинъ, можетъ быть принято за неизмѣнное, тогда какъ это отношеніе непремѣнно должно измѣняться, соотвѣтственно спросу и предложенію. Въ настоящее время, нарушеніе этой нормальной пропорціи происходитъ въ измѣненіи отношенія между золотомъ и серебромъ. Серебро, видимо, возвышается въ цѣнѣ противу золота, не смотря на поддержку нормальнаго отношенія между ними, какъ мы уже говорили, богатствомъ цѣлаго міра, и вызываетъ, своимъ возвышеніемъ, лажъ на серебряныя

монеты противу золотыхъ. Требованіе это, однажды, — во время индѣйскаго возстанія и китайской войны, едва не нарушило уже всесвѣтное выраженіе стоимостей въ знакахъ монеты, и получаетъ, вслѣдствіе разработки новыхъ золотыхъ розсыпей, все большее и большее значеніе. Въ настоящее время, положеніе это, говорятъ, вызвало уже соображенія западныхъ правительствъ, имѣющихъ общую монетную систему, а именно: Франціи, Швейцаріи, Бельгіи и Италіи, которыя полагаютъ заключить между собою конвенцію, по коей обращающіеся франки, вмѣсто 900 пробы, будутъ отливаться въ ту же величину но только 835 пробы, или, на русскій вѣсъ, вмѣсто 86½ пробы, только 80-й. Но таковая конвенція, измѣняя, принимаемое условно, отношеніе золота къ серебру между 20 франковиками и франками, какъ 1 : 15½ на другое, въ коемъ цѣна серебра возвышена, именно какъ 1 : 14½, не будетъ ли палліативной мѣрой средневѣковыхъ правительствъ, отстраняющей затрудненія минуты, чтобы потомъ возбудить большія затрудненія въ будущемъ? Не образуется ли, въ слѣдъ за таковой конвенціей, лажъ на старый серебряный франкъ, который, по внутреннему достоинству, будетъ дороже того, что номинально означаетъ онъ въ монетной системѣ показанныхъ государствъ; и не поведетъ ли, показанное измѣненіе, къ колебанію курса франка, относительно гамбургской марки, рейнскаго гульдена и прусскаго талера? Наконецъ, чѣмъ можно удостовѣриться, что новое отношеніе, между

золотомъ и серебромъ, удержится въ этой, вновь принимаемой, пропорціи, а — или не возвратится на прежнюю, открытіемъ новыхъ серебряныхъ рудниковъ, или — не потребуетъ вновь возвышенія серебра? Эти вопросы истекаютъ естественно изъ непреложнаго математическаго закона, о выраженіи въ численной величинѣ, по коему, требуется, чтобы каждая единица этого числа была непремѣнно равна другой его единицѣ. Разумѣется, этому же математическому закону, логически, должно было подчиниться и обращеніе монетъ изъ *платины*.

Въ то время, когда выпускъ платиновыхъ монетъ былъ утвержденъ, условнымъ отношеніемъ, между стоимостію золота и серебра, принималась величина $^1/_{15}$ т. е. принималось, что одинъ золотникъ золота равнялся въ своей стоимости 15 золотн. серебра. Впрочемъ, отношеніе это и до сихъ поръ сохранило свою нормальность, опредѣляя стоимость золота въ отношеніи къ стоимости серебра какъ 1 : 15,37. Платину, въ 1828 году, постановлено отливать въ знаки монеты, по установленному въ томъ же году условному отношенію къ золоту какъ $1 : 5^{50}/_{233}$; т. е. полагалось, что каждый золотникъ золота стоитъ $5^{50}/_{233}$ золотника платины. Отсюда видно, что 15,37 золотн. серебра, по условному отношенію, равнялись также $5^{50}/_{233}$ золотн. платины. Замѣтьте сложность самаго выраженія въ несократимой дроби; но дѣйствительная стоимость платины, въ то время, рѣшительно несоизмѣримая между условнымъ опредѣленіемъ двухъ

стоимостей золота и серебра, вынудила выразить ее сложнымъ числомъ, которое означимъ здѣсь, хоть приблизительно, въ золотникахъ и доляхъ:

Золото.	Платина.	Серебро.
1 зол. =	5 зол. $20^1/_2$ дол. =	15 зол. $35^1/_2$ дол.

Но, во первыхъ, при самомъ установленіи монеты изъ платины, разумѣется, потребовался значительный запасъ платины, которая имѣла до того опредѣленное потребленіе, едва ли удовлетворявшееся наличнымъ количествомъ металла. Ясно платина должна была подняться въ цѣнѣ, и отношеніе ея къ золоту и серебру какъ $5^{50}/_{233}$: 1 : 15. было уже нарушено прежде, чѣмъ таковая монета была выпущена. Металлъ стоилъ уже дороже, чѣмъ была назначена ему номинальная цѣна въ монетѣ. За тѣмъ, — при первомъ пониженіи, даже колебаніи курса, особливо при существованіи бумажной единицы, ясно, платина должна была уходить и передѣлываться въ разныя издѣлія, по своей стоимости металла, какъ уходили и переплавливались въ издѣлія сперва серебряныя и золотыя русскія деньги, а потомъ и мѣдные пятаки старинной формы.... Спросимъ же себя: что доказываетъ подобное исчезновеніе монеты того или другаго вида, тогда какъ монеты другаго вида остаются въ обращеніи? Оно доказываетъ, что исчезающія монеты, по своему внутреннему достоинству, или по своему курсу, стòятъ дороже своей номинальной стоимости, т. е. той стоимости, которую пред-

ставляютъ въ ряду другихъ монетъ монетной системы; а съ тѣмъ вмѣстѣ доказываетъ, и несообразность представлять собирательныя числа или части какой либо единицы знаками другаго металла, а не того, какимъ выражается самая единица, такъ какъ стоимость этого другаго металла не можетъ имѣть постояннаго отношенія къ металлу единицы, а становясь то дороже, то дешевле, непремѣнно будетъ колебать самую систему выраженія стоимостей, — вызывать неправильность и противорѣчіе въ ея выраженіи, — противорѣчіе, отвергаемое законами логической послѣдовательности и здраваго смысла.

Но что же было дѣлать, скажутъ намъ, когда подкрѣпленіе металлическаго фонда была необходимо, а золота или серебра не было? Платина, представляя внутреннюю стоимость, удерживала по крайней мѣрѣ кредитъ къ бумажнымъ представителямъ цѣны! Современные экономисты, на которыхъ такъ нападаетъ рутинная партія абсолютизма въ денежномъ обращеніи, безъ научнаго сознанія его значенія, сказали бы: продать платину за золото, и золотомъ подкрѣпить металлическій фондъ. Но такого рода заключенія и теперь еще, мы видимъ, не всѣми сознаются правильно, а въ 1828 году, едва ли могли возникнуть въ нашемъ управленіи.

То, что мы сказали въ разсужденіи платины и мѣдныхъ денегъ, практически повторялось неоднократно съ монетами изъ золота и серебра, отношеніе между стоимостями которыхъ, какъ мы уже видѣли, точно

также не можетъ быть постояннымъ. Лажъ, естественное слѣдствіе измѣненія этого отношенія, почти безпрерывно подвергаетъ колебаніямъ цѣну монетъ того и другаго металла, на всѣхъ почти биржахъ стараго и новаго свѣта. Вездѣ стоимости золота и серебра представляютъ, какъ мы указывали, точно также двѣ несоизмѣримыя между собою величины, отношеніе между которыми не можетъ представлять неизмѣнной нормы для выраженія цѣнностей. Слѣдовательно, замѣнять ихъ одно другимъ, въ системахъ выраженія цѣны, по какой бы то ни было нормальной пропорціи, положительно невозможно, какъ невозможно сравнивать предметы разнородные, или хотѣть выразить какое либо число въ двухъ несоизмѣримыхъ величинахъ, принимая каждую изъ этихъ величинъ за единицу даннаго числа.

Въ Англіи счетъ монетъ производится на фунты стерлинговъ и шиллинги. По существу самаго смысла фунта стерлинговъ, неимѣвшаго даже вещественнаго знака для выраженія опредѣляемой имъ величины, можно утвердительно сказать, что понятіе о фунтѣ стерлинговъ есть историческій слѣдъ жизни, представляющій англичанамъ, въ отвлеченномъ понятіи, опредѣленную величину; въ родѣ того какъ у насъ имѣлъ значеніе ассигнаціонный рубль, на которые, даже и до сихъ поръ, слышится иногда счетъ въ внутреннихъ губерніяхъ. Въ тоже время существовалъ знакъ вещественный, *гинея*, подходящій, по своей стоимости, къ фунту; но когда стали упла-

чивать фунты гинеями, то лажъ на нихъ вынудилъ правительство Англіи отлить новую монету, — суверень, — соотвѣтствующую фунту въ 20 шиллинговъ; тѣмъ болѣе, что 21 шиллингъ, — цѣна гинеи, представляла число, не удобное для дѣлимости на четныя числа. Но такое преобразованіе въ счетѣ, не должно ли было отразиться крупными суммами на міровой торговлѣ Англіи, которая должна была покрывать разность монетъ, происходящую отъ колебанія ихъ стоимостей одной противъ другой?

Это положеніе, сознанное финансовой администраціей Англіи, вынудило англійскій банкъ объявить, что онъ производитъ свой расчетъ только на золото, принимая за единицу *фунтъ стерлинговъ*, выражаемый въ золотомъ знакѣ, опредѣленной величины и достоинства (суверенъ). Это объявленіе, выдерживаемое администраціей банка съ опредѣлительностію неизмѣнности, разумѣется, должно было установить въ его оборотахъ ту логическую послѣдовательность и точность, которыми положительно отстранилась возможность колебанія самыхъ знаковъ системы въ стоимости одного противъ другаго; слѣдовательно, отстранилась и возможность разности въ платежѣ, смотря потому какими именно знаками онъ будетъ производиться. Но постановленіе, принятое англійскимъ банкомъ, по отношенію къ денежному обращенію на континентѣ, гдѣ осталось производство платежей различными металлами, ввело въ курсовое значеніе знаковъ въ взаимномъ обмѣнѣ, ла-

жевый элементъ металла, которымъ платежи въ разныхъ странахъ производились. Гамбургскій банкъ, опредѣливъ производить свои платежи, исключительно, серебромъ, естественно ввелъ ажіотажъ на значеніе металла въ выраженіи стоимостей, по сравненію съ платежами производимыми англійскимъ банкомъ, какъ мы скааали, золотомъ, и можно сказать, въ курсовомъ значеніи своихъ знаковъ, выразилъ ту измѣняемость отношенія, которое золото къ серебру имѣетъ.

Между тѣмъ, и въ самой Англіи, серебряные знаки монеты обращаются въ мелочной торговлѣ, слѣдовательно, естественно, имѣютъ свое значеніе. Это значеніе должно нарушать правильность принятой банкомъ системы, и, совокупно съ серебряными знаками материка, представлять отдѣльныя стоимости, независимыя отъ номинальнаго значенія въ систематическомъ выраженіи; что, естественно, должно подвертать выраженіе цѣнъ тѣмъ колебаніямъ, которымъ оно и доселѣ подвержено.

Мы замѣтили, что въ послѣднее время, индѣйское возстаніе и китайская война, вдругъ, потребовали отправки громадныхъ запасовъ серебра на Востокъ. Между тѣмъ какъ открытіе новыхъ розсыпей золота въ знаменитой долинѣ Сакременто и усиленіе его добыванія на другихъ пунктахъ, въ такой же мѣрѣ увеличили предложеніе золота, на сколько увеличился спросъ на серебро. Отношеніе, которое опредѣляло цѣнность одного металла въ другомъ, и ко-

торое, какъ мы видѣли, опредѣляется взаимнымъ сравненіемъ отношеній между спросомъ и предложеніемъ на тотъ и другой металлъ, естественно, должно было поколебаться, и оно поколебалось дѣйствительно, въ такой даже мѣрѣ, что, какъ мы говорили, едва не нарушило сущность принимаемыхъ въ настоящее время монетныхъ системъ, и вызвало серьезное обсужденіе. Отношеніе между золотомъ и серебромъ тогда удержалось только помощію той страшной силы — матеріальной и денежной, которую представляетъ всеобщее богатство и сила правительствъ всего свѣта, и на которую мы указали какъ на единственный оплотъ, благодаря которому удерживается, до сихъ поръ, монетное обращеніе въ условномъ отношеніи стоимостей, выражаемыхъ въ монетныхъ знакахъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ.

Безъ такой поддержки, оно давно бы упало, по самой своей несостоятельности выразить неправильно и не вѣрно то, что, само по себѣ, требуетъ логической правильности и математической точности.

Мы сами помнимъ время, когда въ Парижѣ денежный рынокъ былъ, можно сказать, залитъ золотомъ. Золото было вездѣ, отъ банкирской конторы до лавочки, даже до лотка, торгующаго въ разносъ. Банковые билеты въ 500 и 1000 фр., не приносящіе процентовъ, обмѣнивались съ удовольствіемъ на золото, при самой незначительной покупкѣ; фонды стояли весьма высоко. Въ тоже время, размѣнъ, не говоря уже 20 франковаго, а даже 5 франковаго

золотаго, встрѣчалъ положительное затрудненіе, и можно было быть увѣреннымъ, что если бы требованіе на серебро и приливъ золота не уменьшились, то отношеніе между золотомъ и серебромъ, принимаемое въ монетныхъ системахъ, должно было бы разрушиться, не смотря на совокупную поддержку этого отношенія банкомъ, биржей и правительствомъ; а тогда рушились бы, разомъ, — какъ мы говорили, денежныя системы всего міра, въ самомъ ихъ основаніи, и повлекли бы за собою неисчислимыя бѣдствія денежной игры, въ торговлѣ самыми знаками; — игры, которую Россія испытала уже, при паденіи ея ассигнацій, и обращеніи ихъ съ измѣняющимся лажемъ. Мы видимъ, что это положеніе заставляетъ и теперь обращать на себя вниманіе, по возвышенію цѣны на серебро, и вызываетъ ту предполагаемую конвенцію, которая была бы, какъ замѣтили мы, только палліативною мѣрою минуты.

Изъ всего, что мы сказали, по предмету выраженія стоимостей, читатель заключитъ, что созданный практическою жизнію и составляющій результатъ историческаго развитія народовъ, способъ выражать цѣну предметовъ, — совершенно не соотвѣтствуетъ логической идеѣ о сущности такого выраженія. Первое, что представляется въ немъ, какъ противорѣчіе общей правильности: это употребленіе различныхъ единицъ, въ разныхъ государствахъ и обществахъ, образующихъ отдѣльныя системы выраженія въ числовыхъ данныхъ, совершенно несходныхъ между

собою, и, въ частностяхъ, одна другой противорѣчащихъ. Второе, недостаточное постоянство нормы въ единицахъ, уже принятыхъ для сравненія; отчего эта норма не могла заслужить общаго довѣрія; третіе, безразличное допущеніе, — вопреки логическому пониманію сущности сравненія, — представленія одной и той же единицы двумя металлами, *золотомъ* и *серебромъ*, по условному отношенію, принятому между ними за нормальное, тогда какъ оно не можетъ не измѣняться; и наконецъ четвертое, отстраняемое впрочемъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ развитіемъ цивилизаціи, и — своими слѣдствіями, относящееся къ третьему виду неправильности монетныхъ системъ: отливка нѣкоторыхъ монетъ несоразмѣрнаго достоинства; потому обращеніе ихъ съ соотвѣтственною преміею, по дѣйствительной стоимости металла.

Эти противорѣчія логической правильности въ выраженіи цѣны, читатели видѣли, ведутъ къ тройственнымъ колебаніямъ, тройственному расчету, по каждому отдѣльно изъ явленій, которыя отъ существующихъ неправильностей происходятъ.

Мы вспомнимъ здѣсь эти три вида колебаній въ расчетѣ выраженія стоимостей, чтобы усвоить себѣ отдѣльное значеніе каждаго:

1) *Переводъ* выраженія однихъ монетъ на выраженіе въ другихъ, происходящій отъ неравенства и несоизмѣримости между собою единицъ различныхъ системъ и принимаемаго ими порядка:

2) *Курсъ*, происходящій непосредственно изъ требованія даннаго вида монеты, по недовѣрію къ достоинству монеты неизвѣстной; слѣдовательно представляющій цѣну *знака* монеты, по его требованію.

и 3) *Лажъ*, премія къ цѣнѣ денежныхъ знаковъ въ системѣ, противу другихъ знаковъ этой же системы, даваемая, по измѣненію цѣны металла одного знака, противъ другаго металла другаго знака монетной системы, и исходящая, непосредственно, изъ того неправильнаго, не логическаго способа выражать одно и тоже число въ двухъ разнородныхъ металлахъ, слѣдовательно разнородныхъ величинахъ, который принимается во всѣхъ существующихъ монетныхъ системъ; а равно, премія, отрицательная или положительная, придаваемая къ номинальной цѣнѣ монетъ, по непропорціональности ихъ отливки.

Такая тройственность слѣдствій неправильнаго выраженія стоимостей, и колебанія отъ того происходящія, разумѣется, должны были представляться неодолимыми въ средніе вѣка, когда близорукость общественныхъ интересовъ и узкость взгляда на международныя сношенія, окружали себя только исключительными данными своего быта. Но въ нашъ вѣкъ цивилизаціи и объединенія людскихъ требованій, въ нашъ вѣкъ развивающихся сношеній всевозможныии изобрѣтеніями науки; сношеній, обобщающихъ мысль, — подобная ненормальность въ выраженіи стоимостей, представляетъ странную,

средневѣковую аномалію, которая, самою сущностію своею, требуетъ безъ отлагательнаго измѣненія.

Если современное развитіе цивилизаціи признаетъ необходимымъ Европейскій конгрессъ, который отстранилъ бы возникающія, между народами, недоумѣнія и опредѣлилъ бы, на прочномъ основаніи, взаимныя отношенія государствъ, то, едва-ли не ближе всего, что должно подлежать обсужденію этого конгресса, это взаимное соглашеніе, относительно единства выраженія стоимоетей въ одной общей, правильной монетной системѣ, которая, впослѣдствіи, естественно, повлечетъ за собой единство мѣръ и вѣсовъ, и, сближая, такимъ образомъ, между собою человѣчество, всего болѣе будетъ содѣйствовать водворенію прочнаго мира, развитію гражданственности и народнаго братства.

Но оставляя въ сторонѣ мысль, которая, впрочемъ, въ настоящее время, не можетъ уже признаваться невѣроятною въ осуществленіи, — мысль о всеобщемъ конгресѣ, или хотя конвенціи между главными государствами, введеніе правильной монетной системы въ какомъ-либо одномъ государствѣ, уже повлечетъ за собою стремленіе уравнять выраженіе стоимостей и въ другихъ народахъ. Тотъ народъ, который возьметъ на себя, первымъ, иниціативу такого введенія, разумѣется, воспользуется выгодами исключительнаго значенія его монеты, какъ нѣкогда пользовались такимъ значеніемъ Голландія и Венеція, по всемірному значенію своихъ червонцевъ и цехиновъ.

Но въ чемъ должна заключаться такая правильная всеобщая система; какихъ результатовъ должна достигать, какъ въ общемъ, логическомъ основаніи, такъ и въ частномъ примѣненіи къ практической жизни, и наконецъ, какимъ образомъ можетъ быть сдѣланъ переходъ, отъ современнаго выраженія стоимостей, къ правильной, логической системѣ? Вотъ вопросы, которые составляютъ сущность настоящаго положенія дѣлъ, и для разъясненія которыхъ, мы изложили полную теорію выраженія цѣны въ металлѣ, и потому, намъ уже легко будетъ приступить къ ихъ, по крайней мѣрѣ, условному разсмотрѣнію.

VIII.

Предположенія о правильной монетной системѣ для всеобщаго обращенія.

Изложеніе существующаго порядка выраженія стоимостей, для опредѣленія ихъ цѣны знаками монеты, и изысканіе причинъ, по коимъ существующій порядокъ установился въ дѣйствительной жизни, равно и слѣдствій, которыя онъ производитъ, со стороны теоретическаго анализа и практическихъ наблюденій, — указали уже намъ твердыя основанія, для опредѣленія началъ, которымъ образованіе правильной монетной системы должно подчиняться.

Во первыхъ, опираясь на нихъ, мы можемъ сказать, что цѣна предметовъ опредѣляется только срав-

неніемъ ихъ стоимостей съ одною какою либо стоимостію, которая, въ своей строго опредѣленной величинѣ, должна представлять намъ норму, — или единицу сравненія; — слѣдовательно единицу цѣны, такъ какъ, по сравненіи съ нею, всѣ цѣны предметовъ въ ней выражаются.

Во вторыхъ, что, на основаніи этой единицы, должна быть составлена одна, — общая для всѣхъ, неизмѣнная и удобная для выраженія, система выраженія стоимостей, и въ такомъ логически послѣдовательномъ порядкѣ, чтобы она могла, съ полною опредѣлительностіею, выражать значеніе каждой численной величины и представлять ее въ вещественныхъ знакахъ монеты.

Слѣдовательно, избраніе еднницы и указаніе порядка, которымъ въ этой единицѣ стоимости должны выражаться, должно составлять сущность анализа правильной монетной системы, которая, въ своемъ основаніи, должна опираться на логическія изслѣдованія сущности цѣны и правильнаго ея выраженія въ практической жизни.

Избраніе единицы, мы говорили, — теоретически можетъ быть совершенно произвольно: всякій предметъ, опредѣленный своею стоимостію въ данной величинѣ, можетъ быть принятъ за единицу цѣны. Но практическое значеніе этой единицы въ опредѣленномъ монетномъ знакѣ, требуетъ отъ избираемаго предмета опредѣленныхъ свойствъ, которыя, слѣдовательно, предметъ, принимаемый за норму сра-

вненія, долженъ въ себѣ заключать, чтобы онъ могъ удобно выражать стоимости и представлять ихъ собою; т. е. чтобы могъ быть монетою въ практической жизни.

Теорія и практика, одинаково, указали намъ, что единственнымъ предметомъ, удовлетворяющимъ всѣмъ условіямъ обращенія монетныхъ знаковъ, можетъ быть, только опредѣленная величина, котораго нибудь изъ двухъ благородныхъ металловъ: *золота* или *серебра*. Слѣдовательно, строго опредѣленная величина, котораго нибудь одного изъ двухъ означенныхъ металловъ, должна составить нормальную единицу цѣны, — какъ мы её называемъ, — или основаніе всѣхъ стоимостей въ ходячемъ знакѣ; то есть, *единицу монеты*.

Въ этомъ смыслѣ, опредѣленное количество металла представляетъ намъ норму извѣстной стоимости, опредѣляющей собою, какъ единицею, другія стоимости, для выраженія ихъ относительнаго значенія. Процессъ опредѣленія относительнаго значенія стоимостей извѣстнымъ количествомъ условныхъ единицъ, совершенно подобенъ тому, какъ мы, опредѣленной, принимаемой условно за нормальную, мѣрой, измѣряемъ и выражаемъ относительное значеніе какого либо протяженія.

Правда, что въ послѣднемъ случаѣ, мы производимъ сравненіе матеріально, накладывая нормальную мѣру на данное протяженіе столько разъ, сколько оно можетъ въ себѣ ее содержать; а способъ сравненія

стоимостей съ единицею цѣны производиться матеріально не можетъ; здѣсь остается только отвлеченное сравненіе по отношенію спроса и предложенія; такъ какъ самое понятіе о стоимости представляетъ отвлеченную идею всѣхъ матеріальныхъ свойствъ предмета. Но, тѣмъ не менѣе, самый способъ выраженія въ *мѣрѣ* и *цѣнѣ*, заключаясь въ сравненіи взаимнаго отношенія, по своимъ началамъ, одинъ и тотъ же. Стало быть, въ томъ и другомъ случаѣ, т. е. при измѣреніи и при оцѣнкѣ, для правильности и точности выраженія, мы должны строго опредѣлить какую либо величину; эту величину принять за нормальную единицу, чтобы численнымъ отношеніемъ къ ней — этой единицѣ, всего, что нужно измѣрить или оцѣнить, выражалось бы значеніе протяженія или стоимости, или взаимное отношеніе ихъ ко всѣмъ другимъ протяженіямъ и всѣмъ другимъ стоимостямъ.

Практическая жизнь избрала для сравненія два металла, и приводитъ къ значенію ихъ обоихъ сравненіе стоимостей, паралельно одного съ другимъ, назначивъ, для взаимнаго ихъ сравненія, нормальную пропорцію. Но такого рода нормальнаго отношенія между стоимостями двухъ предметовъ не можетъ быть, такъ какъ оно должно подчиняться условіямъ жизни, которыя, естественно, измѣняются. Слѣдовательно, практическая жизнь, приводя сравненіе стоимостей къ выраженію въ двухъ разнородныхъ стоимостяхъ, измѣняющихся въ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, противорѣчитъ непосредственно усло-

віямъ самой жизни, — и логическому понятію о выраженіи, которое не можетъ допустить, въ самомъ себѣ, никакой двойственности и неопредѣлительности.

Такой неопредѣлительности и двойственности не можетъ быть допущено въ правильной монетной системѣ. Мы не допускаемъ выраженія напр. въ опредѣленіи мѣры, — аршиномъ и футомъ безъ различія; точно также не можемъ допускать выраженія цѣны въ двухъ стоимостяхъ, неимѣющихъ между собою нормальнаго отношенія, или — не можемъ допускать двойственности единицы монеты, которая составляетъ основаніе всѣхъ цѣнъ. Между тѣмъ, въ настоящее время, цѣна опредѣляется именно двумя стоимостями, т. е. двумя металлами, золотомъ и серебромъ.

Слѣдовательно, изъ двухъ металловъ *золота* или *серебра*, слѣдуетъ избрать одинъ, принять его стоимость за нормальную, и въ этой нормальной стоимости выразить всѣ цѣны другихъ стоимостей.

Такимъ образомъ, строго опредѣленная въ своей стоимости величина котораго нибудь *одного* изъ двухъ металовъ, — золота *или* серебра, должна представлять общую нормальную стоимость, — *неизмѣнную* единицу для цѣлаго міра; къ этой единицѣ должны относиться всѣ стоимости, для выраженія ихъ относительной цѣны, и опредѣленія, стало быть, ихъ взаимнаго отношенія, въ различныхъ странахъ и у разныхъ народовъ.

Слѣдовательно единица, — данная величина, *котораго либо изъ двухъ* благородныхъ металловъ,

должна составлять основаніе монетной системы, на которомъ выраженіе цѣны всѣхъ предметовъ должно опираться. Рядъ послѣдовательныхъ знаковъ, пропорціонально выражающихъ всѣ стоимости въ собирательныхъ числахъ этой единицы и ея частей, представятъ монетную систему, въ которой всѣ стоимости будутъ выражаться. Причемъ, разумѣется, отвлеченное понятіе о сравненіи — выразится числомъ, единицею котораго будетъ то количество металла, которое, въ отвлеченномъ его представленіи, принято за единицу цѣны; а выраженіе того же сравненія матеріальными знаками, означится пропорціонально-соотвѣтственнымъ количествомъ этихъ знаковъ монеты даннаго металла, которое, это число опредѣляетъ.

Теперь, прежде всего, слѣдуетъ предложить вопросъ: который же изъ двухъ металловъ, — золото или серебро, слѣдуетъ принять за нормальный, чтобы опредѣленное его количество можно было принять за единицу сравненія?

Разсматривая вѣроятную послѣдовательность, съ которою распространялось систематическое выраженіе стоимостей въ первобытныхъ обществахъ, мы вскользь упомянули, что по всей вѣроятности, въ началѣ, — особенно въ *бронзовый* періодъ человѣческаго развитія, — единицею сравненія или единицею цѣны, т. е. металломъ, который, по естественной и всеобщей необходимости, выражалъ въ себѣ значеніе богатства, — была мѣдь; но, что потомъ,

по открытіи благородныхъ металловъ, съ развитіемъ жизни, мѣдь по своей малоцѣнности и недостатку прочности въ своемъ достоинствѣ, должна была уступить свою нормальность золоту и серебру, которыя и получили, въ выраженіи цѣны предметовъ, всеобщее значеніе. Существующее и доселѣ всеобщее обращеніе мѣдныхъ знаковъ монеты представляетъ осязательное доказательство нашему замѣчанію, что только историческое развитіе жизни и требованія выраженія болѣе высшихъ стоимостей, чѣмъ какія могли означаться мѣдною монетою, заставили людей обратиться къ означенію таковой цѣны, исключительно, въ золотѣ и серебрѣ.

Останавливаясь, за тѣмъ, на двухъ послѣднихъ металлахъ, мы должны обратить вниманіе свое на слѣдующее практическое замѣчаніе. Въ обществахъ, недостигшихъ опредѣленнаго развитія цивилизаціи, серебро имѣетъ почти исключительное значеніе; золото же, хотя и имѣетъ свою стоимость, но принимается не охотно, и въ ежедневной жизни почти не имѣетъ опредѣленнаго потребленія. Степной дикарь между киргизами или горцами щеголяетъ серебряной оправой оружія, серебряными застежками платья, серебрянымъ убранствомъ сбруи, наборомъ пояса, и наконецъ серебряными вещами домашняго хозяйства, и почти никогда, не смотря ни на какое богатство, не купитъ золотыхъ застежекъ, золотой оправы и золотыхъ украшеній.... Требованіе серебра въ Индію, въ Китай, Персію, Бухару, достаточно под-

твердаютъ это замѣчаніе, относительно значенія серебра между народами, едва возникающей или отставшей цивилизаціи.

На основаніи этихъ замѣтокъ о послѣдовательности, съ которою вводится потребленіе металловъ въ домашней жизни человѣческихъ обществъ, а слѣдовательно и относительное сравненіе съ ними стоимостей, которое идетъ съ тою же постепенностію, опредѣляя сперва стоимость всего въ предметахъ ежедневной потребности, потомъ въ низшемъ видѣ металла въ мѣдномъ знакѣ, затѣмъ выражая цѣну стоимостію серебра, должно, наконецъ, переходить, по мѣрѣ увеличенія массы накопляемаго и возвышающагося съ каждымъ днемъ богатства, къ самому высшему и дорогому представителю стоимостей, именно *золоту*, которое уже только одно можетъ представлять норму для выраженія цѣны въ международныхъ сношеніяхъ современнаго человѣчества цивилизованныхъ обществъ. Впрочемъ, переходъ этотъ въ выраженіи стоимостей соотвѣтствуетъ необходимости самаго выраженія. Естественно, что развитіемъ жизни увеличивается накопленіе богатствъ, и число оборотовъ коммерческой дѣятельности, т. е. что съ развитіемъ жизни, вообще, увеличивается сумма стоимостей, которая для своего выраженія требуетъ высшей единицы, чѣмъ та, которою довольствовалось человѣчество, при своихъ, едва возникающихъ предпріятіяхъ.

Потому, по соображеніи настоящаго состоянія

Европы, и тѣхъ быстрыхъ успѣховъ развитія общественности, которые представляетъ настоящее время, — принимая также во вниманіе, что серебро должно удовлетворять менѣе развитыя общества, мы полагаемъ, что за нормальный предметъ сравненія, за единицу цѣны въ настоящее время, слѣдуетъ принять стоимость золота; слѣдовательно въ опредѣленномъ его количествѣ утвердить единицу монеты, которая будетъ составлять основаніе монетной системы, для выраженія стоимостей цѣлаго міра. Серебро же должно вовсе изъять изъ обращенія какъ монету, предоставя ему только то значеніе, которое оно, само по себѣ, какъ товаръ, по своей стоимости и по требованію его для восточныхъ народовъ, можетъ имѣть.

Въ Россіи выборъ единицы и обращеніе ея изъ золота имѣетъ еще то важное практическое значеніе, что на русскихъ пріискахъ добывается серебра и золота почти ровное количество, даже серебра нѣсколько менѣе. Потому, по условному отношенію стоимостей золота и серебра, въ настоящее время, Россія можетъ изъ золота выпустить въ 15 разъ большее количество единицъ одинаковой стоимости, чѣмъ сколько можетъ выпустить ихъ изъ не покупнаго серебра.

Основываясь на этомъ заключеніи, что, по современному положенію цивилизованныхъ обществъ, единица монеты должна представлять опредѣленное количество золота, мы переходимъ къ другому вопросу:

какой размѣръ долженъ быть принятъ для величины, опредѣляющей единицу сравненія, — или, другими словами, сколько именно золота, слѣдуетъ принять за нормальный размѣръ, для опредѣленія единицы цѣны?

Теоретическое пониманіе монеты предоставляетъ также полный произволъ въ установленіи размѣра, который можетъ быть принятъ за единицу цѣны. Ясно, что теоретически, всякая стоимость сама въ себѣ, въ собирательныхъ числахъ или въ дробныхъ частяхъ, можетъ опредѣлять всякую другую стоимость, какой бы размѣръ она не имѣла. Но практическое значеніе монеты въ жизни, требуя отъ нея выраженія стоимостей въ ежедневномъ быту людей, указываетъ необходимость ограниченія выбора размѣра единицы практическимъ удобствомъ сравненія и обмѣна.

Опытъ показалъ, что слишкомъ увеличенный размѣръ монетной единицы всегда существенно вреденъ первымъ производителямъ, т. е. тѣмъ, о комъ всего болѣе даже заботится администрація человѣческихъ обществъ. Торговцы и спекулянты округляютъ въ свою пользу дробныя части цѣнъ, и тѣмъ, разумѣется, эксплуатируютъ и трудъ производителей и издержку потребителей. Въ этомъ легко убѣдиться, замѣчая напр. что у насъ почти вовсе не обращается $^1/_2$ и $^1/_4$ коп. серебромъ, тогда какъ во Франціи сантимъ, а въ Германіи пфенигъ, имѣющіе стоимость меньшую нашей $^1/_2$ коп., обращаются безпрерывно; и у насъ, при прежней единицѣ и курсовомъ значеніи

ассигнаціоннаго рубля, сотая часть этого рубля т. е. копѣйка ассигнаціями, имѣвшая стоимость меньшую чѣмъ $^1/_2$ коп. сер., обращалась также безпрерывно при обмѣнѣ стоимостей. Кромѣ того, есть нѣкоторыя отрасли промышленности, изъ наименѣе существенныхъ впрочемъ, напр. модные трактиры, магазины новостей и бездѣлокъ, которые, рѣшительно, подчиняютъ цѣны на свои товары размѣру единицы; наконецъ, самая уступка въ торговлѣ, при меньшей единицѣ, можетъ быть болѣе дробною. Потому, — и если принять во вниманіе неудобство, при увеличенномъ размѣрѣ единицы, выражать наибольшую часть стоимостей въ дробныхъ частяхъ, слѣдуетъ заключить, что въ отстраненіе приведенныхъ неудобствъ должно избѣгать слишкомъ увеличеннаго размѣра единицы.

Съ другой стороны, слишкомъ малый размѣръ единицы положительно не соотвѣтствуетъ требованіямъ общей торговой дѣятельности, нуждающейся, для выраженія стоимостей въ массахъ, въ единицахъ болѣе крупныхъ; тѣмъ болѣе, что самый счетъ мелкихъ единицъ представляетъ не маловажное затрудненіе, при реализованіи разсчетовъ оптовой торговли и при текущихъ платежахъ, мелкими знаками, за крупныя и дорогія стоимости. Мы это видимъ, въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ изъ новыхъ обществъ южной Америки, гдѣ принятая единица *рейсъ* должна считаться тысячами, для опредѣленія самой ничтожной стоимости, и естественно уничтожила даже возможность оптовыхъ разсчетовъ въ самой единицѣ,

опредѣляя оные только количествомъ тысячь этихъ единицъ, т. е. мильрейсовъ.

Слѣдовательно размѣръ единицы долженъ быть строго соображенъ съ потребностями общественной жизни и удобствомъ выраженія и счета въ оптовомъ движеніи торговли при взаимныхъ сношеніяхъ. Нужно, чтобы размѣръ этотъ представлялъ единицу, съ одной стороны, доступную для выраженія въ ней стоимостей, ежедневно обращающихся въ общественной жизни, съ другой, — представлялъ удобство выраженія и опредѣленія стоимостей въ коммерческой дѣятельности; т. е. чтобы былъ не слишкомъ крупенъ и не слишкомъ малъ, для выраженія собою значенія накопляемаго и обмѣниваемаго богатства и предметовъ ежедневнаго потребленія.

Но, приводя это заключеніе нельзя, съ тѣмъ вмѣстѣ, не опровергать того, въ полномъ смыслѣ слова дикаго мнѣнія, которое нельзя не привести здѣсь, такъ часто слышится оно въ нашемъ обществѣ, — будто съ увеличеніемъ размѣра единицы цѣны, увеличивается и цѣна предметовъ ровно на столько, на сколько увеличилась единица.

Это мнѣніе доказываетъ рѣшительное отсутствіе всякаго сознанія значенія цѣны, и всякаго соображенія о томъ, отчего цѣна можетъ зависѣть.

Читателямъ нашимъ извѣстно, что цѣна предмета есть отношеніе его стоимости ко всѣмъ другимъ стоимостямъ, т. е. значеніе его стоимости въ ряду другихъ; слѣдовательно она не можетъ измѣниться отъ

того, какой способъ мы бы не избрали для ея опредѣленія. Если овца стòитъ половины стоимости коровы, то какимъ бы знакомъ мы это отношеніе ихъ стоимостей не обозначали, оно сохранитъ ту же пропорціональность; измѣненіе этой пропорціональности можетъ послѣдовать только тогда, когда самое отношеніе между стоимостями измѣнится; а такое измѣненіе можетъ послѣдовать только въ слѣдствіе условій жизни, измѣнившихъ требованіе и предложеніе той или другой стоимости, а не способа выраженія, которымъ отношеніе между ними обозначается. Наконецъ наши читатели знаютъ, что даже и въ принятомъ способѣ выраженія, черезъ оцѣнку стоимостей въ стоимости металла, — т. е. въ опредѣленіи той практической цѣны, которая, посредствомъ всеобщности принятія стоимости металла за нормальную единицу сравненія, выражаетъ всѣ цѣны предметовъ — соотвѣтственнымъ количествомъ массы металла, цѣна предмета зависитъ именно отъ этого количества массы; слѣдовательно, при меньшемъ размѣрѣ единицы, требуется большее количество единицъ для представленія какой либо стоимости, чѣмъ при большемъ размѣрѣ единицы, и ровно на столько больше или меньше, на сколько одинъ размѣръ единицы меньше или больше другаго; такъ что, въ томъ и другомъ случаѣ, количество металла, опредѣляющаго какую либо стоимость, будетъ одно и тоже, именно то самое, какое значенію данной стоимости соотвѣтствуетъ. Слѣдовательно цѣна — въ общемъ своемъ

значеніи — отъ размѣра единицы не зависитъ. Если же бы, съ измѣненіемъ единицы дѣйствительно измѣнилась и цѣна, то значитъ при этомъ были другія обстоятельства, совершенно независимыя отъ измѣненія единицы, которыя на сущность цѣны имѣли вліяніе. Потому, разсматривая измѣненіе цѣны предметовъ, слѣдуетъ обращаться именно къ этимъ обстоятельствамъ, а не относить къ размѣру единицы то, что не можетъ быть къ этому размѣру отнесено.

Но, опровергая это мнѣніе, мы сами приводимъ практическія указанія тому значенію, которое размѣръ единицы имѣетъ въ ежедневномъ, мелочномъ денежномъ обращеніи. Графъ Канкринъ замѣтилъ это значеніе при переводѣ счета прежнихъ ассигнацій упавшаго рубля на дѣйствительный рубль серебряной монеты, и признавалъ наиболѣе удобными для обращенія французскіе франки, и именно величину курсоваго значенія нашего прежняго рубля, находя, что польскіе злоты слишкомъ малы, а наши рубли и нѣмецкіе талеры, даже флорины, слишкомъ велики, для выраженія стоимостей въ ежедневномъ обращеніи. Понятная вещь, что напр., при уступкѣ въ цѣнѣ торговцами положимъ 1 копѣйки, таковая копѣйка, въ прежнее время, уступалась какъ $^1/_{100}$ доля прежняго рубля, представляющаго почти $^1/_4$ настоящаго, а нынѣшняя уступка въ копѣйку представляется болѣе чѣмъ втрое противу прежней. Слѣдовательно, въ оборотѣ, при счетѣ на прежніе асси-

гнаціонные рубли, торговля могла входить въ болѣе дробные расчеты, чѣмъ при счетѣ на нынѣшніе рубли. Съ тѣмъ вмѣстѣ, основанія цѣны, въ общемъ опредѣленіи значенія стоимостей, измѣненіемъ единицы, не могли измѣниться, и Графъ Канкринъ, указывая на практическое замѣчаніе, приведенное нами, находилъ, что значеніе монетныхъ знаковъ, каковъ бы ни былъ ихъ размѣръ, въ разсужденіи всѣхъ предметовъ, сохраняетъ свою цѣну, по количеству заключающагося въ нихъ металла, и что, за введеніемъ уже какой либо единицы, должно, возможнымъ образомъ, удерживать ея нормальность, избѣгая всякаго въ ней измѣненія.

Послѣднее замѣчаніе, отчасти, опровергаетъ его объясненіе объ удобствѣ меньшихъ единицъ въ выраженіи стоимостей, и мы, принимая въ основаніе, что возвышающимся уровнемъ богатства и развивающеюся коммерческою дѣятельностію, постоянно возбуждается требованіе высшей единицы, приходимъ къ тому убѣжденію, что желательно бы было, при установленіи новой единицы — въ опредѣленномъ количествѣ золота, — удержать для Россіи стоимость рубля, представляющаго въ настоящее время стоимость 4 зол. 21 дол. серебра, или, по условному отношенію 0 зол. 27 долей золота, или, покрайней мѣрѣ, утвердить такую единицу, величина которой, была бы соизмѣрима съ величиною рубля; т. е. чтобы отношеніе между ними могло выражаться простымъ и цѣлымъ числомъ.

Но вѣдь такое требованіе, разумѣется, должно послѣдовать отъ всѣхъ народовъ при утвержденіи единицы, для общей, международной системы выраженія стоимостей. Всѣ народы захотятъ принять ихъ собственныя единицы за нормальныя, или, покрайней мѣрѣ, видѣть въ новой нормальной единицѣ величину, соизмѣримую съ ихъ единицами монеты; тогда какъ исполнить таковое требованіе положительно невозможно математически, ибо, принимаемыя ими въ настоящее время единицы монеты не соизмѣримы между собою.

Въ настоящее врема, эти единицы, какъ мы говорили, представляютъ опредѣленное количество серебра, и по условному отношенію стоимости серебра къ золоту, соотвѣтствуютъ, приблизительно, нижеслѣдующему количеству золота въ доляхъ русскаго золотника.

Таблица F.

НАЗВАНІЯ МОНЕТЪ.	Количество чистаго серебра.	Какому количеству золота соотвѣтствуютъ, по цѣнѣ.
Рубль.	4 зол. 21 дол.	0 з. 27.2 д.
Талеръ.	3 » 87 »	0 » 25 »
Франкъ.	1 » 5 »	0 » 67 »
Шиллингъ.	1 » 29 »	0 » 8.1 »
Реалъ 1/20 дуро . . .	0 » 52 1/2 »	0 » 3.5 »

Несоразмѣрность величинъ, опредѣляющихъ значеніе каждой монеты, видима для каждаго. Нѣтъ возможности пріискать такую величину, которая бы, въ удобномъ размѣрѣ для знака монеты, могла представлять собою величину, отношеніе которой къ каждой изъ приведенныхъ величинъ могло бы выразиться цѣлымъ числомъ. Тѣмъ не менѣе, возможно пріискать такое число, которое могло бы имѣть, хотя приблизительную соизмѣримость, въ выраженіи единицами и дѣленіями этой единицы, каждой изъ означенныхъ величинъ; такъ, напримѣръ, стоимость нашего двухъ рублевика весьма близко соотвѣтствуетъ стоимостямъ 8-ми франковъ; 2 талер., и 6 зильбергрош.; 6 шил. 5 пенс.; 12 реал. 70 цент.; и если бы, для всеобщей системы, была принята за единицу монета, стоимостію въ два нашихъ серебряныхъ рубля, то переводъ на оную всѣхъ выраженій стоимостей съ главнѣйшихъ существующихъ нынѣ монетныхъ системъ не могъ бы встрѣтить особаго затрудненія. Если же принять стоимость высшую, напримѣръ въ нашей золотой, то соизмѣримость будетъ еще ближе. Во всякомъ случаѣ, пріисканіе такой величины металла, при условномъ значеніи, въ которомъ, въ настоящее время, многія изъ монетъ обращаются, и той неправильности и сбивчивости, которыя международное выраженіе стоимостей въ настоящее время имѣетъ, не могло бы встрѣтить, на практикѣ, себѣ важнаго препятствія.

Но соразмѣряя величину единицы, возможной для

выраженія сравненія, мы перешли молчаніемъ важнѣйшій вопросъ: чѣмъ именно возможно эту величину опредѣлить, такъ чтобы она, въ самомъ существѣ своемъ, имѣла нормальное значеніе, и представляла количество, ограниченное тѣми предѣлами, *неизмѣняемость* которыхъ, по существу природы, не подлежитъ сомнѣнію.

Напримѣръ, мы говорили, что въ настоящее время рубль отливается въ 4 золотн. 21 дол.; но опредѣлили ли мы этимъ, величину рубля фактически, такъ чтобы она не могла потерпѣть какого либо измѣненія? Ясно нѣтъ! Потому что наше опредѣленіе зависитъ отъ величины золотника; а что такое золотникъ? Девяносто шестая часть фунта, а что такое фунтъ?

Нельзя же отвѣчать такъ, какъ отвѣчалъ одинъ новичекъ-воспитанникъ: у моей бабушки, въ комодѣ, есть вѣрный аршинъ!...

Французы первые остановились на неопредѣлительности мѣръ и вѣсовъ вообще, и пришли къ убѣжденію о необходимости изыскать какую либо совершенно опредѣленную величину, которая бы, такъ сказать, въ самомъ мірозданіи представляла свою неизмѣняемость. Мысль ихъ остановилась на измѣреніи градуса меридіана земли; длина четверти этого градуса, раздѣленная на 10 милліоновъ, должна была представлять имъ метръ, опредѣленную самою природою величину, для измѣренія всего существующаго въ мірѣ.

Ясно, что основываясь на метрѣ, какъ на линейной единицѣ, можно имѣть нормальную единицу всѣхъ измѣреній. Метръ, самъ по себѣ, представитъ линейную мѣру, способную въ собирательномъ числѣ и дробныхъ частяхъ выразить всякое линейное протяженіе; квадратъ метра и кубъ его даютъ единицы площадей и объемовъ. А на этомъ основаніи можно образовать единицы для всего, что только подлежитъ измѣренію и можетъ быть выражено числомъ.

Къ сожалѣнію система эта, основанная на началѣ совершенно раціональномъ, не получила надлежащаго приложенія, какъ все, что было устроиваемо съ поспѣшностію разгара страстей во время французской революціи, когда люди, во имя свободы и равенства, налагали самый безпощадный деспотизмъ на священнѣйшія права и убѣжденія, и когда мысль человѣческая, кажется, умѣла дѣлать только начинанія.

Во первыхъ, что разумѣется совершенно уничтожило логичность вводимой системы, принимающей въ основаніе опредѣленную часть четверти градуса меридіана, это то, что французы не имѣли терпѣнія дождаться окончательнаго результата, производившагося тогда, точнаго измѣренія меридіана земли. Имъ видите нужно было поскорѣе передѣлывать міръ, за чѣмъ же дожидаться точныхъ основаній? И вотъ они назначили величину приблизительную, по прежде бывшимъ измѣреніямъ. Положимъ, что при этомъ метръ получилъ весьма близкую, — но все

же не совершенно точную величину той мѣры, которую долженъ былъ представлять.

Второе, что также нарушаетъ логичность, принятой французами, системы, это доказанное, позднѣйшими открытіями, сжатіе земли у полюсовъ; чѣмъ отвергается равномѣрность градусовъ земнаго меридіана. Слѣдовательно метръ можетъ составлять опредѣленную часть только того градуса, который представляетъ среднюю величину земныхъ градусовъ и именно градуса подъ угломъ 45° широты. Случайность доставила Франціи измѣреніе меридіановъ близкихъ именно къ этой широтѣ, но все же всеобщность нормальности самою природою указываемой величины, уже опровергнута.

Наконецъ третіе, что примѣненіе метра къ прочимъ измѣреніямъ, основанное тоже на поспѣшномъ опредѣленіи свойствъ предметовъ, недостаточно еще обслѣдованныхъ, представляетъ сбивчивость, даже невѣрность, не соотвѣтственныя строгой точности и послѣдовательности, которыя составляютъ сущность мѣры, вѣса и счета. Кромѣ того, нельзя не указать на совершенную непрактичность нормы, принятой французами за единицу. Хотя норма эта поэтически обрисовывается словами, что само мірозданіе указываетъ ея размѣры, въ практической жизни она представляется совершенно отвлеченной величиной, въ природѣ ровно ничѣмъ себя не означаемой. Что значитъ одна десяти милліонная часть четверти земнаго градуса? Можетъ ли кто, хотя приблизительно, представить себѣ эту

величину? Наконецъ, не благоугодно ли будетъ кому либо, въ своемъ домашнемъ быту, повѣрить такую, показываемую, мірозданіемъ единицу! Или, въ случаѣ, если бы, положимъ, не было метра въ наличности, то взять его съ указанія природы, хотя бы приблизительно. Въ этомъ случаѣ дикари, мѣряющіе разстоянія длиною руки (локоть, аршинъ), или величиной своего охвата (сажень), или длиною шага и длиною ступни (аршинъ, футъ), едва ли не поступаютъ раціональнѣе. Они тоже берутъ единицу изъ природы, — правда, единица эта не представляетъ твердо опредѣленной нормы, но за то представляетъ общую практическую доступность, и, въ ошибкѣ своей, ограничивается только крайними предѣлами человѣческаго роста. Понятіе же о десятимилліонной части четверти меридіана земнаго шара и еще опредѣленной широты, въ ошибкѣ своей, не имѣетъ даже ограниченія.

Тѣмъ не менѣе единица была указана, метръ былъ назначенъ! И не смотря на то, что, какъ мы замѣтили, въ практическомъ употребленіи, метръ представляетъ совершенно отвлеченную величину, неимѣющую никакого отношенія къ неизмѣннымъ законамъ природы, которые бы предѣлъ его естественно опредѣляли, онъ получилъ во Франціи всеобщее значеніе. Оно, впрочемъ, понятно! Вѣдь и другія единицы, которыя до того во Франціи употреблялись, тоазъ, мюидъ, ливръ, равно какъ и тѣ, которыя доселѣ употребляются у другихъ народовъ, — аршинъ, пудъ,

ведро, въ своемъ настоящемъ, также не представляли и не представляютъ ничего болѣе, какъ отвлеченныя, условныя величины, которыя, бывъ приняты по историческимъ указаніямъ народной жизни, утверждены въ своемъ опредѣленномъ значеніи, и условно принимаются за норму, не имѣя также никакого указанія своимъ предѣламъ въ природѣ. Стало быть, введеніе метра было только введеніе новой условной мѣры, вмѣсто старыхъ условныхъ же мѣръ, и обобщеніе этой новой мѣры, для французскаго террора, не могло представиться затруднительнымъ. За тѣмъ, благодаря удобству порядка, который новая система мѣръ и вѣсовъ принимала, она удержалась во Франціи, и получила примѣненіе въ прилегающихъ странахъ, на которыя Франція имѣла вліяніе. Порядокъ, основанный на системѣ выраженія числа десятичной ариѳметики, по своему удобству и простотѣ, имѣетъ столь огромное преимущество передъ смѣшанными выраженіями измѣреній у другихъ народовъ, что, нѣтъ сомнѣнія, долженъ со временемъ привлечь къ себѣ всѣхъ.

Легкость введенія метра въ народную жизнь Франціи доказываетъ общее сознаніе необходимости пересмотра существующихъ нынѣ системъ измѣреній вообще, положительно несоотвѣтствующихъ настоящему развитію общественныхъ сношеній, гражданственности и успѣхамъ всеобщей цивилизаціи; преимущественно же эта настоятельная необходимость чувствуется въ примѣненіи ея къ монетнымъ систе-

мамъ, выражающимъ собою стоимость всего, что подлежитъ мѣрѣ, вѣсу и счету.

Въ какой мѣрѣ, вводимая тогда во Франціи единица мѣры и вѣса — метръ, отнесена была къ преобразуемой, тоже въ то время, монетной системѣ, — къ сожалѣнію мы не можемъ сказать положительно; потому что, въ настоящую минуту, у насъ нѣтъ, подъ руками декрета, объ этомъ преобразованіи. Но, если разсматривать дѣленія метра, въ примѣненіи къ стоимости монетъ, то нужно полагать, что примѣненіе это сдѣлано самымъ неправильнымъ способомъ, основаннымъ на указанномъ нами условіи, о постоянствѣ отношенія между стоимостями золота и серебра; то-есть тѣмъ самымъ способомъ, о нелогичности котораго и противорѣчіи разумнымъ началамъ сравненія, мы уже говорили, какъ о невозможномъ выраженіи, однимъ числомъ, отношенія какого-либо предмета къ двумъ несоизмѣримымъ между собою величинамъ.

Для опредѣленія вѣса, французы избрали единицею кубическій дециметръ перегнанной воды при 4°/o температуры сто-градуснаго термометра (gramme). Кубическій центиметръ чистаго золота (кубъ, сторона котораго представляетъ $^1/_{100}$ метра), давая величину, около кубической четверти нашего вершка) представляетъ количество золота стоимостію приблизительно, около 24 р. 50 коп. Мы говоримъ *приблизительно*, потому что, точное вычисленіе цѣны въ означенномъ кубѣ золота тре-

бовало бы значительнаго времени, да и намъ нѣтъ нужды въ точной цифрѣ, потому что наша цѣль указать сущность, мысль, а не численныя величины монетъ и ихъ подраздѣленія. А сумма 24 р. 50 коп., дѣленная на сто, слѣдовательно представляющая $^1/_{100}$ часть кубическаго центиметра, столь близко подходитъ къ стоимости франка, что заставляетъ предполагать: не опредѣлена-ли величина серебрянаго франка, по стоимости $^1/_{100}$ части кубическаго центиметра золота, т. е., не принято ли за нормальное, отношеніе между стоимостями золота и серебра, и на этомъ, ложномъ основаніи, не установлена-ли нормальная величина серебряной единицы, по соотвѣтственной, въ то время, стоимости золота, въ опредѣленномъ дѣленіи кубическаго метра?

Однимъ словомъ, по сближеніи цѣнъ, находящагося въ настоящее время въ обращеніи, франка съ количествомъ золота, заключающимся въ кубическомъ центиметрѣ, возбуждается вопросъ: не распорядились ли мудрые люди такимъ образомъ: примемъ, дескать, за единицу данный вѣсъ золота, а какъ изъ золота, даннаго вѣса можетъ отчеканиться монета слишкомъ мелкая и весьма неудобная для обращенія (размѣромъ менѣе половины нашего пятачка) такъ сдѣлаемъ ее, по соотвѣтственной цѣнѣ, изъ серебра!

Если дѣйствительно величина франка опредѣлена такимъ замысловатымъ способомъ, столь противорѣчащимъ логическому понятію о выраженіи срав-

ненія, для оцѣнки въ немъ стоимостей, то нельзя не возстать на тогдашнихъ распорядителей, которые, вводя правильность и точность въ системѣ измѣреній вообще, приняли въ основаніе выраженія монетными знаками стоимостей, самое антилогическое начало, заключающееся въ смѣшеніи двухъ разнородныхъ металловъ, будто они могутъ представлять однородную величину, и принятіи одного металла за другой, въ постоянномъ отношеніи ихъ стоимостей. Это весьма похоже на то, что докторъ прописалъ на гривенникъ ромашки, а ромашки нѣтъ, — ну все равно, дайте на этотъ гривенникъ хоть соли.... Подобное сравненіе и смѣшеніе — неправильно, не логично, потому невозможно, — какъ мы уже доказали; — оно ведетъ непремѣнно къ лажу однихъ монетъ противу другихъ, слѣдовательно нарушаетъ сущность самой системы, представляя невѣрность во всякомъ, по этой системѣ, выраженіи....

Но за то, — оставя въ сторонѣ правильность установленія монетной единицы, самый порядокъ выраженія стоимостей въ системѣ, равно какъ и мѣръ и вѣсовъ, во Франціи, основанный на десятичной системѣ арифметическихъ цифръ, представляетъ столько удобства во всѣхъ расчетахъ, столько заключаетъ простоты и ясности, что, какъ мы замѣтили, долженъ постоянно получать большее и большее практическое примѣненіе. Французская монетная система, по удобству своего выраженія разныхъ стоимостей, можетъ соперничать только съ русскою, которая, также, основана

на десятичномъ счетѣ, и представляетъ также десятичное дѣленіе монетъ; монетныя же системы прочихъ государствъ, представляющія смѣшанныя дѣленія и подраздѣленія, не могутъ вовсе приниматься въ соображеніе при устройствѣ правильной и всеобщей системы, для международнаго выраженія значенія стоимостей опредѣленіемъ ихъ цѣны, по выраженію отношенія ихъ стоимостей къ стоимости металла.

Впрочемъ стремленіе къ введенію десятичной системы монетныхъ знаковъ замѣтно во всѣхъ государствахъ. Большая часть изъ нихъ приняли уже подраздѣленіе единицы на сто частей, которыя, ясно, представляютъ десятичную систему. Для того Австрія напр. установила свои нейкрейцеры, Испанія центимоссы; Швеція — эры (öre); Америка и Голландія центы; Греція — лепты. Тѣмъ не менѣе эти стремленія, при разности принимаемыхъ единицъ, и несоразмѣрности между собою дѣленій этихъ единицъ, не могутъ получить общаго значенія, потому что не опредѣляютъ основаній, которыя могли бы вести къ всеобщему соглашенію.

И такъ, мы видимъ, что строго опредѣленная и однажды на всегда, общимъ соглашеніемъ установленная, единица, представляющая, въ опредѣленномъ количествѣ золота, нормальную стоимость, должна составлять основаніе системы выраженія стоимостей, которыя въ этой единицѣ могутъ опредѣлить степень своего значенія съ совершенною точностію и опредѣлительностію. Размѣръ этой еди-

ницы, по настоящему положенію цивилизованныхъ обществъ и развитію коммерческой дѣятельности, требующей болѣе крупной единицы сравненія, ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть уменьшенъ противу русскаго рубля или прусскаго талера, — что могло быть нужно во время графа Канкрина, — и долженъ быть принятъ такой, который, въ возможной степени, могъ бы быть соизмѣримъ съ единицами главнѣйшихъ монетныхъ системъ, представляющихъ собою выраженіе большей части предметовъ труда и производительности, слѣдовательно, выражающихъ главнѣйшіе запасы богатства. Установленіе этого размѣра должно быть основано на положительныхъ научныхъ данныхъ; т. е. раціональныхъ указаніяхъ науки, которыя могла бы дать академія, въ родѣ того какъ французы хотѣли опредѣлить свой метръ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, было бы желательно, чтобы, полученная изъ самой природы, нормальная единица имѣла болѣе осязательное представленіе въ практической жизни, чѣмъ какое можетъ представить отвлеченное понятіе о десятимилліонной части четверти градуса меридіана, подъ угломъ 45° ширины, — такъ чтобы, въ частномъ быту, величина ея могла бы находить себѣ, хотя приблизительный способъ опредѣленія и повѣрки.

Въ этомъ смыслѣ, по нашему мнѣнію, удобнѣе уже длина секунднаго маятника, — тоже подъ 45° ширины, которую и предполагало было ввести въ основаніе мѣры Датское правительство, — хотя эта

величина также представляетъ только отвлеченную идею; по крайней мѣрѣ, при извѣстныхъ средствахъ, длина маятника можетъ быть опредѣляема, хотя приблизительно; величина же опредѣленной части градуса меридіана, для повѣрки своей, требуетъ новаго измѣренія градуса меридіана, и рѣшительно недоступна частной дѣятельности.

Нужно бы поискать въ природѣ такой мѣры, неизмѣняемость которой дѣйствительно опредѣлялась самимъ мірозданіемъ; но при томъ, въ такомъ простомъ и доступномъ для всѣхъ видѣ, чтобы каждый могъ, изъ природы, такую неизмѣняемую величину извлечь. Мы замѣтили, что изысканіе и указаніе такой единицы должно быть отнесено непосредственно къ обязанности академіи наукъ; здѣсь же, между прочимъ, считаемъ нелишнимъ сказать, что природа представляетъ неизмѣняемое постоянство въ нижеслѣдующихъ предметахъ, сущность которыхъ, дѣйствительно, по самымъ законамъ мірозданія, представляетъ опредѣленную величину.

a) Плотность перегнанной воды, при извѣстной температурѣ.

b) Плотность данныхъ металловъ, опредѣленнаго достоинства, также при извѣстной температурѣ.

c) Высота паденія тяжести на землю въ безвоздушномъ пространствѣ, въ опредѣленный промежутокъ времени и въ данной широтѣ.

d) Движеніе солнечной тѣни въ назначенный мо-

ментъ времени, въ извѣстной широтѣ или на экваторѣ и проч.

Допустимъ теперь, что такого рода единица, долженствующая составлять основаніе системы выраженія стоимостей, уже указана; въ чемъ же должна заключаться сущность правильной монетной системы, и на чемъ должно опираться ея установленіе?

Изъ самаго понятія о монетной системѣ, которое требуетъ отъ нея выраженія всѣхъ стоимостей числомъ, и потомъ осязательнаго представленія этого числа въ матеріальныхъ знакахъ, удобныхъ для обращенія и замѣны другихъ стоимостей, истекаетъ сущность условій, на которыхъ должно опираться установленіе монетной системы. За опредѣленіемъ нормальной единицы, которая должна составлять ея основаніе, слѣдуетъ опредѣлить порядокъ выраженія стоимостей въ этой единицѣ. Этотъ порядокъ долженъ представить удобный и правильный способъ выраженія стоимостей, какъ въ численныхъ величинахъ, такъ и матеріальныхъ знакахъ. Для того нужно, первое: чтобы всѣ стоимости, въ какой бы величинѣ онѣ не представлялись, — сложной или дробной, могли получить въ монетной системѣ совершенно точное выраженіе, какъ числомъ, опредѣляющимъ ихъ въ нормальной единицѣ, такъ и соотвѣтственнымъ этому числу количествомъ матеріальныхъ знаковъ монеты, имѣющихъ, въ своихъ стоимостяхъ, къ стоимости нормальнаго знака или нормальной еди-

ницы, опредѣленное отношеніе. Второе, — чему правильная монетная система непремѣнно должна удовлетворить, заключается въ требованіи полной соотвѣтственности между выраженіями численнымъ и матеріальнымъ, такъ чтобы всѣ дѣйствія, производимыя съ численнымъ выраженіемъ, могли, совершенно точно и правильно, обозначаться въ опредѣленіи этого выраженія матеріальными знаками и на оборотъ. И наконецъ третіе, что отъ правильной системы требуется, это удобство систематическаго подраздѣленія матеріальныхъ знаковъ, какъ для выраженія въ немъ численныхъ величинъ, такъ и для всевозможныхъ расчетовъ матеріальными знаками.

Достиженіе перваго условія, — т. е. чтобы монетная система могла правильно выражать всѣ стоимости, какъ въ численной величинѣ такъ и матеріальныхъ знакахъ, — ясно, объусловливается принятіемъ опредѣленной послѣдовательности знаковъ, — которые должны опредѣлять какъ собирательныя такъ и дробныя величины различныхъ стоимостей, — въ величинѣ нормальнаго знака или единицы системы, совершенно точно и согласно ихъ номинальному значенію.

Если не будетъ какого либо знака для выраженія соотвѣтственнаго числа, то, ясно, что принятая система не будетъ имѣть возможности опредѣлить монетными знаками стоимости, именно этому числу, соотвѣтствующія; стало быть не можетъ служить выраженіемъ и опредѣленіемъ значенія *всѣхъ* стоимо-

стей. Слѣдовательно должно, чтобы, принимаемая система, заключала въ себѣ такое количество знаковъ, и въ такомъ порядкѣ, чтобы оно могло опредѣлять всевозможныя величины, собирательныхъ и дробныхъ чиселъ единицы, такъ, чтобы всѣ числа ариѳметики, которыми могутъ обозначиться существующія въ мірозданіи стоимости, могли монетною системою выражаться и опредѣляться.

Второе требованіе опредѣлительности выраженія въ монетной системѣ достигается полной соотвѣтственностію и совершенно точною пропорціональностію стоимости всѣхъ знаковъ системы, по внутреннему ихъ существу, — ихъ номинальному значенію; а для того, какъ мы видѣли, слѣдуетъ, чтобы всѣ знаки системы представляли совершенную однородность въ своей сущности, и неизмѣняемую правильность въ своемъ заготовленіи, соотвѣтственно однажды принятому порядку.

За тѣмъ, ясно, условія системы должны уже опредѣляться практическими требованіями. Нѣтъ напр. нужды въ представленіи такихъ долей единицы, которыя, практически, не требуются, (въ родѣ даже нашей $^1/_4$ коп. сер. не говоримъ напр. $\frac{1}{10}$ $\frac{1}{100}$ и т. д.) или столь крупныхъ знаковъ, которые легко замѣнить счетомъ нѣсколькихъ другихъ, между тѣмъ какъ они должны встрѣтить затрудненія въ размѣнѣ. Но при опредѣленіи предѣла, до котораго величина монетныхъ знаковъ должна достигать, не должно забывать, что при большихъ отпускахъ монетъ въ за-

мѣнъ крупныхъ стоимостей, счетъ монетъ, какъ мы замѣтили, представляетъ важное затрудненіе. Лучшій счетчикъ не можетъ пересчитать болѣе 3-хъ т. монетъ въ часъ, и можетъ работать такъ въ сутки, не болѣе 6-ти часовъ, такъ что, положительно, не можетъ отпустить, въ одинъ разъ, болѣе 20 т. штукъ какой бы то нибыло монеты; по этому расчету, для отпуска милліоновъ потребуются десятки счетчиковъ и мѣсяцы, если не годы счета, если отпускъ будетъ производиться въ монетныхъ знакахъ единицы. Между тѣмъ монета, содержащая въ себѣ собирательное количество нѣсколькихъ единицъ, требуетъ, для своего счета, столько же времени, сколько монета въ одну единицу; слѣдовательно большіе отпуски, крупными знаками, можно производить, ровно во столько скорѣе, сколько, отпускаемый знакъ въ себѣ единицъ заключаетъ. Потому, при опредѣленіи величины собирательныхъ знаковъ, необходимо внимательное соображеніе того, какого рода требованія на отпускъ монетъ производятся коммерческимъ движеніемъ, и какого рода суммы, и на какой предметъ, наиболѣе, приходится отпускать. Англія и Франція признали, что для ихъ коммерческой дѣятельности необходимы знаки обозначающіе собою *сто* единицъ, и приняли золотые въ 100 шил. и 100 фр.; мы полагаемъ, что размѣръ этихъ высшихъ монетныхъ знаковъ, по современному состоянію коммерческаго движенія, совершенно достаточенъ, для всевозможныхъ расчетовъ въ коммерческомъ требованіи, такъ какъ

одинъ счетчикъ можетъ покрыть такими знаками платежи до 2 мил. единицъ въ теченіи одного дня.

По установленіи совершенной однородности и пропорціальности номинальному значенію знаковъ монетной системы, третіе и послѣднее условіе правильности и удобства этой системы достигается, соотвѣтственностію ея выраженія стоимостей знаками монеты общимъ правиламъ десятичной системы ариѳметики, общепринятой для всѣхъ расчетовъ и вычисленій, какъ наиболѣе удобной и общедоступной.

Слѣдовательно, правильная монетная система, за выборомъ нормальной единицы и представленіемъ ея опредѣленнымъ матеріальнымъ знакомъ монеты, должна представлять рядъ совершенно однородныхъ и пропорціальныхъ своему номинальному значенію знаковъ, соотвѣтственныхъ нижеслѣдующимъ величинамъ десятичной системы чиселъ:

1000; 100; 10; 1; 0,1; 0,01; 0,001.

Практическія указанія намъ опредѣляютъ, что тысячныя доли единицы не требуютъ себѣ выраженія, по неупотребительности ихъ въ практической оцѣнкѣ стоимостей; равнымъ образомъ, не требуется выраженія и 1000 единицъ въ одномъ монетномъ знакѣ, такъ какъ крайній предѣлъ высшаго размѣра, по указаніямъ опыта, признанъ достаточнымъ въ 100 единицъ. Но при этомъ, для удобства счета, при выраженіи стоимостей, практическія условія жизни требуютъ, между показанными предѣлами, нѣсколько

промежутныхъ знаковъ, которые, подобно тому, какъ въ настоящее время въ французской и русской системахъ, могли бы означать половину десятка или *пятокъ;* особливо въ дѣленіяхъ, близкихъ основанію. Потому, наиудобнѣйшая система выраженія стоимостей въ знакахъ монеты должна, по нашему мнѣнію, представлять, въ вещественныхъ монетахъ, слѣдующія величины:

Знаки собирательныхъ чиселъ единицъ.						Знаки частей единицы.						
100;	50;	25;	10;	5;	1;	0,5;	0,25;	0,15;	0,1;	0,05;	0,01;	0,005.

Система эта, по своему порядку обозначенія стоимостей знаками, весьма близко подходитъ къ французской и русской. Въ Россіи употребляются промежутныя знаки между единицею и 0,5 и между 0,5 и 0,25, именно 0,75 и 0,3; но эти знаки, происходя отъ слитія системъ *десятичной* и *четвертной*, и также соединенія польскаго счета *злòтыми* и стариннаго *дюжинами*, въ настоящее время, безъ затрудненія, могутъ быть опущены, какъ потому что не можетъ быть затрудненія, ни при какомъ счетѣ, отсчитать пять знаковъ, и монеты 0,75 и 0,3 составляются удобно изъ другихъ знаковъ, такъ и потому, что слишкомъ близкое выраженіе стоимостей въ монетныхъ знакахъ, дѣлаетъ эти знаки, по своей величинѣ и тяжести, весьма сходными другъ съ другомъ; что, на практикѣ, представляетъ не маловажное затрудненіе при распознаваніи монетъ, особенно, когда, отъ употребленія, внѣшній оттискъ монеты сгладится. Въ

Россіи, также, не употребляются знаки, выражающіе крупныя стоимости, потому что платежи за таковыя стоимости производятся ассигнаціями, которыя, за тѣмъ, затруднительность счета монетныхъ единицъ отстраняютъ. Во Франціи, монетная система не имѣетъ дѣленій менѣе 0,01, потому что, принимаемый въ системѣ за единицу, франкъ, на столько меньше рубля, что, рѣшительно, изгоняетъ возможность обращенія стоимостей менѣе его сотой части, по совершенной ихъ ничтожности.

Въ приведенной нами системѣ знаковъ, можетъ свободно выражаться всякая численная величина стоимости, до $\frac{1}{200}$ части единицы, въ десятичномъ порядкѣ, который система представляетъ; меньшія единицы въ практической жизни не требуются. А какъ, всякая дробь можетъ быть переведена въ десятичную, съ вѣрностью ближе тысячныхъ долей; соединеніе же цѣлыхъ и собирательныхъ знаковъ можетъ представить, безъ ограниченія, всякое число, то значитъ, что приведенная система знаковъ, можетъ выразить всякую величину стоимостей, какъ въ собирательныхъ числахъ, такъ и дробныхъ частяхъ, и принятіемъ оной, вполнѣ удовлетворится, математически точнымъ способомъ, практическое требованіе выраженія стоимостей въ систематическомъ порядкѣ, для опредѣленія ихъ относительнаго значенія.

Опредѣленіе фиктивнаго значенія, обозначаемыхъ системою величинъ, исходитъ уже естественно изъ самыхъ указаній, принимаемой системы.

Знакъ единицы, представляющій опредѣленную и нормальную стоимость, долженъ составлять основаніе сравненія стоимостей всего съ стоимостію золота; а послѣдовательная пропорціальность знаковъ, выражающихъ собирательное число единицъ, отстраняетъ возможность колебанія въ относительности значенія монетъ противъ единицы, и величина каждой изъ нихъ, получитъ несомнѣнную опредѣлительность, своимъ номинальнымъ значеніемъ. При томъ, будучи повсемѣстно, совершенно одной величины и достоинства, знаки монетъ возбудятъ всеобщую къ себѣ довѣренность, хотя бы матеріальный знакъ ихъ и былъ отливаемъ въ разныхъ государствахъ, слѣдовательно монеты и имѣли бы различный гербъ.

Крупныя суммы, съ полнымъ удобствомъ, выразятся въ крупныхъ знакахъ собирательнаго числа *ста* единицъ, дающихъ возможность одному счетчику отпустить, какъ мы сказали, до 2 милліоновъ единицъ въ день.

Само собой разумѣется, что какъ самая единица, представляющая нормальную стоимость, такъ и собирательныя числа этой единицы, должны, непремѣнно, представлять въ отливкѣ самыхъ знаковъ монеты номинальную стоимость. Но при нынѣшнихъ успѣхахъ техники, отливать знаки изъ золота, съ опредѣленною правильностію и точностію, хотя бы размѣръ его и не превышалъ стоимости $^1/_5$ нынѣшняго русскаго золотаго, не можетъ быть затруднительно. Равнымъ образомъ, не можетъ встрѣтиться затруд-

ненія въ пропорціальной отливкѣ знаковъ, означающихъ собирательныя числа единицы, съ опредѣленною точностію ихъ номинальному значенію. Другое дѣло отливать болѣе мелкія монеты, представляющія дробныя противу размѣра единицы стоимости.

Отливка такого рода мелкихъ знаковъ, особенно съ точнымъ сохраненіемъ пропорціональности ихъ величины номинальному значенію, изъ металла высокой стоимости, разумѣется, не можетъ не быть затруднительною. Техническія условія опредѣляютъ предѣлъ, до котораго можетъ дойти размѣръ уменьшенія монетъ, съ соблюденіемъ правильности ихъ отливки, тогда какъ практическія требованія вызываютъ дѣленія болѣе дробныя. Отлить стоимость 1 сант., даже 1 коп. сер. изъ золота, съ строгой пропорціональностію стоимости золотаго рубля (135 дол. въ пяти рубляхъ), т. е. отлить монету въ 0.27 дол. золота 95 или даже 93 пробы, положительно невозможно, особливо, какъ мы сказали, съ соблюденіемъ строгой пропорціональности ея достоинства номинальному значенію. А какъ, малѣйшая непропорціональность въ дѣйствительной стоимости монетныхъ знаковъ, сравнительно съ нормальною единицею, нарушаетъ правильность системы, и ведетъ, — особенно, когда всѣ монетные знаки будутъ изъ золота, — непремѣнно къ исчезанію тѣхъ знаковъ, которые отлиты нѣсколько больше своей нормы, то — принимая, также, во вниманіе, что слишкомъ мелкія монеты неудобны для обращенія, и весьма мно-

го теряютъ металла отъ тренія, и наконецъ, что нѣтъ никакой причины, которая требовала бы выраженія стоимости дробей въ металлѣ, тогда когда, повсемѣстно, обращается металлическая единица, могущая представить стоимости этихъ дробей въ собирательномъ числѣ, — мы полагаемъ, что всѣ дробныя дѣленія единицы слѣдуетъ выражать биллонными знаками, — т. е. знаками, имѣющими стоимость, только по общему условію обязательнаго ихъ пріема, до размѣра единицы. Эти биллонные знаки, по нашему мнѣнію, должны обращаться только въ своей мѣстности, и обезпечиваться опредѣленнымъ количествомъ единицъ, какъ мы говорили о томъ въ статьѣ своей «О мелочи», здѣсь прилагаемой, и будемъ говорить подробно, объясняя значеніе ассигнацій.

Къ этому нужно еще прибавить, что самые знаки, выражающіе условно стоимости дробей единицы, должны быть установлены такіе, чтобы они легко могли быть распознаваемы даже въ темнотѣ, даже безграмотными; это рѣшительно упускается въ нынѣшнихъ системахъ, хотя, также, онѣ, большею частію выражаютъ части своихъ единицъ въ мѣдныхъ или смѣшанныхъ биллонахъ.

Но, скажутъ намъ, — не послѣдуетъ ли отъ принятія высказанныхъ нами предположеній, уменьшенія запасовъ богатства? Извлеченіемъ изъ обращенія серебра, не поставимъ ли мы нашу промышленность въ затрудненіе опредѣлять цѣну своимъ произведеніямъ, по недостатку размѣнныхъ знаковъ; и не

уменьшимъ ли запасъ обращающихся стоимостей, опредѣляющихъ, во всякомъ случаѣ, большее или меньшее накопленіе запасовъ труда? Нисколько! Мы уже замѣтили, разсуждая о знакахъ монеты изъ платины, что государственное казначейство не понесло бы никакой потери, еслибы, имѣющуюся у него платину, оно продало за серебро, и вмѣсто подкрѣпленія себя знаками изъ неупотребляющагося на монету металла, увеличила бы количество выпущеннаго серебра. Точно тоже можно сказать и о серебрѣ, по отношенію его къ золоту! Равнымъ образомъ, и замѣчаніе о затрудненіяхъ, которыя можетъ встрѣтить промышленность отъ недостатка въ металлѣ, за извлеченіемъ серебра, не можетъ быть признано уважительнымъ. Потому что, какъ мы видѣли, металла для выраженія недоставать не можетъ; уменьшеніе количества его въ обращеніи ведетъ только къ пониженію цѣнъ, во всякомъ случаѣ, представляющихъ собою совершенную соотвѣтственность всему количеству обращающейся массы; соотвѣтственность, опредѣляемую неизмѣннымъ равенствомъ стоимости этой массы стоимости всего производства предметовъ и ихъ обращенія.

А масса богатства, масса матеріальной стоимости металла, будетъ таже самая, какая и теперь: находится ли серебро въ монетѣ, или въ слиткахъ, или въ издѣліяхъ, стоимость его отъ того не измѣняется; и если есть на него требованіе, то оно, оцѣняемое въ золотѣ, точно также будетъ составлять богатство каждаго, какъ и теперь составляетъ его, находясь въ монетѣ.

Такимъ образомъ, уничтоженіе серебряной монеты не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на значеніе матеріальнаго богатства, а сообщитъ только выраженію оцѣнки этого богатства надлежащую опредѣлительность и правильность.

Знаки монетъ будутъ представлять дѣйствительно однородную нормальную стоимость, сравненіемъ съ которою опредѣлится значеніе всѣхъ стоимостей или ихъ взаимное отношеніе; т. е. правильнымъ и совершенно точнымъ способомъ опредѣлится ихъ цѣна, которая, въ настоящее время, въ практическомъ выраженіи своемъ, выражается безпрерывнымъ колебаніемъ, иногда, совершенно внѣ условій жизни, но собственно, неправильностію принимаемыхъ системъ ея выраженія.

За тѣмъ, какія же слѣдствія будутъ отъ введенія такой общей и правильной системы выраженія стоимостей?

Ясно! Вопервыхъ исчезнетъ необходимость перевода. Единица будетъ повсемѣстно одна; дѣленія будутъ совершенно совпадать одни съ другими, и выражать одно и тоже количество массы металла одинаковаго достоинства; слѣдовательно переводить однѣ монеты на другія не встрѣтится надобности. Во вторыхъ, что мы уже замѣтили, введеніе одной величины и одного достоинства монетъ, отстранитъ курсовое значеніе знаковъ *), такъ какъ возбудитъ къ одинаковымъ зна-

*) Разумѣется здѣсь не принимается во вниманіе ни вексельнаго ни ассигнаціоннаго курса.

камъ общую довѣренность. Въ третьихъ, существованіе лажа въ правильной монетной системѣ, знаки которой совершенно пропорціональны своему номинальному значенію, положительно невозможно. А отстраненіемъ такого рода неудобствъ въ международныхъ сношеніяхъ, получается большая опредѣлительность цѣны всѣхъ произведеній. Взаимный обмѣнъ ихъ принимаетъ болѣе точный характеръ, и сообщаетъ ту твердость и опредѣлительность, которыми объусловливается всякое усовершенствованіе и всякое движеніе, могущія исходить только изъ совершенно логическаго пониманія и математически вѣрнаго выраженія того, что на математикѣ и логикѣ должно быть основано; — именно: взаимнаго сравненія и выраженія этого сравненія въ численной величинѣ. Слѣдовательно, правильная монетная система сообщаетъ опредѣленную самостоятельность между народнымъ сношеніямъ, и правильность торговлѣ, которые будутъ, нѣтъ сомнѣнія, служить могучимъ рычагомъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ цивилизаціи и общественности, ведущимъ къ всеобщему миру и всеобщему довольству.

За тѣмъ, слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о томъ, какое значеніе можетъ имѣть введеніе новой системы, собственно въ Россіи. Но мы отлагаемъ этотъ предметъ, до нашего слѣдующаго труда, въ которомъ разсмотримъ сущность значенія ассигнацій, и денежныхъ бумагъ вообще; — такъ какъ въ Россіи, монетная единица заключается не только въ ме-

таллическомъ знакѣ рубля, но и въ фиктивномъ представленіи его ассигнаціей, или бумажнымъ знакомъ кредитнаго билета, и значеніе этихъ билетовъ имѣетъ столь важное вліяніе на весь ходъ денежнаго обращеніи, что не можетъ не отразиться на самой сущнсости всякаго предположенія, которое касалось бы выраженія цѣны въ Россіи.

IX.

Статьи по разнымъ финансовымъ вопросамъ, могущія служить объясненіемъ изложеннаго, и переходомъ къ дальнѣйшему развитію научнаго взгляда на финансы, въ примѣненіи его къ анализу значенія денежныхъ бумагъ.

I.

О мелочи.

(Составлена въ октябрѣ 1864 г.).

Въ настоящую минуту, у насъ опять начинаетъ исчезать изъ обращенія мелкое серебро, подобно тому, какъ исчезло оно лѣтъ пять назадъ. Опять, увы, на посылаемыя за покупками рубли, начинаютъ приносить сдачу въ видѣ столбцевъ мѣдныхъ денегъ, обрывающихъ карманы, а если покупка незначительна, то, небольшіе торговцы опять начинаютъ отказываться отъ продажи, чтобы только не мѣнять рубля, если вы брать мѣдныхъ денегъ не хотите. Мѣня-

лы просятъ за размѣнъ на мелкое серебро, даже до 5% *), да и то мѣняютъ не охотно; хотя мелкое серебро чеканится 72 пробы, т. е. 12% ниже номинальной стоимости серебряннаго рубля, по вѣсу металла.

Явленіе это совершенно понятно тому, кто слѣдитъ за ходомъ биржевыхъ дѣлъ. Въ настоящее время биржевой курсъ, хоть на Парижъ, доходилъ до 312 сантимовъ за русскій рубль: т. е. стоялъ слишкомъ на 22% ниже номинальной стоимости, по установленному въ немъ вѣсу. Хотя въ мелкихъ деньгахъ металлъ ниже на 12% противу его надлежащаго достоинства, но все же остается премія въ 10%, весьма достаточная, для покрытія трехъ-мѣсячнаго дисконта и уплаты за переливъ; потому что дисконтъ на три мѣсяца (переводный курсъ идетъ большею частію на этотъ срокъ) бываетъ обыкновенно 1½ и не можетъ превышать 2%, а переливъ монеты не болѣе 5%; стало быть, 3% представляютъ положительную наживу того, кто, въ замѣнъ переводовъ, отправляетъ мелкія серебрянныя деньги за границу, для покрытія необходимыхъ платежей; а три процента, въ значительныхъ суммахъ и скоромъ оборотѣ, представляютъ дѣло слишкомъ заманчивое, чтобы на него не было охотниковъ. Но выгода отправителей еще болѣе.

Дѣйствительно, положимъ, что кому нибудь нужно заплатить въ Парижѣ милліонъ франковъ. Покупая переводъ на франки по назначенному курсу 312 сант. въ

*) Впослѣдствіи цѣна размѣна доходила до 13%.

рублѣ, онъ долженъ заплатить за нихъ 320,515 руб. 50 коп. Если же эту сумму онъ отправитъ серебряными рублями или мелкой монетой прежней 84 пробы, то получитъ за нихъ, по вѣсу металла, не 1 мил. а 1,282,050 франковъ; а монетой новой 72 пробы, тоже не милліонъ, а 1,128,205 франковъ; т. е., въ первомъ случаѣ на 282 т. франковъ, а во второмъ на 128 т. фран. болѣе противу того, что можно было получить, по переводу денегъ въ бумажныхъ знакахъ.

Изъ суммы, получаемой преміей въ отправкѣ серебра, слѣдуетъ, разумѣется, исключить: во первыхъ дисконтъ, такъ какъ по переводу платится черезъ 3 мѣсяца, — самое большое 15 т. ($^1/_2$% въ мѣсяцъ, за три мѣс. $1^1/_2$%) ну положимъ 20 т. франковъ; во вторыхъ, стоимость перелива, на что нужно положить ни какъ не выше 5%, — что составитъ 50 т. франковъ; слѣдовательно всего 70 т. франковъ. За вычетомъ таковой суммы, останется чистой преміи при отправкѣ серебра вмѣсто переводовъ: — рублями или мелкой монетой 84 пробы — свыше 200 т. франковъ; а при отправкѣ серебряной монеты 72 пробы — до 58 т. франковъ; что составитъ, по показанному курсу: въ первомъ случаѣ болѣе 60 т. рублей; а во второмъ 19 т. рублей.

Если бы, въ настоящее время, существовало еще въ обращеніи, въ значительномъ количествѣ, серебро прежней пробы, то оно, принося, при отправкѣ своей за границу, почти 20%, разумѣется исчезло бы

мгновенно. Но и 19 т. рублей, на 320 т. рублей, представляетъ довольно значительную выгоду; особенно, какъ мы сказали, при скоромъ оборотѣ; — такъ, что, покрывая собою всѣ боковые расходы по отправкѣ денегъ въ монетѣ, заставляетъ опасаться, что и нынѣшняя серебрянная мелочь исчезнетъ у насъ также мгновенно, какъ и прежняя, особенно если курсъ упадетъ еще ниже. Удержать такое исчезновеніе нельзя никакими стѣсненіями, никакими запрещеніями, какъ не удержали стѣсненія и запрещенія прежней мелкой и крупной серебряной и золотой монеты. Оно есть прямое слѣдствіе паденія денежнаго курса, предотвращаемое только мѣрами финансовыми, а никакъ не запретительными.

Кажется, по крайней мѣрѣ судя по послѣднимъ биржевымъ извѣстіямъ, — этого не случится; потому что курсъ началъ подниматься. Дай Богъ! Но мы пишемъ эту замѣтку, чтобы высказать наше мнѣніе въ видахъ возможной случайности *), и изыскать средство такую случайность предотвратить. А то вновь, ясное дѣло, застигнутые въ расплохъ, мы можемъ дойти опять до такого положенія, что начнутъ ходить марки извѣстныхъ торговцевъ вмѣсто денегъ, какъ ходили марки откупныя, фабрикантскія и т. д., потому что мелкихъ денегъ, даже и мѣдныхъ нигдѣ не было.

---

*) Къ сожалѣнію эта *случайность* случилась, и курсъ падалъ до 270 сантимовъ.

Чтобы раціонально провести идею о какомъ нибудь предположеніи, нужно изложить тѣ основанія, на которыхъ предположеніе это опирается. Слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ, намъ нужно бы было изложить подробно значеніе нормальной единицы сравненія для выраженія всякой стоимости, и значеніе этой единицы въ опредѣленной монетѣ данной формы и величины *). Потомъ перейти къ замѣнѣ такой единицы бумажными знаками, системѣ бумажныхъ знаковъ и значеніи ихъ въ общемъ движеніи экономическаго устройства. Далѣе, переходя отъ бумажныхъ знаковъ опять къ монетѣ, объяснить значеніе существующихъ монетныхъ системъ, то вліяніе которое на нихъ бумажные знаки имѣютъ и опредѣлить необходимость выраженія частей единицы, какъ естественныхъ представленій мелкихъ или дробныхъ стоимостей **). Разумѣется при этомъ пришлось бы говорить о вліяніи, которое различныя системы — монетныя и кредитныя, — имѣютъ на народное хозяйство, и о томъ отношеніи, какое существуетъ въ опредѣленіи цѣнъ различныхъ стоимостей по сравненію существующихъ системъ между собою. Но такое изложеніе завело бы насъ слишкомъ далеко отъ цѣли предположенной статьи, которую составляетъ экономическая замѣтка о возможности факта и средствахъ его предотвращенія. Читатели

---

[1]) Значеніе это опредѣлено въ изложеніи теоріи цѣны.

[2]) Съ этими положеніями читатели ознакомятся при изложеніи значенія *бумажныхъ денегъ* и *денежныхъ бумагъ*.

найдутъ много случаевъ ознакомиться съ нашимъ взглядомъ на всѣ отрасли экономическихъ вопросовъ; въ настоящее же время мы скажемъ, въ короткихъ словахъ, только то, что относится непосредственно къ предотвращенію замѣчаемаго нами факта.

Раздѣленіе монетной единицы на дробныя части, мы сказали, необходимо для выраженія мелкихъ стоимостей. Напр. положимъ, что четверикъ какого нибудь хлѣба стоитъ полтинникъ, *полъ рубля*; ясно, что въ случаѣ покупки одного четверика необходимо имѣть знакъ, обозначающій полъ-рубля. Но, въ соединеніи понятій, стоимость хлѣба выражается однакожъ въ единицѣ; то есть, мы ясно сознаемъ цѣну купленнаго нами четверика только тогда, когда уплаченную за него цѣну сравнимъ съ единицею и опредѣлимъ, напримѣръ, что на рубль можно имѣть два четверика того хлѣба, или два четверика стоятъ рубль; потому что за одинъ мы заплатили полтинникъ, который равняется половинѣ рубля. Сравненіе же цѣны съ двумя *единицами*, двумя *несоизмѣримыми* между собою *величинами*, даже немыслимо, потому что не имѣетъ логическаго основанія, слѣдовательно противорѣчитъ всѣмъ математическимъ понятіямъ объ измѣреніи и сравненіи величинъ. Нельзя напримѣръ, выразить стоимость хлѣба положимъ въ рубляхъ, по цѣнѣ стоимости его въ полтинникахъ, если неизвѣстно какую именно часть рубля составляетъ полтинникъ; т. е. много ли полтинниковъ составляетъ рубль.

Чтобы осязательнѣе представить наше замѣчаніе, положимъ, что крестьянинъ промѣнялъ свой четверикъ хлѣба на двухъ курицъ. Можно-ли опредѣлить цѣну хлѣба, по которой онъ его продалъ, если неизвѣстна положительно цѣна курицъ? Ясно, нѣтъ! Потому что нѣтъ отношенія, которое бы выражало цѣну курицъ въ единицѣ монеты. А если бы обычай, случайныя или мѣстныя обстоятельства, необходимость, по недостатку другихъ знаковъ мѣны, ввели бы постоянно такого рода мѣновую торговлю, т. е. напримѣръ хлѣбъ бы постоянно мѣнялся на курицъ, нечего и говорить, подразумѣваемая стоимость курицы стала бы опредѣленной единицей, безъ всякаго отношенія къ единицѣ монетной, до тѣхъ поръ, пока цѣнность курицъ въ монетѣ не была бы строго опредѣлена. Такъ напр. одно время на Кавказѣ значительныя стоимости опредѣлялись *головами барановъ*, безъ всякаго другаго означенія ихъ цѣны; точно также, въ торговлѣ русскихъ съ горцами, когда дозволено было имъ продавать соль, всѣ предметы отдавали по сравненію съ пудомъ соли. Ясно, что въ томъ и другомъ случаѣ, *голова барана* и *пудъ соли* были единицами сравненія, безъ всякаго отношенія къ монетѣ, такъ какъ стоимость этихъ единицъ не имѣла какого-либо неизмѣннаго и постояннаго отношенія къ величинѣ монетной единицы, и для насъ представляла совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ для горцевъ: напр. пудъ соли цѣнился тогда въ русскихъ укрѣпленіяхъ два рубля, а на два рубля нель-

зя было у горцевъ купить того, что можно было купить у нихъ на пудъ соли.

Если бы въ то время на Кавказѣ между горцами опредѣлилась постоянная цѣна курицамъ, баранамъ, соли и проч. въ рубляхъ; т. е. опредѣлилось бы, что напримѣръ баранъ стоитъ 3 р.; пудъ соли 2 р.; курица 25 коп., то выраженіе, что цѣна тому или другому 500 головъ барановъ, не имѣло бы значенія, или лучше сказать, имѣло бы значеніе только посредствующее, т. е. оно означало бы, что то или другое стоитъ 1,500 р., при чемъ о баранахъ пожалуй можно было бы и не поминать. И точно, когда жизнь горцевъ и отношенія ихъ къ русскимъ стали развиваться, и оказалась потребность въ серебрѣ, стало проявляться и желаніе соразмѣрить имѣющіяся у нихъ стоимости съ стоимостію серебра: такъ что вмѣсто опредѣленнаго числа барановъ, при оцѣнкѣ значительныхъ стоимостей, стали говорить: *шапка* или *горсть* серебра; потомъ уже стали опредѣлять какая шапка и какая горсть, а тамъ перешли просто къ счету монетъ, которыхъ вѣсъ и относительную стоимость они уже знали.

Изъ этого ясно, что сравнительная величина стоимости *единицы для выраженія цѣны* должна быть одна, какова бы величина эта ни была; что къ ней уже должны относиться всѣ выраженія разныхъ стоимостей, какъ крупныхъ такъ и дробныхъ величинъ, для опредѣленія ихъ цѣны, и что сравнивать какую нибудь стоимость съ двумя величинами, безъ опре-

дѣленія ихъ взаимнаго отношенія, невозможно, потому что это противорѣчило бы логическому понятію о сущности сравненія.

А если всѣ стоимости должны выражаться только въ данной единицѣ, то, для опредѣленія ихъ, должна существовать въ натурѣ единица. Всѣ же прочія выраженія или знаки, служащія къ опредѣленію, или собирательнаго числа многихъ единицъ, или дробныхъ частей ея, представляютъ уже только требованіе условное, зависящее, не отъ сравненія стоимости предметовъ съ этими знаками, а отъ случайныхъ оборотовъ, представляющихъ иногда требованіе на извѣстный знакъ. Потому, можно сказать, что знаки, выражающіе части единицы или собирательное число многихъ единицъ, не могутъ и не должны, ни въ какомъ случаѣ, служить сами для опредѣленія разныхъ стоимостей, по сравненію ихъ съ собою; то-есть, что знаки опредѣляющіе дробь единицы должны быть выражены въ такомъ видѣ, *чтобы немогли служить мѣриломъ опредѣленія цѣны предметовъ въ самыхъ знакахъ;* потому что знаки эти должны имѣть значеніе только по отношенію своему къ общепринятой единицѣ.

Такъ напримѣръ, въ Петербургѣ, когда была утверждена такса на извощиковъ, потребовалось значительное количество пяти-алтынныхъ; но это требованіе не могло имѣть отношенія къ цѣнности знака въ 15 коп., такъ какъ онъ составляетъ опредѣленную часть рубля. Если же бы такой знакъ, по

какому либо случаю, поднялся въ цѣнѣ, то представилъ собой явленіе, противорѣчащее логическому основанію системы и разумѣется требовалъ бы усиленнаго для себя выпуска.

Потому выраженія собирательнаго количества монетной единицы или дробныхъ ея величинъ, составляютъ уже сами по себѣ условные знаки, представляющіе извѣстное отношеніе ихъ къ данной единицѣ, и могутъ представлять это отношеніе, или выражая его своей матеріальной стоимостію, по строгой соразмѣрности матеріальнаго своего достоинства съ еднницей; или опредѣляя свое нарицательное достоинство условнымъ соглашеніемъ пріема въ обращеніи по назначенной цѣнѣ. Въ первомъ случаѣ выраженія эти составляютъ *монету* соразмѣрнаго достоинства по своему отношенію къ единицѣ, во второмъ — *биллонъ* условно представляющій опредѣленное отношеніе къ той же единицѣ, и обезпеченный въ обращеніи общимъ и взаимнымъ соглашеніемъ.

Въ монетной системѣ Россіи, за нормальную единицу принять рубль; то-есть опредѣленной величины и формы кусокъ серебра 84-й пробы. Къ этой установленной или общепринятой единицѣ приводятся для сравненія, всѣ матеріальныя стоимости русской жизни; въ ней всѣ онѣ выражаются, и это выраженіе въ рубляхъ означаетъ ихъ цѣнность.

Ясно, что если бы въ Россіи, стоимость всѣхъ предметовъ выражалась только металлическимъ зна-

комъ рубля, т. е. кускомъ металла извѣстной формы и величины, ассигнацій не было бы вовсе, то выраженіе частей единицы или рубля въ знакахъ металлическихъ, имѣло бы только одно требованіе: — соразмѣрность ихъ отливки; и общественная потребность въ мелкой монетѣ, при выполненіи означеннаго условія ея соразмѣрности въ отливкѣ, вполнѣ и правильно удовлетворялась бы достаточнымъ выпускомъ оной, такъ что цѣль монетной системы служить выраженіемъ всѣхъ стоимостей и средствомъ размѣна ихъ, достигалась бы вполнѣ. Совершенно другой видъ принимаетъ это дѣло, если единица — или рубль выражается не только кускомъ металла данной величины, но и бумажнымъ знакомъ, имѣющимъ условное обращеніе, и который, слѣдовательно, въ обращеніи своемъ въ международныхъ сношеніяхъ, опредѣляется вексельнымъ курсомъ.

Что такое вексельный рубль? Ходячій знакъ, который въ данную минуту представляетъ опредѣленную стоимость, напр. размѣръ годовой личной подати въ казну съ работника; цѣну листа гербовой бумаги для подачи прошенія въ Сенатъ; десять фунтовъ сала, при цѣнѣ сала на биржѣ по сорока рублей за берковецъ и проч., пожалуй и кусокъ металла того вѣса и величины, который за него въ данную минуту дадутъ. Слѣдовательно вексельный рубль есть такого рода единица, которая, уплачиваясь ходячимъ знакомъ, представляетъ видъ различнаго

рода матеріальныхъ стоимостей, которыя на него можно пріобрѣсти, по существующей въ ту минуту цѣнѣ.

Ясно, что этотъ вексельный рубль представляетъ другую единицу противу рубля металлическаго; онъ можетъ съ нимъ совпадать въ цѣнѣ, когда на него совершенно свободно можно получить въ обмѣнъ, во всякую минуту, и безъ малѣйшаго затрудненія, рубль металлическій; можетъ быть больше — когда, при легкомъ обмѣнѣ, необходимость большихъ транспортовъ представляетъ нужду въ болѣе удобныхъ для пересылки представителяхъ цѣнности, чѣмъ знаки металлическіе; и быть менѣе — когда обмѣнъ встрѣчаетъ затрудненіе, или когда за него даютъ металла меньше чѣмъ въ соотвѣтствующемъ ему знакѣ металлическомъ.

Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда вексельный или бумажный рубль стоитъ ниже металлическаго, составляя, какъ мы сказали, отдѣльную единицу, — выражать части рубля — вексельнаго, бумажнаго, — металлическими знаками, значитъ производить сравненіе какой либо стоимости въ одно и тоже время, съ двумя несоизмѣримыми между собой величинами, и хотѣть выразить цѣнность этой стоимости таковымъ невозможнымъ сравненіемъ. Металлическіе знаки рубля будутъ въ этомъ случаѣ имѣть двѣ цѣны: одну номинальную, по условному отношенію своему къ рублю, часть котораго представляютъ; другую дѣйствительную, по стоимости въ нихъ ме-

талла въ сравненіи съ бумажнымъ знакомъ рубля, какъ единицею. Слѣдовательно части рубля, выражаемыя металлическими знаками, при существованіи бумажнаго рубля и стоимости его дешевле металлическаго, будутъ представлять какъ бы новую единицу, которая, по отношенію своему къ бумажной единицѣ, будетъ всегда въ колеблющемся положеніи, соотвѣтственно колебаніямъ курса.

При курсѣ бумажнаго рубля выше и равномъ курсу металлическаго, дробныя части рубля въ металлическихъ знакахъ будутъ имѣть свободное обращеніе; при паденіи же курса, мелкія деньги должны исчезать.

Это совершенно естественно, потому что платежъ рубля бумажнымъ знакомъ и платежъ того же номинальнаго рубля мелкими деньгами, будутъ представлять не одинаковую стоимость. Мелкія деньги на рубль будутъ дороже рубля; потому ясно, должны скрыться изъ обращенія. Представьте себѣ, что если бы при отливкѣ монеты была нарушена соразмѣрность ея относительно рубля, положимъ напр., что былъ бы отлитъ полтинникъ, долженствующій представлять половину рубля, больше своей нарицательной стоимости. Всѣ захотятъ всякую плату получать полтинниками, и никто не захочетъ полтинниковъ выдавать. Полтинники, ясно, исчезнутъ изъ обращенія или за нихъ станутъ давать премію; т. е. они обратятся въ новую единицу, совершенно отъ рубля независимую, а соотвѣтственную своему вну-

треннему достоинству. Въ случаѣ обращенія бумажнаго рубля и когда онъ дешевле по курсу металлическаго, мелкія деньги представляютъ видъ именно этого болльшей стоимости отлитаго полтинника; слѣдовательно онѣ, при паденіи бумажнаго рубля, должны исчезать.

Въ предотвращеніе такого исчезновенія установлено было мелкія деньги отливать ниже достоинствомъ, нежели номинальная стоимость рубля. Постановленіе это, обращая мелкія деньги въ *биллонъ*, имѣющій условную стоимость, обезпеченную въ обращеніи только обязательнымъ пріемомъ до извѣстной цифры, дѣйствительно предотвращаетъ въ нѣкоторой степени исчезновеніе мелкихъ денегъ, но только до тѣхъ поръ, пока курсъ бумажнаго рубля, по сравненіи съ металломъ, будетъ выше разности, которая принята въ достоинствѣ мелкихъ денегъ противу нарицательной ихъ стоимости. Въ случаѣ же когда курсъ сравняется, тѣмъ болѣе упадетъ, — мелкая монета, хотя и низшаго достоинства, тоже получаетъ отдѣльную стоимость по вѣсу своего металла, слѣдовательно вновь представляетъ поле для спекуляціи. И совершенно напрасно нѣкоторые разумники нападаютъ на тѣхъ, которые производятъ эту спекуляцію покупки мелкаго серебра, — выставляя поступокъ этотъ чуть ли не общественнымъ грабительствомъ. Тутъ нѣтъ не только грабительства или отсутствія патріотизма, какъ увѣряютъ, но нѣтъ ровно ничего, за чтобы можно было купца

упрекнуть. Въ торговлѣ купецъ долженъ думать о разсчетѣ, и онъ покупаетъ векселя, когда ему выгоднѣе платить векселями; покупаетъ серебро, когда выгоднѣе платить серебромъ; покупаетъ товаръ, когда выгоднѣе платить товаромъ; стало быть обвинять купца въ томъ въ чемъ виноватъ не онъ, и за чѣмъ онъ въ торговлѣ руководится практическимъ смысломъ выгоды, также смѣшно, какъ если бы кто вздумалъ увѣрять, что мы поступаемъ вовсе не патріотически, что ѣдимъ, потому что если бы не ѣли, хлѣбъ былъ бы дешевле, а дешевизна хлѣба имѣла бы благотворное вліяніе на курсъ нашего отечества... Купецъ, скупая мелкія деньги и отправляя ихъ за границу на покрытіе платежей, поступаетъ такъ именно потому, что ему нужно ѣсть, стало быть имѣть отъ торговли выгоду, т. е. пользоваться практическимъ положеніемъ дѣла, руководствовать которымъ дѣло другихъ, а не купца.

Настоящая добротность металла въ мелкихъ деньгахъ и сравненіе съ серебряными рублями дѣлаетъ возможною отправку ихъ за границу при курсѣ рубля въ 330 сант.; а при курсѣ въ 225 сант. дѣлаетъ таковую отправку уже нѣсколько выгодною; въ случаѣ же пониженія курса, ясно, выгода эта можетъ быть весьма значительна.

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій слѣдуетъ заключить, первое: что выражать части единицы металлическими знаками, когда самая единица выражается условнымъ знакомъ бумажнаго рубля, противорѣ-

читъ логическому основанію всякой послѣдовательности понятій. Второе: что такое противулогическое нарушеніе послѣдовательности будетъ представлять всегдашній поводъ къ недоумѣніямъ, колебаніямъ и спекулятивнымъ измѣненіямъ цѣнности монетъ въ разсужденіи единицы; потому что сравненіе стоимостей и опредѣленіе, по этому сравненію цѣны съ единицею, которая сама въ своемъ выраженіи имѣетъ стоимость двойственную, — (при выраженіи бумажнымъ знакомъ, и при выраженіи металлическими знаками въ мелкихъ деньгахъ) — положительно невозможно; ибо двойственная стоимость единицы, по отношенію ея къ величинамъ несоразмѣримымъ между собою, разумѣется, при малѣйшемъ колебаніи курса, будетъ производить замѣшательство. И наконецъ третіе: что таковое не нормальное выраженіе стоимости должно приносить существенный впредъ интересамъ общественнымъ тѣмъ, что мелкая монета будетъ постоянно уходить по курсу, тогда какъ дѣйствительная цѣна ея выше курса; и что затѣмъ, никакими усиленными выпусками, нельзя будетъ достигнуть, чтобы оной было достаточно для потребленія.

Здѣсь выходитъ тоже самое какъ бы для выраженія монетной единицы отлили двоякаго достоинства рубли: одинъ по менѣе, другой поболѣе, и хотѣли бы, чтобы счетъ производился на рубли обоихъ достоинствъ. Ясно что большіе рубли исчезнутъ и излишекъ металла въ нихъ представитъ чистый убы-

токъ, такъ какъ всѣ цѣны установятся по сравненію съ рублемъ низшаго достоинства.

Разсматривая такое не нормальное положеніе дѣла относительно выраженія частей рубля металлическими знаками, когда самый рубль выражается знакомъ бумажнымъ, мы должны обратить вниманіе еще на обстоятельство, которое представляетъ особый видъ затрудненія въ существующемъ порядкѣ. Дѣло въ томъ, что еслибъ выражены были металлическими знаками кредитные знаки высшаго достоинства, то, исчезнувъ при паденіи курса, они возвращались бы когда курсъ поднимается, если не въ тѣхъ самыхъ знакахъ, то въ другихъ, имъ соотвѣтственныхъ, мелочь же не возвратится и не можетъ возвратиться никогда. Если благопріятныя обстоятельства потребуютъ прилива металла, то положимъ, что ушедшее отъ насъ золото будетъ, увы, перелито, оно возвратится въ видѣ гиней, наполеондоровъ и проч.; мелочь же рѣшительно не можетъ прибыть. По неволѣ стало быть нельзя удовлетворить будетъ потребности, въ мелкихъ деньгахъ никакимъ выпускомъ, въ какомъ бы то ни было количествѣ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, если хотите, металлъ, употребленный на мелочь, возвращается, но уже не въ видѣ мелочи, не въ видѣ размѣннаго знака, представляющаго части единицы, а въ видѣ собирательнаго числа рублей; а во вседневной жизни, торговыхъ, частныхъ требованіяхъ представляется необходимость для размѣна, не въ

металлѣ собственно, но въ размѣнномъ знакѣ, который представлялъ бы опредѣлительно часть единицы, и выражалъ бы собою извѣстное къ той единицѣ отношеніе.

Теперь если мы еще скажемъ, что даже въ томъ случаѣ, когда металлическій рубль, свободнымъ обмѣномъ на бумажный, будетъ удерживать курсъ бумажнаго рубля въ равной съ собою цѣнѣ, выраженіе частей рубля металлическими знаками не приноситъ никакой существенной пользы, а производитъ только значительную потерю металла отъ обращенія, и вспомнимъ, что пониженіе достоинства металла въ отливѣ, удерживаетъ, до извѣстной степени, вывозъ мелкихъ денегъ, которыя впрочемъ представляютъ уже при этомъ условную стоимость, мы приходимъ необходимо къ сознанію, что части рубля, при выраженіи его какъ единицы бумажнымъ знакомъ, должны быть выражаемы непремѣнно *билло-нами*, т. е. тоже знаками, которые сами по себѣ не имѣли бы никакой стоимости, а условно представляли бы части единицы, съ обязательнымъ пріемомъ только до размѣра этой единицы; т. е. что металлическіе знаки мелкой монеты должны быть замѣнены такими знаками, которые, имѣя условную сравненію съ ходячею единицею стоимость, вмѣстѣ съ нею, и неиначе какъ вмѣстѣ съ нею, раздѣляли бы всѣ ея колебанія, т. е. всѣ паденія и возвышенія курса, а никакъ не представляли бы отдѣльную величину, имѣющую отдѣльную отъ ходячей единицы стоимость.

Но, скажутъ намъ, замѣненіе металлическихъ знаковъ биллонами требуетъ особаго кредита; это будетъ новый выпускъ ассигнацій и безъ того уже поднявшій цѣны на всѣ стоимости. На это замѣчаніе мы возразимъ, что если бы выпускъ ассигнацій увеличивалъ число обращающихся единицъ, то замѣчаніе было бы справедливо; но мы не предполагаемъ такого увеличенія, а полагаемъ, что въ замѣнъ уничтожаемыхъ крупныхъ ассигнацій слѣдуетъ сдѣлать биллоны на мелкія деньги, которыхъ обращеніе въ металлическихъ знакахъ, даже и въ минуту номинальной стоимости рубля по курсу, даже и тогда, когда во все не существуетъ въ обращеніи бумажныхъ денегъ, не должно быть во все, а уже тѣмъ болѣе, когда единица этой стоимости не имѣетъ. Хотите поддержать кредитъ, удержать значеніе бумаги въ ровномъ достоинствѣ съ металломъ, обмѣнивайте на металлъ единицу и другіе крупные знаки, а мелкую монету оставьте всегда размѣннымъ знакомъ, потребнымъ ежедневно для обращенія, а потому неподлежащимъ никакимъ колебаніямъ въ своей стоимости противъ единицы, и никакому доступу для спекуляцій. Вѣдь и монета 72 пробы есть биллонъ, но только до извѣстной цифры паденія курса. При паденіи же курса она представляетъ такую же отдѣльную стоимость какъ и монета 84 пробы и ведетъ къ тѣмъ же колебаніямъ; а вѣдь мы знаемъ, что паденія курса нельзя ограничить никакой цифрой: — бумажный рубль, напримѣръ, прежнихъ

нашихъ ассигнацій доходилъ до 140 и даже до 110 сантимовъ, нѣтъ никакой возможности ручаться и за настоящій курсъ, какъ совершенно свободное выраженіе между народныхъ торговыхъ отношеній, искусственная поддержка котораго всегда обрушится на того, кто ее поддерживаетъ.

И такъ, для отстраненія возможности исчезновенія мелкой монеты и всѣхъ затрудненій отъ того происходящихъ, — при существующей нынѣ въ Россіи системѣ ассигнацій, слѣдуетъ всѣ мелкіе знаки, выражающіе части рубля, замѣнить билло-нами, выражающими часть рубля условно, и обязательными къ пріему только до рубля, который по требованію долженъ быть замѣняемъ ходячимъ рублемъ, т. е. если рубль ходитъ бумажный, — бумажнымъ, если рубль будетъ ходить металлическій — металлическимъ. Реализированіе бумагъ должно быть производимо въ единицѣ, т. е. въ рублѣ, а никакъ не въ мелкихъ знакахъ, которые должны остаться биллонами даже и по реализаціи бумажныхъ знаковъ, потому что, какъ мы сказали, мелкая монета должна служить собственно для размѣна, а не представленія собою стоимости, которая должна выражаться въ единицѣ, а не ея частяхъ.

Едва ли есть гдѣ лучшее положеніе общественныхъ финансовъ, какъ въ Гамбургѣ. Тамъ дисконтъ доходитъ до $1^1/_2$% въ годъ; бюджетъ всегда представляетъ остатокъ; ассигнацій, въ смыслѣ бумажныхъ знаковъ, нѣтъ вовсе, биржа, можно сказать

залита иностранными денежными знаками, которые притекли туда, благодаря предпріимчивости гамбургцевъ. Но и тамъ шиллинги, т. е. части *марки*, представляютъ только *биллонъ*, неимѣющій металлическаго значенія. Зачѣмъ же намъ имѣть части единицы въ металлическомъ знакѣ, когда самая единица выражается знакомъ бумажнымъ? Это значитъ, какъ мы сказали, вопреки всякаго разума и логическаго основанія, хотѣть сравнивать стоимость предметовъ съ двумя величинами не одинаковой цѣны и несоразмѣрными между собою, и хотѣть выразить это сравненіе одной цифрой.

Способъ заготовленія биллоновъ — въ центральномъ ли учрежденіи правительства, или въ городахъ подъ ихъ непосредственно отвѣтственностію, составляетъ уже подробности, которыя не относятся до цѣли означенной статьи, имѣвшей спеціальнымъ предметомъ разъяснить причины исчезновенія у насъ мелкихъ денегъ и указать возможность отстранить навсегда возможность происходящихъ затрудненій отъ недостатка въ обращеніи размѣнной монеты. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ нашихъ читатели подробнѣе ознакомятся, какъ съ этимъ предметомъ, такъ и съ отношеніями единицы вообще къ сущности финансоваго устройства; здѣсь же предлагаемъ статью нашу какъ экономическую замѣтку, по поводу настоящаго положенія дѣла, и желаемъ, чтобы она заслужила вниманіе.

II.

О замѣткахъ не финансистовъ.

Въ нашемъ обществѣ еще такъ слабо развиты финансовыя знанія, что самыя простыя и несомнѣнныя истины подвергаются превратному толкованію. Оно понятно! У насъ не было людей, которые посвящали бы себя всецѣло разработкѣ финансовыхъ вопросовъ съ научной стороны, и имѣли возможность изучать ихъ не только теоретически. Если же и было нѣсколько лицъ, которыя посвящали труды свои финансовой наукѣ, то большею частію между дѣломъ; сущность же ихъ дѣятельности направлялась совсѣмъ въ другую сторону. Другія лица, занимаясь финансами на практикѣ, по своей профессіи, большею частію знать не хотятъ никакихъ воззрѣній; они готовы, пожалуй, увѣрять, что знаніе можетъ быть препятствіемъ къ улучшенію финансоваго положенія. Отъ того, ясно, у насъ не могло еще быть систематическаго научнаго изложенія финансовыхъ предметовъ, тѣмъ болѣе, что наука эта и въ Европѣ получила нѣкоторое развитіе только въ весьма недавнее время; слѣдовательно, не можетъ быть и точки опоры для критической повѣрки, представляемыхъ предположеній и замѣтокъ. Языкъ науки и терминологія ея не установились; свѣдѣнія необобщились, и самый взглядъ на финансовыя явленія не получилъ того положительнаго научнаго указанія, которое опредѣляло бы зна-

ченіе представляемыхъ соображеній и ихъ научное достоинство. При такомъ положеніи дѣла слѣдовало бы ожидать, что повременныя изданія возмутъ на себя иниціативу строгой повѣрки того, что они, нѣкоторымъ образомъ, принимаютъ на свою отвѣтственность, помѣщая на своихъ страницахъ. Къ сожалѣнію такой повѣрки не только не замѣтно у большей части нашихъ газетъ и журналовъ, но, кажется, будто они щеголяютъ другъ передъ другомъ, представляя безпрерывно предположенія или объясненія, нелѣпость которыхъ не выдерживаетъ самой поверхностной критики.

И право странная вещь! По какому угодно предмету, если берется кто писать, то постарается хоть сколько нибудь ознакомиться съ этимъ предметомъ; ознакомиться хоть на столько, чтобы не противорѣчить самымъ первымъ основаніямъ научнаго знанія. Кто пишетъ о химіи, физикѣ, механикѣ, — непремѣнно прежде изучаетъ эти науки и слѣдитъ за ними. Кто начнетъ писать даже о *кузнечномъ мастерствѣ* непремѣнно ознакомится хоть съ его первоначальными пріемами. По вопросамъ же политической экономіи, — въ особенности по *финансамъ*, пишутъ всѣ, и знать не хотятъ, что это вопросы науки и науки точной, — по существу своему не менѣе точной, чѣмъ и прикладная механика. Удивительно ли, что въ такого рода писаніяхъ смѣшиваются всевозможные предметы, проявляется противорѣчіе даже математически доказаннымъ исти-

намъ, и отвергаются законы, принятые въ наукѣ аксіомами; удивительно ли, что въ нихъ нѣтъ ни правилъ, ни пониманія, ни даже вѣрности техническихъ выраженій?...

Недавно читалось объясненіе, въ которомъ лажъ смѣшивался съ курсомъ; потомъ, тамъ же, лажъ съ ажіотажемъ; нерѣдко случалось читать смѣшеніе понятій о денежныхъ бумагахъ и бумажныхъ деньгахъ; безпрерывно слышится какъ объясняютъ, что ассигнація есть вексель государства и т. д. Мы уже не говоримъ о предположеніяхъ такого рода, что стоитъ напечатать по больше *бумажекъ* и благосостояніе разольется, или запретить ѣздить за границу и промышленность процвѣтетъ, или — весьма недавнее предположеніе, которое кажется полагаетъ, что указуетъ великую истину, представляя старый забытый австрійскій проэктъ «о взносахъ съ *орошеніемъ*»; съ тою только разницею, что австрійскій проэктъ былъ обработанъ экономически правильно, и истекалъ изъ сравненія практическаго положенія съ научнымъ взглядомъ науки, а доморощеное предположеніе составлялось безъ всякихъ правилъ, а писалось — такъ, потому что бумага есть!

Особенную запутанность объясненія и смѣшенія понятій представляютъ вообще разсужденія о денежныхъ бумагахъ. Какихъ толкованій, объясненій и предположеній къ нимъ не прилагаютъ! И нужно сказать правду: изъ всѣхъ этихъ объясненій и толкованій, весьма рѣдко встрѣчается такое, на кото-

ромъ бы можно было остановить вниманіе, какъ на раціональномъ результатѣ научнаго изслѣдованія и разумной мысли. Будто изученіе вопроса, на которомъ основывается благосостояніе многихъ, не заслуживаетъ даже того, чтобы о немъ подумать прежде, чѣмъ его начнутъ разбирать.

Если бы такого рода замѣчанія попадались только людямъ понимающимъ дѣло, они оцѣнили бы ихъ по достоинству и больше не могло бы о нихъ быть и рѣчи. Къ сожалѣнію, напечатанные въ періодическихъ изданіяхъ, они, большею частію, попадаютъ въ руки тѣмъ, которые дѣла не понимаютъ, а безусловно вѣрятъ печатному слову. Можете себѣ вообразить, какой сумбуръ экономическихъ взглядовъ проявляется отъ того въ обществѣ!

Вотъ недавно *) въ одной изъ газетъ появилась подобнаго рода замѣтка о 5% лотерейныхъ билетахъ. Замѣтка эта въ такой мѣрѣ наивно объясняетъ денежныя бумаги, и говоритъ о нихъ съ такимъ дѣтски простодушнымъ взглядомъ; — въ такой мѣрѣ игнорируетъ самыя простыя, обыденныя свѣдѣнія, что можетъ изъ себя представлять *образецъ* замѣтокъ *не финансистовъ*. Потому мы рѣшаемся разсмотрѣть объясненіе автора, чтобы разъ на всегда опредѣлить то значеніе, которое подобныя замѣтки имѣютъ.

Видите, авторъ не доволенъ тѣмъ, зачѣмъ курсъ

*) Статья эта составлена въ Февралѣ 1866 г.

лотерейныхъ билетовъ 1-го займа (впрочемъ 2-го займа тогда еще не было) поднимается, такъ что стоитъ даже выше пари, тогда какъ другія бумаги ниже пари, и зачѣмъ покупаютъ лотерейные билеты даже небогатые чиновники. Онъ негодуетъ на то, что люди увлекаются надеждой вдругъ разбогатѣть. Это безнравственно, не хорошо, по его мнѣнію, — деморализируетъ трудъ, убиваетъ честность! И еще Богъ знаетъ что нашелъ авторъ въ естественномъ чувствѣ человѣка желать лучшаго, — желать счастія! Но пусть бы онъ и нападалъ на лотерейные билеты, если хочетъ, со стороны нравственности; мало ли что иные находятъ безнравственнымъ? Былъ кажется у насъ и такой проповѣдникъ, который печатно проповѣдовалъ о безнравственности дамскихъ кринолинъ; почему же не находить безнравственными и лотерейные билеты? Но авторъ нравственной стороной вопроса не довольствуется; онъ бросается въ экономическія и финансовыя соображенія. Вотъ эти то соображенія и выходятъ чрезвычайно забавны....

Онъ говоритъ: мы не противъ высокой цѣны 5% лотерейныхъ билетовъ и не противъ покупателей ихъ. Но вотъ что бѣда: въ то время какъ лотерейные билеты быстро идутъ въ гору, всѣ другіе *русскіе фонды* падаютъ, кромѣ металлическихъ. Безпроцентные, т. е. кредитные билеты стоятъ всего 73%, ибо полуимперіалъ стоитъ 6 р. 40 к. Даже процентныя бумаги, каковы — рента, выкупныя свидѣтельства, 5% банковые билеты и билеты непре-

рывно доходные, далеко не достигаютъ пари. Каково же чиновнику, котораго жалованье 27% ниже? Каково человѣку не богатому, котораго все состояніе въ непрерывно доходныхъ билетахъ, привлекаемыхъ обстоятельствами къ продажѣ? Каково больному, которому нужно ѣхать въ Карлсбадъ?

Вотъ тирада, достойная увѣковѣченія въ воспоминаніи, на равнѣ съ знаменитымъ указаніемъ однородныхъ предметовъ: колесо, сургучь, песокъ и уксусъ! И еще въ придачу съ вопросомъ каково?... Прежде того авторъ спрашиваетъ: какое основаніе такому *неслыханному* повышенію курса лотерейныхъ билетовъ? (Лотерейные билеты по курсу стояли тогда 114%) надежда ли на тиражъ, по которому выплачивается 120 р., (кажется и этой — не надежды а *увѣренности*, что за билетъ, при тиражѣ, платится не 100, а отъ 120 до 150 р., до того же времени платятся проценты, достаточно, чтобы курсъ билетовъ держался высоко) или проценты выдаются звонкою монетою, или за границей ихъ курсъ высокъ? Нѣтъ! отвѣчаетъ себѣ авторъ, и опровергаетъ расчетъ, по которому люди стремятся покупать эти билеты въ надеждѣ выигрыша....

Но мы спросимъ: развѣ можно смѣшивать между собою предметы совершенно разнородные, не имѣющіе ничего общаго, и даже противоположные? Развѣ можно ихъ сравнивать, и изъ такого сравненія выводить заключенія? Можно такимъ образомъ спросить: каково больному, у котораго хотятъ отнять

руку? Каково отцу семейства, у котораго не справедливо отнимаютъ послѣднее имущество? Каково работнику, который падаетъ съ крыши? Вѣримъ что не хорошо, да какое же отношеніе къ этому не хорошо 5% лотерейныхъ билетовъ.

Вопервыхъ мы замѣтимъ, что не понимаемъ изъ чего авторъ заключаетъ что *русскіе фонды* падаютъ? Въ томъ же номерѣ газеты, въ которомъ помѣщена статья автора, находится курсовая записка, въ которой значится что фонды 6% займа стоятъ 102½ а 5%-хъ займовъ отъ 85 до 87. Если онъ возметъ всевозможные бюлетени о курсѣ фондовъ, то хотя найдетъ продажу этихъ займовъ выше, но только при особо благопріятныхъ обстоятельствахъ; а нормальный курсъ ихъ, при самомъ займѣ, былъ даже ниже. На чемъ же основано его замѣчаніе о паденіи *всѣхъ фондовъ кромѣ металлическихъ?*

Мы не знаемъ, также что подразумѣваетъ авторъ подъ словомъ фонды металлическіе; сколько намъ извѣстно, то кромѣ внутреннихъ лотерейныхъ займовъ, всѣ фонды металлическіе, по различному только курсу. Но если, — какъ нужно заключить изъ дальнѣйшаго изложенія статьи, авторъ, подъ словомъ металлическіе фонды, разумѣетъ металлическіе билеты Государственнаго банка, то признаемъ весьма страннымъ его замѣчаніе; особенно послѣ того какъ самъ же онъ перечисляетъ въ числѣ упавшихъ бумагъ кредитные билеты. Да вѣдь за металлическій билетъ платятъ при продажѣ чѣмъ? Кредитными билетами!

А банкъ при тиражѣ платитъ по нимъ золотомъ! Самъ же авторъ говоритъ, что кредитные билеты стоятъ 23% ниже, то какъ же: ужъ одно изъ двухъ, или ассигнаціи не упали, или металлическіе билеты ниже пари? Нельзя же и то и другое, — и да и нѣтъ!

Но мы успокоимъ автора. Вопервыхъ ему скажемъ, что ни металлическіе 4% билеты банка, ни 5% банковые билеты, рента и выкупныя свидѣтельства, составляя банковую операцію, къ русскимъ государственнымъ фондамъ не относятся. Фонды сами по себѣ, а билеты сами по себѣ, а ужъ ассигнаціи или кредитные билеты... Какъ въ голову могло прійти автору смѣшать ихъ съ фондами?

Развѣ можно на государственные фонды покупать напр. папиросы или говядину? Развѣ можно фондами платить по векселямъ, или, что всего существеннѣе, — *платить повинности?* Пусть предложитъ авторъ любому лавочнику фондовую бумагу и ассигнацію, и спроситъ одно ли это и тоже? Нѣтъ! отвѣтитъ лавочникъ. — Это деньги, скажетъ онъ, указывая на ассигнацію, — и на нихъ, мы сей часъ вамъ отпустимъ что угодно, а объ этомъ, хоть и написано, что пятьсотъ рублей, но справиться нужно... Но если такое объясненіе дастъ автору каждый лавочникъ, то мы позволяемъ себѣ его увѣрить, что между *фондами* и *операціонными* бумагами, каковы *банковые билеты*, большая разница; а между тѣмъ и другимъ и бумажными деньгами или *ассигнаціями* разница еще больше. Тотъ, кто не созна-

етъ этой разницы, пусть не берется о нихъ писать, а то будетъ именно колесо, сургучь и уксусъ...

Во вторыхъ мы ему скажемъ, что всѣ бумаги равно, т. е. фонды, билеты, ассигнаціи, векселя, акціи, облигаціи — въ общемъ биржевомъ курсѣ одинаково упали по *курсу размѣна вексельныхъ или ходячихъ русскихъ рублей;* и что за тѣмъ, какъ металлическіе, такъ и лотерейные билеты, по переводу ихъ на заграничную монету, теряютъ на биржевомъ курсѣ одинаково. Въ своемъ же непосредственномъ курсѣ, каждая денежная бумагъ стоитъ, по относительности своего значенія. Напр. акціи главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, проценты которыхъ выплачиваются по обязательному курсу, — потому имѣющіе всего болѣе близкое отношеніе къ металлическимъ билетамъ, поднялись до нормальной цѣны; тогда какъ прежде, при курсѣ 370 сант. за рубль онѣ были далеко ниже и проч. Принявъ во вниманіе эту относительность значенія, слѣдуетъ сказать, что металлическіе билеты, государственнаго банка, лотерейные билеты внутренняго займа, и пятипроцентные банковые билеты перваго выпуска, — стоятъ въ своемъ непосредственномъ курсѣ противъ легальной единицы рубля почти въ одной нормѣ, и что лотерейные билеты, если и имѣютъ какую либо въ своемъ курсѣ премію противъ 5% билетовъ, — собственно приманкой лотерейной игры, — то эта премія весьма незначительна и не превышаетъ даже 1 р. на билетъ. Противъ металлическихъ

же билетовъ лотерейные едва ли выигрываютъ на своемъ курсѣ даже и этотъ 1 р. Гдѣ же это неслыханное возвышеніе курса лотерейныхъ билетовъ, стремленіемъ къ игрѣ, деморализирующей нравственность общества?

Стоятъ низко выкупныя свидѣтельства и $5^1/_2$% рента, которыя также, какъ мы сказали, къ государственнымъ фондамъ не относятся, составляя отдѣльную операцію выкупныхъ учрежденій. Но паденіе этихъ бумагъ объусловливается обстоятельствами и требованіями тѣхъ лицъ, которымъ онѣ были выданы, и которыя хотятъ продать ихъ во чтобы то ни стало. Противъ такого желанія нельзя ничего сказать въ родѣ каково? Но что сказать о томъ, что собственный вопросъ автора, каково чиновнику терять 27% своего содержанія отъ паденія курса, разрѣшается именно тѣми самыми лотерейными билетами, — на которыхъ онъ нападаетъ. Вѣрно читалъ же онъ, прежде чѣмъ сталъ писать о лотерейномъ займѣ, что операція эта предоставлена Государственному банку собственно съ тѣмъ, чтобы уничтожать ассигнаціи и озаботиться устройствомъ желѣзныхъ дорогъ; а отъ этихъ мѣръ долженъ подниматься курсъ нашей монетной единицы, такъ чтобы трудъ нашъ не оцѣнивался 25% ниже, какъ самъ авторъ справедливо замѣчаетъ. Такъ вѣдь опять что нибудь одно: или желать поднятія курса рубля, или отвергать бумаги, выданныя съ цѣлію его поднимать! Но авторъ не хочетъ вникать ни во что;

онъ смѣшиваетъ всѣ эти противоположности и только спрашиваетъ, каково продающимъ бумаги (пятипроцентные и непрерывно доходные билеты), самимъ смѣшеніемъ которыхъ съ фондами, серіями и кредитными билетами, какъ и этихъ послѣднихъ съ совершенно противуположными имъ билетами лотерейными, онъ доказалъ, что не имѣетъ даже идеи о финансовыхъ операціяхъ. Для разъясненія предложеннаго имъ вопроса считаемъ не лишнимъ изложить здѣсь о денежныхъ бумагахъ слѣдующее.

Каждая денежная бумага имѣетъ свою опредѣленную стоимость, по условію которымъ она обязывается, и твердости обезпеченія, которымъ это условіе гарантировано. Говоря о нашихъ правительственныхъ бумагахъ, нѣтъ надобности говорить о твердости обезпеченія. Безъ всякаго сомнѣнія, онѣ будутъ выполнены, съ совершенною точностію. Но условія, составляющія обязательство бумаги, нѣтъ сомнѣнія, точно также должны обозначать предѣлъ ихъ стоимости, по отношенію къ обстоятельствамъ времени, мѣста, торговыхъ требованій, и проч., которыя совокупно объусловливаютъ ихъ цѣну или *курсъ*, относительно номинальнаго значенія ходячихъ денегъ или легальной единицы рубля.

Въ этомъ смыслѣ денежныя бумаги, представляя собою условныя стоимости, всего болѣе имѣютъ аналогію съ недвижимыми имуществами, представляющими тоже опредѣленное значеніе, по отношенію къ различнымъ требованіямъ жизни; — какъ же смѣ-

шивать ихъ между собою и съ денежными знаками кредитныхъ билетовъ?..

Условія бумагъ, выпускаемыхъ правительствомъ, разумѣется, зависятъ отъ обстоятельствъ того времени, когда бумаги выпускаются. Государство съ точностію обязано выполнять эти условія; о томъ — какое вліяніе будутъ имѣть на ихъ курсъ послѣдующія обстоятельства, т. е. заставятъ ли онѣ упасть ихъ по курсу, или поднимутъ выше пари, уже никому нѣтъ дѣла, кромѣ владѣльца бумаги, который можетъ располагать ею какъ своею собственностію.

Въ благопріятное для денежныхъ сдѣлокъ время, государство занимаетъ по 3% по 4%; ему даютъ деньги на опредѣленный срокъ; потому что денегъ дѣвать некуда; трудно получать съ нихъ и 2% вѣрныхъ. Потомъ обстоятельства перемѣнились; деньги стали всѣмъ нужны; есть въ виду совершенно вѣрныя предпріятія, на которыхъ можно получать 7, 8 даже 10%; нечего и говорить, что бумаги приносящія 3% должны упасть. Если Правительству, въ это время, нужно будетъ опять занимать, то оно должно будетъ платить 6, 7, 8 и болѣе процентовъ, смотря по состоянію денежнаго рынка, какъ бы это Правительство, въ своемъ основаніи, твердо ни было. А ясно, что когда Правительство дѣлаетъ заемъ по 4%, то 3% бумаги должны стоять ниже пари; когда по 5%, должны упасть 4%; а когда по 6%, то должны упасть 5% бумаги. Это прямой математическій расчетъ стоимостей, цѣнимыхъ пода-

ваемымъ ими доходамъ, — которому должны подчиниться всѣ денежныя бумаги, какъ обязательства на срокъ. Условія, которыми опредѣленъ будетъ возвратъ капитала и платежъ процентовъ, въ свою очередь также должны отразится на курсѣ и должны давать имъ опредѣленное значеніе. Напр., положимъ, если бы существовала бумага, по коей проценты уплачивались бы исключительно хоть въ Казани. Ясно, такое условіе должно было понижать цѣну этой бумаги въ Петербургѣ. Противу другихъ соотвѣтственныхъ ей бумагъ ея курсъ будетъ ниже; точно также, какъ и курсъ 4% бумаги ниже курса 5%, при равенствѣ условій платежа процентовъ и возврата капитала, котораго должно будетъ ожидать, согласно условію выпуска бумаги, какъ и по всякому обязательству на срокъ.

Но зачѣмъ же отдавать деньги за малые проценты, когда можно потомъ отдать ихъ за большіе; не есть ли это эксплоатація капиталовъ, по которой потомъ капиталы эти становятся ниже своей нормы? Нисколько! Проценты, какъ мы сказали, зависятъ отъ обстоятельствъ времени! И говорить кому либо, зачѣмъ онъ отдалъ деньги по 4%, когда могъ потомъ взять 6%, въ то время какъ когда онъ ихъ отдавалъ, никто, на вѣрное дѣло, не бралъ, даже и за 3%, все равно, что говорить: зачѣмъ онъ не зналъ, что черезъ два или три года неурожай будетъ, и не сберегъ хлѣбъ, — или зачѣмъ не зналъ, что будетъ наводненіе, и проч.; т. е., вообще, зачѣмъ не зналъ

гдѣ упадетъ и не подкинулъ соломы... Обстоятельства возвысили проценты на деньги, но могли и понизить ихъ, и тогда, ожидая повышенія процентовъ, — владѣлецъ капитала вынужденъ бы былъ помѣстить его за меньшіе еще проценты противъ того чѣмъ онъ ихъ помѣстилъ. Все дѣло обстоятельствъ жизни, и кто угадаетъ ихъ впередъ, всегда выигрываетъ, но нужно угадать...

Разумѣется, въ числѣ бумагъ бываютъ и такія, которыя стоятъ ниже нормальнаго курса бумагъ имъ соотвѣтственныхъ, по особымъ обстоятельствамъ своего значенія; въ родѣ того, какъ мы замѣтили, о рентѣ и выкупныхъ свидѣтельствахъ. Но значеніе этихъ бумагъ, разумѣется, и должно разсматриваться въ примѣненіи къ этимъ обстоятельствамъ; къ общему же заключенію о курсѣ условныхъ стоимостей, значеніе такихъ бумагъ относиться не можетъ. Во Франціи, во время первой революціи, были выпущены *манданы*, представляющіе стоимость недвижимыхъ имѣній, продающихся правительствомъ. Манданы эти спеціально предназначены были для платежа за купленныя имѣнія. Ясно, что курсъ ихъ долженъ былъ колебаться, по мѣрѣ того какія имѣнія поступали въ продажу, безъ всякаго отношенія къ курсу другихъ бумагъ, которыя могли быть и дороже и дешевле того какъ манданы, по своимъ условіямъ, стояли.

Таково раціональное значеніе денежныхъ бумагъ, на рынкѣ всего свѣта, исходящее изъ сущности ихъ

основаній; согласно которымъ опредѣляется курсъ денежныхъ бумагъ и у насъ. Мы указали, что акціи желѣзныхъ дорогъ поднялись, потому что правительство гарантировало платежъ процентовъ ихъ по обязательному курсу; условіе это, при паденіи курса размѣна, ясно, должно было поднимать цѣну акцій.

Не угодно ли будетъ теперь автору взглянуть на сравнительный курсъ пятипроцентныхъ билетовъ; билетовъ металлическихъ и билетовъ лотерейныхъ. Онъ убѣдится, что заключеніе его о неслыханномъ возвышеніи курса билетовъ лотерейныхъ представляетъ неслыханную невѣрность.

Возьмемъ курсовой листокъ на какое либо число для взаимнаго сравненія, *) положимъ 16 сент. 1866 года.

I. Операціонныя бумаги:

a) *Государственнаго банка:*

5% билеты.	83%
Металлич. бил. съ 35-ю днями преміи.	
1 лотерейнаго съ выигрышами займа	112%
2 лотерейнаго съ выигрышами займа	107%

b) *Выкупныхъ учрежденій:*

5% выкупныя свидѣтельства.	78
5½% рента	81

*) Статья эта была написана прежде, но мы нарочно передѣлали это исчисленіе, по настоящему курсу бумагъ, для большей осязательности передъ читателями представляемаго нами расчета.

II. Бумаги обезпеченнаго кредита:

Акціи Главн. Общ. желѣзн. дорогъ безъ дѣлъ, выше пари.
Закладные листы С. П. Кр. Общ. 83

III. Золото:

Полуимперіалъ — 6 р. 31 к.

Ограничимся этою выпискою, и станемъ расчитывать. Тысячный пяти процентный процентъ, по курсу 83% стоитъ 830 руб. и даетъ дохода кредитными билетами 50 руб. въ годъ. Металлическіе билеты даютъ только 4% противъ номинальнаго значенія, но звонкою монетою; слѣдовательно, на 900 руб. даютъ 36 р. золотомъ; а на 830 р. — 32 р. 20 к., которые, при курсѣ золота 6 р. 30 к. за золотой, составляютъ: 39 р. 45 к. Хотя изъ этого и слѣдовало бы заключить, что курсъ металлическихъ билетовъ нѣсколько выше по сравненію съ пятипроцентными билетами 1-го выпуска, но если принять во вниманіе, что по металлическимъ билетамъ, банкъ ежегодно производитъ тиражъ и уплачиваетъ по тиражу золотомъ, и что разность курса въ этомъ платежѣ между звонкою монетою и кредитными билетами должна относиться по ровну къ каждому металлическому билету, такъ какъ каждый билетъ можетъ попасть въ тиражъ, то придется признать, что курсъ металлическихъ и пятипроцентныхъ билетовъ имѣетъ разницы не болѣе какъ 5 р. на тысячу или 50 к. на сто. Кажется немного, особенно если взять въ расчетъ, что металлическіе билеты прини-

маются во всѣ платежи на равнѣ съ кредитными билетами.

Лотерейные билеты, — если расчитаетъ авторъ математически, то увидитъ, что представляютъ собою $6^1/_4{}^0/_0$ заемъ *); изъ числа этихъ шести съ четвертью процентовъ $5^0/_0$ составляютъ непрерывный доходъ ихъ владѣльцевъ, почти $^3/_4{}^0/_0$ лотерейную игру; около $^1/_2{}^0/_0$ премію на курсъ при тиражѣ. Слѣдовательно эти билеты, въ отвлеченномъ значеніи, можно принять за билеты $6^1/_4{}^0/_0$ займа, т. е. такіе билеты, которые даютъ доходъ 62 р. 50 к. съ тысячи.

Чтобы получить 62 р. 50 к. дохода съ пяти процентныхъ билетовъ, нужно имѣть ихъ, по номинальному достоинству, на 1250 р.; ясно что въ этомъ смыслѣ 1250 р. пяти процентными билетами совершенно равны стоимости 1000 рубл. лотерейныхъ билетовъ. За 1250 рубл. пятипроцентныхъ билетовъ нужно заплатить по курсу $83^0/_0$ — 1037 р. 50 коп., а 1000 рубл. лотерейныхъ билетовъ 1-го займа по курсу стóятъ 1120 р., слѣдовательно казалось бы что лотерейные билеты представляютъ по курсу $83^0/_0$ на каждую тысячу 83 р. преміи, — но такой преміи

*) Мы не дѣлали точнаго математическаго исчисленія; оно бы отняло слишкомъ много времени; но довольно одного взгляда на условія займа въ 100 мил., дающаго 5 мил. процентами и около 1 мил. лотерейнаго выигрыша, кромѣ премій на тиражѣ, чтобы убѣдиться, что заемъ этотъ даетъ не менѣе $6^1/_4{}^0/_0$, а можетъ быть даже и до $6^1/_2{}^0/_0$.

на нихъ нѣтъ, — точно также какъ нѣтъ преміи и на металлическіе билеты, какъ мы указывали. Замѣчаніе это основано, во-первыхъ, на томъ, что къ курсовому значенію лотерейныхъ билетовъ должна постоянно прибавляться $^1/_2$%, которая не выдается вмѣстѣ съ купономъ, а постоянно присоединяется къ капитальной суммѣ, для выдачи при тиражѣ; и во вторыхъ, что шансы на выигрышъ или на полученіе тѣхъ $^3/_4$%, которые этотъ выигрышъ представляютъ, за каждымъ тиражемъ погашенія билетовъ, возвышаются, и въ послѣдній годъ будутъ представлять на каждомъ билетѣ далеко не полумилліонную часть счастливаго случая. Если авторъ сдѣлаетъ расчетъ этимъ шансамъ, возвышающимъ капитальную сумму билетовъ, и сообразитъ, что точно также какъ не отрѣзанный купонъ пятипроцентнаго билета долженъ прибавляться къ его стоимости по курсу, должна прибавляться и къ лотерейнымъ билетамъ та часть процентовъ, которая выдается при тиражѣ, то увидитъ, что курсъ лотерейныхъ билетовъ при курсѣ 112 р. не представляетъ преміи и 1 р. на тысячу т. е. 10 коп. на 100 р.; каковое возвышеніе имѣютъ металлическіе билеты. При курсѣ же 107 они даже, по своимъ условіямъ, нѣсколько ниже 5% билетовъ, и ужъ никакъ не выше ихъ. Въ разсужденіи же того, что невыдаваемый процентъ долженъ причисляться къ капитальной суммѣ, кажется не можетъ быть сомнѣнія. Впрочемъ авторъ и

на этотъ счетъ сдѣлалъ замѣчаніе, объясняя что лотерейные билеты въ Варшавѣ продаются съ однимъ отрѣзаннымъ купономъ. Ясно: — прошло назначенное время и купонъ за это время долженъ быть отрѣзанъ; онъ принадлежитъ владѣльцу билета за прошлое время, какъ доходъ съ его капитала; пройдетъ еще срокъ, будетъ и еще отрѣзанъ купонъ; курсовое значеніе билета отъ того не уменьшится; оно напротивъ, какъ мы говорили, увеличится, потому что выдаются по нимъ не всѣ проценты, а только, согласно условію выпуска, опредѣленная часть ихъ; другая же часть, хотя и несравненно меньшая, причисляется къ капитальной суммѣ и погашается преміей при тиражѣ или выигрышѣ. Гдѣ же и въ чемъ, г. авторъ замѣтилъ такое стремленіе къ лотерейной игрѣ?

Относительно непрерывно-доходныхъ билетовъ и ихъ курса, мы скажемъ, что, по количеству даваемаго ими дохода 4% въ годъ, и расчету стоимости 5% билетовъ, они не могутъ стоить дороже 67 р. за сто. Каково же тѣмъ, которые за нихъ платили сто рублей? спрашиваетъ авторъ. Не знаемъ! Но знаемъ, что не тяжелѣе, чѣмъ когда приходится продавать имѣніе стоившее 100 т., да на которое еще было употреблено изъ доходовъ и трудовъ почти столько же, — за 50 т.; не тяжелѣе чѣмъ когда приходится продавать домъ за 50 т., когда за нѣсколько лѣтъ назадъ было за него заплачено 80 т., и ужъ рѣшительно легче чѣмъ продавать хлѣбъ за 3 р.

когда за него платили 5 р.; измѣненіе цѣны стоимостямъ вообще, въ томъ числѣ и бумажнымъ, зависитъ отъ обстоятельствъ, и тѣсно совпадаетъ между собою. Если на денежной вѣрной бумагѣ можно получить 6%, то никто не станетъ покупать изъ 6% дома, а имѣніе даже изъ 10%; домъ и имѣніе понятно упадутъ въ цѣнѣ; а если трудно достать вѣрную бумагу въ 3%, ясно всякій съ удовольствіемъ будетъ покупать твердую недвижимость, дающую 6%, согласно общей теоріи относительности цѣны, съ которою читатели могутъ освоиться въ подробномъ ея изложеніи. Изъ этого можно заключить, что тотъ, кто, напримѣръ, продаетъ непрерывно-доходный билетъ хоть въ 10 т. р. за 6700 р. для того, чтобы купить на эти деньги имѣніе, не теряетъ, — а напротивъ выигрываетъ; — потому что онъ, въ настоящее время, купитъ за 6 т. р. имѣніе, которое бы не отдали ему и за 10 т., въ то время, когда онъ ихъ за свой билетъ заплатилъ. При этомъ нужно опять повторить: все дѣло обстоятельствъ! Обстоятельства измѣнятся къ лучшему, — разумѣется поднимутся и непрерывно-доходные билеты, соотвѣтственно возвозвышенію 5% и 6% билетовъ; а если бы, по несчастію, обстоятельства стали еще тѣснѣе, нечего и говорить о томъ, что, при такомъ положеніи, нерѣдко приходится продавать за полцѣны то, что стоило когда-то дорого. Въ этомъ отношеніи билетъ, совершенно подчиняется общимъ законамъ цѣны другихъ стоимостей; т. е. зависитъ непосредственно отъ

спроса и предложенія, которыя обусловливаютъ значеніе цѣны всего на свѣтѣ; слѣдовательно и цѣны денежныхъ бумагъ. Кажется ясно! Не знаемъ удержитъ ли кого авторъ отъ покупки лотерейныхъ билетовъ во имя нравственности, но пусть уже по крайней мѣрѣ не говоритъ о финансовомъ расчетѣ и ложныхъ соображеніяхъ. Пусть не хлопочетъ о томъ, о чемъ онъ не взялъ на себя трудъ подумать прежде, чѣмъ началъ писать....

Но остановимся на этомъ! Замѣтимъ только общее положеніе дѣла. Является статья, съ доктринерскимъ направленіемъ указанія и поученія, — въ которой игнорируются самыя элементарныя понятія финансовой науки, смѣшиваются самые разнородные предметы и приводятся самыя невѣрныя соображенія. Является статья, въ которой всѣ роды денежныхъ бумагъ смѣшиваются между собою, и въ свою очередь смѣшиваются вмѣстѣ съ бумажными деньгами; въ которой денежные знаки кредитныхъ билетовъ называются *фондами*, равно какъ и операціонные билеты банка. И изъ этого винегрета понятій выводится какое то заключеніе, которымъ опредѣляется безнравственное будто бы направленіе общества, увлекающагося лотерейной игрой, и эта статья не только находитъ себѣ услужливаго журналиста, который помѣщаетъ ее на своихъ страницахъ, не только не возбуждаетъ всеобщаго противорѣчія, но еще встрѣчаетъ видимую поддержку со стороны того журнала, въ которомъ на-

печатана, который не разъ повторяетъ высказанныя ею положенія въ своихъ передовыхъ статьяхъ, безъ всякаго также возраженія. Удивительно ли, что послѣ того финансовыя понятія нашего общества доходятъ до того предѣла, что капиталисты выражаютъ желаніе на выпускъ ассигнацій, хотя именно, каждый выпущенный ассигнаціонный билетъ есть прямой и непосредственный *налогъ* на капиталъ, и при томъ налогъ тяжелый, — такъ что, при выпускѣ ассигнацій, можно сказать, происходитъ почти мгновенное уменьшеніе дѣйствительнаго значенія всѣхъ денежныхъ суммъ...

И всѣ эти и подобныя предположенія пишутся, печатаются, объясняются, самыми несообразными выводами; безъ всякой повѣрки, безъ всякаго критеріума того, на чемъ они могутъ быть основаны.... Будетъ ли этому конецъ? Неужели мы вѣчно останемся при заключенія Сея, который призналъ политическую экономію наукой умозрительной, и тѣмъ открылъ поле всевозможнымъ фантазіямъ, умозрѣнія которыхъ кажется способны только къ тому, чтобы опредѣлить слабость логической мысли, которою отличаются подобные умозрители? Не пора ли положить предѣлъ такого рода фантазіямъ, и отнести политическую экономію, или хоть собственно *науку о финансахъ*, къ наукамъ точнымъ, которыя, въ своихъ выводахъ, должны опираться на непреложные законы математики, логически примѣненные къ сущности основаній своего предмета, или — по

отношенію къ финансамъ, къ сущности денежнаго обращенія въ практической жизни? И смѣшная вещь, относить науку о финансахъ, начало которой есть *число*, къ наукамъ умозрительнымъ! Какое тутъ умозрѣніе, — говоривалъ одинъ изъ практикантовъ московской капитальной дѣятельности, — тутъ *деньги!* И точно деньги, обращеніе которыхъ основано на математически точныхъ данныхъ; а не на фантазіяхъ умозрителей, которые полагаютъ удивить міръ своими соображеніями, когда напишутъ статью, въ родѣ того, что, именно, какъ мы замѣтили, представятъ проэктомъ сколокъ съ испорченнаго австрійскаго проэкта орошенія; или полагаютъ, что они открываютъ Америку, объясняя что фонды падаютъ, такъ какъ вексельный курсъ упалъ. Повторимъ еще разъ: будетъ ли этому конецъ? Разовьются ли когда наши знанія на столько, чтобы положить предѣлъ пустой болтовнѣ, и, въ научныхъ данныхъ, опредѣлить точныя основанія, на которыхъ наука о финансахъ, слѣдовательно и всѣ финансовыя операціи должны опираться.

Тогда, покрайней мѣрѣ, не станутъ смѣшивать у насъ *стоимость* съ *цѣной*; *курсъ* съ *лажемъ*; явленіе *арбитража* съ *видами* торговли, какъ не будутъ смѣшивать и *денежныхъ* бумагъ съ ходячими *знаками денегъ*, что случается встрѣчать нерѣдко въ журнальныхъ статьяхъ; особливо этотъ *лажъ* и эти денежныя бумаги: худо какъ то они даются нашимъ господамъ!...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Общее значеніе монеты 1
II. О свойствахъ монеты 53
III. Теорія цѣны 91
IV. Монетныя системы въ практической жизни; переводъ 160
V. Курсъ монетъ и арбитражъ. 210
VI Лажъ. 299
VII. Историческій и логическій анализъ причинъ отклоненія монетныхъ системъ отъ сущности ихъ правильнаго пониманія. Монеты изъ платины. 336
VIII. Предположенія о правильной монетной системѣ для всеобщаго обращенія. 414
IX. Статьи по разнымъ финансовымъ вопросамъ, могущія служить объясненіемъ изложеннаго, и переходомъ къ дальнѣйшему развитію научнаго взгляда на финансы, въ примѣненіи его къ анализу значенія денежныхъ бумагъ:
1) О мелочи 455
2) О замѣткахъ не финансистовъ . . . 476
X. Сравнительная таблица главнѣйшихъ монетныхъ системъ. . . . . M

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ЕДИНИЦЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ МОНЕТНЫХЪ СИСТЕМЪ

СЪ УКАЗАНІЕМЪ ПОДРАЗДѢЛЕНІЯ ИХЪ

И ОЗНАЧЕНІЕМЪ КОЛИЧЕСТВА ЧИСТАГО МЕТАЛЛА ВЪ РУССКИХЪ ЗОЛОТНИКАХЪ И ФРАНЦУЗСКИХЪ ГРАММАХЪ

И ПРОБЫ ВЪ ДОЛЯХЪ РУССКАГО ЗОЛОТНИКА.

Наименованіе *монетныхъ единицъ* съ ихъ главнѣйшими *подраздѣленіями;* равно и *государствъ* гдѣ таковыя единицы приняты.	**Вѣсъ** *чистаго серебра* въ русскихъ *золотникахъ.*	*Австрія.* Флоринъ = 100 нейкрейцерамъ.	*Англія.* Шиллингъ = 12 пенсамъ.	*Баварія.* Гульденъ = 60 крейц. крейц. = 4 пфенигамъ.	*Бразилія.* Мильрейсъ = 1000 рейс.	*Бременъ.* Талеръ = 72 гротамъ гротъ = 5 шварамъ.	*Гамбургъ и Любекъ.* Марка = 16 шиллинг. шилл. = 12 пфенигамъ.	*Греція.* Драхма = 100 лептамъ.	*Данія.* Рейхсъ-талеръ = 6 марк. марка = 16 шиллинг. шилл. = 15 пфенниг.	*Испанія.* Дуро = 20 реаламъ. реалъ = 100 центимос.	*Нидерланды.* Голланд-гульденъ = 100 ценсамъ.	*Пруссія.* Талеръ = 30 зильбер-гр. зильб.-грошъ = 12 пфен.	*Россія.* Рубль = 100 копѣйкамъ.	*Сѣверо-Амер. Штаты.* Долларъ = 100 центамъ.	*Персія.* Керамъ = 20 шаги.	*Перу, Чили и Мексик.* Пеза = 8 реаламъ реалъ = 12 гранамъ.	*Турція.* Піастръ = 40 паръ.	*Франція, Италія, Бельгія и Швейцарія.* Франкъ = 100 сантим.	*Швеція.* Риксмутъ = 100 эръ.
		2 з. 58.42 д.	1 з. 31.8 д.	2 з. 22.65 д.	2 з. 30.75 д.	4 з. 23 д.	1 з. 58.8 д.	0 з. 90.67 д.	5 з. 92.6 д.	5 з. 69.9 д.	2 з. 21.75 д.	3 з. 87.75 д.	4 з. 21 д.	5 з 61.3 д.	1 з. 24.15 д.	5 з. 56 д.	0 з. 22.27 д.	1 з. 5.26 д.	1 з. 47.33 д.
Австрія. Флоринъ = 100 нейкрец.	11.13	фл. 1	1 шл. 11.5 пн.	1 г. 10 кр. — пф.	1 мрс. 123 рс.	0 тл. 44 гр. 1.5 шв.	1 мрк. 9 ш. 10.4 ф.	2 др. 76.2 л.	0 р-т. 2 мр. 10 шн. 3 пг.	0 д. 9 рл. 10 цм.	1 г-г. 17.2 цс.	0 т. 20 з-гр. 0 п-ъ	0 рб. 61.8 кп.	0 дл. 46 ц.	2 к. 1.7 шг.	0 пз. 3 р. 8.6 гн.	11 пр-ъ. 10 п.	2 фр. 47.3 с.	1 р-к. 75 э.
Англія. Шиллингъ = 12 пенсамъ.	5.68	0 фл. 51 н-кр.	шл. 1	0 » 35 » 3 »	0 » 574 »	0 » 22 » 3 »	0 » 13 » 2.5 »	1 » 41 »	0 » 1 » 5 » 2 »	0 » 4 » 64 »	0 » 59.8 »	0 » 10 » 24 »	0 » 31.5 »	0 » 24 »	1 » 1.5 »	0 » 1 » 10.7 »	5 » 3 »	1 » 26.2 »	0 » 89.1 »
Баварія. Гульденъ = 60 крейцерамъ.	9.54	0 » 85.7 »	1 » 8.16 »	г. 1	0 » 964 »	0 » 38 » 0 »	1 » 6 » 2 »	2 » 36.7 »	0 » 2 » 4 » 3 »	0 » 7 » 81 »	1 » 0.4 »	0 » 17 » 1.2 »	0 » 53 »	0 » 40 »	1 » 16 »	0 » 3 » 2 »	9 » 33 »	2 » 12 »	1 » 50 »
Бразилія. Мильрейсъ = 1000 рейсамъ.	9.90	0 » 89 »	1 » 9 »	1 » 2 » 0 »	мрс. 1	0 » 39 » 2 »	1 » 6 » 9 »	2 » 45.6 »	0 » 2 » 5 » 2 »	0 » 8 » 10 »	1 » 5 »	0 » 17 » 8.4 »	0 » 55 »	0 » 41 »	1 » 17 »	0 » 3 » 2.4 »	10 » 0 »	2 » 20 »	1 » 55 »
Бременъ. Талеръ = [illegible]	[illegible]	1 » 62 »	2 » [illegible]	1 » 52 » [illegible]	1 » 697	тл. 1	2 » 12 » 4 »	4 » 45 »	0 » 4 » 5 » 2 »	0 » 14 » 89 »	1 » 90.4 »	1 » 2 » 6 »	1 » 0.5 »	0 » 75 »	3 » 8 »	0 » 6 » 0.5 »	18 » 11 »	4 » 2 »	2 » 82 »
Гамбургъ и Любекъ. Марка = 16 шиллинг; шиллинг. = 12 пфениг.	6.88	0 » 61.8 »	1 » 2.7 »	0 » 43 » 1.2 »	0 » 695 »	0 » 27 » 1 »	мрк. 1	1 » 70.7 »	0 » 1 » 3 » 3 »	0 » 5 » 60 »	0 » 72.4 »	0 « 12 « 4.3 »	0 » 38.2 »	0 » 28.6 »	1 » 5.8 »	0 » 2 » 3.5 »	6 » 37 »	1 » 53 »	1 » 8 »
Греція. Драхма = 100 лептъ.	4.03	0 » 36.2 »	0 » 8.5 »	0 » 25 » 1.5 »	0 » 407 »	0 » 15 » 4.5 »	0 » 9 » 4.4 »	др. 1	0 » 1 » 0 » 0.3 »	0 » 3 » 30 »	0 » 42.43 »	0 » 7 » 2.9 »	0 » 22.4 »	0 » 16.7 »	0 » 15 »	0 » 1 » 4 »	4 » 0 »	0 » 89.6 »	0 » 63.3 »
Данія. Рейхсъ-талеръ = 6 маркамъ; марк. = 16 шил.	25.45	2 » 28.7 »	4 » 7 »	2 » 40 » — »	2 » 571 »	1 » 29 » 1 »	3 » 11 » 2.2 »	6 » 31.5 »	р-т. 1	1 » 0 » 95 »	2 » 67.9 »	1 » 15 » 8.6 »	1 » 41.4 »	1 » 5.7 »	4 » 15 »	1 » 0 » 6 »	25 » 28 »	5 » 65.5 »	4 » 0 »
Испанія. Дуро = 20 реаламъ; реалъ = 100 центимос.	24.44	2 » 19.5 »	4 » 3.63 »	2 » 33 » 3 »	2 » 458 »	1 » 25 » 1.4 »	3 » 8 » 10 »	6 » 6.4 »	0 » 5 » 12 » 0.2 »	д. 1	2 » 57.3 »	1 » 13 » 11 »	1 » 35.7 »	1 » 15.8 »	4 » 11.6 »	1 » 0 » 2 »	24 » 27 »	5 » 43 »	3 » 83.7 »
Нидерланды. Голланд. Гульденъ = 100 ценсамъ	9.50	0 » 85.3 »	1 » 8 »	0 » 59 » 3 »	0 » 959 »	0 » 37 » 3 »	1 » 6 » 0 »	2 » 35.7 »	0 » 2 » 3 » 3 »	0 » 6 » 96 »	г-г. 1	0 » 17 » 0.5 »	0 » 52.7 »	0 » 39.5 »	1 » 15 »	0 » 3 » 2 »	9 » 24 »	2 » 11 »	1 » 49 »
Пруссія. Талеръ = 30 зил.-гр; зильб.-гр. = 12 пфениг.	16.70	1 » 41 »	2 » 11.3 »	1 » 45 » — »	1 » 686 »	0 » 66 » 2.3 »	2 » 6 » 10 »	4 » 14.4 »	0 » 4 » 0 » 0 »	0 » 13 » 66 »	1 » 75.8 »	т. 1	0 » 92.7 »	0 » 69.4 »	3 » 2.5 »	0 » 5 » 7 »	16 » 34.5 »	3 » 71 »	2 » 62.5 »
Россія. Рубль = 100 копѣйкамъ.	17.99	1 » 61.6 »	3 » 2 »	1 » 53 » — »	1 » 818 »	0 » 71 » 4.3 »	2 » 9 » 11 »	4 » 46.7 »	0 » 4 » 3 » 4.5 »	0 » 14 » 81 »	1 » 89.5 »	1 » 2 » 4 »	рб. 1	0 » 74.8 »	3 » 7.5 »	0 » 6 » 0 »	17 » 4.8 »	4 » 0 »	2 » 82.5 »
Сѣверо-Американскіе Штаты. Долларъ = 100 центамъ	24.06	2 » 16.1 »	4 » 2.8 »	2 » 31 » 1 »	2 » 420 »	1 » 23 » 3 »	3 » 12 » 6 »	5 » 97 »	0 » 5 » 11 » 1 »	0 » 19 » 69 »	2 » 53.2 »	1 » 13 » 2 »	1 » 33.6 »	дл. 1	4 » 10.5 »	1 » 0 » 0.7 »	24 » 12 »	5 » 34.6 »	3 » 62 »
Персія. Керамъ = 20 шаги.	5.34	0 » 47 »	0 » 11.25 »	0 » 33 » — »	0 » 539 »	0 » 21 » 1 »	0 » 12 » 5 »	1 » 32 »	0 » 1 » 4 » 1 »	0 » 4 » 40 »	0 » 56 »	0 » 9 » 7 »	0 » 29.7 »	0 » 22.2 »	к. 1	0 » 1 » 9.5 »	5 » 26 »	1 » 19 »	0 » 84 »
Перу, Чили и Мексика. Пеза = 8 реал; реалъ = 12 гранамъ	23.95	2 » 15 »	4 » 2.6 »	2 » 30 » 7 »	2 » 409 »	1 » 22 » 1.6 »	3 » 7 » 8 »	5 » 94 »	0 » 5 » 10 » 1.6 »	0 » 19 » 68 »	2 » 52 »	1 » 13 » 0 »	1 » 33 »	0 » 95.5 »	4 » 9.7 »	пз. 1	24 » 7.6 »	5 » 32 »	3 » 76 »
Турція. Піастръ = 40 паръ.	0.99	0 » 9 »	0 » 2 »	0 » 6 » 0.5 »	0 » 100 »	0 » 3 » 4.8 »	0 » 2 » 3 »	0 » 25 »	0 » 0 » 3 » 4.2 »	0 » 0 » 81 »	0 » 10.5 »	0 » 1 » 9 »	0 » 5.5 »	0 » 41.1 »	0 » 3.6 »	0 » 0 » 4 »	пр-ъ. 1	0 » 22 »	0 » 15.5 »
Франція, Италія, Бельгія и Швейцарія. Франкъ = 100 сантимамъ.	4.50	0 » 40.4 »	0 » 9.5 »	0 » 28 » 1 »	0 » 444 »	0 » 18 » 0 »	0 » 10 » 6 »	1 » 11.66 »	0 » 1 » 0 » 4.3 »	0 » 3 » 68 »	0 » 46 »	0 » 8 » 1.2 »	0 » 25 »	0 » 18.7 »	0 » 16.8 »	0 » 1 » 6 »	4 » 25 »	фр. 1	0 » 70.6 »
Швеція. Риксмутъ = 100 эръ	6.37	0 » 57.2 »	1 » 1.5 »	0 » 40 » — »	0 » 643 »	0 » 25 » 1.7 »	0 » 14 » 10 »	1 » 58 »	0 » 1 » 8 — »	0 » 5 » 20 »	0 » 67 »	0 » 11 » 5.2 »	0 » 35.4 »	0 » 26.5 »	1 » 4 »	0 » 2 » 1.8 »	6 » 17 »	1 » 41.5 »	р-к. 1
Проба монетъ		80	88.8	86.4	85.5	80	68	86.4	84	86 2/3	90.7	72	83 1/3	85 2/3	92.4	85 1/3	64.2	86.4	84 1/3
ИЗЪЯСНЕНІЕ СОКРАЩЕННЫХЪ ЗНАКОВЪ.		Флоринъ — *фл.* нейкрейцеръ *н-кр.*	Шиллингъ — *шл.* пенсъ — *пн.*	Гульденъ — *г.* крейцеръ — *кр.* пфенигъ — *пф.*	Мильрейсъ — *мрс.* рейсъ — *рс.*	Талеръ — *тл.* гротъ — *гр.* шваръ — *шв.*	Марка — *мрк.* шиллингъ — *ш.* пфенигъ — *ф.*	Драхма — *др.* лепта — *л.*	Рейхсъ-тал. — *р-т.* марка — *мр.* шиллингъ — *шн.* пфенигъ. — *пг.*	Дуро — *д.* реалъ — *рл.* центимосъ — *цм.*	Гол. гульден. — *г-г.* ценсъ — *цс.*	Талеръ — *т.* зильб-грошъ — *з-гр.* пфенигъ — *п-ъ.*	Рубль — *рб.* копѣйка — *кп.*	Долларъ — *дл.* центъ — *ц.*	Керамъ — *к.* шаги — *шг.*	Пеза — *пз.* реалъ. — *р.* гранъ — *гн.*	Піастръ — *пр-ъ.* пара — *п.*	Франкъ — *фр.* сантимъ — *с.*	Риксмутъ — *р-к.* эре — *э.*

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ *Австріи,* кромѣ флориновъ, показанной 21 гульд. системы, обращаются еще прежніе гульдены системы, 20 гульд. на кельнскую марку; эти послѣдніе больше новыхъ на 0.56 грамма чистаго металла, и подраздѣляются на 60 крейцеровъ.

Въ *Англіи,* какъ было объяснено — единицу собственно составляетъ *фунтъ стерл;* а шиллингъ обращается только условно въ мелочной торговлѣ. Но для правильнаго сравненія единицъ изъ *однороднаго* металла, мы должны были привести шиллингъ, по относительности его значенія въ системѣ.

Въ *Бразиліи мильрейсъ* и *рейсъ* монеты собственно *счетные.* Вещественныя же монеты (потаки, круазодъ) бываютъ въ 300, 450, 600, 700 и 1200 рейсовъ.

Въ *Бременѣ* талеръ составляетъ также только счетную единицу, означающую опредѣленное количество золота; здѣсь приведено значеніе его, по относительности цѣны, въ собирательномъ числѣ гротовъ, и согласно попадающимся, хотя и рѣдко, прежнимъ талерамъ.

Гамбургъ и *Любекъ* оптовые расчеты ведутъ на банковыя марки своихъ банковъ, которыя, номинально, имѣютъ высшее значеніе противу приведенныхъ курантовыхъ, и относятся къ нимъ какъ 3: 2½.

Въ *Греціи* обращались еще *фениксы,* но счетъ на нихъ отмѣненъ.

Въ *Испаніи* указана современная монета; старая была выше и потому дороже; ходятъ и до сихъ поръ, особенно въ южной Америкѣ, старые Испанскіе дуросы и піастры, съ преміей противуныпѣшнихъ.

Доллары въ Соединенныхъ Штатахъ, предоставляемые отливкѣ частныхъ лицъ, бываютъ иногда нѣсколько ниже; обращаются также золотые доллары. Постановлено, чтобы Испанскій дуросъ и Мексиканское песо принимать въ обращеніи за доллары. Но дуросы большею частію имѣютъ премію.

Въ *Персіи,* хотя и полагается для монетъ весьма высокая проба, но обращающіяся монеты, большею частію, бываютъ далеко ниже, и потому должны стоить дешевле. Къ сожалѣнію такая порча монеты производится постоянно потому не можетъ, разумѣется, представлять нормальной цѣны металла. Счетъ больше происходитъ на *золотые туманы* въ 10 керамовъ; также на *абазы* въ 4 шаги.

Въ *Швеціи* показана новая система счета монетъ.

CANONIEK

VAN DE GEDICHTEN

VAN MONIEK